

II-10.
D-145.

ОМ

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

7952.7004

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМІЯ
Ленинградскій Театральн. Музей
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНИНА
ТЕАТРАЛЬНАЯ РАБОТА

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Карла Крайя.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Декабря 1844 года.

Ценсоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

(24½ листа.)

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Облака. Комедія Аристофана. Переводъ съ греческаго, <i>Е. М. Карновича</i>	3
II. Къ Лавини. Стихотвореніе <i>Л. 4.</i>	86
III. Философія и Исторія музыки. Гандель. Статья Г-на <i>С. К.</i>	87
IV. Отрывокъ изъ недоконченной поэмы: «Геннадій.» <i>В. Р. Зотоса.</i>	119
V. Павелъ и Виргинія. Драматическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Н. А. Полеваго</i>	138
VI. Низамская Война. Романъ Г-на <i>Мери.</i> Перев. <i>П. Р. Фурманна.</i> (Окончаніе)	226
VII. Къ ***. Стихотвореніе <i>Д. Ю. Струйскаго</i>	356
VIII. Юмористика. Новѣй - годъ. Юмористико - фантастическая небыллица о томъ, какъ Семенъ Ивановичъ поздравлялъ свое начальство и своихъ знакомыхъ съ новымъ 1845-мъ годомъ и какое было при этомъ весьма-странное обстоятельство.	357
X. Смѣсь. Модная петербургская болѣзнь-полькоманія. — Первые дебюты Тальмы. — Знаменитый человекъ въ закулискомъ мірѣ Парижа. — Сравнительная статистика театровъ Франціи и Германіи. — Какъ достаются театральные билеты въ разныхъ столицахъ Европы. — Анекдоты и мелочи	370

Къ этой книжкѣ приложена картинка: Модная петербургская болѣзнь полькоманія.

ОБЛАКА.

Комедія Аристофана.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО Е. М. КАРНОВИЧА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ, «Репертуаръ и Пантеонъ», театральный сборникъ, назначаемый преимущественно для легкаго чтенія любителей театра, предлагаетъ имъ въ первой книжкѣ и на первой листѣ комедію *Аристофана*, и притомъ переведенную съ *греческаго*? — А почему-жь и не такъ? Новая редакція «Репертуара и Пантеона», распоряжающаяся этимъ изданіемъ съ 1843-го года, и дѣйствующая не на-обумъ, а съ сознаниемъ и отчетливостію, предположила себѣ не довольствоваться однимъ легкими, эфемерными явленіями современной драматической литературы, а, по-возможности, знакомить читателей своихъ съ вѣковыми произведеніями драматическаго гѣнія, какому-бы народу они ни принадлежали; съ этой цѣлю напечатала она въ прошлыхъ годахъ «Троила и Крессиду» Шекспира, «Мѣщанинъ-дворянинъ» Мольера, «Севильскаго Цирюльника» Бомаршэ, и пр., въ новыхъ и изящныхъ переводахъ. Сколько можемъ судить, читателямъ «Репертуара и Пантеона» это не было неприятно, потому-что число ихъ не только не уменьшается, а напротивъ съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ, возрастаетъ болѣе и болѣе. Итакъ, съ Богомъ пойдемъ далѣе, и послѣ Шекспира, Мольера и Бомаршэ, осмѣлимся обратить вниманіе и на Аристофана. Позволяемъ себѣ утѣшительную мысль, что въ числѣ новыхъ читателей, подписывающихся на «Репертуаръ и Пантеонъ» съ 1843 го-

да, много прибыло и такихъ, которые ищутъ серьёзнаго чтенія и всегда рады *прогестъ* или *перегестъ* образцовыя произведенія стараго театра. Много еще есть у насъ замысловъ впереди, но вдругъ всего сдѣлать невозможно. Предоставляемъ времени и обстоятельствамъ. Ручаемся за свое усердіе и за желаніе добра. Тѣмъ изъ читателейъ, которые вздумали-бы сътовать на насъ, что мы угощаемъ ихъ такою *серьёзною*, такою *старою*, *классическою* комедіею, каковы «Облака» Аристофана, мы шепнемъ на ушко, что эта комедія очень *забавная*, очень-*новая* и совершенно *романтическа*, потому-что ее недавно играли въ Парижѣ, на театрѣ *Одеонъ*, самомъ романтическомъ, романтическомъ до такой степени, что онъ не побоялся представить на сценѣ своей *Антигону Софокла*, переведенную съ греческаго. Итакъ пусть они примутъ эту комедію за *парижскую новинку*. *Ред.*

«Облака», комедія Аристофана, принадлежитъ къ числу лучшихъ пьесъ этого писателя. Первый разъ она была представлена въ первый годъ 89-й олимпиады, т. е. за 424 года до Р. X. Намѣреваясь показать особенности этой комедіи Аристофана, считаемъ неизлишнимъ очертить общій характеръ греческой комедіи, совершенно-отличный отъ современной нашей комедіи. Главною цѣлю древней комедіи было осмѣять лица, которые были въ какихъ-нибудь непріязненныхъ отношеніяхъ къ сочинителю, или она старалась уронить въ общественномъ мнѣніи особъ, которымъ была ввѣрена власть правительственная, и въ такомъ случаѣ принимала характеръ чисто-политическій. Здѣсь говорилось о предпріятіяхъ и мѣрахъ правительства, и народъ аѳинскій, котораго любимымъ занятіемъ была политика, съ жадностію ходилъ смотрѣть на такія представленія. Авторъ пользовался правомъ произносить имя того, на кого онъ дѣлалъ нападки и при томъ часто, въ угожденіе подозрительной толпѣ, доставалось и добрымъ гражданамъ, которые, по своему могуществу и богатству, казались опасными въ глазахъ согражданъ.

Отличительнымъ и особеннымъ свойствомъ греческой комедіи былъ такъ-называемый *парабазъ*, переходъ, (отъ греческаго глагола *παράβαινω*). Въ срединѣ комедіи, хоръ, который въ это время только одинъ, безъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ, находился на сценѣ, обращался къ зрителямъ и отъ имени сочинителя разговаривалъ съ ними: онъ или защищалъ автора, или насмѣхался надъ его недоброжелателями, или, представляя собою поэта, какъ гражданинъ Аѳинской Республики, дѣлалъ то важныя, то шуточные

предложенія касательно дѣлъ общественныхъ. И эта болтовня хора съ зрителями, которая по большой части не имѣла никакого отношенія къ комедіи и которая въ наше время не можетъ быть допущена на сценѣ, была съ нетерпѣніемъ ожидаема любителями древней комедіи и политики.

Что касается до комедій Аристофана, то онѣ составляютъ богатый вкладъ въ сокровищницѣ классической литературы. Какъ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» Гомера представленъ бытъ Эллиновъ того времени, когда цари управляли ими, такъ въ комедіяхъ Аристофана отразилась республиканская жизнь Аѳинянъ. Аристофанъ не щадилъ ни Клеона, ни другихъ сильныхъ въ то время лицъ, но льстилъ самолюбію народа, и въ его твореніяхъ такъ сильно было видѣнъ духъ тогдашней Аѳинской Республики, что когда Діонисій, тиранъ Сиракузскій, хотѣлъ узнать образъ правленія въ Аѳинахъ, то глубокомысленный Платонъ прислалъ ему комедіи Аристофана. Кромѣ того онѣ коротко знакомятъ насъ съ домашнимъ образомъ жизни тогдашнихъ Аѳинянъ. Аристофанъ, такъ сказать, вводитъ насъ въ кругъ своихъ современниковъ, знакомитъ насъ съ образомъ ихъ мыслей, съ ихъ недостатками и пороками, и стоитъ только прочесть разговоръ между Справедливымъ и Несправедливымъ (см. ком. «Облака»), чтобы вполне убѣдиться въ этомъ; тамъ онъ яркими красками описываетъ тогдашнее воспитаніе Аѳинянъ и непорочность ихъ нравовъ.

Относительно предлагаемой читателямъ нашимъ комедіи надобно замѣтить одно важное обстоятельство: всѣ обвиняютъ Аристофана въ томъ, что онъ, осмѣявъ Сократа, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ смерти этого почтеннаго мужа, и что будто-бы Аристофанъ писалъ эту комедію за деньги, въ угоду врагамъ Сократа — Анотію и Милетію. Что комедія Аристофана имѣла нѣкоторое вліяніе на осужденіе Сократа, этого вполне опровергать нельзя, хотя изъ того, что «Облака» въ два первыхъ представленія не имѣли успѣха, можно заключать, что они не могли произвести сильнаго впечатлѣнія на Аѳинянъ. Но мнѣніе, что она была непосредственною причиною смерти Сократа, совершенно-несправедливо, потому-что между первымъ ея представленіемъ и гибелью Сократа прошло болѣе 24 лѣтъ. Укоряютъ же Аристофана въ смерти Сократа, кажется, только по тому, что судьи обвинили его въ томъ-же самомъ, въ чомъ обвиняетъ его Аристофанъ, въ томъ, что онъ развращаетъ юношей, презираетъ отеческихъ боговъ и вводитъ поклоненіе чужимъ богамъ. Теперь предстоить вопросъ: за что-же нападалъ Аристофанъ на Сократа? Первый, какъ комическій писатель, говорилъ много неприличнаго и непристойнаго; второй, какъ философъ, возставалъ противъ этого, и остроумный комикъ метилъ философу насмѣшками; странный образъ жизни Сократа и его утонченный разговоръ со всякимъ встрѣчнымъ, давали талантливому писателю

лю тогдашняго времени обильный матеріалъ. При томъ, должно замѣтить, что Аристофанъ вообще нападаетъ на послѣдователей Сократа, софистовъ, уже слишкомъ искажившихъ ученіе своего наставника; преимущественно же эта комедія направлена противъ современнаго воспитанія, и Фидипписъ, который бьетъ отца и доказываетъ, что бить его онъ имѣетъ право, выставленъ съ тою цѣлью, чтобы показать, до чего можетъ довести ученіе софистовъ.

Еще надобно замѣтить, что въ «Облакахъ» какъ и во всѣхъ комедіяхъ Аристофана, находится много намѣковъ на извѣстныя лица того времени и эта особенность придавала живость комедіи въ ту эпоху, но въ наше время напротивъ ослабляетъ ея интересъ. Часто встрѣчаются игра словъ, двусмысленности и остроты, но, надобно признаться, болѣею частью неприличныя; но что комедіи Аристофана, не смотря на вольность выраженій, нравственны, это всего лучше подтверждается тѣмъ, что Аристофанъ былъ любимымъ писателемъ Св. Іоанна Златоустаго. Надобно перенестись въ ту эпоху, когда жизнь общественная не была такъ скована приличіемъ. Переводчикъ, имѣя въ виду напечатать эту комедію въ періодическомъ изданіи, не рѣшился позволить себѣ неприличныхъ выраженій, и, по возможности, старался передать приблизительно, а обременять читателя выносками греческими и латинскими счелъ совершенно-излишнимъ; для тѣхъ-же, кто пожелалъ-бы справиться съ подлинникомъ, въ замѣчаніяхъ означены стихи по лейпцигскому стереотипному изданію Аристофановыхъ комедій, 1829 года.

Перев.

ОБЛАКА.

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СТРЕПСІАДЪ.
ФИДИПІДЪ.
СЛУГА СТРЕПСІАДА.
УЧЕНИКЪ СОКРАТА.
СОКРАТЬ.
ХОРЪ ОБЛАНОВЪ.
СПРАВЕДЛИВЫЙ.
НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.
ПАСИЙ, ЗАПМОДАВЕЦЪ.
СВИДѢТЕЛЬ.
АМИНІЙ, ЗАПМОДАВЕЦЪ.
УЧЕНИКИ СОКРАТА.
ХЕРЕФОНЪ.

Театръ представляетъ спальную Стрепсиада. Онъ и сынъ его лежатъ на постеляхъ. Въ окно видѣнъ домъ Сократа.

СТРЕПСІАДЪ.

Охъ, охъ, Зевесъ, мой царь, какая ночь!
Мнѣ кажется, что ей конца не будетъ;
Но я давно ужъ слышу пѣтуховъ,
А слуги всё храпятъ; — такъ прежде не бывало!
Будь проклята война: изъ-за нея
Теперь нельзя и слугъ побить порядкомъ.
А вотъ сынокъ ни разу не проснется;
Всю ночь себя безъ усталы храпятъ,

Закутавшись въ пять теплыхъ одѣяль. —
 Дай попытаюсь я вздремнуть немножко....
 Несчастнѣй я! заснуть я не могу...
 Издержки сына моего, его конюшня,
 Его долги мнѣ не даютъ покоя!
 А онъ? да онъ, свои завивши кудри,
 Катается верхомъ иль въ одноколкѣ.
 Да и во снѣ коней онъ только видитъ...
 А между тѣмъ я, бѣдный, погибаю:
 Послѣдняя треть мѣсяца идетъ:
 Пора платить долги.. Эй! мальчикъ, свѣчку
 И долговую книгу мнѣ подай.
 Дай посмотрю я тамъ, кому я долженъ
 И много-ли процентовъ парасю.
 Итакъ посмотримъ, сколько-же я долженъ? —
 Я долженъ Пасю двѣнадцать миѣ... (1)
 Двѣнадцать миѣ, и Пасю! за что-же?
 За лошадь, купленную у него...
 Ну, плохо! лучше-бъ камнемъ выбить глазъ!

ФИДИПІДЪ (въ просянкахъ).

Филонъ, не такъ: держись къ одной!...

СТРЕПІАДЪ.

Вотъ горе,

Вотъ это-то меня и погубило,
 Что и во снѣ онъ видитъ лошадей!

ФИДИПІДЪ.

А много-ль колесницы пробѣжали?...

СТРЕПІАДЪ.

Ты своего отца бѣжать заставишь!...
 Но кромѣ Паси кому я долженъ? —
 Я задолжалъ Амнию три мины
 За одноколку и колеса.

ФИДИПІДЪ.

Лошадь

Сперва ты вываляй въ песокъ и послѣ
 Домой ее гони!

(1) Мина равнялась почти 23-мъ руб. сереб. на наши деньги.

СТРЕПСИАДЪ.

Ты самъ, мой сынъ,
 Меня изъ дому гонишь!... Часть долговъ
 Отдать я долженъ, а другимъ заимодавцамъ
 Я долженъ дать залогъ!...

ФИДИПИДЪ.

Что батюшка съ тобой?
 Ночь цѣлую не спишь и съ боку на бокъ
 Ворочаешься ты?

СТРЕПСИАДЪ.

Меня Димархъ (2)
 Долой съ постели гонить.

ФИДИПИДЪ.

Ну, такъ что-жь!
 Ты самъ не спишь и мнѣ мѣшаешь спать!

СТРЕПСИАДЪ.

Пожалуй спи! но напередъ ты знай,
 Что всѣ долги тебѣ на шею сядутъ.
 Охъ, охъ, чтобъ лопнула та злая сваха,
 Которой вздумалось меня женить
 На матери его; я до женитьбы
 Жизнь скромную, простую велъ въ деревнѣ,
 Безъ прихотей и безъ причудъ я жилъ:
 Въ избыткѣ были у меня и пчелы,
 И маслины, и овцы; вдругъ потомъ
 Я, скромный селянинъ, жениться вздумалъ...
 Жениться! да на комъ? — на горожанкѣ,
 На дочери Мегакла, — и въ добавокъ
 Мегакла внучкѣ, женщигѣ роскошной,
 Извѣженной, балованной, точь-въ-точь,
 Какъ знаменитая Кэсира (3)! и когда
 Я, нѣжась съ ней, лежалъ на брачномъ ложѣ,
 То отъ меня тогда несло виномъ,
 Овечьей шерстью и плодами, а она

(2) Димархи — чиновники, имѣвшие у себя списки должниковъ и за неисправность платежа лишавшие ихъ свободы.

(3) Кэсира — жена архонта Алкмеонада, извѣстная своею роскошью и расточительностію.

Благоуханный запах разливала —
 Шафраномъ, мирромъ пахло отъ нея, —
 И мучила она меня любовью,
 И поцѣлуями, и щегольствомъ,
 И пламеннымъ желаньемъ наслажденья!
 А впрочемъ не могу объ ней сказать,
 Чтобы она была лѣнива — нѣтъ:
 Весь день сидитъ и нитки лишь мотааетъ!
 И, глядя на нее, частенько я твердилъ:
 О, женушка, смотри, все промотаешь!

(СЛУГА.)

Въ лампадѣ масла нѣтъ!

СТРЕПСИДЪ.

Постой,

Зачѣмъ ты толстую свѣтильню зажигаешь?
 Поди сюда! вотъ я тебя!

СЛУГА.

За что-же?

СТРЕПСИДЪ.

За то, чтобъ ты не смѣлъ такой свѣтильни дѣлать!
 Когда у насъ сыночекъ родился,
 То между мной и женою моею
 Споръ начался, какъ сына намъ назвать;
 Она хотѣла дать такое имя,
 Чтобъ въ немъ все всадника узнать могли:
 Назвать его желала или Ксантипомъ,
 Или Каллиподомъ, или Харипомъ (4); я же
 Хотѣлъ назвать младенца Фидонидомъ,
 Въ честь дѣдушки его; и очень-долго
 Мы спорили, и наконецъ сошлись
 И нарекли малютку Фидиподомъ.
 И маменька, взявъ на руки сына,
 Ему твердила: «Какъ я буду рада,
 Когда ты вырастешь и, нарядясь,
 На колесницѣ ты поскачешь въ городъ,
 Какъ дѣдушка Мегаклъ.» А я твердилъ:
 «Дождусь-ли я, какъ ты, мой милый сынъ,

(4) Слово *ἵπλος* (лошадь) входитъ въ составъ этихъ именъ.

Нарядишься въ коужу, и съ Филевса (5)
 Ты будешь козь гонять, какъ твой отецъ!»
 Но онъ не слушался рѣчей моихъ,
 И лошади его мое имѣнье
 Разстроили въ конецъ.... Всю ночь я думалъ
 И наконецъ одно придумалъ средство:
 Я съ помощью его могу спастись....
 Лишь сына надобно теперь уговорить...
 Но прежде разбужу его тихонько...
 Но какъ-же? — Фидипидъ, дружочекъ мой!
 Встань, Фидипидушка!

ФИДИПИДЪ.

Что, батюшка?

СТРЕПСИДЪ.

Ну, поцѣлуй меня и дай ручонку!

ФИДИПИДЪ.

На, вотъ!

СТРЕПСИДЪ.

Скажи, ты любишь-ли меня?

ФИДИПИДЪ.

Люблю, клянуса коннымъ Посидономъ.

СТРЕПСИДЪ.

Охъ, не клянись мнѣ коннымъ: этотъ богъ
 Виновникъ бѣдъ моихъ; но если точно
 Отъ сердца любишь ты меня, такъ слушай...

ФИДИПИДЪ.

Послушаю.

СТРЕПСИДЪ.

Исправься ты скорѣе

И послѣ ты иди тому учиться,
 Чему я прикажу.

ФИДИПИДЪ.

Скажи скорѣе,

Чему?

(5) Филевса — гора въ Атикѣ.

СТРЕПСИАДЪ.

Послушаешься ты меня?

ФИДИПИДЪ.

Послушаюсь, клянусь Діонисомъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Такъ посмотри сюда: ты видишь тамъ
Окошечко и дверь?

ФИДИПИДЪ.

Ну, вижу — что-жъ такое?

СТРЕПСИАДЪ.

Тамъ мѣсто мышленья для мудрыхъ душъ;
Тамъ обитаютъ мужи, и они
Всѣмъ говорятъ, что небо точно печка
Насъ окружаетъ отовсюду, мы-же
Въ ней уголья; и эти мудрецы,
Когда имъ денегъ дать, тому научатъ,
Что языкомъ всегда возьмешь ты верхъ,
И правое неправымъ ты представишь!

ФИДИПИДЪ.

Да кто-жъ они?

СТРЕПСИАДЪ.

Я ихъ именъ не знаю,
Но только мудрецы предобрые они.

ФИДИПИДЪ.

Та-та!.. прескверные, я всѣхъ ихъ знаю:
Ты говоришь объ этихъ худошавыхъ,
Босыхъ и блѣднолицихъ, у которыхъ
Начальники Сократъ и Хересонъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Тсъ-тсъ, молчи, и вздора не болтай!
Но если ты отцу добра желаешь,
То отправляйся къ нимъ и брось коней!

ФИДИПИДЪ.

Нѣтъ, не пойду, клянусь въ томъ Діонисомъ,
Хотя-бъ ты далъ фазановъ Леогора (e).

(e) Леогоргъ — лисо, извѣстное своимъ обжорствомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Прошу тебя, дружокъ, иди учиться!

ФИДИПИДЪ.

Чему?

СТРЕПСИАДЪ.

Они, какъ говорятъ, научатъ
Двумъ разсужденьямъ: несправедливымъ
И справедливымъ; съ помощію первыхъ
Ты можешь выиграть любую тяжбу;
Итакъ, когда ты будешь это знать,
То я изъ всѣхъ твоихъ заимодавцевъ
Ни одному овола (7) не отдамъ.

ФИДИПИДЪ.

Не соглашусь: вѣдь послѣ будетъ стыдно
Предъ всадниками показаться съ блѣдной
И вытянутой рожей!

СТРЕПСИАДЪ.

Если такъ,
То я клянусь Церерой, ни тебя,
Ни лошадей твоихъ кормить не стану,
Да и тебя и ихъ я прогоню. (8)

ФИДИПИДЪ

Мой дяюшка, Мегаклъ, безъ лошадей
Меня конечно не оставитъ: я иду къ нему
И всѣ твои угрозы презираю!

(Уходитъ.)

(Очевидно, что сцена должна переимениться, потому - что Стрепсиадъ стоитъ предъ домомъ Сократа.)

СТРЕПСИАДЪ.

Кто разъ упалъ, такъ тотъ не побѣжденъ.
И, помолясь, учиться я отправлюсь;
Но мнѣ-ли, старику, съ тупымъ разсудкомъ,

(7) Овола — афинская монета, равнявшаяся 15-ти копейкамъ.

(8) Ст. 129.

Съ разслабленною памятью, постичь
 Всѣ тонкости науки? Но пойду!
 Что медлить! постучусь я въ двери! Малый!

Ученикъ.

Проваль тебя возьми! Кто тамъ стучится?

Стрепсиадъ.

Я, Стрепсиадъ, я сынъ Фидона изъ Кикипы.

Ученикъ.

Клянусь тебѣ Зевесомъ, ты нахаль!
 За-чѣмъ такъ сильно ломишься ты въ двери?
 Ты помѣшалъ понятіе родить?

Стрепсиадъ.

Прости меня, я житель деревенскій;
 Но расскажи, какое-же понятіе
 Я помѣшалъ тебѣ родить?

Ученикъ.

Нельзя,

Однимъ ученикамъ возможно это знать!

Стрепсиадъ.

Такъ смѣло говори — я тоже къ вамъ
 Пришолъ премудрости учиться.

Ученикъ.

Слушай!

Я расскажу тебѣ, но только знай,
 Что это тайной будетъ между нами.
 Сейчасъ Сократъ спросилъ у Херефона,
 Какъ думаетъ онъ, сколько пядей блохиныхъ
 Содержится въ скачкѣ блохи? Замѣть,
 Что, укусивши Херефона въ бровь,
 Она на лобъ къ Сократу вдругъ прыгнула.

Стрепсиадъ.

И это онъ узналъ?

Ученикъ.

Весьма-хитро:

Поймалъ блоху и растопивши воску,
 Въ него ея онъ лапку окунулъ;

Когда-же воскъ остылъ, тихоюько съ лапки
Снялъ восковой башмакъ и послѣ имъ
Измѣрилъ разстоянье.

СТРЕПСИАДЪ

Зевсъ!

Какая тонкость разума!

ученикъ.

Постой,

Что скажешь ты, какъ я тебѣ скажу
Другую выдумку Сократа?

СТРЕПСИАДЪ.

Ахъ,

Скажи.

ученикъ.

Разъ Херефонъ спросилъ Сократа,
Чѣмъ комары поюгъ, ртомъ или задомъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, хорошо! что онъ сказалъ?

ученикъ.

Вотъ что:

У комара кишка весьма узка,
И воздухъ чрезъ нея съ трудомъ проходитъ,
И силою своею онъ шумить

СТРЕПСИАДЪ.

Итакъ

Комаръ поеть не ртомъ своимъ, а задомъ!
Какъ тотъ блаженъ, кто могъ постигнуть это!
Сомнѣнья нѣтъ, чтобъ тотъ, кто могъ познать
Устройство комара, чтобъ тотъ не могъ
Любую тяжбу выиграть! . . .

ученикъ.

На-последокъ,

Скажу тебѣ, что ящерица разъ
Его лишила чудной мысли. (9)

СТРЕПСИАДЪ.

Какъ,

Скажи!

УЧЕНИКЪ.

Ну, слушай: какъ однажды ночью,
Разинувъ ротъ, глаза поднявши къ небу,
Онъ наблюдалъ теченіе луны,
А ящерица вдругъ съ верхушки кровли
Ему упала на лицо....

СТРЕПСИАДЪ.

Забавно!

И послѣ этого Θалесу мы дивимся!
Въ училище мнѣ двери отвори,
Впусти скорѣе, покажи Сократа:
Хочу учиться! отвори - же двери! *(Дверь отворяется и видна
внутренность училища.)*

О Геркулесъ! да это что за твари?

УЧЕНИКЪ.

Чему-жъ дивишься ты? и на кого,
Ты думаешь они похожи?

СТРЕПСИАДЪ.

Полагаю,

Что это плѣнные Лаконы изъ Пилоса. ⁽¹⁰⁾
Скажи, за-чѣмъ они всё въ землю смотрятъ?

УЧЕНИКЪ.

Они находятъ то, что есть въ землѣ!

СТРЕПСИАДЪ.

Такъ, вѣрно, рѣпу ищутъ! Не трудитесь:
Я знаю, гдѣ отличная растеть.
Но для чего-жъ такъ скорчились они?

УЧЕНИКЪ.

Они хотятъ проникнуть въ мрачный Таргаръ.

(10) Пилосъ — нѣмѣшній Наваринъ.

СТРЕПСИДЪ.

За-чѣмъ спинами къ небу обратилсь?

УЧЕНИКЪ.

Ихъ спины сами по себѣ слѣдятъ
За ходомъ звѣздъ. (Къ другимъ ученикамъ.) Но вы войдете,
Чтобы васъ здѣсь учитель не засталъ!

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ, погодите: пусть останутся они;
Я кое-что имъ сообщить собираюсь.

УЧЕНИКЪ.

Они не могутъ долго быть внѣ дома.

СТРЕПСИДЪ.

Я пменемъ боговъ прошу тебя, скажи,
Что это? (Показывая на глобусъ).

УЧЕНИКЪ.

Это Астрономія!

СТРЕПСИДЪ.

А это? (показывая на математическіе инструменты.)

УЧЕНИКЪ.

Это Геометрія!

СТРЕПСИДЪ.

Къ чему-жь она?

УЧЕНИКЪ.

Чтобъ землю измѣрять!

СТРЕПСИДЪ.

Какую? не уже-ли ту, что намъ
По жеребію достается? (11)

УЧЕНИКЪ.

Нѣтъ!

Всю землю вообще.

(11) Завоеванная земля дѣлилась между бѣдными гражданами по жребію.

СТРЕПСИАДЪ.

Вотъ это славно!

Вотъ выдумка, пріятная народу!

ученикъ (показывая на ландкарту).

Смотри, вотъ вся земля! Аонны видишь?

СТРЕПСИАДЪ.

Что ты сказалъ? я ничему не вѣрю:

Не вижу я судейскихъ засѣданій! (12)

ученикъ.

Пусть такъ, но это Аттики земля!

СТРЕПСИАДЪ.

Но гдѣ-же родина моя Кикина?

ученикъ.

Вотъ и она! А здѣсь вотъ и Евбея.

СТРЕПСИАДЪ.

Периклъ и вы ее порядкомъ растянули. (13)

ученикъ.

А вотъ и Лакедэмонъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Лакедэмонъ!

Чтобъ постараться вамъ, какъ можно дальше

Его отъ насъ отвинуть!

ученикъ.

Невозможно!

СТРЕПСИАДЪ.

Раскаетесь! бѣды не миновать.

Но это что за человѣкъ въ корзинѣ

Виситъ на воздухѣ?

ученикъ.

Да это онъ!

(12) Насмѣшка надъ привязанностію Аоннякъ къ судамъ и тлябамъ.

(13) Ст. 213. *παρατάθη* значить быть растянутымъ и также быть мучимымъ.

Кто онъ?

СТРЕПСИАДЪ.

УЧЕНИКЪ.

Сократъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Сократъ! зови его!

УЧЕНИКЪ.

Зови ты самъ! мнѣ некогда!

СТРЕПСИАДЪ.

Сократъ!

Сократушка! (14)

СОКРАТЬ.

За-чѣмъ зовешь, ничтожный?

СТРЕПСИАДЪ.

Прошу тебя, скажи мнѣ напередъ,

Что ты тамъ дѣлаешь?

СОКРАТЬ.

По воздуху парю

И солнце наблюдаю!

СТРЕПСИАДЪ.

Но за-чѣмъ

Не на землѣ стоишь, а изъ корзины

Взираешь на боговъ?.... что, если.....

СОКРАТЬ.

Не могъ-бы я небеснаго постичь,

Когда-бы я не взвѣшивалъ разсудка

И не мѣшалъ моихъ тончайшихъ знаній

Съ подобнымъ имъ эвропомъ; если-бъ я

Съ земли смотрѣлъ на высшіе предѣлы,

Я не открылъ-бы ничего; земля

Втянула-бы въ себя всю влажность мысли,

Какъ губка втягиваетъ воду.

(14) Ст. 222. Σοκράτιδων — окончательное имени уменьшительнаго.

Облака

СТРЕПСИАДЪ.

Какъ,

Мысль втягиваетъ воду въ губку! Умоляю
Тебя, Сократъ, сойди ко мнѣ скорѣе,
Учи меня желаемой наукѣ!

(Сократъ выльзаетъ изъ корзины.)

СОКРАТЪ.

За-чѣмъ пришелъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Учиться говорить!

Ростовщики и всѣ заимодавцы

Меня преслѣдуютъ и разоряютъ,

Хотятъ моимъ имѣньемъ завладѣть!

СОКРАТЪ.

За-чѣмъ-же ты былъ такъ неостороженъ,

Что множество надѣлатъ могъ долговъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Любовь къ конямъ, проклятая любовь

Меня разстроила; ты разсужденію

Такому научи меня, чтобъ я,

При помощи его, долговъ могъ не платить.

Какую цѣну хочешь взять? — я дамъ,

И въ этомъ я клянусь тебѣ богами.

СОКРАТЪ.

Какими-же богами ты клянешься?

Ты знай, что божество у насъ не дѣльно.

СТРЕПСИАДЪ.

Такъ чѣмъ-же клясться? не желѣзными-жъ богами,

Какъ Византійцы!

СОКРАТЪ.

Хочешь знать вполнѣ?

Небесное, постичь его всю сущность?

СТРЕПСИАДЪ.

Да, если только можно постигать!

СОКРАТЪ.

Поговорить ты хочешь съ облаками,
Богами нашими?

СТРЕПСИДЪ.

Весьма хочу.

СОКРАТЬ.

Сядь на священную скамью!

СТРЕПСИДЪ.

Сижу!

СОКРАТЬ.

Возьми вѣнецъ и на чело надѣнь!

СТРЕПСИДЪ.

Къ чему-жь вѣнецъ? Сократъ, ты, вѣрно, хочешь
 Меня, какъ Атаманта, заколотъ? ⁽¹⁵⁾

СОКРАТЬ.

Не бойся ничего: съ непосвященнымъ
 Всегда мы поступаемъ такъ.

СТРЕПСИДЪ.

Постой!

Какая-жь отъ того мнѣ будетъ польза?

СОКРАТЬ.

Да тѣ, что на словахъ ты будешь быетръ,
 Какъ колесо, или мельница, какъ колосъ
 Остеръ ты будешь, только будь смирибѣ.

СТРЕПСИДЪ.

Клянуса Зевсомъ, ты не лжешь, и если

Еще муки посылешь на меня,

То буду я не колосомъ — лешешкой! ⁽¹⁶⁾

СОКРАТЬ.

Молчи, старикъ! съ благоговѣньемъ слушай

Мою молитву: Безконечный воздухъ,

Властитель нашъ, бшстающій эфиръ,

⁽¹⁵⁾ Насмѣшка надъ пѣсней Софокла, въ которой Атамасу, обреченному на жертву, надѣли вѣнецъ.

⁽¹⁶⁾ Лешешки, которыя приносили на жертву богамъ, посыпали мукою.

Со всѣхъ сторонъ кругомъ объявѣшій землю!
 Явитесь вы, святыя облака,
 Рождающія молніи и громы,
 Явитесь вы предъ зрителемъ воздушнымъ!»

СТРЕПСІАДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! постой, постой, ты мнѣ позволъ
 Сперва закутаться, а то замочать.
 Ахъ, я глупецъ, забылъ я шапку взять!

СОКРАТЬ.

Грядите, облака, и смертному явитесь,
 Идите вы съ святыхъ вершинъ Олимпа,
 Покрытаго снѣгами; поднимитесь
 Изъ океана и начните пляски
 Въ честь Нимфъ, и вы, что чашами златыми
 Близъ устій Нила черпаете воду,
 И въ, живущія у Меотійскихъ тундръ,
 И на вершинахъ снѣжнаго Миманта! ⁽¹⁷⁾
 Вы жертвы пріимите, и внемлите
 Моимъ молитвамъ непритворнымъ!

ХОРЪ.

Поднимемся мы, облака блаженныя,
 Изъ волнъ шумящихъ океана,
 Дающаго намъ жизнь; взойдемъ
 На темя горъ, покрытыхъ лѣсомъ,
 Посмотримъ, какъ за цѣпью горъ
 Бѣгутъ ручьи на плодоносной почвѣ.
 Послушаемъ, какъ волны моря
 О берегъ съ шумомъ ударяютъ!
 Ээпра око свѣтлыми лучамъ
 Блеститъ всегда: разгонимъ мракъ
 Нависшихъ тучъ, и въ вѣчномъ блескѣ
 Мы явимся очамъ вселенной!

СОКРАТЬ.

Вы, облака, моимъ молитвамъ вяли!
 А ты? ты слышишь-ли священный голосъ,
 Сопровождаемый и молніей, и громомъ!

⁽¹⁷⁾ Мимантъ — гора въ Іоніи.

СТРЕПСІАДЪ.

О, слышу я божественный вашъ голосъ!
И громомъ собственнымъ хочу вамъ отвѣчать,
Испуганъ я!... итакъ позволъ-же мнѣ....
Теперь не до приличія!...

СОКРАТЬ.

Благоговѣй,

Старикъ, и не кощунствуй, какъ гаэры!
Молчи, вотъ съ пѣнемъ, въ сонмѣ славномъ,
Сюда несутся облака, смотри!

ХОРЪ.

О, облака росляныя,
Скорѣй пойдемъ и поглядимъ
На плодоносную страну Паллады,
На землю Кекропса, гдѣ много
Мужей великодушныхъ было.
Блаженный край! тамъ совершаютъ
Святыя тайны, тамъ увидимъ
Особый храмъ для посвященныхъ,
И жертвы жителямъ Олимпа,
Кумиры ихъ и храмы ихъ!
Обряды тайные и приношенья,
И празднества, весною тамъ
Веселіе заводитъ Бахусъ,
И хоры шумные поютъ,
И звонко флейты раздаются!

СТРЕПСІАДЪ.

Скажи, Сократъ, Зевесомъ заклинаю,
Скажи, кто эти женщины? (18) онѣ
Поютъ такъ чудно: не богини-ль это?

СОКРАТЬ.

Нѣтъ! это облака небесныя!
Людей лѣнивыхъ божества, они
Даютъ намъ мысль, понятие и разсудокъ,
И учатъ насъ болтать, хитрить и хвастать.

(18) *Νεφέλαι* (облака) на греческомъ языкѣ въ женскомъ родѣ, а потому и являются они въ видѣ женщинъ.

СТРЕПСИАДЪ.

По этому-то и душа моя,
Ихъ слушая, какъ будто окрилась,
И уже хочеть спорить о вещахъ,
Которыя, какъ дымъ, неуловимы,
И заключенье заключеньемъ подкрѣпляя,
Всему противорѣчить хочеть!
Хочу я видѣть эти божества,
Когда возможно это.

Посмотри

Сюда къ-горѣ Парнесу; (19) я ужъ вижу
Какъ медленно спускаются они!

СТРЕПСИАДЪ.

Да гдѣ же? покажи!

СОКРАТЬ.

Да вотъ,

Они оттоль идутъ сюда тольною
Черезъ эти роши и равнины.

СТРЕПСИАДЪ.

Гдѣ-же?

Я ихъ не вижу!

СОКРАТЬ.

Да вотъ, здѣсь, при входѣ. (20)

СТРЕПСИАДЪ.

А! чуть-чуть ихъ начинаю видѣть.

СОКРАТЬ.

Но если ужъ теперь не видишь ихъ,
То у тебя должны быть бѣльмо на глазахъ,
Величиною съ тыкву.

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ! я вижу,

Они окрестность всю совсѣмъ закрыли.

(19) Гора въ Аттікѣ.

(20) *Εἰσοδοῦς*, при входѣ, откуда долженъ былъ выдти хоръ облаковъ.

СОКРАТЬ.

Но считаешь ли ты ихъ богами?

СТРЕПСИАДЪ.

НѢТЬ!

Сказать по правдѣ, я считаю ихъ
За дымъ, туманъ или росу.

СОКРАТЬ.

О, нѢТЬ!

Но знай ты, смертный, что они питаютъ
Софистовъ, прорицателей Турійскихъ,
Длиноволосяхъ тѣхъ лѣнтяевъ, у которыхъ
Всѣ пальцы перетнями отягчены,
Всѣхъ сочинителей народныхъ хоровъ,
Обманщиковъ, гадающихъ по небу,
И празднолюбцевъ тѣхъ они питаютъ,
Которые въ стихахъ ихъ славятъ....

СТРЕПСИАДЪ.

Не за то-ль,

Что тѣ въ своихъ плохихъ стихахъ поютъ
И влажныхъ облаковъ полетъ ужасный,
И молнии ихъ — стоглаваго Тифона
Разстрепанные волосы, и бури,
Которыя, какъ стаи хищныхъ птицъ,
Летятъ по воздуху и тонуть въ облакахъ,
И бѣгъ дождей изъ влажныхъ тучъ. ⁽²¹⁾
И за прекрасные стихи обильно
Бьютъ дроздовъ и лучшихъ рыбъ?

СОКРАТЬ.

И ѣсть

Они имѣютъ право за труды!

СТРЕПСИАДЪ.

Но объ одномъ скажи теперь мнѣ, если
Они и въ-правду облака, за чѣмъ
Они преобразились въ женщинъ?
На-дѣль вѣдь не женщины они.

⁽²¹⁾ Пародія дѣйрамбическаго слога.

Облака

СОКРАТЪ.

Да кто-жъ они?

СТРЕПСИДЪ.

Ну, этого сказать я не умѣю;
 Но кажется, что болѣе они
 Похожи на охлопки шерсти и у нихъ
 Нѣтъ сходства съ женщинами.... а у этихъ
 Что за носы!

СОКРАТЪ.

Сперва на мой вопросъ

Ты отвѣчай.

СТРЕПСИДЪ.

Я буду отвѣчать.

СОКРАТЪ.

Видагъ-ли ты, на небо посмотрѣвши,
 Что облака становятся похожи
 Иль на вола, иль волка, иль кентавра,
 Иль леопарда?

СТРЕПСИДЪ.

Безъ сомнѣнья, видѣль.

СОКРАТЪ.

Они, въ какихъ ни пожелали-бъ видахъ,
 Явятся могутъ; если вдругъ увидятъ
 Развратника съ косматою грудью, на-примѣръ
 Хоть сына Ксенофанта, (*) въ тотъ-же мигъ
 Они, чтобъ осмѣять его привычки,
 Въ кентавровъ обратятся.

СТРЕПСИДЪ.

А когда

Увидятъ хищника богатствъ народныхъ,
 Какъ Сѣмонъ, (23) на-примѣръ, что сдѣлаютъ они?

СОКРАТЪ.

Чтобы его привычки обозначить,
 Они волками кажутся.

(24) Сынъ Ксенофонта, *Гѣропилъ*, дионрамбическій поэтъ.

(25) Симона укоряли въ томъ, что онъ похитилъ сокровища въ Гераклѣ.

СТРЕПСІАДЪ.

Такъ вотъ

За-чѣмъ вчера, завидя Клеонима, (24)
 Который въ страшной битвѣ бросилъ щитъ,
 Они тотчасъ въ оленей превратились.

СОКРАТЬ.

А вотъ теперь они Клеосена (25) видятъ,
 По этому и женщинами стали.

СТРЕПСІАДЪ.

Привѣтствую васъ, боги! если вы
 Хоть разъ для смертнаго молчанья прерывали,
 Такъ удостойте и меня услышать
 Божественной вашъ голосъ.

ХОРЪ.

Старецъ,

Прожившій очень много дней,
 Желаніи извѣдать мудрость,
 Возвеселись! и ты, дурачество
 Почтенный жрецъ! повѣдай намъ
 Свои желанья: изъ софистовъ,
 Гадающихъ по звѣздамъ — ты
 И Продикъ (26) все получите отъ насъ:
 Онъ за познанія и разумъ,
 А ты за гордую походку,
 За важный взглядъ и за терпѣнье
 Всегда ходить босымъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Земля!

Божественный, чудесный голосъ слышу!

СОКРАТЬ.

Они одни лишь боги, остальное —
 Ничто.

(24) Клеонимъ былъ извѣстный трусъ.

(25) Клеосена, въ некоторыхъ случаяхъ, замѣнялъ женщинъ.

(26) Продикъ извѣстный учитель риторики.

СТРЕПСИДЪ.

А Зевсъ - то Олимпійскій развѣ
Не богъ онъ?

СОКРАТЬ.

Что за Зевсъ! ты шутишь: Зевса нѣтъ.

СТРЕПСИДЪ.

Это говорили. Да кто - же посылаетъ дождь?
Скажи ты мнѣ!

СОКРАТЬ.

Они — и это

Я ясно докажу тебѣ: когда
Ты видѣлъ дождь безъ облаковъ? А если
Дождь посылаетъ Зевсъ, то онъ-бы могъ
Послать его и въ ясную погоду,
Безъ облаковъ!

СТРЕПСИДЪ.

Ахти! вѣдь это правда,
Клянуся Аполлономъ! а я прежде
Предполагалъ, что Зевсъ сквозь рѣшето
На землю дождикъ лить; но расскажи,
Откуда громъ? Когда его слышу
Я весь дрожу...

СОКРАТЬ.

Отъ облаковъ; они
Гремятъ, катаясь другъ на дружку.

СТРЕПСИДЪ.

Смѣльчакъ! да полно, такъ-ли это?

СОКРАТЬ.

Когда они наполнятся водой
И движутся въ воздушной вышнѣ,
То тяжесть ихъ должна необходимо
Заставить ихъ толкаться межъ собой —
Они ударятся и съ трескомъ лопнуть.

СТРЕПСИДЪ.

Кто-жъ двигаетъ и кто толкаетъ ихъ?
Я думаю, что Зевсъ.

СОКРАТЬ.

Не Зевсъ — а Вихрь!

СТРЕПСИДЪ.

Какъ, Вихрь? а я до-сей-пору не зналъ,
 Что Зевса нѣтъ, и что въ замѣнъ его,
 Вихрь править всѣмъ. Но ты не объяснишь,
 Откуда громъ?

СОКРАТЬ.

Да развѣ ты не слышалъ,
 Что если облака наполнятся водой,
 То, упадая другъ на друга, по причинѣ
 Упругости своей, должны произвести
 И трескъ, и шумъ.

СТРЕПСИДЪ.

Но чѣмъ-же ты докажешь?

СОКРАТЬ.

Вотъ ты сей часъ узнаешь изъ примѣра:
 Когда на праздникахъ Панаоннейскихъ (27)
 Набьешься ты говядины, то вдругъ
 Почувствуешь ты колотье въ желудкѣ:
 То развѣ тамъ не слышишь ты бурчанья?

СТРЕПСИДЪ.

Конечно слышу; колотья тогда
 Меня ужасно мучать, и въ желудкѣ
 Я слышу страшный шумъ и громъ...

СОКРАТЬ.

Ну, если

Твое презрѣнное, простое чрево
 Бываетъ въ состоянн такъ гремѣть,
 Тѣмъ болѣе неизмѣримый воздухъ
 Не долженъ-ли порой трещать?... И такъ
 Бурчаніе и громъ одно и тоже?

СТРЕПСИДЪ.

Но вотъ что разскажи мнѣ: отъ-чего

(27) Празднества Панаоннейскія совершались въ честь богини Аонны.

Одинъ разъ молнія ударитъ и убьетъ,
 Другой разъ опалитъ, но жизнь оставитъ?
 Когда подумаешь, то очевидно,
 Что Зевсъ караетъ ею нечестивыхъ.

СОКРАТЬ.

Ты, просто, глупъ, — ты современникъ Крона,
 Ты выходецъ съ другаго свѣта; если
 Зевесъ разилъ-бы ею нечестивыхъ,
 То, вѣрно, онъ давнымъ давно-бъ убилъ
 Теора, Симона и Клеонима:
 Они все нечестивцы; между-тѣмъ
 Они все живы; по свои же храмы,
 Сунійскій мысъ и вѣковые дубы
 Онъ поражаетъ молнией, и за что?
 Вѣдь дубъ, я думаю, грѣшить не можетъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Я самъ не знаю; впрочемъ полагаю,
 Что ты мнѣ истину сказалъ; итакъ
 Чтожъ молнія?

СОКРАТЬ.

Когда до облаковъ
 Поднимется сухой и легкій вѣтеръ,
 То онъ ихъ раздуваетъ, какъ пузырь,
 И разрываетъ ихъ упругостью своею,
 Тогда онъ вырывается съ стремленьемъ,
 Отъ быстроты движенія самъ по себѣ
 Воспламеняется?

СТРЕПСИАДЪ.

Да, это правда;
 Со мною это было въ праздникъ Зевса:
 Я началъ жарить для моей семьи
 Баранину, и позабылъ я вынуть
 Пузырь; вотъ онъ раздулся и вдругъ лопнулъ,
 Въ глаза мнѣ прыснуло и обожгло лицо.

ХОРЪ.

О ты, который такъ желаешь
 Извѣдать мудрость, будешь ты
 Счастливецъ всехъ Грековъ и Аонянъ,

Когда стараньемъ и заботой
 Ты память укрѣпишь, и если
 Терпѣніемъ свой духъ вооружишь;
 Когда не будешь уставать
 Ни отъ ходьбы, ни отъ работы,
 Привыкнешь къ стужѣ и желудокъ
 Ты къ воздержанью приучишь,
 Когда не будешь пить вина,
 Не будешь посѣщать ристаній
 И пустяками заниматься,
 Когда, какъ умный человекъ,
 Одной лишь пожелаешь славы,
 Чтобъ отличатся передъ всѣми
 Благоразумнымъ поведеньемъ,
 И мудрыми уловками въ рѣчахъ.

СТРЕПСИДЪ.

Когда вамъ нужны: духъ песокрушимый,
 Простой и небалованный желудокъ,
 Который-бы одной травой доволенъ былъ,
 То я для этого себя вамъ предлагаю:
 Я все терпѣть могу, и даже спину
 Готовъ подставить вмѣсто наковальни.

СОКРАТЬ.

Клянись не признавать другихъ боговъ,
 Однихъ лишь нашихъ: Облака, Языкъ и Хаосъ,
 Вотъ божества!

СТРЕПСИДЪ.

Клянусь, что никогда

И говорить не стану о другихъ,
 И даже если-бы сошелся на дорогѣ
 Съ однимъ изъ нихъ, то даже и тогда
 Онъ не получитъ отъ меня ни жертвы,
 Ни возліяній, ни даровъ!

ХОРЪ.

Теперь

У насъ просить съ увѣренностью можешь
 Всего, чего-бы ты ни пожелалъ:
 Ты все отъ насъ получишь, если только

Насъ считаешь и дивишься намъ,
И если мудрымъ быть желаешь!

СТРЕПСІАДЪ.

О боги! я у васъ не многого прошу:
Чтобъ въ краснорѣчїи отъ всѣхъ Аонїянъ
На сотню стадїи я ушелъ впередъ.

ХОРЪ.

На это мы согласны, и отнышѣ
Тебя никто, въ собранїяхъ народныхъ,
Не превзойдетъ въ изяществѣ рѣчей.

СТРЕПСІАДЪ.

Нѣтъ, не въ изяществѣ, не этого желаю!
Хочу я знать лишь тѣ однѣ уловки,
При помощи которыхъ могъ-бы я
Избавиться отъ всѣхъ заимодавцевъ.

ХОРЪ.

Такъ будетъ сдѣлано, какъ ты желаешь.
Умѣренны желанїя твои; теперь
Съ довѣренностью ты предайся нашимъ
Жрецамъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Исполню ваше приказанье:

Необходимость все заставить сдѣлать;
Жепитьба, лошади меня сгубили;
Пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ;
Въ ихъ власть я только отдаюсь: пусть бьютъ,
Пусть голодомъ морятъ, пусть жаждой мучатъ,
Пусть жарятъ, пусть морозятъ, пусть они
Сдерутъ съ меня хоть кожу на мѣхи,—
Я все стерплю, чтобъ не платить долговъ.
Пускай я прослыву вездѣ нахаломъ,
Безстыдникомъ, буяномъ, гордецомъ,
Обманщикомъ, вралемъ, невѣжей, плутомъ,
Ажецомъ, мошенникомъ и забіякой,
Пусть говорятъ, что, какъ лисица, я хитеръ,
Что я готовъ на все, что я уступчивъ,
Какъ рукавица, и, какъ угорь, скользокъ,
Что я притворщикъ, вѣтренникъ, бездѣльникъ,

Безчувственный ко всёму и лизоблюдь,
Пусть всякій встрѣчный это скажетъ,
Лишь-бы наставники довольны были мной;
И если вздумаютъ они, — клянусь Церерой! —
Даюсь, пусть жилы тянутъ изъ меня.

ХОРЪ.

О, этотъ человекъ имѣетъ твердость,
И онъ на все отважиться готовъ.
Ученіе, котораго ты жаждешь,
Тебя съ земли возвыситъ до небесъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да чтожь со мною будетъ? —

ХОРЪ.

Проведешь

Остатокъ дней въ блаженной жизни съ нами.

СТРЕПСИАДЪ.

Когда-же я увижу это счастье?

ХОРЪ.

Когда народъ передъ твоею дверью
Толпиться будетъ, всё на-перерывъ
Стараться будетъ видѣться съ тобою,
Чтобы толковать о затруднительныхъ дѣлахъ
И въ тяжбахъ попросить совѣта.
И много за труды опи тебѣ дадутъ!

(Къ Сократу.)

Но начинай-же старика учить,
Узнай способности его и силы.

СОКРАТЪ. (Стрепсиаду.)

Передо мной ты покажи свой нравъ,
Чтобы я могъ орудіе направить.

СТРЕПСИАДЪ.

Орудіе! никакъ ужъ ты сражаться хочешь?

СОКРАТЪ.

Нѣтъ, я хочу узнать, имѣешь-ли ты память.

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, не всегда: такъ, если мнѣ кто долженъ,
То помню я, а если я должникъ,
Такъ я объ этомъ часто забываю.

СОКРАТЬ.

Имѣешь-ли способность къ краснорѣчью?

СТРЕПСИАДЪ.

Не къ краснорѣчью, а къ обману,

СОКРАТЬ.

Какъ-же

Учиться хочешь ты?

СТРЕПСИАДЪ.

Не беспокойся,

Смогу!

СОКРАТЬ.

И такъ, когда я сообщу
Понятіе о сущности небесной,
То ты хватай его.

СТРЕПСИАДЪ.

Да, развѣ мудрость
Хватать я долженъ, какъ собака, мясо.

СОКРАТЬ.

Вотъ человѣкъ и грубъ и неучень.
Боюсь, не обойтись мнѣ съ нимъ безъ плети.
Посмотримъ. (*Стрепсиаду*) Что будешь дѣлать, если
Тебя-бы стали бить?

СТРЕПСИАДЪ.

Я бить себя позволю,
Потомъ свидѣтелей возьму и съ ними
Пойду я въ судъ.

СОКРАТЬ.

Ну, это хорошо!
Теперь долой все платье.

СТРЕПСИАДЪ.

Я не провинился!

СОКРАТЬ.

Нѣтъ; по обычаю требують, чтобъ голый
Сюда вошелъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Вѣдь я не шелъ сюда
Для обыска. ⁽²⁸⁾

СОКРАТЬ.

Сбрось обувь, — что за разговоры!

СТРЕПСИАДЪ.

Одно лишь слово: если буду я
Ученикомъ прилежнымъ и учиться
Я стану съ рвеніемъ, то на кого
Изъ всѣхъ твоихъ учениковъ я буду
Похожъ?

СОКРАТЬ.

На Херефона.

СТРЕПСИАДЪ.

О несчастный,

Бродить я буду, какъ мертвецъ!

СОКРАТЬ.

Молчи,

И съ этой стороны иди за мною!

СТРЕПСИАДЪ.

Но прежде дай медовую лепешку;
Вхожу сюда съ такимъ ужаснымъ страхомъ,
Какъ будто-бы въ Трофоньеву ⁽²⁹⁾ пещеру.

СОКРАТЬ.

Ступай, зачѣмъ ты мѣшкаешь у двери?

хоръ.

Иди съ увѣренностью! Пусть успѣхъ
Вознаградятъ старанье старика:
Ему не помѣшалъ преклонный возрастъ

⁽²⁸⁾ Приходившій для обыска долженъ былъ снять съ себя платье.

⁽²⁹⁾ Въ Трофоніевой пещерѣ было множество змѣй, и чтобы укротить ихъ, входящій бросалъ имъ медовыя лепешки.

Наукой новой укрѣплять разсудокъ
И въ мудрости полезной упражняться.

ПАРАБАЗЪ.

ХОРЪ.

Вамъ, зрители, клянусь я Діонисомъ, ⁽³⁰⁾
Всю правду выскажу, я очень бы желалъ
Быть побѣдителемъ; хотѣлъ-бы я
Прослыть за славнаго поэта; зная,
Что вы умѣете труды цѣнить,
Увѣренъ я, что этотъ трудъ,
Который я такъ тщательно работалъ,
Удачнѣе изъ всѣхъ моихъ трудовъ.
Я первымъ вамъ его рѣшился показать;
Но въ первый разъ соперниками я
Былъ побѣжденъ. И жалобу мою
На сдѣланную мнѣ несправедливость
Вамъ, зрители, теперь я приношу.
Но эта неудача не могла
Мнѣ воспрепятствовать, чтобы я не цѣнилъ
Сужденіе людей достойныхъ, и съ-тѣхъ-поръ
Какъ мой «Гуляка» и мой «Скромный» отъ судей,
Которые разсматривали ихъ,
Благопріятный отзывъ получили,
Я вамъ представилъ и другой мой трудъ.
Какъ дѣва, я не могъ его назвать
Моимъ плодомъ; ⁽³¹⁾ онъ былъ усыновленъ
Другимъ, и вы съ большимъ благоволеньемъ
Смотрѣли на него; и съ-той-поры
Я сталъ надѣяться на ваше свихожденіе.
Сегодня я комедію мою
Представилъ вамъ на судъ и, какъ Електра,
Она своихъ друзей глазами ищетъ,
И брата своего узнаетъ по причоскѣ. ⁽³²⁾

⁽³⁰⁾ Діонисъ или Бакхъ былъ покровителемъ драматическихъ поэтовъ.

⁽³¹⁾ Въ Афинахъ сочинитель не имѣлъ права выдавать произведенія подъ своимъ именемъ, какъ только по достиженіи тридцати или сорока-лѣтняго возраста.

⁽³²⁾ Насмѣшка надъ Хозефоромъ Эсхила.

Замѣтте цѣломудріе ея:
 Она, безъ неприличныхъ украшеній, ⁽³³⁾
 Надъ лысыми не любитъ насмѣхаться,
 Не пляшетъ кордакса, ⁽³⁴⁾ и старика,
 Который, говоря надутые стихи,
 Чтобъ смѣхъ поднять, всѣхъ встрѣчныхъ палкой бьетъ,
 Она предъ зрителями не выводитъ,
 Не выбѣгаетъ съ факеломъ горящимъ,
 Крича: И - у! И - у; но довѣряетъ
 Себѣ одной, и на свои стихи
 Она надѣется; хоть я поэтъ,
 Но вовсе не горжусь моимъ твореньемъ
 И васъ обманывать я не хочу,
 По многу разъ одно и тоже представляя;
 Я новые предметы нахожу,
 На прежнихъ непохожіе; они
 Для васъ всегда пріятны и забавны.
 Я на Клеона напалъ, когда
 Онъ въ-силѣ былъ; когда-жъ низверженъ былъ,
 То я не наносилъ ему ударовъ;
 Другіе всѣ поэты съ-той-поры,
 Какъ сталъ Гиперболь насмѣхаться
 Надъ нимъ, то всѣ они не оставляли
 Въ покоѣ ни его, ни матери его.
 Сперва Евполисъ сочинилъ «Марикю»,
 И для нея онъ «Всадниковъ» моихъ
 Ужасно исковеркалъ: онъ прибавилъ
 Къ нимъ пьяную старуху, и она
 Плясала кордаксъ; Фринихъ первый вывелъ
 Такую женщину, но предалъ онъ ее
 Чудовищу морскому на съѣденіе;
 Герлиппій осмѣялъ Гипербола впервые,
 И всѣ на бѣднаго Гипербола напали,
 И заняли мое сравненіе съ угрями.
 Кого такіе сочинители смѣшаютъ,
 Тотъ смѣха не ищи въ комедіи моей:
 Когда-же будете моимъ трудомъ

(33) Ст. 539. 34).

(34) Кордаксъ былъ сладострастный, соблазнительный танецъ. (35)

И мной довольны, вашъ хорошій вкусъ
 Похвалить и потомство. Я сперва
 Въ защиту Хора призываю Зевса,
 Владыку неба и царя боговъ!
 Потомъ того я призываю бога,
 Который потрясаетъ землю и моря
 Своимъ трезубцемъ. ⁽³⁵⁾ Призываю и тебя,
 Пресвѣтлый нашъ отецъ, блестящій воздухъ!
 Ты все своимъ дыханіемъ живишь!
 Я призываю и тебя, о солнце,
 Тебя, смирителя копей: всю землю
 Ты согрѣваешь свѣтлыми лучами, —
 И у безсмертныхъ и у смертныхъ ты почтенъ.
 Теперь послушайте насъ со вниманьемъ:
 Вы насъ обидѣли, и вотъ на васъ
 Мы вамъ-же нашу жалобу приносимъ.
 Вашъ городъ получилъ отъ насъ благодѣяній
 Гораздо-болѣе, чѣмъ отъ другихъ боговъ.
 Однако намъ однимъ, изъ всѣхъ божествъ,
 Вы не приносите ни жертвъ, ни возлияній.
 А мы? мы покровительствуемъ васъ.
 Когда вы замышляете походы
 И въ нихъ бѣда вамъ угрожаетъ,
 То мы грешимъ или посылаемъ дождь.
 Когда назначили вы полководцемъ
 Кожевника изъ Пафлагоніи, то мы
 Нахмурились и гнѣвъ нашъ изъявили:
 Громъ грохоталъ и молніи сверкали,
 И если-бы Клеонъ вождемъ остался,
 Луна покинула-бы свой обычный путь
 И солнце-бы свѣтить не захотѣло.
 Но вы его избрали. Говорять,
 Что новыя бѣды грозятъ Аоннамъ;
 Но молимъ мы, чтобъ боги обратили
 Ошибки ваши въ пользу вамъ. Хотите-ль
 Достигнуть этого, мы васъ научимъ:
 Схватите вы грабителя Клеона
 И, убѣдившись въ воровствѣ его,

(35) Послѣдъ или Нептунъ, богъ морей.

На шею хищнику надѣньте вы колодку
 И вы поправите свою ошибку:
 И всё дѣла опять придутъ въ порядокъ.
 Приди и ты, о Фебъ, Делосскій богъ,
 Живущій на вершинѣ Кинтія, и ты,
 Артѣмистъ: ⁽³⁶⁾ храмъ твой золотомъ блестящимъ
 Стоитъ въ Эфесѣ; сонмы дѣвъ Лидійскихъ
 Тебѣ съ благоговѣньемъ въ храмѣ служатъ.
 Приди и ты, могучая Аѳна, ⁽³⁷⁾
 Ты, покровительница нашихъ странъ.
 И ты приди, веселый Діонисъ,
 Блуждающій, при свѣтѣ соснѣ зажженныхъ,
 Съ толпой Вакханокъ по горѣ Парнаассу.
 Когда мы собрались отправиться сюда,
 Луна, остановивъ насъ, поручила
 Сперва сказать поклонъ всемъ гражданамъ аѳинскимъ
 И ихъ союзникамъ, потомъ ихъ побранить
 За то, что съ ней обходятся такъ дурно.
 Съ луной, которая вамъ дѣлала добро,
 Не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ.
 Во-первыхъ, каждый мѣсяцъ вамъ она
 Хоть драхму ⁽³⁸⁾ сбережетъ: вѣдь вы ее
 На освѣщеніе издержали-бъ; часто
 Хозяинъ подъ-вечеръ на улицу выходитъ
 И говоритъ слугѣ: «Сегодня ночь свѣтла,
 Не надо факеловъ.» Мы не считаемъ
 Другихъ ея благодѣяній, а у васъ
 Всѣ дни пошли на-оборотъ. ⁽³⁹⁾
 Какъ часто ей приходится смягчать боговъ,
 Когда они придутъ въ свои жилища,
 Ни праздниковъ, ни пиршествъ не дождавшись,
 Ни жертвъ назначенныхъ мѣсяцословомъ.
 Когда должны вы жертвы приносить,
 Вы занимаетесь судомъ, расправой.

⁽³⁶⁾ Діана.

⁽³⁷⁾ Минерва.

⁽³⁸⁾ Драхма равнялась цѣнности около 92 к. ас.

⁽³⁹⁾ По причинѣ поправки календаря Метономъ, въ 1-й годъ 89 Олимпіады, произошло нѣкоторое замѣшательство относительно празднествъ.

Когда постимся мы, вспоминая
 О смерти Мемнона и Сарпедона,
 У васъ въ веселостяхъ проходитъ время.
 Вотъ почему посланникъ вашъ Гинербольтъ
 Въ собраніи Амфиктіоновъ этотъ годъ
 Вѣнца лишенъ былъ нами: онъ узнаеть,
 Какъ дни свѣрять съ теченіемъ луны.

СОКРАТЬ.

Дыханьемъ, Воздухомъ и Хаосомъ клянусь,
 Я не встрѣчалъ ни разу человѣка,
 Который былъ-бы такъ забывчивъ, глупъ,
 Безмысленъ и лѣнивъ, какъ этотъ: онъ
 Бездѣлицу позабываетъ прежде,
 Чѣмъ выучить ее. Однако я хочу
 Позвать его сюда. Эй, Стрепсиадъ!
 Поди сюда и принеси подстилку.

СТРЕПСИАДЪ.

Клюпы мѣшаютъ мнѣ нести ее.

СОКРАТЬ.

Стели скорѣй и слушай.

СТРЕПСИАДЪ.

Я готовъ.

СОКРАТЬ.

Посмотримъ. Чтò желаешь прежде знать
 Изъ-всего-того, чего не знаешь?
 Что, мѣру-ли стихосложеня, или ритмъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Конечно мѣру: продавецъ муки
 Меня обмѣрилъ какъ-то разъ.

СОКРАТЬ.

Не то!
 Рѣчь не объ этомъ. Я хочу узнать,

Какую мѣру ты предпочитаешь,
Въ три или въ четыре?

СТРЕПСИДЪ.

Я предпочитаю

Въ четыре — въ полчетверика.

СОКРАТЬ.

Вздоръ мелишь!

СТРЕПСИДЪ.

Ну, хочешь спорить: въ полчетверикѣ
Четыре гарница? (40)

СОКРАТЬ.

Убирайся! ты, глупецъ

И неучь! Ну, а ритмъ ты хочешь знать?

СТРЕПСИДЪ.

Какая-жъ польза отъ него мнѣ будетъ?

СОКРАТЬ.

Ты занимателенъ въ бесѣдахъ будешь,
Научишься считать и ритмъ военный,
И ритмъ по пальцамъ...

СТРЕПСИДЪ.

Я и такъ умѣю

Считать по пальцамъ.

СОКРАТЬ.

Неучь!

СТРЕПСИДЪ.

Ты глупецъ!

Я этому и самъ учиться не желаю.

СОКРАТЬ.

Чему-жъ?

СТРЕПСИДЪ.

Другому, разсужденіямъ неправымъ.

СОКРАТЬ.

Но прежде этого ты долженъ знать

(40) Здѣсь, для игры словъ, необходимо было употребить русскія мѣры, хотя онѣ и не соответствуютъ греческимъ.

Другое-кое-что: — ты долженъ различить
Четвероногихъ мужескаго пола.

СТРЕПСИАДЪ.

Знаю.

Ты развѣ дурака во мнѣ нашель.
Баранъ, козелъ, осель, лошакъ, пѣтухъ —
Вотъ мужескаго рода.

СОКРАТЬ.

Что ты! какъ?

Пѣтухъ, сказалъ ты, мужескаго рода?

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, да, сказалъ.

СОКРАТЬ.

Глупецъ! пѣтухъ вѣдь птица.

СТРЕПСИАДЪ.

А что? вѣдь это правда! Посидономъ
Клянусь; но какъ-же въ женскомъ родѣ должно
Назвать его.

СОКРАТЬ.

Какъ? — курицей: одинъ

Пѣтухъ, другая курица..

СТРЕПСИАДЪ.

Да, такъ!

Я воздухомъ клянусь, что это правда!
За это дамъ тебѣ квашникъ муки.

СОКРАТЬ.

Опять! квашникъ не мужескаго рода.

СТРЕПСИАДЪ.

Но какъ квашникъ не мужескаго рода?

СОКРАТЬ.

Да, точно также, какъ и Клеонимъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Но растолкуй, что-жъ общаго межъ ними?
Вѣдь Клеонимъ толчетъ муку въ кадушкѣ.
И такъ, какъ должно говорить?

СОКРАТЬ.

Квашня,
Такъ точно, какъ ты говоришь Сострата.

СТРЕПСИАДЪ.

Квашня?

СОКРАТЬ.

Да это такъ!

СТРЕПСИАДЪ.

И стало,
Не Клеонимъ, а Клеонима будетъ? (41)

СОКРАТЬ.

Ты долженъ научиться имена
Мужчинъ отъ женскихъ различать.

СТРЕПСИАДЪ.

Умѣю.

СОКРАТЬ.

Скажи-же.

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, Лизила, Клитагора,
Деметрія, Филлина....

СОКРАТЬ.

А мужчинъ?

СТРЕПСИАДЪ.

О, множество: Милезій, Поликсенъ, Амниій.

СОКРАТЬ.

Да развѣ это имена мужчинъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Для васъ, быть-можетъ, это не мужчины.

СОКРАТЬ.

Нѣтъ вовсе не мужчины. Ты-бы какъ
Позвалъ Амниія?

(41) Касательно этого мѣста надобно замѣтить, что сохранить игру словъ въ рускомъ переводѣ не возможно.

СТРЕПСИАДЪ.

Я-бъ закричалъ ему:
Аминія! ⁽⁴²⁾ пожалуй-ка-сюда!

СОКРАТЬ.

Вотъ видишь, женщину ты сдѣлалъ изъ него.

СТРЕПСИАДЪ.

Быть-можетъ, и причина есть на это :
Вѣтъ онъ войны не любитъ. Но за-чѣмъ
Тому учиться, что все знаютъ?

СОКРАТЬ.

Это

Весьма-полезно; Но, ложись.

СТРЕПСИАДЪ.

За-чѣмъ?

СОКРАТЬ.

Подумай о своихъ дѣлахъ немножко.

СТРЕПСИАДЪ.

Прошу тебя, не принуждай меня
Ложиться; если-жъ непремѣнно должно
Мнѣ лечь, такъ ты позволь, по-крайней-мѣрѣ,
Хотя на землю лечь.

СОКРАТЬ.

Нельзя иначе.

СТРЕПСИАДЪ.

Несчастный я! я отъ клоповъ сего-дня
Ужасно пострадаю.

СОКРАТЬ.

Размышляй

И думай; умъ въ движеніе приводи,
Различнымъ образомъ верти его;
Когда-же вдругъ препятствіе ты встрѣтишь,

⁽⁴²⁾ Звательный падежъ собственного имени «Аминія» имѣетъ въ греческомъ языкѣ окончаніе женскаго рода.

Переходи скорѣй отъ мысли къ мысли,
Чтобъ сладкій сонъ тебя не одолѣлъ.

СТРЕПСИДЪ.

Ай! ай!

СОКРАТЬ.

Да что съ тобой, что у тебя болитъ?

СТРЕПСИДЪ.

Я погибаю: изъ моей подстилки
Коринвяне пришли и мнѣ кусаютъ
Бока, и кровь мою сосутъ,
И въ спину колятъ, я совсѣмъ погибъ.

СОКРАТЬ.

Но не кричи такъ громко.

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ у меня ни денегъ, ни души,
Ни обуви, ни крова; къ довершенью-жъ
Всѣхъ бѣдъ, меня хотятъ еще морозить!
Я здѣсь и такъ все потерялъ.

СОКРАТЬ.

Чѣмъ занять ты?

Ты, кажется, совсѣмъ не размышляешь?

СТРЕПСИДЪ.

Клянуся Посидомъ, размышляю.

СОКРАТЬ.

Ты размышляешь? но о чемъ?

СТРЕПСИДЪ.

О томъ,

Что отъ меня клопы оставятъ?

СОКРАТЬ.

Берегись!

СТРЕПСИДЪ.

Но, милый мой, все горе совершилось!

СОКРАТЬ.

Храбрѣ будь, закутайся, ты долженъ
Придумать хитрость, облегченье.

СТРЕПСИДЪ.

Ай!

Что если-бъ кто-нибудь мнѣ бросилъ одѣяло!..

СОКРАТЬ.

Посмотримъ, что онъ дѣлаетъ. Ты спишь?

СТРЕПСИДЪ.

Клянуса Аполлономъ — нѣтъ.

СОКРАТЬ.

Скажи,

Ты ухватился-ли за мысль?

СТРЕПСИДЪ.

Нѣтъ ни за что.

СОКРАТЬ.

Ужели ни за что?

СТРЕПСИДЪ.

Хватаюсь за животъ. (43)

СОКРАТЬ.

Постой, закутайся и размышляй.

СТРЕПСИДЪ.

Сократъ! о чомъ-же размышлять, скажи?

СОКРАТЬ.

Ну, о себѣ-самомъ: чего-бы ты желалъ?

ОТРЕПСИДЪ.

Разъ тысячу ты слышалъ, что мнѣ нужно:

Я не хочу платить моихъ долговъ.

СОКРАТЬ.

Смѣлѣ будь, закройся и потомъ

Сосредоточь всѣ бѣглыя сужденія,

Подробно размышляй о всякой вещи,

Обдумывай и различай.

СТРЕПСИДЪ.

Ой, ой!

(43) Ст. 734.

СОКРАТЬ.

Потише; если встрѣтишь затрудненье,
Оставь; потомъ, спустя не много, снова
Мысль прежнюю возьми и разсуждай.

СТРЕПСИАДЪ.

Сократушка любезный!

СОКРАТЬ.

Что, старикъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Вѣдь я нашелъ увертку отъ долговъ.

СОКРАТЬ.

Посмотримъ.... разскажи.

СТРЕПСИАДЪ.

Что, если я

Въ Эссалии волшебницу достану,
И ей велю во-время ночи съ неба
Украсть луну и запереть ее,
Какъ зеркало, въ лукошко, и стеречь.

СОКРАТЬ.

Какая-жъ польза будетъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Какъ какая?

Кагда луна являться перестанетъ,
Не буду я платить процентовъ.

СОКРАТЬ.

Какъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Вѣдь ежемѣсячно проценты вносятся.

СОКРАТЬ.

Прекрасно! по другую хитрость
Я предложить тебѣ хочу: положимъ,
Что обязательство ты далъ въ пяти талантахъ⁽⁴⁴⁾.
Ну, какъ отъ платежа ты увернешься?

⁽⁴⁴⁾ Талантъ равнялся 4820 руб. ас.

СТРЕПСІАДЪ.

Какъ? какъ? не знаю, впрочемъ пошу.

СОКРАТЬ.

Ты не держи въ самомъ себѣ разсудка,
Но мысли всё пусти по воздуху летать,
Какъ жука, если ты его за лапку
Привяжешь ниткой.

СТРЕПСІАДЪ.

Я придумалъ хитрость

Искусную; ты, вѣрно, согласишься:
Когда-нибудь у продавцевъ различныхъ травъ
Видалъ-ли ты прозрачный свѣтлый камень,
Которымъ зажигаютъ?

СОКРАТЬ.

О кристалъ

Ты говоришь?

СТРЕПСІАДЪ.

Такъ точно.

СОКРАТЬ.

Хорошо!

Что-жь ты съ нимъ сдѣлаешь?

СТРЕПСІАДЪ.

Я развѣ не могу,
Въ то время, какъ псець начнетъ писать,
Достать кристалъ и, ставши въ сторону,
Навестъ его на солнце и тогда
Весь приговоръ растопится. ⁽⁴⁵⁾

СОКРАТЬ.

Разумно,

Клянусь Харитами! ⁽⁴⁶⁾

СТРЕПСІАДЪ.

Вѣдь какъ пріятно

Все обязательство въ пяти талантахъ
Стереть!

⁽⁴⁵⁾ Древніе писали на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ.

⁽⁴⁶⁾ Хариты или Граціи.

СОКРАТЬ.

Теперь ты вотъ что отыщи.

СТРЕПСИДЪ.

Ну что?

СОКРАТЬ.

Какое средство избѣжать,
Судейскаго рѣшенія въ то время,
Когда ты будешь обвиненъ, и между-тѣмъ
Свидѣтелей достать не можешь?

СТРЕПСИДЪ.

Это

Вещь самая легчайшая.

СОКРАТЬ.

Скажи-же.

СТРЕПСИДЪ.

Когда рѣшенія избѣжать нельзя,
То прежде чѣмъ вину мою объявлять,
Я побѣгу скорѣй и удавлюсь.

СОКРАТЬ.

Ты вздоръ сказалъ.

СТРЕПСИДЪ.

Клянусь богами, правду.

Вѣдь если я умру, тогда меня
Не позовутъ къ суду.

СОКРАТЬ.

Ты глупо говоришь.

Ступай отсюда вонъ: я больше не хочу
Тебя учить.

СТРЕПСИДЪ.

Но по какой причинѣ?

Я именемъ боговъ прошу тебя!

СОКРАТЬ!

Что ты ни выучишь, все позабудешь.
Такъ, на-примѣръ, скажи, о чомъ сейчасъ
Я говорилъ тебѣ?

СТРЕПСИАДЪ.

Постой немножко.

О чомъ ты говорилъ.... о чомъ ты говорилъ....

Постой... постой... какъ это называютъ

Въ чомъ хлѣббы квасять... какъ се?

СОКРАТЬ.

Пошолъ,

Забывчивый и глупый старичиска!

СТРЕПСИАДЪ.

Несчастный я! что мнѣ придется дѣлать?

Погибну я, когда не научусь

Отлично говорить. О, облака!

Подайте мнѣ спасительный совѣтъ.

ХОРЪ.

Старикъ, совѣтуемъ тебѣ, что если

Имѣешь сына, такъ пришли его

Учиться за тебя.

СТРЕПСИАДЪ.

Да, я имѣю

Красиваго и умиаго сынка;

Но ничему учиться онъ не хочетъ.

Что дѣлать?

ХОРЪ.

И ты это переносишь?

СТРЕПСИАДЪ.

Здоровъ, дороденъ онъ, онъ происходитъ

По матери своей отъ знаменитой

Кэсирь. Впрочемъ приведу его.

А если не послушаетъ, то я

Изъ дома выгону его. Войди, Сократъ,

И подожди меня немного.

ХОРЪ.

Цѣнишь ты

Всѣ блага: ими намъ однимъ

Изъ всѣхъ боговъ обязанъ ты.

Вотъ этотъ человекъ готовъ

Все сдѣлать, что ты ни прикажешь.

Ты видишь, какъ онъ изумленъ,
 Какъ пораженъ твоимъ умомъ!
 Такъ изъ него ты все, что можешь,
 Старайся извлекать: вѣдь скоро
 Такая доброта проходитъ.

СТРЕПСИАДЪ (возвращается съ своимъ сыномъ).

Нѣтъ, облаками я клянусь, что долѣше
 Ты здѣсь не будешь жить, а если хочешь,
 То у Мегакла можешь стѣны грызть.

ФИДИПИДЪ.

Что батюшка съ тобой? ты помѣшался,
 Клянуся Зевсомъ Олимпійскимъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Вотъ,

Смотри: «Зевсъ Олимпійскій!» что за вздоръ!
 Скажи, въ твои-ли годы Зевсу вѣрить?

ФИДИПИДЪ.

Да отъ-чего ты такъ хохочешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Отъ-чего?

Да отъ-того, что ты такой ребенокъ,
 И думаешь о глупой старинѣ.
 Но подойди поближе, я тебѣ
 Открою многое, — такую вещь скажу,
 Что ты, узнавъ ее, вдругъ станешь,
 Какъ должно, человѣкомъ, только никому
 Не открывай ее.

ФИДИПИДЪ.

Ну, хорошо,

Да что-же это?

СТРЕПСИАДЪ.

Ты мнѣ Зевсомъ клялся?

ФИДИПИДЪ.

Ну, да.

СТРЕПСИАДЪ.

Смотри, какъ хорошо учиться!

Вѣдь Зевса нѣтъ, мой милый Фидиппидъ.

Фидиппидъ.

Да кто-же править всѣмъ?

Стрепсиадъ.

Кто? Вихрь,

Изгнавшій Зевса.

Фидиппидъ.

Что за пустяки!

Стрепсиадъ.

Да, правда.

Фидиппидъ.

Кто-жъ тебѣ сказалъ объ этомъ?

Стрепсиадъ.

Сократъ и Херофонъ, который знаетъ
Скачокъ блохи измѣрять.

Фидиппидъ.

И ты былъ

Такъ глупъ, что вѣрилъ этимъ сумазбродамъ.

Стрепсиадъ.

Тсъ-тсъ-, неговори объ нихъ дурнаго,
И съ осторожностью суди объ этихъ
Благоразумныхъ и достойныхъ людяхъ:
Они такъ бережливы, что никто изъ нихъ
Не умащается, не брѣется и въ баню
Не ходитъ мыться; ты-же разсыпашешь
Мое богатство, точно умерь я.
Скорѣй ступай, въ замѣнь меня, учиться.

Фидиппидъ.

Но что-жъ хорошаго отъ нихъ узнаю я?

Стрепсиадъ.

И будто это правда? Всѣ познаешь,
Какія только есть у смертныхъ. Самъ
Познаешь, какъ ты и глупъ и жалокъ.
Но подожди немного.

Фидиппидъ.

Что начать?

Сбѣсился мой отецъ! Что дѣлать мнѣ?
Въ судъ-ли объявить о бѣшенствѣ его,
Иль предувѣдомить объ этомъ грободѣловъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Смотри, какъ назовешь ты эту птицу?

ФИДИПИДЪ.

Какъ? пѣтухомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, хорошо, а въ женскомъ какъ?

ФИДИПИДЪ.

Какъ? пѣтухомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Объихъ пѣтухомъ?

Забавно это! только ты впередъ

Не смѣй такъ безтолково говорить,

А одного зови ты пѣтухомъ,

Другаго курицей.

ФИДИПИДЪ.

Другаго курицей?

Ты такъ сказалъ? Такъ этимъ-то вещамъ

Ты научился у сыновъ земли?

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ, многому они меня учили;

Но я за старостью все забывалъ,

Что ни выучивалъ.

ФИДИПИДЪ.

Такъ ты за тѣмъ

И плащъ свой потерялъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ, я его

Не потерялъ, но я его *промыслилъ*.

ФИДИПИДЪ.

А съ обувью твоей что случилось, дуракъ!

СТРЕПСИАДЪ.

Ее на нужное истратилъ. Такъ

Сказалъ Периклъ. Иди, ступай со мною,

Послушайся отца; объ остальномъ

Не хлопочи. Когда тебѣ еще

Не минуло шести годовъ, и ты

Едва могъ лепетать, я слушался тебя;

Я первый мой оболъ употребилъ

На то, чтобы тебѣ, для праздника Зевеса,
Купить колясочку.

ФИДИПИДЪ.

И каешься ты въ этомъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Пусть такъ, но ты послушайся меня.
Пойди, Сократъ! Я сына моего привелъ,
Онъ уступилъ мнѣ желаніямъ.

СОКРАТЪ.

Конечно,

Ребенокъ этотъ не созрѣлъ еще
Для всѣхъ видѣній нашихъ.

ФИДИПИДЪ.

Ты-бы лучше

Созрѣлъ, когда-бъ повѣсили тебя.

СТРЕПСИАДЪ.

Безумецъ! ты наставника ругаешь!

СОКРАТЪ (*передразнивая*).

«Когда-бъ повѣсили.» Ты такъ сказалъ?
Какое скверное произношенъе!
Какъ открываетъ онъ свой ротъ! Ну, какъ
Онъ можетъ научиться выиграть тяжбу,
Какъ обвинить враговъ, какъ опровергнуть
Всѣ доказательства противниковъ?
Гиперболь, вѣрно, за одинъ талантъ
Всею его училъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Не безпокойся,

Но только наставляй. Онъ, отъ природы,
Имѣетъ умъ. Еще онъ былъ ребенкомъ
И уже строилъ домики у насъ,
Долбилъ кораблики, изъ кожи дѣлалъ
Колясочки, изъ шелухи гранатъ
Лагушекъ рѣзалъ. Ты учи его
Двумъ разсужденіямъ — сильному сперва
И послѣ слабому: послѣднее надъ первымъ
Неправдою всегда восторжествуетъ.
Такъ прежде научи его неправдѣ.

СОКРАТЬ.

Обонмъ разсужденьямъ научу.

СТРЕПСИАДЪ.

Я ухожу, но помни, чтобъ онъ могъ
Опровергать все то, что справедливо.

=

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Приди сюда, и смѣлый покажись
Предъ зрителями.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я, куда ты хочешь,
Пойду. Не трудно мнѣ передъ толпою
Тебя словами уничтожить.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты

Скорѣй погибнешь самъ. Кто ты?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я разсужденье.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но слабое.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Тебя, хоть ты и говоришь, что ты
Сильнѣй меня, тебя я уничтожу.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какими способами?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Новизною

Моихъ находокъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Это правда; нынѣ

Все новое въ почетъ черезъ этихъ
Глушцовъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Скажаль-бы лучше, этихъ мудрыхъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Тебя совѣмъ я уничтожу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я правду выскажу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ

Но рѣчь твою

Я опровергну. Ложь-же поддержи.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Уже ли правды нѣтъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Да, нѣтъ, а если есть,

Скажи мнѣ, гдѣ она?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Есть у боговъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но если правда есть, то какъ-же не погибъ

Зевесъ, сковавшій своего отца?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Какъ, что? и ты до этого доходишь!

Скорѣ чашу дайте! (47)

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты болтунъ.

Безсильный!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты безстыдный и безчестный!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты розы мнѣ дарить.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Наглецъ!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Меня

Вѣнчаешь лліями ты.

(47) Чувство отвращенія, доходящее до тошноты.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Отцеубійца!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Дождикъ золотой ты сыплешь на меня.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Въ былое время влили-бы тебѣ

Въ пасть олово горячее.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

А нынѣ

Все это мнѣ замѣнить украсенья.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безстыдный!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безразсудный!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты причина,

Что юноши въ училища не ходятъ.

Афиняне когда-нибудь узнаютъ

Все зло, которое внушаешь ты

Безумцамъ этимъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Твой ничтожный видъ

Противенъ мнѣ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Теперь ты сталъ богатъ,

А прежде нищимъ былъ, подъ именемъ Телеса

Мизійскаго, таскалъ въ своей сумѣ

Лишь изрѣченъя Панделета. (48)

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

О мудрецъ!

Какую старину припомнилъ ты!

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Твое и нашихъ гражданъ безразсудство

Питаетъ порчу юношей.

(48) Насмѣшка надъ однимъ современнымъ любезникомъ и доносчикомъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ты хочешь,

Чтобъ этотъ юноша тебѣ послушенъ былъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Конечно, если онъ спасти себя желаетъ,

И болтовнѣ одной не хочетъ научиться.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Поди скорѣй ко мнѣ, оставь бузумца.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Раскаешься ты, если съ нимъ сдружишься.

ХОРЪ.

Оставьте ваши жалобы и брань;

Скажи ты намъ, чему въ былое время

Ты научалъ людей, и ты намъ расскажи

О новомъ воспитаніи. Тогда

И юноша, услышавъ ваши рѣчи,

Разсудитъ самъ, что выбрать-бы ему.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я этого весьма хочу.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я также.

ХОРЪ.

Но кто-же первый говорить начнетъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Пусть онъ начнетъ; когда-же онъ окончитъ,

Я, какъ стрѣлами, поражу его

Рѣчами новыми и мыслью новой.

Но если послѣ будетъ хрюкать онъ,

То краснорѣчіе мое, какъ осы,

Начнетъ его колоть въ глаза, въ лицо.

ХОРЪ.

Вы всеми способами краснорѣчья,

Глубокомысліемъ и силой слова

Теперь должны предъ нами показать,

Кто первенства изъ васъ достоинъ.

О философіи теперь идетъ вопросъ,

И за меня друзья мои воюють.

О ты, который славныхъ предковъ нашихъ,

Такъ часто добродѣтелью вѣнчалъ,

Ты голосъ свой теперь возвысь въ защиту
Того, что ты такъ обожаешь, покажи,
Кто ты такой.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Хочу я разсказать
Какое вдревле было воспитанье:
Я разскажу о тѣхъ цвѣтущихъ дняхъ,
Когда я истину открыто говорилъ
И скромность правы наши украшала.
Дитя тогда не могъ подать свой голосъ;
И юноши въ училище ходили
По улицамъ въ порядкѣ, безъ одеждъ,
Хотя-бъ снѣгъ сыпалъ, какъ мука сквозь сито;
Въ училищѣ они сидѣли чинно.
И ихъ учили пѣть: «О грозная Паллада,
Рушительница городовъ» иль этотъ гимнъ:
«Крикъ издали несется;» сохраняли
Они всю важность древняго напѣва,
Завѣщаннаго имъ отъ дѣдовъ. Если-жъ
Задумаль-бы вдругъ кто-нибудь изъ нихъ
Иль шутку отпустить или запѣть
Съ изысканной и нѣжною прикрасой,
Введенной Фринихомъ, того сейчасъ,
Какъ недруга всѣхъ музъ, хлестали.
Въ училищѣ тѣлесныхъ упражненій
Они сидѣли, протянувши ноги,
Чтобъ неприличія избѣгнуть; каждый,
Вставая съ мѣста, заметалъ песокъ,
Чтобы на немъ слѣда не оставалось.
И легкій пухъ, какъ у плодовъ, ихъ тѣло
Все покрывала. И съ женскимъ голосомъ они
Къ любовникамъ на встрѣчу не бѣжали,
Ихъ сладострастнымъ взглядомъ не манили.
Не позволялось дѣтямъ есть ни хрѣну,
Ни рыбы, ни петрушки, ни дроздовъ,
Класть ногу на ногу имъ запрещалось.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Все это устарѣло: это изъ время

Стрекозъ, ⁽⁴⁸⁾ Киклада, древнихъ жертвъ воловьихъ
И празниковъ Диополідійскихъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Такъ,

По это воспитанье возрастило
Бойцовъ при Марафонѣ; ты-же нынѣ
Закутываться въ платье имъ велишь.
Я негоую, видя пляску ихъ
На шумныхъ праздникахъ Панаѳнейскихъ,
Когда они, Паладѣ въ попошенье,
Щиты передъ собой неловко держать.
Вотъ, юноша, къ себѣ меня возьми
Въ наставники, — и ты любить не будешь
Ни тяжбъ, ни ябедъ, посѣщать не станешь
Ты теплыхъ бань; безчестные поступки
Краснѣть тебя заставятъ; если будутъ
Смѣяться надъ стыдливостью твоей,
Ты огорчишься; будешь ты вставать
Предъ старшими, родителей своихъ
Не опечалишь никогда, дурнаго
Не будешь дѣлать. Юноша стыдливость
Изображать собою долженъ. Не пойдешь
Смотрѣть на наглыхъ женщинъ, опасаясь,
Что въ мигъ, какъ будетъ въ изступленьи,
Не бросила-бы яблока ⁽⁴⁹⁾ тебѣ
Одна изъ нихъ, и не лишила-бы тебя
Молвы хорошей. Ты отцу не станешь
Противорѣчить и надъ старостью его
Смѣяться не захочешь; ты забудешь
Всѣ недостатки въ томъ, кто воспиталъ тебя.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Вѣръ юноша ему! клянусь я Бакхомъ
Ты будешь тощъ, какъ дѣти Гипократа,
Иссохнешь какъ трава.

⁽⁴⁸⁾ Въ отдаленной древности въ Афинахъ была у женщинъ мода носить въ волосахъ стрекозу, сдѣланную изъ золота.

⁽⁴⁹⁾ Въ залогъ любви.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

На всёхъ ристаньяхъ

Ты будешь побѣдителемъ; на площади
 О разныхъ глупостяхъ не будешь толковать,
 Хотя многіе такъ дѣлають теперь.
 Не будешь затѣвать изъ вздора тяжбы,
 Въ которой, отъ взаимныхъ перебранокъ,
 Имущество ты можешь потерять;
 Ты въ Академію пойдешь, подь тѣнью
 Оливъ священныхъ будешь ты гулять.
 Вѣнокъ изъ тростника и изъ цвѣтовъ
 Твое чело украсить, и досуги
 Раздѣлишь ты съ ровесникомъ твоимъ.
 Ты насладишься сладкимъ благовошемъ
 И тополя, и дуба, въ день веселій,
 Когда платанъ и вязъ другъ съ другомъ шепчуть.
 И если то, что я сказалъ, исполнишь,
 То будешь ты имѣть и сильныя плеча,
 И грудь широкую, и свѣжее лицо,
 И твой языкъ коротокъ будетъ.
 Когда-же будешь жить, какъ прочіе живутъ,
 То будешь ты имѣть безильныя плеча,
 Грудь сжатую и блѣдное лицо,
 И дологъ будетъ у тебя языкъ.
 И къ ябедѣ твой умъ способенъ станетъ.
 И то хорошимъ будешь почитать,
 Что стыдъ приносить; и безчестнымъ
 Ты дѣло честное сочтешь, и наконецъ,
 Какъ Антимахъ, себя ты опозоришь.

ХОРЪ.

О ты, который обитаешь
 Во храмахъ мудрости высокою,
 Твои слова благоухаютъ,
 Какъ пышные цвѣты!
 Блаженны жившіе въ то время,
 Когда еще ты въ славѣ былъ!

(Къ Несправедливому)

Владѣтель множества рѣчей,
 Ты долженъ новыя найти слова.
 Противникъ твой насъ поразилъ.

Ты долженъ взять другія средства,
 Когда его ты хочешь побѣдить,
 Чтобъ самому не быть предметомъ смѣха.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Давно отъ петергѣнья задыхаюсь,
 И рѣчь его хочу я опровергнуть.
 Меня всегда зовутъ несправедливымъ
 Всѣ мудрецы, за то, что первый я
 Придумалъ средство, какъ опровергать
 И справедливость и законъ. Не правда-ль,
 Что дорого умѣние — представить
 Ложь истиной? Смотрите вы, какъ я
 Разрушу до конца все воспитанье,
 Которымъ такъ гордится онъ. Ты запрещаешь
 Намъ въ бани теплыя ходить? За-чѣмъ
 Такъ бани теплыя ты порицаешь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Онъ опасенъ, — расслабляютъ тѣлю.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Постой! я удержу тебя: ты ускользнуть
 Не можешь отъ меня! Ты отвѣчай:
 Кто изъ дѣтей Зевеса всѣхъ смѣлѣе былъ,
 Кто подвиговъ всѣхъ больше совершилъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я думаю, Гераклъ былъ всѣхъ славнѣе.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но гдѣ-жъ холодные ты видѣлъ бани,
 Которыя-бы звали въ честь Геракла. ⁽⁵⁰⁾
 Однако кто-же былъ его храбрѣе?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

И эти рѣчи юноши твердятъ!
 Отъ этого и бани посѣщаютъ,
 Тогда какъ всѣ палестры пусты.

(50) Всѣ теплыя источники назывались Геракловыми, въ честь Геркулеса.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Бранишь ты разговоръ на площадяхъ,
Его я защищаю. Если-бъ это
Худое дѣло было, то Омръ
Ни Нестора и ни другихъ людей разумныхъ,
Витіями не сдѣлалъ-бы. Отсюда
Перехожу къ употребленію языка:
Онъ говоритъ, что юношамъ недолжно
Усовершенствоваться его? А я,
Я думаю совѣмъ на оборотъ.
Онъ цѣломудріе хранить внушаетъ?
Вотъ бесполезная и глупая задача!
Скажи, кому оно полезно было?
Скажи и опровергни.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Очень-многимъ.

Изъ за-него Пелей (51) мечъ получилъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Мечъ получилъ!... къ чему-же онъ ему годился?
Не болѣе-ль съ свѣтильниками выигралъ
Гиперболь? — Дѣло здѣсь не о мечѣ. —

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

За цѣломудріе Пелей Оетиду
Въ сунруги получилъ..

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Его оставя,

Она ушла. Онъ не былъ сладострастець —
А отъ-того жена его скучала. Ты —
Отжившій вѣкъ болтунъ!... Смотри, мой сынъ,
Я цѣломудрія весь вредъ представлю.
Оно лишаетъ насъ вѣхъ наслажденій,
Пировъ, вина и смѣха. Стоитъ-ли и жить,
Отъ этихъ удовольствій отказавшись?
Я здѣсь остановлюсь, и перейду
Къ потребностямъ природы нашей:

(51) Отецъ Геркулеса.

Ты сдѣлалъ преступленіе: ты любилъ;
 Тебя за преступленіе захватили,
 И ты погибъ, когда ты не умѣешь
 Себя спасти. Со мною-же ты можешь
 И наслаждаться жизнью, и плясать,
 И хохотать, и надо всёѣмъ смѣяться.
 Застанетъ мужъ тебя съ своей женою,
 Ты утверждай, что ты не виноватъ,
 И всю твою вину свали на Зевса,
 Скажи, что самъ онъ уступалъ любви
 И женщинамъ. Возможно-ли, что-бъ смертный
 Могъ долѣе крѣпиться, тѣмъ Зевесъ?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Но съ наставленіемъ твоимъ постигнетъ
 Его казнь лютая, ⁽⁵²⁾ и чѣмъ тогда
 Отговорится онъ?

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что-жъ тутъ худаго?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что можетъ быть ужаснѣе!

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Что скажешь

Когда на это есть причина?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Замолчу.

Что-жъ больше дѣлать мнѣ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Итакъ скажи,

Что за народъ витіи?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Люди безъ стыда.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я вѣрю. Сочинители трагедій?

(⁵²) Благопристойность мѣшаетъ сказать о казни, опредѣленной пре-
 лубодѣямъ.

Безчестные.

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ну, хорошо! А демагоги?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безчестные.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Вотъ видишь ты, что вздоръ

Мнѣ говоришь. На зрителей взгляни,

Кого всѣхъ болѣе межъ ними?...

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Погоди,

Смотрю.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Ну, хорошо. Кого-жъ ты видишь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Безчестныхъ болѣе всего: вотъ тамъ

Одинъ, а вотъ другой, а вотъ и третій,

Кудрявый тамъ сидитъ.

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ.

Такъ что-жъ ты скажешь?

СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Я побѣжденъ. Скорѣй возьмите плащъ,

Я въ ваше общество теперь вступаю.

СОКРАТЬ.

Ну, что-же, хочешь увести ты сына,

Или оставить у меня, чтобъ я

Могъ научить его некусно говорить?

СТРЕПСИДЪ.

Учи и бей его; но только не забудь

Усовершенствовать его языкъ

Въ двухъ отношеньяхъ : во-первыхъ, чтобъ онъ могъ
 О пустякахъ отлично говорить,
 А во-вторыхъ, чтобы онъ въ важномъ дѣлѣ
 Взялъ верхъ надъ всеми.

СОКРАТЬ.

Ты ужь будь покоенъ.

Съ-умѣю сдѣлать ловкаго софиста.

ФИДИПИДЪ.

И жалкаго, и блѣднаго.

СТРЕПСИАДЪ.

Войди.

ФИДИПИДЪ.

Когда-нибудь да каяться ты будешь.

ХОРЪ.

Хотимъ сказать мы пашимъ судьямъ,
 Какая польза будетъ имъ,
 Когда они къ намъ будутъ справедливы.
 Весной, когда начнете вы
 Работать на своихъ поляхъ,
 То первымъ вамъ пошлемъ мы дождикъ,
 Другимъ его пошлемъ мы послѣ.
 Когда-жъ на виноградныхъ лѣзахъ
 Созрѣютъ гроздія, то мы
 Для васъ ихъ сохранимъ отъ зноя,
 Отъ сырости ихъ бережемъ.
 Но если кто-нибудь изъ васъ,
 Самъ смертный насъ безсмертныхъ оскорбитъ
 Пусть онъ о тѣхъ бѣдахъ помыслитъ,
 Какими мы грозимъ ему.
 Съ своихъ полей онъ не получитъ
 Ни хлѣба, ни вина; когда-жъ
 Созрѣютъ гроздія на лѣзахъ,

То мы тогда ихъ истребимъ,
 И все опустошимъ грозою.
 И если онъ изъ кирпичей
 Построитъ имъ ограду, мы
 Дождемъ ее размоемъ, градъ
 Расколеть черепицы кровли.
 И если женится онъ самъ
 Иль родственникъ иль другъ его,
 Мы устремимъ дождей потоки,
 Да такъ, что лучше онъ захочетъ
 Въ Египтъ быть, чѣмъ говорить
 Объ насъ несправедливо.

СТРЕПСИАДЪ.

Еще пять дней, потомъ четыре, три, тамъ два,
 Потомъ и тотъ, что такъ меня пугаетъ,
 Котораго боюсь и ужасаюсь —
 День новолунія. Займодавцы
 Немедленно потребуютъ уплаты.
 Они клянутся разорить меня,
 Они моей погибели желаютъ.
 Хотя моя къ нимъ просьба справедлива:
 «Дружокъ, — такъ каждаго изъ нихъ прошу, —
 «Ты не бери съ меня теперь всѣхъ денегъ, —
 «Прибавлю я, — ты только потерпи!»
 Они мнѣ говорятъ, что такъ не лзя,
 Что такъ я никогда не расплачусь;
 Кричатъ, что ихъ считаю я глупцами
 И жаловаться на меня хотятъ.
 Пусть жалуются. Право я не слишкомъ
 Объ этомъ буду хлопотать, когда
 Мой Фидипидъ научится искусству
 Отлично говорить: пойду сейчасъ
 Объ немъ освѣдомиться; постучусь
 Въ училище. Сынокъ! гдѣ ты, сынокъ?
 Гдѣ ты?

СОКРАТЬ.

Привѣтствую я Стрепсиада.

СТРЕПСИАДЪ.

А я Сократа, по сперва возьми
 Вотъ это; справедливо сдѣлать
 Наставнику подарокъ. Но скажи,
 Какъ мой сынокъ успѣлъ въ своихъ занятяхъ,
 Учился-ли онъ славнымъ разсужденьямъ?

СОКРАТЬ.

Учился.

СТРЕПСИАДЪ.

Хорошо. Искусѣйшій обманъ!

СОКРАТЬ.

И тяжбу всякую онъ выиграть можетъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Хотя-бы были при моемъ заемѣ
 Свидѣтели?

СОКРАТЬ.

Да хоть-бы тысяча была.

СТРЕПСИАДЪ.

Итакъ могу я громко закричать:
 «Ростовщики! теперь-то вамъ бѣда!
 Погибли вы, вы потеряли
 И деньги, и проценты; вы теперь
 Меня не смѣйте тронуть! Въ этомъ домѣ
 Я сына воспиталъ: его языкъ
 Двойное остріе имѣетъ; онъ
 Бичомъ моихъ враговъ, моей подпорой,
 Освободителемъ моимъ онъ будетъ.»
 Зови его скорѣй! мой сынъ, мое дитя!
 Бѣги! родителя ты слышишь голосъ.

СОКРАТЬ.

Вотъ онъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Дружочекъ мой!

СОКРАТЬ.

Теперь

Отсюда увести его ты можешь.

(Сократъ уходитъ).

СТРЕПСИАДЪ.

Ай! ай! дитя мое! о какъ я радъ,
 Что ты въ лицѣ совсѣмъ перемѣнился:
 Твой взглядъ показываетъ челоуѣка,
 Готоваго все опровергнуть и всему
 Противорѣчить. Во-время ты можешь
 Теперь сказать: «Что ты мнѣ говоришь?»
 Умѣешь ты обиженнымъ казаться
 И обижать другихъ. И въ самомъ взглядѣ
 Аттическомъ нѣчто ты имѣешь.
 Однако постарайся мнѣ помочь —
 Вѣдь ты-же самъ и погубилъ меня.

ФИДИПИДЪ.

Чего-жъ боишься ты?

СТРЕПСИАДЪ.

Боюсь луны,

И молодой-то я боюсь, и старой.

ФИДИПИДЪ.

Это что,

Луна и старая и молодая?

СТРЕПСИАДЪ.

Она лишь явится, и на меня
 Поступитъ жалоба.

ФИДИПИДЪ.

И это имъ

Послужитъ въ обвиненіе: луна
 Двоякой быть не можетъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Какъ не можетъ?

ФИДИПИДЪ.

Да такъ, какъ женщина не можетъ быть
 И молодой и старой разомъ.

СТРЕПСИДЪ.

Но законъ

Такъ требуетъ.

ФИДИПИДЪ.

Они въ законъ смысла

Не понимаютъ.

СТРЕПСИДЪ.

Что-жь сказать ты хочешь?

ФИДИПИДЪ.

Старикъ Солопъ любилъ народъ?

СТРЕПСИДЪ.

Но это

Съ луною молодой и старой вовсе,
Какъ кажется мнѣ, связи не имѣеть.

ФИДИПИДЪ.

Онъ для уплаты всѣхъ долговъ назначилъ

Два дни — день молодой луны и старой.

Желалъ онъ, чтобы требованья были

Отложены всегда до новолунья.

СТРЕПСИДЪ.

За-чѣмъ-же онъ прибавилъ «старой?»

ФИДИПИДЪ.

Ну, за-чѣмъ;

Чтобъ тотъ, кто принужденъ платить долги,

Могъ мирно кончить дѣло; если-жь нѣтъ,

Такъ, чтобы утромъ послѣ новолунья

Могли удвоить притѣсненья.

СТРЕПСИДЪ.

Но за-чѣмъ

Правительство уплаты не беретъ

Въ день первый мѣсяца, но принимаетъ

Въ день молодой луны и старой?

ФИДИПИДЪ.

Такъ

Хотятъ начальники, и какъ обжоры,

Они въ одинъ лишь день хватаютъ все,
 Чтось деньгами внесенными живитесь.

СТРЕПСИАДЪ.

О жалкіе глупцы, добыча мудрыхъ,
 Чтось дѣлаете вы, хотя по всюду
 Разбросаны вы точно камни, стадо
 Обманщиковъ, послушные бараны!
 Какъ стружки, вы лежите другъ на другѣ.
 Въ честь сына моего я пѣсню запою. —
 «Счастливецъ Стрепсиадъ, какъ ты умеешь
 И чтось за сына ты имѣешь!» — такъ
 Начнутъ мнѣ говорить друзья мои;
 Всѣ граждане такъ будутъ поздравлять,
 Когда ты всѣ дѣла мои поправишь
 Своимъ отличнымъ краснорѣчьемъ. Но войдемъ.
 Тебѣ обѣдъ хорошій я сготовилъ.

(Они входятъ въ домъ).

ПАСИЙ. *(съ свидѣтелемъ)*

Должны-ль мы жертвовать имѣниемъ
 Для выгоды чужой? Навѣрно, нѣтъ!
 Я долженъ былъ-бы съ самаго начала
 Оставить ложный стыдъ, чѣмъ претерпѣть
 Такое множество неудовольствій.
 Теперь, чтобъ могъ я получить свое добро,
 Я долженъ взять въ свидѣли тебя
 И изъ сосѣда сдѣлаться врагомъ —
 Пусть будетъ такъ; покуда я въ живыхъ,
 Достоинъ буду я моей отчизны. (53)
 Я Стрепсиада въ судъ зову.

(53) Намѣшка надъ Афинянами, которые были страстные охотники до тяжбъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Кто тамъ?

ПАСІЙ.

День молодой луны и старой.

СТРЕПСІАДЪ *(къ свидѣтелю)*.

Я тебя

Беру въ свидѣтели, что онъ два дни
Показываетъ разомъ; по чего-жь
Ты хочешь отъ меня?

— ПАСІЙ.

Двѣнадцать мнѣ,

Которыя я далъ тебѣ, когда

Ты лошадь покупалъ?

СТРЕПСІАДЪ.

Я лошадь покупалъ?

Да что съ тобой? вѣдь всѣмъ извѣстно,
Что не охотникъ я до лошадей.

ПАСІЙ.

Богами клялся ты мнѣ ихъ отдать.

СТРЕПСІАДЪ.

Да точно клялся я, пока мой сынъ

Не обладалъ искушеными рѣчами.

ПАСІЙ.

И ты по этому не хочешь мнѣ платить?

СТРЕПСІАДЪ.

Какую-жь выгоду другую я могу
Отъ этой получить науки?

ПАСІЙ.

Какъ,

Ты смѣешь предъ богами отречься,
Когда я на твою ссылаюсь клятву?

СТРЕПСІАДЪ.

Какими-же богами я поклялся?

ПАСІЙ.

Зевесомъ, Гермиемъ и Посидономъ.

СТРЕПСИДЪ.

Да такъ охотно дамъ я три обола,
Чтобъ произнестъ такую клятву.

ПАСИЙ.

Боги

Тебя накажутъ за безстыдство.

СТРЕПСИДЪ.

Изъ него

Мѣхъ для вина отличный можно сдѣлать.

ПАСИЙ.

И ты еще смѣнешся надо мной?

СТРЕПСИДЪ.

Въ него-бъ вошло ушатовъ шесть.

ПАСИЙ.

Зевесомъ

И прочими богами я клянусь,
Что надъ собой ругаться не позволю.

СТРЕПСИДЪ.

Смѣшишь меня богами! Зевсъ, которымъ
Клянешься ты, забавенъ для людей
Ученыхъ.

ПАСИЙ.

Строго будешь ты наказанъ
За богохульство. Но заплатишь-ли ты мнѣ?
Да, или нѣтъ? Скажи, и не держи меня.

СТРЕПСИДЪ.

Не много подожди, сейчасъ отвѣтъ я дамъ.

— *(Онъ входитъ въ домъ).*

ПАСИЙ.

Какъ думаешь, что будетъ дѣлать онъ.

СВИДѢТЕЛЬ.

Я думаю — отдастъ.

СТРЕПСИДЪ.

Гдѣ тотъ, который

Меня просилъ о деньгахъ? говори,

Что́ это?

ПАСИЙ.

Что́? квашникъ.

СТРЕПСИАДЪ.

И ты такъ наглъ,

Что денегъ требуешь, невѣжда! Нѣтъ,

Ни одного обола не отдамъ

Тому, кто квашникомъ зоветъ квашню.

ПАСИЙ.

Такъ ты мнѣ не заплатишь?

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ, тебя

Я проучу.... Но скоро-ли все кончишь?

Ступай отсюда вонъ!

ПАСИЙ.

Да, я пойду;

Но соглашусь скорѣе умереть,

Чѣмъ откажусь отъ денегъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Это значитъ

Что ты къ двѣнадцати пропавшимъ минамъ

Еще прибавишь столько; вѣдь по правдѣ

Сказать, мнѣ жаль тебя, что за незнанье

Родовъ именъ ты претерпѣлъ потерю.

==

АМНИЙ.

Несчастный я!

СТРЕПСИАДЪ.

Кто тамъ стенаетъ такъ?

Не изъ Коркиновыхъ-ли (54) кто боговъ?

Аминій.

Ты хочешь знать, что я? Несчастный я.

СТРЕПСІАДЪ.

Ступай своей дорогой.

Аминій.

Зевсъ жестокій!

Ужасная судьба! ты колесницу

Мою сломала. О, Паллада, ты

Меня на вѣки погубила...

СТРЕПСІАДЪ.

Что за зло

Тебѣ могъ сдѣлать Тлеполемъ? (55)

Аминій.

Не смѣйся,

Но сыну прикажи отдать мнѣ деньги;

Особенно сегодня я несчастливъ!

СТРЕПСІАДЪ.

Какія деньги?

Аминій.

Тѣ, которыя онъ занялъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Да, въ-самомъ-дѣлѣ, ты мнѣ жалокъ.

Аминій.

Увы! сего-дня я упалъ, скакавши

На лошади.

СТРЕПСІАДЪ.

Ты лжешь, свалился ты

Съ осла. (56)

(54) Коркинь — трагикъ, выведенный на сцену нѣкоторыхъ боговъ, которые плакали и вздыхали.

(55) Пародія на одну трагедію.

(56) *κατὰ πέβου κλ' ὄνου* или *ἀπὸ νοῦ*, греческій каламбуръ, который въ первомъ случаѣ должно перевести *упасть съ осла*, а во второмъ *сойти съ-ума*.

Аминий.

Да, отъ-того я лгу, что спрашиваю долгъ.

СТРЕПСИДЪ.

Ты, кажется мнѣ, боленъ.

Аминий.

Отъ-чего?

СТРЕПСИДЪ.

Случилось потрясенье въ головѣ твоей.

Аминий.

Клянуса Гермесомъ! ты въ судъ пойдешь,
Когда мнѣ денегъ не отдашь.

СТРЕПСИДЪ.

Скажи,

Какъ думаешь ты, если дождь идетъ,
То изъ какой воды, изъ новой
Иль постоянно изъ одной и той-же,
Которую притягиваетъ солнце?

Аминий.

Не знаю я, да мнѣ какое дѣло!

СТРЕПСИДЪ.

Но какъ-же хочешь ты, чтобы тебѣ
Платили деньги, если не имѣешь
Понятя о вещахъ небесныхъ?

Аминий.

Если

Всего отдать не въ состояннн, то,
По-крайней-мѣрѣ, заплати проценты.

СТРЕПСИДЪ.

Проценты? Чтó за звѣри?

Аминий.

Это деньги,

Которыя растутъ, растутъ, по мѣрѣ
Того, какъ время протекаетъ: больше
Ихъ дѣлается съ каждымъ мѣсяцемъ и днемъ.

СТРЕПСИДЪ.

Прекрано! но скажи мнѣ, стало-ль море

Теперь обширяте пль все такое-жь?

АМНИЙ.

Конечно нѣтъ, оно одно и тоже,

И увеличиться ему опасно.

СТРЕПСИАДЪ.

Безмысленный! ну какъ-же, если море,

Въ которое впадаетъ столько рѣкъ,

Не увеличится, то какъ-же хочешь ты,

Чтобъ увеличивались деньги? Вонъ ступай!

Прочь отойди! Подайте-ка дубину!

АМНИЙ.

Свидѣтели! свидѣтели!

СТРЕПСИАДЪ.

Пошелъ!

Ты слышишь-ли? Негодная клячонка!

АМНИЙ.

Не оскорбленье-ль это?

СТРЕПСИАДЪ.

Да уйдешь-ли ты?

Вотъ я тебя! Спасайся поскорѣй!

И колесницѣ и твоимъ колесамъ

Я покажу дорогу.

==

ХОРЪ.

Вотъ что значитъ

Любить неправду. Этотъ старичишка

Пристрастенъ къ ней, своимъ заимодавцамъ

Платить не хочетъ онъ; но невозможно,

Чтобъ съ нимъ чего худаго не случилось

За все его обманы; онъ увидитъ,

Какъ сбудутся желанія его:

Желалъ онъ, чтобы сынъ его былъ въ-силахъ

Противорѣчить разуму, и выиграть

Несправедливую, любую тяжбу;
 Но, можетъ-быть, онъ скоро пожелаетъ,
 Чтобъ сынъ его былъ лучше нѣмъ.

СТРЕПСІАДЪ.

Ой, ой! сосѣди, граждане, родные!
 Спасите, помогите! бьютъ меня!
 Ай, ай! по головѣ, ой! по зубамъ!
 Злодѣй! ты бьешь отца!

ФИДИПІДЪ.

Да, бью отца.

СТРЕПСІАДЪ.

Вы слышите, онъ въ этомъ признается.

ФИДИПІДЪ.

Конечно.

СТРЕПСІАДЪ.

О злодѣй! Отцеубійца!

О святотатець!

ФИДИПІДЪ.

Повтори еще,

Прибавь еще ругательствъ: мнѣ пріятно
 Ихъ слышать.

СТРЕПСІАДЪ.

О безчестный!

ФИДИПІДЪ.

Ты даришь

Мнѣ розы.

СТРЕПСІАДЪ.

Вѣдь ты бьешь отца?

ФИДИПІДЪ.

И докажу, что бить имѣю право.

СТРЕПСИАДЪ.

Возможно-ли имѣть на это право!

ФИДИПИДЪ.

Я докажу, ты будешь убѣжденъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Я буду убѣжденъ?

ФИДИПИДЪ.

И очень-просто.

Лишь мнѣ скажи, какое разсужденъе

Желаешь ты, чтобъ я употребилъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Употребилъ какое разсужденъе?

ФИДИПИДЪ.

Ну, сильное или слабое.

СТРЕПСИАДЪ.

Ужъ слишкомъ

Я научилъ тебя противорѣчить правдѣ,

Когда ты мнѣ желаешь доказать,

Что дѣти бить отцовъ имѣютъ право.

ФИДИПИДЪ.

Итакъ я докажу, что ты, услышавъ

Слова мои, не будешь знать, что отвѣчать.

СТРЕПСИАДЪ.

Желалъ-бы я послушать, что ты скажешь.

ХОРЪ.

Старикъ! теперь твоя забота

На должный путь наставить сына: ты будешь

Онъ не былъ-бы такъ дерзокъ, если-бъ

Не полагался на успѣхъ:

Опору, вѣрно, онъ имѣеть,

Видна увѣренность его!

Но прежде разскажи ты хору,

За что разсорился вы.

СТРЕПСИДЪ.

Я разскажу вамъ о причинѣ ссоры:
 Я подь-конецъ обѣда попросилъ,
 Чтобъ онъ взялъ лиру и, на ней играя,
 Пропѣлъ-бы съ чувствомъ пѣсню Симонида
 «О золотомъ Руиѣ», и вдругъ онъ сталъ
 Мнѣ говорить, что глупо за столомъ
 Играть и пѣть, какъ женщина, когда
 Она толчетъ крупу.

ФИДИПИДЪ.

И ты не стонишь
 Чтобы душить и бить тебя? Ты захотѣлъ
 Чтобъ я, какъ стрекоза, пѣлъ за обѣдомъ!

СТРЕПСИДЪ.

Сперва онъ это мнѣ сказалъ, потомъ
 Сталъ говорить, что Симонидъ плохой поэтъ;
 Не безъ труда удерживался я
 И попросилъ его, по-крайней-мѣрѣ,
 Взять миртовую вѣтвь ⁽⁵⁷⁾ и разсказать
 Какойнибудь отрывокъ изъ Эхила.
 А онъ сказалъ: «Безспорно, что Эхилъ
 Первѣйшій изъ поэтовъ: онъ надуть,
 Наныщенъ, безпорядоченъ, перовень!»
 Вы можете вообразить, какъ я
 Былъ разсерженъ, но я не горячился.
 «Ну, хорошо, — сказалъ я: — спой ты мнѣ
 Хотя что-нибудь прекрасное изъ новыхъ
 Поэтовъ». Тутъ онъ сталъ изъ Еврипида
 Отрывокъ пѣть, въ которомъ, Зевсъ великій!
 Описаны неслыханныя вещи... ⁽⁵⁸⁾
 Тутъ я не вытерпѣлъ, сталъ осыпѣть
 Его укорами, мы оба разсердились,
 Другъ съ другомъ мы бранились, и тогда

⁽⁵⁷⁾ Держать миртовую или лавровую вѣтвь было въ обыкновеніи, когда кто-либо пѣлъ за обѣдомъ.

⁽⁵⁸⁾ Изъ *Эола*, трагедіи Еврипида, отъ которой до насъ дошли только отрывки.

Онъ бросился ко мнѣ и сталъ меня
Душить, давить и бить.

Фидипидъ.

На это право

Имѣлъ я: лучшаго поэта Еврипида
Осмѣлился ты осуждать!

Стрепсидъ.

Онъ лучший!

Кто, онъ? какъ я скажу! Да что-жь ты бьешь меня

Фидипидъ.

Да, быю и бить имѣю право.

Стрепсидъ.

Право?

Безстыдный, бить того, кто въ дѣтствѣ
Угадывалъ по первымъ лепеталямъ
Твои желанья. «Бриль» бывало скажешь
Я понималъ и приносилъ тебѣ питье.
«Мамманъ» ты скажешь, хлѣба я давалъ, (59)
А ты меня душить не постыдился!

ХОРЪ.

Какъ сердце юноши трепещеть
Отъ нетерпѣнія услышать.
Да, если онъ искусствомъ
Своихъ рѣчей докажетъ намъ,
Что хороши его поступки,
То я ни одного обола
За кожу старика не дамъ.
Однако ты, изобрѣтатель,
Употребитель новыхъ словъ,
Ты доказательство представь,
Что ты законно поступаешь.

Фидипидъ.

О, какъ приятно жить среди открытій

И новыхъ выдумокъ, и презирать
 Постановленные законы! Прежде,
 Когда я былъ охотникъ до коней,
 Лишь эта страсть меня и занимала.
 Тогда не могъ сказать я безъ ошибки
 Трехъ словъ; но мой отецъ меня отвлекъ
 Отъ этой страсти, и когда я свѣдущъ сталъ
 Въ искусствѣ говорить и мудро мыслить,
 То я теперъ надѣюсь доказать,
 Что я имѣю право бить отца.

СТРЕПСИДЪ.

Ну, убирайся снова къ лошадямъ:
 Я лучше буду четверню кормить,
 Чѣмъ отъ тебя терпѣть побой.

ФИДИПИДЪ.

Я опять
 Начну съ того, на чемъ остановился,
 И только объ одномъ спрошу тебя:
 Ты въ малолѣтствѣ билъ меня?

СТРЕПСИДЪ.

Конечно,

Я это дѣлалъ для твоей-же пользы

ФИДИПИДЪ.

Скажи: не долженъ-ли и я тебѣ
 Платить за это тѣмъ-же — бить тебя?
 Кого люблю и бю. И почему
 Желаетъ ты, чтобы не я, а ты
 Избавленъ былъ отъ наказанья?
 Какъ ты, вѣдъ такъ и я рожденъ свободнымъ;
 И почему-же дѣтямъ должно плагать,
 А не отцамъ?

СТРЕПСИДЪ.

Какъ, почему?

ФИДИПИДЪ.

Ты скажешь,
 Что бить дѣтей дозволено закономъ? —

А я скажу, что старикки опять
Становятся дѣтьми, и должно ихъ
Наказывать тѣмъ строже, что они
Не по незнанью поступають дурию.

СТРЕПСИАДЪ.

Но никогда законъ не позволяетъ
Отца бить дѣтямъ.

ФИДИПИДЪ.

Но такой законъ
Такой-же издалъ человекъ, какъ мы,
И сохранять заставилъ. Почему-жъ
Я не могу издать законъ, который
Въ свою-бы очередь позволилъ дѣтямъ бить
Отцовъ? Мы васъ всегда благодарили
За всѣ удары ваши до изданья
Закона моего; безъ наказанья
Васъ бить теперь мы можемъ. Посмотри
На пѣтуховъ и на другихъ животныхъ,
Какъ защищаются они противъ отцовъ:
Однако это разница межъ ними
И нами? Все различье только въ томъ,
Что пѣтъ у нихъ законовъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Если пѣтухамъ

Во всемъ ты подражаешь, то зачѣмъ
Не ѣшь навоза, какъ они, и не сидишь
Ты на насѣсть?

ФИДИПИДЪ.

Это, милый мой,
Совсѣмъ другое дѣло и объ этомъ,
Сократъ не разсуждалъ.

СТРЕПСИАДЪ.

Да перестань-же бить,
Въ противномъ случаѣ ты поступаешь
На-перекоръ своимъ рѣчамъ?

ФИДИПИДЪ. Но правдо отъ жана в А

Но какъ?

СТРЕПСИАДЪ. Утоишъ отъ мнѣ

Вѣдь справедливо то, что я могу
Тебя наказывать, такъ точно какъ и ты —
Когда имѣть ты будешь сына, можешь
Наказывать его.

ФИДИПИДЪ.

А если у меня

Нѣтъ сына, то я буду долженъ плакать,
А ты умрешь, смѣяся надо мной.

СТРЕПСИАДЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, что правду
Мой сынъ сказалъ, и негнѣ я долженъ
Необходимо покориться. Почему-жъ
Насъ за дурное не наказывать?

ФИДИПИДЪ.

Постой,

Другое доказательство послушай

СТРЕПСИАДЪ.

Ну, я пропадшій человекъ!

ФИДИПИДЪ.

Быть-можетъ,

Сердиться ты не будешь на меня за то,
Что я съ тобой такъ дурно обошелся.

СТРЕПСИАДЪ.

Но какъ? скажи, утѣшь меня скорѣе.

ФИДИПИДЪ.

Я мать мою прибую.

СТРЕПСИАДЪ.

Что ты сказалъ?

Что ты сказалъ? Вотъ новая бѣда!

Фидипидъ.

Что скажешь ты, когда я докажу
Что я имѣю право мать мою
Прибить?

Стрепсиадъ.

Безстыдный! Что ты затѣвашь?

Чтобъ въ пропасть и тебѣ да и Сократу
Съ его премудростию провалиться!
О, облака, вы, вы причина бѣдъ моихъ,
Я отдалъ вамъ себя на произволь.

Хоръ.

Самъ на себя ты бѣдствія навлекъ,
Предавшись злу.

Стрепсиадъ.

Но отъ-чего-жъ объ немъ

Вы напередъ мнѣ не сказали, но мою
Довѣрчивость во зло употребили.

Хоръ.

Уже всегда такъ поступаемъ съ тѣмъ,
Кто любитъ зло, до-той-поры, пока
Несчастьемъ мы не научаемъ ихъ
Боговъ бояться.

Стрепсиадъ.

Облака! жестоко,

Наказываете вы меня, но я
Достоинъ этого; не надо было
Обманывать моихъ заимодавцевъ.
Мой милый сынъ! со мною поиди скорѣе
Отметить и Херэфону, и Сократу:
Они насъ обманули.

Фидипидъ.

Ни за что

Не оскорблю наставниковъ моихъ.

Стрепсиадъ.

Послушайся! отеческаго Зевса

Ты почитай.

Фидипидъ.

Отеческаго Зевса!

Ты мнѣ смѣшонъ: да развѣ есть Зевесъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Конечно есть.

ФИДИПИДЪ.

Нѣтъ, вовсе нѣтъ его!

Вихрь царствуетъ, изгнавшій Зевса

СТРЕПСИАДЪ.

Нѣтъ.

Кто Зевса могъ изгнать? Я было самъ

Повѣрилъ этому, несчастный: принялъ я

Шаръ глиняный за божество. (60)

ФИДИПИДЪ.

Я оставляю

Тебя безумству твоему

СТРЕПСИАДЪ.

Ужасный бредь!

О, какъ-же я былъ глупъ, когда, повѣривъ

Словамъ Сократа, презиралъ боговъ;

Не гнѣвайся, о Гермесь, на меня!

Тебя молю я, не карай меня!

Прости ты заблужденья чловѣка!

Ты посовѣтуй, что теперь мнѣ дѣлать —

Начать-ли тяжбу, или другое что-нибудь

Я долженъ предпринять? (*Въ забыты*) Да, твой совѣтъ

Весьма-благоразуменъ, не замедлю

Воздать имъ должное: я подожду ихъ домъ.

Сюда иди ты, Ксантій, принеси

Скорѣ лѣстницу, возьми топоръ

Влѣзай на верхъ, и если господина

Ты любишь, то руби по крышѣ, пусть она

Обрушится на этихъ негодяевъ.

Мнѣ хворосту зажжонаго подайте!

Теперь-то я надѣюсь имъ отметить.

УЧЕНИКЪ А.

Ай, ай!

СТРЕПСИАДЪ.

Огня! ты хвороста подбрось!

(60) Афиняне передъ входомъ въ домъ ставили столбъ въ честь Аполлону; по всей вѣроятности, на сценѣ, передъ домою Сократа, вмѣсто столба, была поставлена какая-нибудь глиняная ваза.

УЧЕНИКЪ А.

Что ты тамъ дѣлаешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Кто? я? да ничего!

Подтачиваю бревна.

УЧЕНИКЪ Б.

Кто зажегъ нашъ домъ?

СТРЕПСИАДЪ.

Тотъ, у кого вы взяли плащъ.

УЧЕНИКЪ Б.

Ты насъ убьешь!

Ты насъ убьешь!

СТРЕПСИАДЪ.

Я этого-то и хочу.

Да только-бъ мнѣ топоръ не измѣнилъ,
Да не сломить-бы шеп.

СОКРАТЬ.

Что ты тамъ

На крышѣ дѣлаешь?

СТРЕПСИАДЪ.

Парю

По воздуху и наблюдаю солнце.

СОКРАТЬ.

Несчастный я, я началъ задышаться!

ХЕРЕФОНЪ.

Несчастный я, въ огнѣ я погибаю!

СТРЕПСИАДЪ.

Кто принуждалъ васъ окрорблять боговъ

И наблюдать теченіе луны?

Ломай, руби и разрушай! Имъ должно

Очиститься отъ всѣхъ ихъ прегрѣшеній,

Особенно за шутки надъ богами.

ХОРЪ.

Уйдемъ-те, мы работали довольно!

КЪ ЛАВИНИ.

Для себя мы не просимъ покоя
И не ждемъ ничего отъ судьбы,
И къ небесному своду мы двое
Не пошлемъ бесполезной мольбы....
Нѣтъ! пусть самъ онъ надъ нами широко
Разливается яркой зарей,
Чтобы въ грудь намъ входили глубоко
Бытія полнота и покой....
Чтобы тополей старыхъ качанье,
Обливаемыхъ свѣтомъ луны,
Да лепечущихъ листьевъ дрожанье
Навѣвали намъ дѣтскіе сны....
Чтобы ухо, средь чуткой дремоты,
Въ хорѣ вѣчномъ зидительныхъ силъ,
Примиренія слышало ноты
И гармонию хода свѣтилъ;
Чтобы вѣчнаго шума значенье
Разумья въ таинственномъ снѣ,
Мы хоть разъ испытали забвенье
О прошедшемъ и будущемъ днѣ.
Но доколѣ страдаемъ и страстью,
Мы объаты безумно равно
И доколѣ не вѣрнемъ мы счастью,
Намъ понятно проклятье одно.
И проклятіе,
Сохраняя средь гордой борьбы,
Мы у неба не просимъ покоя
И не ждемъ ничего отъ судьбы....

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

ГАНДЕЛЬ.

ЖИЗНЬ ЕГО. — ПРОИЗВЕДЕНІЯ. — ХАРАКТЕРЪ МУЗЫКИ.

Величайшее имя, которое представляет намъ исторія музыки, послѣ временъ Кайзера, есть имя Ганделя. Славный композиторъ Георгъ-Фридрихъ Гандель большую часть жизни своей провель въ Англии, которая, такъ сказать, усыновила его и присвоила себѣ его славу. Нѣмецкіе біографы называютъ его Гэнделемъ (*Hoendel*); такой-же орфографіи придерживался и Маттесонъ, писавшій о великомъ музыкантѣ; но на многихъ собственноручныхъ партиціяхъ его подписано, именно: *Handel*, а не *Hoëndel* (*) — Человѣкъ этотъ обладалъ величайшимъ музыкальнымъ гениемъ, написалъ цѣлую громаду произведеній и, между тѣмъ, все уже забыто! Должно вѣрить бумагъ, — обо всѣхъ особенностяхъ его гения справляться съ запыленными партиціями, которыя даже трудно достать, а другихъ и вовсе невозможно. Грустно.... Видно, современная слава — единственная награда гению, а голосъ потомства скучная сказка, часто невѣроподобная, иногда дерзкая, всегда невѣрная... Утѣшеніе одно: таковъ законъ человѣческой, его же не преиждешь....

(*) Свидѣтельство Фетиса старшаго.

Гандель родился 24-го февраля 1684 года въ саксонскомъ городѣ Галле. Еще въ дѣтствѣ у него проявилась чрезвычайная склонность къ музыкѣ. Отецъ Ганделя былъ врачъ, вѣроятно, не любилъ музыки, вѣроятно также, не былъ доволенъ и своею частію, — хотѣлъ, чтобы сынъ его вступилъ на поприще юриспруденціи, почему и отдалъ его учиться. По поводу такого предназначенія, Ганделю не давали въ руки никакого музыкальнаго инструмента, стараясь всѣми силами подавить обнаружившуюся въ немъ склонность. Не смотря на то, увлекаемый непреодолимымъ инстинктомъ къ музыкѣ, мальчикъ успѣлъ, при помощи слуги своего, поставить въ комнаткѣ на чердакѣ небольшой шпинетъ и, не зная ни одной ноты, выучился играть на немъ самоучкою, предаваясь такому занятію по ночамъ, когда въ домѣ всѣ спали. — На седьмомъ году своего возраста Георгъ ѣздилъ съ отцомъ ко двору Герцога Саксенъ-Вейсенфельскаго, гдѣ родной братъ его по отцѣ былъ камердинеромъ Принца. Пользуясь полною свободою прогулки по дворцу, Гандель во многихъ залахъ находилъ клавишины и рѣдко могъ удержаться, чтобы не поиграть на нихъ, коль скоро тутъ не было свидѣтелей. Однажды онъ зашелъ въ придворную церковь, предъ началомъ обѣдни, сѣлъ къ органу и заигралъ. Множество ошибокъ замѣтно было въ томъ, что онъ разыгрывалъ; но при всѣхъ неправильностяхъ, нельзя было не удивиться нѣкоторой оригинальностью его игры и необыкновенному роду гармоніи. Герцогъ желалъ узнать, кто играетъ, и послалъ туда своего камердинера, который донесъ, что молодой импровизаторъ родной его братъ. Тогда Герцогъ, изумленный необыкновенными способностями ребенка, призвалъ къ себѣ Ганделя и его отца, и уговорилъ послѣдняго, чтобы тотъ отказался отъ намѣренія сдѣлать сына своего юриспрудентомъ, а постарался бы напротивъ развить его счастливыя природныя дарованія хорошимъ музыкальнымъ образованіемъ. — По возвращеніи въ Галле, Георгъ дѣйствительно порученъ былъ попеченіямъ превосходнаго органиста Шахау, который вполне обладалъ всѣми качествами для того, чтобы быть руководителемъ гениальнаго ребенка, при первоначальномъ вступленіи его на музыкальное поприще. Объяснивъ ученику своему основанія музыки, Шахау вручилъ ему произведенія славнѣйшихъ органистовъ Германіи. Въ теченіе этого курса, продолжавшагося два года, Гандель упражнялся также въ сочиненіи фугъ и условныхъ контрапунктовъ, бывшихъ тогда въ большомъ ходу. Въ то-же самое время онъ учился латинскому языку, и хотя занимался имъ не съ такимъ рвеніемъ,

какъ музыкаю, однакожь зналъ довольно-хорошо языкъ этотъ, даже въ престарѣлыхъ лѣтахъ.— Съ десятилѣтняго возраста онъ началъ сочинять *мотеты*, которые исполнялись въ Гальскомъ соборѣ. Такимъ-образомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Георгъ писалъ по одному мотету каждую недѣлю.

Когда Гандель пошелъ тринадцатый годъ, то нѣкоторые друзья замѣтили отцу его, что въ Галле нѣтъ достаточныхъ средствъ для развитія таланта юнаго артиста, почему тотъ и согласился послать его въ Берлинъ. По пріѣздѣ туда въ 1698 году, Гандель нашелъ Оперу подъ управленіемъ Бонончини и Аттиліо Аріости. Первый изъ нихъ, хорошій музыкантъ, но нестерпимо-гордый и тщеславный, когда Гандель былъ ему представляемъ, обошелся съ необыкновеннымъ ребенкомъ довольно-дурно; но Аріости, человекъ доброжелательный и кроткій, принялъ въ немъ участіе и съ удовольствіемъ слушалъ игру его на клавишнѣ. — Вскорѣ потомъ Гандель былъ замѣченъ королемъ. Восхищенный такъ рано развившимся талантомъ, король предложилъ Георгу отправиться въ Италію, для усовершенствованія, на его собственномъ издѣвленіи; но неизвѣстно, по какимъ причинамъ такое лестное предложеніе неприято, и Гандель возвратился въ Галле. Спусти нѣсколько времени послѣ того отецъ его умеръ. Неудерживаемый болѣе плѣтъ въ родномъ городѣ, Гандель покинулъ его и отправился въ Гамбургъ, гдѣ въ то время была лучшая, или, справедливѣе сказать, единственная хорошая нѣмецкая опера. Онъ пріѣхалъ туда лѣтомъ 1703 года. — Маттесону обязаны мы свѣдѣніями о первомъ времени артистическаго поприща, на которое вступилъ тогда Гандель. Сначала Георгъ игралъ вторую скрипку въ оркестрѣ оперы и никто не замѣчалъ его. Рейнхардъ Кайзеръ, благодаря гению своему, который блисталъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, былъ тогда поддирою Гамбургскаго театра; но, къ сожалѣнію, славный композиторъ вступилъ въ товарищество, по хозяйственной части, съ нѣкимъ англичаниномъ Друзикомъ; глухая расточительность послѣдняго подорвала предпріятіе, такъ что Кайзеръ нашелся вынужденнымъ скрыться на нѣкоторое время, чтобы избавится отъ преслѣдованія кредиторовъ. Онъ былъ въ оркестрѣ капельмейстеромъ, которые въ то время, управляя оркестромъ, играли на клавишнѣ; надобно было замѣнить его, и Гандель занялъ это мѣсто. Въ первый-же разъ онъ исполнилъ свою должность съ рѣдкимъ некуствомъ, къ чрезвычайному удивленію всѣхъ музыкантовъ оркестра, которые считали его досихъ-поръ какимъ-то идіотомъ, лишеннымъ всякаго таланта.

Въ то время Георгу не было еще 20 лѣтъ. — Маттесонъ говоритъ, (*) что въ эту эпоху Гандель сочинялъ чрезвычайно-длинные *аріи* и безконечныя *кантаты*, которыя, не отличаясь вкусомъ, заключали въ себѣ даже ошибки противъ гармоніи; но что вскорѣ прекрасныя оперы Кайзера сообщили трудамъ Ганделя лучшее направленіе.

Какъ органпстъ, Гандель уже съ той поры сталъ наряду съ самыми замѣчательными артистами въ этомъ родѣ. Маттесонъ говоритъ, что въ игрѣ Ганделя оставалось желать больше мелодій, но что фуги его были удивительны. Мелодическое чувство, казавшееся слабымъ въ первыхъ сочиненіяхъ Ганделя, развилось въ-послѣдствіи съ такою силою, что владычествуетъ даже въ тѣхъ мѣстахъ его твореній, которыя обработаны наиболѣе строгимъ образомъ. Въ августѣ 1703 года Гандель, вмѣстѣ съ Маттесономъ, приглашены были въ Любекъ, по случаю конкурса на занятіе мѣста славнаго органа Букстегуда, который, по старости лѣтъ, выходилъ въ отставку. Ганделя нашли достойнымъ замѣнить Букстегуда; но какъ послѣдній желалъ уступить свое мѣсто только тому артисту, кто женится на его дочери, а ни Гандель, ни Маттесонъ, на подобное условіе не соглашались, то оба они прибыли обратно въ Гамбургъ, послѣ множества почестей, оказанныхъ имъ Любекскимъ Магистратомъ.

Дружба Ганделя съ Маттесономъ не измѣнялась до конца 1704 года. Но 5 декабря того года, во время представленія *Клеопатры*, (**) Гандель находился за клавишномъ; вдругъ Маттесонъ, игравшій роль Антонія, въ послѣднемъ актѣ, не имѣя больше выхода на сцену, вздумалъ самъ занять мѣсто капельмейстера, по обычаю итальянскихъ маэстровъ, которые всегда лично дирижировали своими операми. Обстоятельство это подало поводъ къ жестокайшему между ними спору. Гандель счелъ позоромъ для собственной чести требованіе друга своего и не хотѣлъ уступить ему мѣста. — Лишь только кончился спектакль, то Маттесонъ, взбѣшенный поступкомъ Ганделя, увлекъ его изъ театра. По выходѣ на улицу, оба обмажали шапки и, окруженные зрителями и поспѣшившими къ нимъ артистами, начали жестокою битву. —

(*) Grundlage einer Ehrenpforte. Стр. 13.

(**) Третьей оперы Маттесона. Первые нѣмецкія оперы писали: Кайзеръ, Маттесонъ, Телеманъ и потомъ Гандель.

Послѣпокъ этотъ, вѣроятно, стѣлль-бы жизни Ганделю, если-бы шага противника, по-счастію, не встрѣтила на груди его широкой металлической пуговицы, о которую и переломилась. Успѣшными стараніями одного члена Гамбургскаго Городоваго Совѣта, дѣло это осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и векорѣ потомъ друзья помирились. Маттесонъ говоритъ: «30-го декабря я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя въ гостяхъ Ганделя и въ тотъ-же самый вечеръ мы съ нимъ присутствовали на репетиціи его оперы *Альмиры*; — послѣ того еще больше подружились, чѣмъ прежде.» Далѣе онъ прибавляетъ, что входитъ въ эти подробности собственно на тотъ конецъ, дабы опровергнуть ложные анекдоты и обидные слухи, распространеншіеся на-счетъ извѣснаго событія. — Въ-самомъ-дѣлѣ, это было и не бесполезно, потому-что обидные слухи, на которые онъ жалуется, вошли въ исторію. Такъ Гавкинсъ, въ своей *Всеобщей исторіи музыки*, основываясь на подобныхъ выдуманыхъ свѣдѣніяхъ, говоритъ, «что будто-бы Гандель насильно завладѣлъ мѣстомъ другаго капельмейстера, побуждаемый къ такому неблагопріятному поступку предпочтеніемъ, какое оказывала къ нему публика; что униженный соперникъ (имя его не упоминается) будто-бы скрылъ свою злобу, дабы вѣрнѣе отмстить въ благопріятную минуту; что онъ попалъ потомъ на Ганделя ночью, вооруженный кинжаломъ, и что спасеніемъ жизни своей Гандель обязанъ только партитурѣ, бывшей у него въ рукахъ и послужившей щитомъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Оно, какъ видите, разсказано съ разчетномъ на эффектъ. Какъ жаль однакожъ, что все это не болѣе, какъ чистая выдумка досужаго воображенія.

Въ Гамбургѣ Гандель имѣлъ множество учениковъ, что однакожъ нисколько не помѣшало ему писать, въ значительномъ количествѣ, музыку инструментальную, церковную и для театра. Въ 1705 году, 8-го января, дано было первое представленіе оперы его *Альмира*; успѣхъ былъ огромный; многое множество вечеровъ сряду играли *Альмиру* и театръ былъ полонъ. — Между-тѣмъ у него уже готова была другая опера, *Перонъ*, которая сыграна 25 февраля того-же года, то-есть чрезъ шесть недѣль послѣ первой, и принята публикою съ неменьшимъ одобреніемъ. — Послѣ этого произведенія, въ творческой дѣятельности Ганделя стоитъ пробѣгъ, ибо послѣдующія нѣмецкія оперы, поставленныя имъ въ Гамбургѣ, играны не рашше 1708 года. Но объясненіе молчанія музы его находится въ собственно-ручной партіи *Laudate*, помѣченной слѣдующими словами: «Римъ 8-го іюля 1707.» Слѣдова-

тельно, въ то время Гандель былъ въ Италіи. Это первое путешествіе его не было извѣстно ни одному биографу, даже самъ Маттесонъ ничего не говоритъ объ немъ; но приведенная партитура, съ собственноручною отмѣткою автора, не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. *Resurrezzione* (Воскресеніе), его-же италіянская ораторія, помѣчена «11-мъ апрѣля 1708 года» и была писана въ Римѣ, что доказываетъ, что Гандель не покидалъ еще Рима съ предъидущаго іюля, и что уже по возвращеніи изъ Италіи, онъ написалъ оперы свои *Флориду* и *Дафну*, которыя Маттесонъ ставитъ несравненно ниже Альмиры. Гавкинсъ и его кописты приводятъ фальшиво всѣ числа первыхъ произведеній Ганделя; они, какъ видно, вовсе не были знакомы съ документами, помѣщенными Маттесономъ въ двухъ его біографіяхъ.

Въ началѣ 1709 года Гандель изъ Гамбурга отправился во Флоренцію писать тамъ *Родриго*, свою первую италіянскую оперу, по заказу Тосканскаго Принца, брата великаго Герцога Іоанна-Гастона де Медичи. Опера эта исполнена была при дворѣ, и Принцъ, въ знакъ признательности своей, подарилъ композитору сто цехиновъ и фарфоровый сервизъ. Великая Герцогиня Викторія исполняла въ этой оперѣ главную роль. Говорятъ, будтобы Ея Высочество изволила влюбиться въ Ганделя, что, безъ сомнѣнія, погубило-бы ихъ обоихъ, если-бы Гандель, съ своей стороны, рѣшился раздѣлять такую страсть. Въ томъ-же году маэстро переѣхалъ въ Венецію и поставилъ тамъ свою оперу *Агрипину*, имѣвшую такой блестящій успѣхъ, что ее давали сряду двадцать-семь разъ, а это по тогдашнему времени было большою рѣдкостью.— Въ маскарадѣ Гандель сѣлъ за клавесинъ и началъ играть.— Скарлатти, услыхавъ его игру, закричалъ: «Это или знаменитый Саксонецъ или самъ дьяволъ.» Анекдотъ этотъ можетъ дать понятіе объ искусствѣ Ганделя, какъ исполнителя. Изъ Венеціи онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ написалъ кантату *Il trionfo del tempo*. Увертюра произведенія этого подала поводъ къ слѣдующему, разсказанному Маттесономъ, анекдоту, который, между прочимъ, показываетъ, до какой степени грубой горячности могъ доходить Гандель. Забудьте при томъ, что подобные припадки вепльчивости, къ-сожалѣнію, въ жизни его встрѣчались довольно-часто. Славный скрипачъ Корелли исполнялъ предъ нимъ увертюру. Возбѣшенный тѣмъ, что знаменитый артистъ не придавалъ ей надлежащаго выраже-

ніа, Гандель вырвалъ изъ рукъ его скрипку и самъ сыгралъ свою музыку, такъ, какъ-бы ему хотѣлось, чтобы ее исполнили. Корелли, нисколько не разсердясь, съ обыкновенною своею деликатностію, отвѣчалъ: «Ma, caro Sassone, questa musica è nello stilo francese, di ch'io non m'intendo» (но, милый мой Саксонецъ, музыка эта во французскомъ стилѣ, а я въ немъ ничего не смыслю).—

Въ 1710 году Гандель изъ Рима переѣхалъ въ Неаполь, гдѣ написалъ для одной испанской Принцессы, которую Маттесонъ называетъ Донною-Лаурою, пастораль: *Aci, Galathea e Polifeme*. Пастораль этотъ совершенно отличенъ тотъ, который написанъ потомъ въ Англіи. Въ Неаполѣ славный артистъ пробылъ не долго. — Уѣхавъ оттуда, онъ посѣтилъ многіе города Италіи, не нашелъ нигдѣ ангажемента, и рѣшился возвратиться въ Германію. Не отдавая предпочтенія никакому городу и не зная еще Ганновера, онъ вздумалъ посѣтить его. — Придворнымъ капельмейстеромъ тамъ былъ Стефани, который принялъ молодого музыканта самымъ великодушнымъ образомъ, представилъ его Принцу и назначилъ своимъ преемникомъ. Въ эту-то эпоху талантъ Ганделя опредѣлился рѣшительно: именно съ этого времени онъ усвоилъ себѣ изящный, легкій стиль Стефани и сдѣлалъ изъ него счастливое соединеніе съ живою и выразительною модуляціею пѣмечной гармоніи и съ качествами собственнаго гениа. Отсюда происходитъ чрезвычайно-замѣтная разность между прежними произведеніями Ганделя и тѣми, которыя написаны имъ въ-послѣдствіи. — Ганноверскій Курфиреть предложилъ Ганделю 1500 экю жалованья, съ титуломъ придворнаго капельмейстера. — Артистъ сначала колебался принять такое предложеніе; ему хотѣлось посѣтить Англію: но когда узналъ объ этомъ обстоятельствѣ Курфиреть, то объявилъ, что дастъ ему отпускъ, а жалованье, не-смотря на то, все-таки ему будетъ выплачиваться. Гандель согласился и въ-слѣдъ за тѣмъ отправился въ Галле навѣстить свою ослѣпшую мать. Онъ посѣтилъ также стараго учителя своего Чахау и нѣкоторыхъ прежнихъ друзей, и потомъ уже предиринялъ путешествіе въ Лондонъ, чрезъ Дюссельдорфъ и Голландію. — Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1710 года Гандель прибылъ въ столицу Англіи. Тотчасъ-же директоръ Геймаркетскаго театра поручилъ ему написать оперу, и *Ринальдо*, сочиненный въ двѣ недѣли, представленъ былъ 24-го февраля слѣдующаго года. Гавкинсъ и его кописты увѣряютъ, что успѣхъ оперы этой превзошелъ всякія ожиданія; но это оче-

видная ложь, ибо Бурней (*) говоритъ, что съ 24-го февраля по 2-е июня, опера дана была не болѣе пятнадцати разъ, хотя впрочемъ на музыку эту было такое сильное требованіе, что изданіе ея доставило Вельчу 150 фунт. стерлинговъ чистаго барыша. По этому случаю разсказываютъ шутку Ганделя; когда онъ узналъ объ этомъ барышѣ, то, будто-бы, сказалъ Вельчу: «Послушайте, сударь, намъ надобно поравняться, — напишите-ка вы оперу, а я продамъ ее.» — Между-тѣмъ время отпуска, даннаго Ганделю, подходило къ концу; ему надо было подумать о возвращеніи въ Ганноверъ, почему онъ и откланялся Короле-вѣ Аннѣ, которая щедро одарила его и изъявила желаніе ви-его дѣтъ опять въ Лондонѣ. — Первое произведеніе Ганделя, по возвращеніи его ко двору Курфирета, составляли двѣнадцать комматныхъ *дуэтовъ*, написанныхъ имъ для Принцессы Шарлотты, бывшей потомъ англійскою королевою. Дуэты эти сдѣлались знаменитыми; они сочинены въ стилѣ Стефани, но съ тѣми живыми и не ожиданными модуляціями, которыя такъ хорошо характеризуютъ гениі Ганделя.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Ганноверѣ, Гандель получилъ отъ Курфирета позволеніе снова съѣздить въ Англію, по съ условіемъ — не долго оставаться тамъ. Онъ прибылъ въ Лондонъ въ концѣ декабря 1712 года, во время переговоровъ объ Утрехтскомъ трактатѣ. По заключеніи мира, Гандель получилъ отъ королевы приказаніе — написать, по этому случаю, *Te Deum* и *ubilate*, которые и были исполнены въ церкви Св. Павла въ 1714 году, въ присутствіи самой Королевы, вскорѣ послѣ того умершей. — По акту парламента, на престолѣ вѣтушилъ Ганноверскій Курфиреть, подъ именемъ Георга I. — Раздраженный противъ Ганделя за то, что тотъ забылъ свои съ нимъ обязательства, равно и за то, что онъ написалъ *Te Deum* на Утрехтскій миръ, который протестантскіе владѣтели Германіи почитали для себя несчастнымъ, Государь этотъ, по прибытіи въ Англію, удалилъ Ганделя отъ двора. — Королевскій камергеръ баронъ Кильманзеггъ находился съ Ганделемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и сначала тщетно употреблялъ все усилія ввести друга своего опять въ милость къ Королю, но наконецъ представился къ тому удобный случай. — Назначена была увеселительная прогулка по Темзѣ и Король изъявилъ согласіе удостоить

(*) General History of music, т. IV, стр. 223.

се своимъ присутвіемъ. — Баронъ потребовалъ, чтобы Гандель сочинилъ музыку для этого праздника, почему тотъ и написалъ *Симфонію* съ послѣдующими за тѣмъ пѣсами инструментальной музыки. — Все это въ сочиненіяхъ Ганделя извѣстно, подъ названіемъ *Vater music*. — Оркестръ помощной былъ на особой лодкѣ, слѣдовавшей непосредственно за королевскою шлюбкою, и композиторъ самъ дирижировалъ имъ. Въ этой музыкѣ Георгу не трудно было узнать геній Ганделя; однакожь, хотя и замѣтно было, что она ему нравится, но все-таки Король не спрашивалъ объ авторѣ. Баронъ Кильманзеггъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты, чтобы замолвить словечко въ пользу своего пріятеля. Случай скоро представился: Король изъявилъ желаніе, чтобы скрипачъ Жеминиани исполнилъ только что изданныя имъ новыя соло. Послѣдній, опасаясь, что онъ не понравится Королю, если на клавишинѣ будетъ играть нескучный исполнитель, просилъ, чтобы Ганделю позволено было аккомпанировать ему, на что Король и согласился. — Коль-скоро Гандель представился Королю, то въ тоже время принесъ чисто-сердечное раскаяніе въ своемъ проступкѣ, изъявляя готовность загладить вину свою всѣмъ своимъ усердіемъ и благодарностію. Съ-этихъ-поръ онъ снова вошелъ въ милость къ Георгу, который, въ знакъ благорасположенія своего къ нему, удвоилъ жалованье, назначенное ему Королевою Анною.

Когда Гандель рѣшился основать постоянное жителство свое въ Англіи, то сталъ уступать просьбамъ нѣкоторыхъ богатыхъ и знатныхъ особъ, желавшихъ войти съ нимъ въ короткое знакомство. — Графъ Бурлингтонъ, питая къ произведеніямъ Ганделя безграничное удивленіе, предложилъ знаменитому артисту квартиру въ своемъ домѣ, на что послѣдній и согласился. Тогда Гандель могъ свободно предаваться вдохновенію своего генія. — Онъ часто присутствовалъ на вечерахъ, главнымъ украшеніемъ которыхъ были его-же собственныя произведенія. Иногда, послѣ вечерни, онъ заходилъ въ церковь св. Павла и приводилъ тамъ въ восторгъ многочисленное, но избранное общество своею игрою на органѣ. — Въ теченіе трехлѣтняго пребыванія у Графа Бурлингтона, Гандель написалъ свои нѣмецкія оперы *Амадиса* и *Тезел*, и италіянскую *Il pastor fido*, — для Гамбургскаго театра. — Потомъ получилъ приглашеніе отъ герцога де Кандо занять мѣсто капельмейстера въ его капеллѣ, которою управлялъ нѣкоторое время Пепушъ. Билетательный герцогъ не устранился никакихъ пожертвованій, чтобы только имѣть гла-

вою своего оркестра первого композитора въ королевствѣ и, быть - можетъ, во всей Европѣ. — Какія ни были требованія Ганделя, герцогъ на все согласился, и знаменитый артистъ въ 1718 году переселился въ *Cannons - castle* — резиденцію герцога. Тамъ онъ сочинилъ *двадцать большихъ антифоновъ*, для многихъ голосовъ и инструментовъ; 12-тъ изъ нихъ изданы и считаются въ числѣ лучшихъ его произведеній. Для герцога - же де-Кандо написаны *англійскій пастораль Ацисъ* и *Галатея*, на поэму Гея. — Пастораль этотъ не имѣетъ никакого сходства съ тѣмъ, который явился изъ-подъ пера его въ Неаполѣ. Замѣчательно, что прекрасный хоръ англійскаго пасторала «Behold the monster Poliphame», въ которомъ выраженіе страха и ужаса всегда приводило слушателей въ удивленіе, замѣшествованъ Ганделемъ изъ одного изъ двѣнадцати комнатныхъ дуэтовъ, слова котораго имѣютъ совершенно противоположный смыслъ.

Въ послѣдній годъ пребыванія Ганделя у герцога де-Кандо, знатнѣйшіе вельможи королевства составили общество, для открытія представленій оперъ его на Геймаркетскомъ театрѣ, подъ собственнымъ его управленіемъ. — Сумма по подпискѣ на это предпріятіе простиралась до 5 т. фунт. стерлинговъ. Самъ Король взнесъ 1000 фунт. стер. и позволилъ обществу назвать театръ свой *Королевскою Академію Музыки*. — Вполнѣ убѣжденный въ томъ, что успѣхъ предпріятія будетъ зависѣть отъ достоинства пѣвцовъ, Гандель рѣшился пригласить на вѣрнѣйшій ему театръ лучшихъ артистовъ, какихъ только можно было найти. Съ этою цѣлю онъ отправился въ Дрезденъ, ангажировалъ тамъ Сенезино и славную Маргариту Дурантасти. Первая написанная имъ опера для новаго театра была *Radamisto*, представленная зимою 1720 года. Произведеніе это принято съ восторгомъ, выдержало безчисленное множество представленій и подало Англичанамъ высокое понятіе о талантѣ композитора. Между тѣмъ почти съ того-же времени составила противъ Ганделя оппозиція, возродившаяся преимущественно отъ его запальчиваго характера и гордаго тона, который онъ не рѣдко обнаруживалъ даже въ сношеніяхъ своихъ съ комиссарами и директорами Королевской Академіи. — Враги Ганделя не дремали; они выхлопотали позволеніе пригласить еще двухъ композиторовъ, дабы такимъ образомъ противопоставить ему соперниковъ. Компонисты эти были Боноччини и Аріостти. Каждый изъ трехъ композиторовъ имѣлъ своихъ приверженцевъ въ самой административной комисіи оперы. Наконецъ рѣшено было, чтобы всѣ трое

вмѣстѣ написали оперу *Муцій Сцевола*, — каждый по одному акту. Бонопчини написала первый актъ, Ариости второй, а Гандель третій. — Само собою разумѣется, что гений послѣдняго вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ; но самолюбіе Ганделя было жестоко оскорблено тѣмъ, что его поставили въ параллель съ людьми, которыхъ онъ считалъ, по справедливости, гораздо ниже себя. — Послѣ этого не рѣшались уже вызывать на бой сильнаго; довольно-спокойно онъ правилъ Академію и доказалъ на опытѣ, что все-таки лучше управленіе подобными заведеніями поручать людямъ гениальнымъ, знающимъ дѣло, нежели пронирыливымъ шарлатанамъ, которыхъ все достоинства въ одномъ навывѣ, и тѣмъ еще менѣе людямъ, безъ всякихъ необходимыхъ для подобнаго поста познаній!...

Вообще пребываніе Ганделя въ Англіи дало совершенно новое направленіе искусству. Онъ познакомилъ Англичанъ съ истинною драматическою музыкаю и заставилъ ихъ полюбить ее. Первые его оперы, не смотря на прекрасное изобрѣтеніе, не производили сперва такого дѣйствія, какого должно было ожидать; музыкальное образованіе высшаго класса общества было весьма-недостаточно. Лондонская публика не могла еще понимать красоту музыкальныхъ, какія заключались въ произведеніяхъ Ганделя; но въ-послѣдствіи обстоятельства совершенно измѣнились въ пользу Ганделевой музыки. Долго-ли продолжалось это, увидимъ послѣ. — Съ 1720-го по 1726 годъ Гандель написалъ 10-ть оперъ, изъ коихъ послѣдняя *Alessandro* подала поводъ къ жесточайшимъ распрямъ, подготовившимъ паденіе Академіи. Отличный приѣмъ и нескончаемые аплодисменты публики избаловали пѣвца Сенецино такъ, что онъ сдѣлался непомерно-гордымъ, даже въ обращеніи съ Ганделемъ, который на это чрезвычайно бѣсился. Желая унижить его, Гандель ангажировалъ для своего *Alessandro*, знаменитую пѣвицу Фаустину Бордони, которая потомъ вышла за-мужъ за композитора Гасса. Маэстро питалъ полную увѣренность, что успѣхи славной пѣвицы затмятъ Сенецино; но здѣсь встрѣтились такія непредвидѣнныя затрудненія, которыя совершенно разстроили предположенія Ганделя. Вдругъ загорѣлась страшная борьба между почитателями Фаустины и партизанами Куццони, другой знаменитой пѣвицы, которой аплодировали уже нѣсколько лѣтъ. Зрители, музыканты, даже директоры оперы раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, и вскорѣ самолюбіе обѣихъ женщинъ, бывшихъ предметомъ этой ожесточенной ссоры, не знало болѣе границъ. Не сомнѣваясь, что все это про-

исхдитъ отъ заразительнаго примѣра, поданнаго пѣвцомъ Сенезино, Гандель предложилъ администраціи Оперы отказать первому, на что однакожь не согласился. Тогда композиторъ, съ своей стороны, объявилъ рѣшительный отказъ— не только сочинять что-нибудь для Сенезино, но даже и имѣть съ нимъ какія-либо сношенія. Неизбѣжнымъ результатомъ распрей этихъ было паденіе театра, который, въ теченіе почти 9-ти лѣтъ, находился постоянно въ цвѣтущемъ состояніи; театръ былъ закрытъ въ концѣ 1728 года.

Послѣ такого пропшества, нѣсколько лицъ высшаго общества, объявившихъ себя противниками Ганделя, сдѣлали новую подписку для открытія оперы на театрѣ Lincoln's inn Fields; Сенезино былъ приглашенъ въ число пѣвцовъ этой оперы. Новое предпріятіе, находившееся подъ управленіемъ комитета двѣнадцати учредителей, заставило Ганделя вступить въ товарищество съ однимъ изъ директоровъ прежней оперы, Гейдегарромъ, для устройства другой оперы на Геймаркетскомъ театрѣ. — Контрактъ компаніи этой заключенъ былъ на три года и Гандель тотчасъ-же предпринялъ поѣздку въ Италію, для приглашенія пѣвцовъ; но изъ всѣхъ артистовъ, которыхъ онъ привезъ съ собою, лучшею была только прекрасная пѣвица Ластрада. Театръ открылъ свои представленія въ ноябрѣ 1729 года, оперою Ганделя *Lotario*. Потомъ, для заключенія сезона, Гандель написалъ *Partenope*, а въ послѣдующіе годы *Porus*, *Sosarme*, *Ezio* и переправилъ, или, лучше сказать, совершенно передѣлалъ своего *Орlando*. Между тѣмъ срокъ товарищества кончился и Гандель рѣшился оставить предпріятіе за однимъ собою. Дабы поставить оперу свою въ цвѣтущее состояніе, онъ пустился снова путешествовать, для отысканія пѣвцовъ. — Въ Италіи онъ имѣлъ случай слышать Фаринелли и Карестини. Оба они были артистами первоклассными, это правда; но Фаринелли обладалъ бѣльшимъ увлеченіемъ, и вообще въ немъ было больше чего-то такого, что нельзя опредѣлить, но что есть, такъ сказать, гениіи искусства и что содѣлываетъ успѣхъ артиста народнымъ. Къ-сожалѣнію, Гандель, для собственныхъ выгодъ, предпочелъ Карестини.

До-сихъ-поръ противники великаго артиста вели свое предпріятіе нисколько неуспѣшнѣ его; если у нихъ были пѣвцы, любимые публикою, то, съ другой стороны, плохіе ихъ композиторы не могли бороться съ гениемъ Ганделя. Словомъ, съ обѣихъ сторонъ были значительныя потери. Наконецъ соперники Ганделя успѣли пригласить для управленія музыкаю

Порпору, и Фаринелли первымъ пѣвцомъ. Этому уже было достаточно для окончательнаго пораженія Ганделя, но тутъ еще не все; противникамъ-же его, къ-довершенію, удалось вытѣснить Ганделя съ Геймаркетскаго театра, на который они перешли сами, а театръ этотъ имѣлъ то преимущество, что находился въ центрѣ города. Принужденный удалиться съ своими пѣвцами на маленькій театръ *Lincolns inn Fields*, Гандель вскорѣ увидѣлъ невозможность бороться съ соединившимися Фаринелли и Сенезино; почему недолго оставался тамъ и, бросивъ предпріятіе, отказался наконецъ отъ несчастной борьбы, которая разрушила его состояніе, здоровье и, что всего хуже, нанесла явный ущербъ его репутаціи. Справедливость требуетъ сознаться, что оперы, сочиненныя Ганделемъ до 1720 года, несравненно выше тѣхъ, какія написаны имъ потомъ, когда онъ былъ отягощенъ непріятностями ссоры и спекулятивными заботами. Весьма-естественно, что многочисленныя и разнородныя занятія вредили вдохновенію его генія. При-томъ - же, на немъ одномъ лежала обязанность возобновлять репертуаръ своего театра, а это самое заставляло его весьма - часто работать слишкомъ уже поспѣшно, что называется, безъ оглядки, и не позволяло тщательно отдѣлывать свои произведенія. — Отказавшись отъ италійской оперы, Гандель, при твердомъ и рѣшительномъ характерѣ своемъ, уступилъ только необходимости; по ему осталась еще надежда поддержать борьбу на Ковентгарденскомъ театрѣ, въ англійской оперѣ, почему онъ обратился туда и условился съ антрепренѣромъ написать оперу *Альцесту*, которая вскорѣ потомъ была окончена и уже совсѣмъ поставлена, — но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не дана. Большая часть произведенія этого, въ-послѣдствіи, введена Ганделемъ въ оду *Драйдена*, удивительное произведеніе, извѣстное подъ именемъ *Alexander's feast*.

Почти восемь лѣтъ постоянного безпокойства и разныхъ работъ, усиленные труды, печаль о потерѣ состоянія, а особенно убѣжденіе, что прежній энтузіазмъ Англичанъ къ произведеніямъ его обратился въ полную холодность, — все вмѣстѣ разрушило здоровье Ганделя. Словомъ, потерявъ расположеніе прихотливой вѣтрянницы — публики, Гандель занемогъ и тѣломъ, и душою. Ему посовѣтовали употребленіе тунбриджскихъ минеральныхъ водъ; но вмѣсто облегченія отъ нихъ, здоровье его еще болѣе разстроилось, такъ что самыя умственные способности его, казалось, нѣсколько пострадали; къ довершенію несча-

стія, правую руку его разбилъ параличъ. Не находя средствъ противъ послѣдней болѣзни, медики присовѣтовали ему съѣздить къ ахенскимъ водамъ. Не легко рѣшился онъ отправиться туда; однакожъ поѣздка эта и воды доставили ему такую значительную пользу, что не болѣе, какъ въ шесть недѣль, онъ получилъ употребленіе руки, а къ концу 1736 года возвратился въ Лондонъ, вполне здоровымъ и съ новою энергією въ душѣ. Желая, во что-бы то ни стало, овладѣть опять вниманіемъ публики, онъ дѣлалъ новыя попытки къ тому англійскими операми— *Атланта*, *Юстинъ*, *Арміидъ* и *Береника*, написанными имъ для Ковентгарденскаго театра; но увы, успѣхъ не соответствовалъ его надеждамъ. Очевидно было, что музыка Ганделя потеряла всю прелесть для Англичанъ. Ничто такъ не доказывало холодности ихъ въ этомъ отношеніи, какъ бесплодная попытка нѣкоторыхъ друзей великаго артиста, вздумавшихъ издать собраніе сочиненій его въ его собственную пользу: внесенной подписчиками суммы едва достало на покрытіе типографскихъ издержекъ. — Среди такого всеобщаго забвенія явилось одно только исключеніе, со-стороны графа Мидлсекса, который поручилъ Ганделю, въ 1737 году, написать оперу *Фарамондъ* и пастиччію *Александръ Северъ* (послѣднее переведено Ганделемъ на нѣмецкій языкъ). За партіи эти графъ заплатилъ композитору 1000 фунт. стерлинг. За тѣмъ оперы *Ксерксъ*, *Деидамія*, *Торжество на Парнасъ* и *Гименей* были послѣдними произведеніями Ганделя для театра. — Славный артистъ замѣтилъ наконецъ, что писать оперы не совѣмъ выгодно для композитора, въ такой степени плодovitаго, какъ онъ. Случайный успѣхъ двухъ, трехъ, не вознаграждалъ трудовъ, употребленныхъ на десять другихъ, неимѣвшихъ успѣха, между-тѣмъ-какъ постановка оперъ на театрѣ вовлекала его въ сношенія съ такими людьми, съ которыми онъ и говорить въ другомъ случаѣ не удостоивалъ. Зависть отъ полуаристокритическаго расположенія лорда, ничего несмыслящаго въ музыкѣ, — отъ его секретарей, его любимыхъ пѣвицъ и танцовщицъ — право, горькій хлѣбъ! Итакъ, съ послѣднею оперою кончился для великаго артиста длинный рядъ мученій и обманутой надежды; векорѣ послѣ того Гандель вѣтунилъ на новый путь къ славѣ и благоденствію.

Убѣжденный въ томъ, что композиторъ, достигнувъ возраста, близкаго къ старости, бываетъ болѣе способенъ къ сочиненію музыки серьезной, важной, нежели драматической, Гандель, съ 1740 года, рѣшился писать только ораторіи, музыку церковную и піесы ин-

струментальныя. Еще до этого написал онъ ораторіи *Дедора*, *Есфирь*, *Израиль въ Египтъ* и даже, говорятъ, *Авалію*, удивительное произведеніе генія, которое, какъ утверждаютъ нѣкоторые, исполнено было въ Оксфордѣ еще въ 1733 году. Если вѣрить англійскимъ біографамъ, то главною побудительною причиною рѣшимости Ганделя писать ораторіи была, просто, надежда на выгодную спекуляцію. Исполненіе этихъ религіозныхъ драмъ, во-время поста, когда всякіе другіе спектакли были запрещены, не требовало никакихъ издержекъ на костюмы, декорации, даже на знаменитыхъ пѣвцовъ, ибо для выполненія простой и протяжной музыки, эффектъ которой заключался преимущественно въ хорахъ, нужны были только хорошіе голоса и пѣвцы съ обыкновенными способностями. — Конечно, можно думать, что земныя пожеланія не были чужды направленію, какое принялъ тогда талантъ Ганделя; но нельзя сомнѣваться также и въ томъ, чтобы великій музыкантъ не почувствовалъ въ артистической душѣ своей необходимости развить рѣдкія способности, данныя ему природою и искусствомъ, въ избранномъ имъ новомъ родѣ музыки, и выказать на-дѣлъ талантъ свой въ стилѣ фуги, который столько приличенъ композиціямъ ораторіи. — Въѣствъ съ тѣмъ Гандель вознамѣрился ввести въ свои ораторіи совершенно-новый родъ музыки — *органные концерты*, изобрѣтеніе коихъ, кажется, принадлежитъ именно ему. Болѣе двадцати-пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ игралъ на органѣ, предъ избраннымъ обществомъ, въ церкви св. Павла, и съ того времени только не многіе друзья знали, что у Ганделя, какъ органиста, не было соперника въ Англии и что въ цѣлой Европѣ одинъ только Себастіанъ Бахъ превосходилъ его въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, удивительный талантъ его, какъ исполнителя, былъ для англійской публики почти рѣшительною новостію, и это самое составило не послѣднюю причину огромнаго успѣха его ораторій. Каждый разъ, при исполненіи ораторіи, Гандель вводилъ органнй концертъ, помѣщая его почти всегда передъ финальнымъ хоромъ. — Такъ послѣ аріи, которую прибавилъ онъ къ италіанской ораторіи «*Il trionfo del tempo*», Гандель написалъ, на своей партіици, слѣдующія слова: «*Segue il concerto per l'organo e poi l'Alleluia.*» —

Вообще полагаютъ, что знаменитыя собранія, quasi-концерты, по случаю ораторій Ганделя, начались въ Лондонѣ въ 1740-мъ году, когда исполнена была ораторія *Саулъ*; но концерты эти вошли въ моду преимущественно въ 1741-мъ году, когда уезжали ораторію *Мессія*, которая, по-справедливости, считается совершеннѣй-

шимъ твореніемъ генія Ганделя. — Красоты этого великаго произведенія сами по себѣ доставляютъ высокое наслажденіе; но этого мало: какъ не придти въ удивленіе и не изумиться, если вспомнить, что Ганделю въ то время, когда онъ написалъ эту ораторію, было уже 57-мъ лѣтъ и что вся партія окончена въ теченіе трехъ недѣль!! Факты эти доказываются оригинальнымъ манускриптомъ, безсмертнаго творенія, который находится въ собраніи англійской королевы. Кромѣ того, что видна изумительная быстрота руки, съ какою писаны ноты подлинника, на немъ во многихъ мѣстахъ выставлены, рукою самого автора, числа, не оставляющія никакого сомнѣнія, что вѣковѣчный памятникъ его славы былъ нѣчто въ родѣ импровизаціи! Внизу на послѣдней страницѣ написано: «Angefangen den 22 August 1741.» Въ концѣ первой части значится: «August 28, 1741.» Въ концѣ второй: «September 6, 1741.» На послѣдокъ, въ концѣ третьей части подписано: «Fine dell' oratorio. G. F. Handel. September 12, 1741; auffgefuhret den 14 dietses.» Часто толковали и толкуютъ о способности нѣкоторыхъ новѣйшихъ композиторовъ сочинять скоро; по мы думаемъ, что едва-ли найдется много примѣровъ, которые поравнялись-бы съ приведеннымъ здѣсь. Перешпечки торопили Ганделя до того, что ноты его едва сформированы, какъ слѣдуетъ; самый день исполненія былъ такъ близокъ, что должны были дѣлать репетиціи въ то время, когда ораторія еще не была вполне окончена и сочинялась. Это неоспоримо доказываютъ слова «auffgefuhret den 14 dietses,» (исполнена 14 того-же мѣсяца), то-есть, на третій день по окончаніи ораторіи. — Большая часть чиселъ на разныхъ манускриптахъ Ганделя свидѣтельствуютъ, что легкость сочинять скоро была постояннымъ качествомъ его генія.

При первомъ исполненіи *Messia* въ Ковентгарденѣ, музыка эта была принята довольно-холодно, потому-что англійская публика сначала не поняла достоинствъ фугованнаго стиля, который господствуетъ во всѣхъ хорахъ ораторіи и не могла оцѣнить новости и строгости формъ, какими вообще отличается это произведеніе. — Въ-слѣдствіе чего Гандель вздумалъ испытать, какое дѣйствіе произведетъ ораторія его на Ирландцевъ, въ томъ убѣжденіи, что если она будетъ имѣть успѣхъ въ Дублинѣ, то непременно захотятъ послушать ее опять и въ Лондонѣ. Онъ поѣхалъ съ своею партіею въ Дублинъ, гдѣ ораторія *Messia* была исполнена въ концѣ 1741 года, въ пользу арестантовъ городской тюрьмы, и принята съ энтузіазмомъ, а въ-слѣдъ за тѣмъ она

сдѣлалась любимицею и Англичанъ. — Возвратясь изъ Ирландіи, Гандель написалъ новую ораторію, на избранныя мѣста изъ Мильтонова *Самсона*; успѣхъ этого прекраснаго произведенія былъ самый блистательный. Съ того времени Англичане убѣдились въ превосходствѣ Ганделя надъ всѣми другими композиторами, а ораторіи его стали привлекать ежегодно многочисленную публику въ Ковентгарденъ. — Между-тѣмъ вражда высшаго класса общества противъ артиста еще не затихла; успѣхъ ораторіи раздражалъ его непріятелей. Чтобы всячески повредить Ганделю, выдумали выхлопотать запрещеніе ораторіи, подъ предлогомъ, что никакое публичное собраніе съ цѣлью увеселенія не должно имѣть мѣста во-время поста. При такихъ обстоятельствахъ твердость Ганделя едва было не подверглась опять жестокому испытанію; но народъ взялъ его сторону, и воля народа одержала верхъ: ораторіи исполнялись каждый годъ, а *Мессія* сдѣлалась предметомъ всеобщаго удивленія. — Къ первымъ своимъ ораторіямъ, Гандель, въ продолженіе восьми лѣтъ, прибавилъ еще слѣдующія: *Семела*, *Иосифъ*, *Геркулесъ*, *Балтазаръ*, *Иуда Маккавей*, *The occasionnal oratorio*, *Alexander Balus*, *Сусанна*, *Теодора*, *Торжество времени и истины*, и *Iefma*. Кромѣ того, въ то-же время, онъ написалъ свое большое *Te Deum* въ те, 18-ть органныхъ концертовъ, 12-ть концертовъ для гобоя, значительное количество большихъ концертовъ и множество другихъ разнаго рода пьесъ.

Къ концу 1750-го года Гандель почувствовалъ ослабленіе зрѣнія; постигшее его несчастіе возрастало быстро, такъ, что въ исходѣ 1751-го года онъ ослѣпъ совершенно. — *Iefma*, оригинальный манускриптъ которой принадлежитъ английской королевѣ, была послѣднимъ произведеніемъ, написаннымъ рукою автора. Ораторія эта начата 21 января 1751 года и кончена 27 іюля того-же года. Нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ на поляхъ партіи, помѣчены 30-мъ августа; почеркъ автора здѣсь уже очень измѣнился, чрезвычайно нечистъ, и все показываетъ, что зрѣніе его въ то время было уже весьма-слабо. — Внизу на одной изъ послѣднихъ страницъ написано дрожащею рукою: «Sveet as sight to the blind» (пріятно, какъ зрѣніе для слѣпца). Доктора совѣтовали ему сдѣлать операцію, для снятія катаракта. Онъ долго колебался, наконецъ рѣшился ввѣрить себя доктору Шерпу; послѣдній нѣсколько разъ принимался за операцію, но безуспѣшно. Убѣдившись, что ему не оставалось больше надежды на возвращеніе зрѣнія, Гандель съ твердостью покорился своей уча-

ети, заботясь только о томъ, кѣмъ-бы замѣнить себя въ управленіи оркестромъ, при обычномъ ежегодномъ исполненіи ораторій своихъ. Наконецъ онъ избралъ для этого поста ученика своего Смита, сына переписчика его собственныхъ нотъ. — Последніе годы жизни Ганделя протекли мирно и спокойно. Въ началѣ 1758 года силы его очевидно ослабѣли; съ-тѣхъ-поръ онъ предъугадалъ близкій свой конецъ и приготовился. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1759 года слабость усилилась, и 14-го апрѣля того года великій музыкантъ успулъ вѣчнымъ спомъ. — Бренными остаткамъ славнаго композитора сдѣланы были въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ великолѣпныя похороны; епископъ Рочестерскій и настоятель Аббатства совершали службу, при чемъ соединенные хоры Вестминстера и св. Павла пѣли погребальныя антифоны покойнаго и нѣкоторыя другія его произведенія. — По окончаніи службы прахъ артиста преданъ землѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребаются короли и все великіе люди Англій. Гробница изъ бѣлаго мрамора, украшенная статуею Ганделя, воздвигнута тамъ, гдѣ и теперь находится. Почти у самаго монумента, въ 1784, — 85, — 86 и 87-мъ годахъ, въ память Ганделя, совершались великолѣпныя годовщины, концертами, составленными изъ избранныхъ твореній его. Въ первый годъ число пѣвцовъ и музыкантовъ, участвовавшихъ въ концертѣ, простиралось до 500; въ послѣдующіе годы число это постоянно увеличивалось, такъ, что на другой годъ ихъ было 616, потомъ 741, а въ 1786 году даже 806 человекъ. — Бурней сдѣлалъ описаніе этихъ блистательныхъ музыкальныхъ праздниковъ, въ роскошной книгѣ: «Account of the musical performance in commemoration of Handel.» —

Если сообразить безпрерывныя и отдаленныя путешествія, въ которыхъ Гандель провелъ часть жизни своей, службу его у многихъ владѣтельныхъ и знатныхъ особъ, его многочисленныя занятія, какъ директора театральныхъ представленій и концертовъ; заботы и хлопоты, въ какія вовлекала его эта должность, — то покажется рѣшительно-непостижимымъ, когда онъ успѣвалъ находить время для того, чтобы написать такое безчисленное множество произведеній во-всѣхъ родахъ музыки. Но такова уже была его удивительная дѣятельность, что у него ни одинъ мигъ не пропадалъ даромъ. — Въ началѣ пребыванія своего въ Англій, Гандель раздѣлялъ еще время между сочиненіями и управленіемъ концертами герцога Рутланда, графа Бурлингтона и герцога де-Кандо; но потомъ прервалъ всякія связи и не захотѣлъ заводить новыхъ. Онъ отказывался рѣшительно отъ всѣхъ при-

глашеній и выходилъ изъ дому только для исполненія обязанностей своихъ, какъ директоръ спектакля, капельмейстеръ театрального оркестра или учитель музыки королевской фамилии. — Всякія посѣщенія бывали для него несносны; къ себѣ онъ почти никого не принималъ, кромѣ трехъ искреннихъ друзей, единственныхъ, сколько, по-крайней-мѣрѣ, тогда было извѣстно, а именно: ученика своего Смита, живописца Гуни и красильщика Хуртера. За нимъ не знали привязанности ни къ одной женщинѣ и всю жизнь свою онъ провелъ въ самомъ строгомъ безбрачїи. Постоянно занятый трудами, онъ или сочинялъ и писалъ свои идеи, съ быстротою почти невѣроятною, или игралъ на клавесинѣ. Инструментъ его былъ работы Рюкерса, и Гандель такъ часто игралъ на немъ, что клавиши отъ времени сдѣлались выдолбленными, на подобіе ложекъ. — Единственная его привязанность къ чему-нибудь, не касающемуся музыки, была страсть къ живописи. У него находилось нѣсколько хорошихъ картинъ и онъ не пропускалъ случая осматривать тѣ, которыя выставлялись на продажу.

Равно не таря ни скудости, ни мотовства, Гандель соразмѣрялъ расходы свои съ доходами. Постоянный доходъ его состоялъ изъ 600 фунт. стерлинговъ, изъ числа коихъ 200 пожалованы были королевою Анною, 200 королемъ Георгомъ I-мъ, а остальные платились ему, какъ учителю музыки принцессѣ королевскаго дома. Другіе источники доходовъ его были невѣрны и завѣшли, болѣею частию, отъ сборовъ въ театрѣ и концертахъ. Изданія сочиненій его почти всегда доставляли пользу только тому торговцу ютами, кто бралъ на себя обязанность быть ихъ издателемъ. — Во-время ссоры его съ высшимъ классомъ общества, у него было до 10 т. фунт. стерлинговъ; несчастная спекуляція съ театромъ не только поглотила весь этотъ капиталъ до послѣдняго шиллинга, но и принудила Ганделя дать актерамъ своей оперы векселя на значительную сумму, какую онъ задолжалъ имъ. Артисты выѣхали изъ Англїи только съ обѣщанїемъ, что имъ будетъ заплачено, что впрочемъ Гандель и исполнилъ, коль скоро духовные его концерты доставили ему къ тому средства. — Концерты эти приносили Ганделю ежегоднаго дохода около 2 т. фунт. стерлинговъ. — По смерти своей, онъ завѣщалъ тысячу гиней воспитательному заведенію для подкидышей и около 500 т. франковъ бѣднымъ родственникамъ своимъ въ Германїи. — Кромѣ нѣкоторыхъ упражненій въ латинскомъ языкѣ, который преподавали ему еще въ дѣтствѣ, воспитаніе

Ганделя было самое незавидное. Онъ зналъ хорошо только музыку и итальянскій языкъ. Долговременное пребываніе въ Англии доставило ему изрядныя познанія въ англійскомъ языкѣ, для того, чтобъ понимать его и хорошо передавать красоты поэтовъ; но говорилъ онъ по-англійски всегда съ нѣмецкимъ выговоромъ.— Въ бесѣдѣ своей онъ часто мѣшалъ нарѣчія разныхъ странъ, которыя посѣщалъ, особенно если воодушевлялся или, по какому-либо непріятному случаю, выходилъ изъ себя. Это самое дѣлало разговоръ его довольно-страннымъ, иногда даже комическимъ.

Два важные недостатка помрачали блескъ, какимъ озаряли Ганделя произведенія его генія: вспыльчивый, горячій характеръ, незнавшій границъ, и невоздержность, которая вовлекала его въ самыя предосудительныя излишества. Въ пылу гнѣва, маэстро способенъ былъ дойти до всевозможныхъ крайностей. Такъ однажды, взбѣсившись на пѣвицу Куццони, за отказъ ея пѣть арію «falsa imagine», въ его оперѣ *Оттонъ*, Гандель схватилъ артистку, приподнялъ ее и грозилъ выбросить за окно, если только она осмѣлится еще упорствовать въ своемъ намѣреніи. Иногда отъ вспыльчивости его происходили смѣшныя анекдоты. Вотъ одинъ изъ нихъ. Поэтъ оперы Морель, писавшій для него либретто, однажды осмѣлился замѣтить, что нѣкоторый пассажъ музыки не гармонируетъ со смысломъ словъ. Въѣтъ того, чтобы уважить такое замѣчаніе, Гандель, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, закричалъ: «Вы хотите учить меня музыкѣ? Моя музыка прекрасна, превосходна! Это ваши слова ни къ чорту не годятся.» Потомъ, присѣвъ къ клавишину и ударяя изъ всей мочи по клавишамъ, продолжалъ: «Вотъ моя музыка! повторяю вамъ, что она хороша, прекрасна, превосходна! Пишите слова на мою музыку.» — Подобныя свойства, казалось, должны-бы были отпечатлѣваться на лицѣ и придавать ему черты жестокія; напротивъ, лицо у него было прекрасное, благородное. Гандель былъ роста высокаго, но довольно-дороденъ; его походка была тяжела и неграціозна; но когда ничто не волновало его, то вся наружность его выражала кротость и спокойствіе. Большая часть портретовъ его не сходны, хотя и издано ихъ множество. — Лучшій изъ портретовъ тотъ, который гравированъ Гандингомъ съ оригинала Деннера и приложенъ къ *Анекдотамъ о Ганделѣ и Смитѣ*, изданнымъ въ Лондонѣ въ 1799 году.

Мы, кажется, сказали здѣсь достаточно объ артистической жизни Ганделя. Чтобъ сдѣлать статью нашу, по-возможности, полнѣе и удовлетворительнѣе, намъ остается опредѣлить характеръ его музы-

ки; но предварительно исчислимъ всё произведенія Ганделя, на тотъ конецъ, дабы можно было получить понятіе, какую громадную творческою плодovitostію обладалъ этотъ великій музыкантъ. — Сколько извѣстно, предлагаемое здѣсь исчисленіе сочиненій его есть самое полное. Вообще произведенія Ганделя можно раздѣлить на пять классовъ: I) *Оперы*; II) *Ораторіи*; III) *Церковная музыка*; IV) *Музыка концертная и комнатная* и V) *Органная и клавишная музыка*.

I) ОПЕРЫ.

Всѣхъ оперъ 51, а именно: а) *Нѣмецкія оперы*: Альмира — 1704 г., Перонъ — 1705 г., Флоринда и Дафна — обѣ 1708 г.: всѣ четыре представлены въ Гамбургѣ; Тезей — 1711 г.; Амадисъ 1715 г.; Адметъ — 1727; Александръ Северъ — пастичію, представлены въ Лондонѣ. б) *Италіянскія оперы*: Rodrigo — во Флоренціи и Agrippine въ Венеціи — обѣ 1709 г.; Acis, Galathea e Polipheme — пастораль, въ Неаполѣ — 1710; Rinaldo — 1711; Pastor fido — 1715; Radamisto — 1720; Muzio Scevola — 1721; Ottone — 1722; Flavio, Floridante, Giulio Cesare — всѣ три 1723; Tamerlano — 1724; Rodelinda 1725; Scipione, Alessandro — обѣ 1726; Riccardo — 1727; Siroe, Tolomeo — обѣ 1728; Lotario — 1729; Partenope — 1730; Poro — 1731; Sorarme, Orlando — обѣ 1732; Ezio, Ariana — обѣ 1733; Tito — 1734. Всѣ эти оперы, начиная съ Rinaldo, представлены въ Лондонѣ, кромѣ Тита, который вовсе не былъ на сценѣ. в) *Англійскія оперы*: Альцеста, Ариоданъ — обѣ 1734; Альцина — 1735; Atalante, Arminius, Justin — всѣ три 1736; Pharamond, 1737; Berenice, Xerces, Александръ-Северъ, различный съ нѣмецкою — всѣ три 1838 г.; Deidamie — пастичію — 1839; Allegro il penseroso ed il moderato, аллегорическая опера; Le parnasse en fête, пинтермедія, Imeneo-пастичію — всѣ три 1740 г.; The choice of Hercules; Acis and Galathea, (пастораль) для герцога де Капдо — 1719 и Алхимистъ — комическая опера. Всѣ эти оперы представлены въ Лондонѣ.

II) ОРАТОРИИ.

Ораторіи Гандель написалъ 23-ри: *Страсти Господни*, на нѣмецкомъ, написана Ганделемъ еще въ молодости; *Il trionfo del*

tempo — во Флоренціи 1707 г.; *Resurrezzione* — въ Римѣ, ко дню св. Воскресенія — 1708 г.; *Дедора, Эсфирь* — обѣ 1733 г.; *Израиль въ Египтъ, Авалія*, — 1738; *Саулъ* — 1740; *Мессія* — 1741; *Самсонъ* 1742; *Семела, Иосифъ* — обѣ 1743; *Геркулесъ, Балтазаръ* — обѣ 1744; *Occasional oratorio, Юда Маккавей* — обѣ 1746; *Alexander-Balus, Іосія* — обѣ 1747; *Сусанна* — (превосходное произведеніе, хотя и мало извѣстное), *Соломонъ* — обѣ 1748; *Теодора* — 1749; *Торжество времени и истины* — 1750 г.; *Іефта*, послѣднее твореніе Ганделя, писанное его рукою, 1751 г. — Всѣ эти ораторіи, начиная съ Деборы, съ англійскимъ текетомъ. —

III) ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА.

Сюда относятся слѣдующія сочиненія: около 60-ти нѣмецкихъ *мотетовъ* и религіозныхъ *кантатъ*, написанныхъ въ Галле, съ 16-ти до девятнадцатилѣтняго возраста; въ собраніи англійской королевы находится 23-ри изъ нихъ, на два, на четыре и на пять голосовъ, съ двумя скрипками и органомъ. — Два *Laudate pueri* — одно на 4-ре голоса съ оркестромъ, а другое на 5-ть голосовъ, въ sol-mineur; — оба писаны въ Римѣ, въ 1707; *объдѣя* на 4-ре голоса, (для двухъ скрипокъ, двухъ гобоевъ, альты и органа) — писана въ Неаполѣ въ 1710 г. — Сочиненные, по случаю Утрехтскаго мира, *Te Deum* въ *re* и *Jubilate* — большой мотетъ на четыре голоса съ оркестромъ — 1714 г. — Множество *антифоновъ* на англійскомъ языкѣ на 3, 4 и 5-ть голосовъ съ органомъ, для придворной церкви Георга 1-го въ Лондонѣ — 1717 года. — *Девнадцать большихъ антифоновъ* — англійскихъ, на 4-ре голоса съ оркестромъ, — написаны въ 1719 и 1720 годахъ, для домової церкви Герцога де Кандо. — *Четыре большихъ антифона* на коронацію Георга 1; *антифонъ* на коронацію Георга II, на 4-ре голоса съ органомъ и оркестромъ, напис. въ 1726 г. — *Антифонъ или похоронная кантата* на смерть королевы Каролины, на 4-ре голоса съ оркестромъ, одно изъ лучшихъ и наиболѣе знаменитыхъ произведеній Ганделя, писано въ 1737 году. — *Брачный антифонъ* на бракосочетаніе Принца Валлійскаго, отца Георга III, на 4-ре голоса съ оркестромъ, большое и прекрасное произведеніе. — *Четыре Te Deum* на 4-ре голоса съ оркестромъ; одно изъ нихъ въ si-be-mol, другое въ la, третье въ ge, короткое, и четвертое — большое, извѣстное подъ названіемъ *Te Deum de Det-*

tingen, написанное по случаю Деттингенскаго сраженія, выиграннаго въ 1743 году соединенными арміями англійскою и австрійскою, подъ начальствомъ Георга 11; — *Te Deum* это знаменито. — *Антифонъ* на 5-ть голосовъ съ органомъ и большое *Jubilate*, предшествуемое и оканчивающееся симфоніей, — оба написаны по случаю того-же сраженія. — Наконецъ нѣмецкіе *псалмы*, на четыре голоса съ оркестромъ, написаны въ Гамбургѣ, съ 1703 по 1709 годъ и изданы, въ трехъ томахъ (in fol.), всего *семь псалмовъ*. —

IV) КОНЦЕРТНАЯ И КОМНАТНАЯ МУЗЫКА.

Множество отдѣльныхъ *арій* и *кантатъ* съ оркестромъ, на нѣмецкія слова, написанныхъ съ 1703 по 1708 годъ; большая часть этихъ піесъ, которыя вовсе не были изданы, находится въ собраніи англійской королевы. — Около 200 *кантатъ* съ аккомпаньементомъ клавесина, написанныхъ для ганноверскаго двора, съ 1711 по 1713 годъ. — Собраніе *дуэтовъ* для двухъ голосовъ съ непрерывнымъ басомъ, сочиненныхъ для курфиретинны ганноверской. — *Ода королевы Анны*, на четыре голоса съ оркестромъ, писана въ 1713 году. — *Vater-music* — собраніе различныхъ инструментальныхъ піесъ, написанныхъ по случаю праздника на Темзѣ, даннаго королю Георгу I. — *Fire-music* — собраніе инструментальныхъ піесъ, написанныхъ для фейерверка, сожженнаго по случаю Деттингенской битвы. — *Пиршество Александра* — большая кантата на 4-ре голоса съ оркестромъ, несправедливо почитаемая за ораторію. — *Сонаты-трио* (для 2-хъ скрипокъ и виолончеля, или для 2-хъ гобоевъ съ непрерывнымъ басомъ). *Кантаты* для 3-хъ голосовъ съ непрерывнымъ басомъ. — *Двадцать большихъ концертовъ* (для 4-хъ скрипокъ, 2-хъ виолъ, виолончеля, съ непрерывнымъ басомъ, для клавесина или органа). — *Симфонія-концертантъ* для разныхъ инструментовъ. — *Двадцать концертовъ*, для гобоя и оркестра. — Наконецъ, *двадцать соло*, для нѣмецкой флейты, съ непрерывнымъ басомъ, написанные для принца Валлійскаго.

V) ОРГАННАЯ И КЛАВЕСИННАЯ МУЗЫКА.

Сюда принадлежатъ: *Уроки для клавесина*, составленные изъ піесъ разнаго рода; произведенія эти написаны въ прекраснѣй-

шесть стилѣ и могутъ идти въ сравненіе только съ подобнаго-же рода сочиненіями Себастіана-Баха. — *Шесть фугъ* для клавесина; *восемнадцать концертовъ для органа*, которые однакожь написаны не въ величественномъ органномъ стилѣ, ибо Гандель предназначалъ ихъ для того, чтобы они понравились публикѣ и привлекли-бы слушателей на его ораторіи.

Таково громадное число твореній, вышедшихъ изъ-подъ пера Ганделя. Произведенія эти, по большой части, значительнаго размѣра, такъ, что трудно повѣрить, чтобы достало одного человека лишь на матеріальную работу, какая потребна для переписки ихъ. — Всѣ сочиненія Ганделя имѣли по нѣскольку изданій. Важнѣйшія изъ нихъ первыя англійскія изданія Вельча, Мере и Кюэра, въ которыхъ находятся оперы итальянскія и англійскія, игранныя въ Лондонѣ, ораторіи, итальянскія кантаты, *Te Deum*, *Jubilate*, большіе антифоны и пѣссы для органа. Изданія эти неизящны, но отличаются вѣрностію. Король Георгъ III, не любившій, или, лучше сказать, незнавшій никакой другой музыки, кромѣ музыки Ганделя, вздумалъ создать памятникъ славы великаго артиста роскошнѣйшимъ изданіемъ всѣхъ его сочиненій... Изданіе это поручено было Арнольду, при чемъ король довѣрилъ ему всѣ оригинальные манускрипты Ганделя, приобретенные имъ послѣ его смерти. Однакожь Арнольдъ не оправдалъ ни довѣренности короля, ни ожиданій любителей; изданіе его наполнено самыми грубыми ошибками. Онъ нѣсколько не воспользовался пособиями, какія представлялись ему для вариантовъ въ оригинальныхъ манускриптахъ, и если помѣстилъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя произведенія, неизданныя при жизни автора, на-примѣръ: ораторію *Resurrezzione*, то еще съ большими ошибками, чѣмъ то было въ копіяхъ старыхъ изданій. Отсюда произошло то, что партитуры Ганделя, изданныя Вельчемъ, цѣнятся знатоками гораздо выше Арнольдовыхъ, которыя первоначально стоили чрезвычайно-дорого, особенно въ большомъ форматѣ. Притомъ-же Арнольдово изданіе не было окончено. Сверхъ-сего есть множество другихъ изданій сочиненій Ганделя, старыхъ и новѣйшихъ, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться.

Прошло уже болѣе столѣтія съ-тѣхъ-поръ, какъ творенія Ганделя возбуждаютъ удивленіе Англии и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ музыкантовъ Германіи и Франціи, хотя справедливость требуетъ сказать, что большая часть любителей двухъ послѣднихъ странъ знаютъ Ганделя только по имени. До новѣйшихъ временъ только съ трудомъ отыскивали во Франціи нѣкото-

рыя изъ его сочиненій, и никогда не исполняли ихъ публично, пока наконецъ Шоронъ не возымѣлъ счастливой мысли примѣнить ихъ къ своимъ упражненіямъ. Правда, нѣкоторыя изъ его фугъ для клавесина находились въ рукахъ пьянствовавшихъ; но 51 опера, 23 ораторіи, его церковные концерты, Те Деум, кантаты и прочія сочиненія, не были извѣстны во Франціи даже по имени. Германія, въ этомъ отношеніи, ушла немногимъ дальше Франціи. Между тѣмъ можно сказать почти утвердительно, что никогда не существовало генія съ болѣе-обширнымъ и смѣлымъ воображеніемъ и въ совокупности съ тѣми глубокими познаніями, какія видны въ его сочиненіяхъ, на каждомъ шагу... Мелодіи Ганделя пріятны, новы и просты; богатство его гармоній превосходитъ все, что только до него, въ этомъ отношеніи, было сдѣлано. Хоры его имѣютъ величіе, жаръ, силу, которыхъ не замѣчается ни въ какихъ другихъ сочиненіяхъ подобнаго-же рода. Словомъ, Гандель есть одинъ изъ величайшихъ геніевъ, прославившихъ искусство музыки.

Важнѣйшій и отличительный характеръ генія Ганделя составляетъ величіе, торжественность и возвышенность идей. Удивительное достоинство это, доведенное до высшей степени превосходства, въ совокупности съ качествами побочными, содѣлываютъ многія творенія его образцами совершенства въ своемъ родѣ. Такимъ-образомъ модуляція Ганделя, хотя часто роскошная и неожиданная, всегда пріятна и натуральна. Искусство располагать голосами такъ, чтобы предоставлять возможность пѣть безъ усилія, по-видимому, для него было также легко, какъ и италіянскимъ композиторамъ лучшей школы, не смотря на то, что сжатая связь его гармоній представляла для подобной легкости очевидныя препятствія. — Часто обвиняли Ганделя въ недостаткѣ мелодій, но такое мнѣніе, кажется, неосновательно. Нѣкоторыя изъ арій *Родомиста*, *Оттона*, *Ринальда*, *Роделинды* и многихъ другихъ оперъ, суть чистыя мелодіи и притомъ самыя пріятныя; но мелодіи эти такого свойства, что ихъ нельзя иначе оцѣнить, какъ взглянувъ съ особой точки зрѣнія, дабы постигнуть, сколько заключается въ ихъ звукахъ глубины и выразительности. Во-многихъ пьесахъ его для клавесина находятя также прекрасныя мелодіи, которыя однакожь обставлены такими богатыми подробностями, что всю красоту ихъ могутъ чувствовать только люди, надѣленные образованнымъ и утонченнымъ слухомъ. — Но преимущественно въ хорахъ Гандель не подражаемъ по величію стиля, ясности мысли и постепенному

возрастанію интереса. Эффектъ хоровъ его, пзъ конхъ бoльшая часть имѣють аккомпанементомъ только скрипки, альты и басы, невыразимъ и обнаруживаетъ колоссальность размѣровъ. Могущество его хоровъ таково, что блескъ и роскошь новѣйшей инструментовки, вмѣсто того, чтобы усилить производимое ими дѣйствіе, могли-бы только ослабить его. Моцартъ, этотъ дивный человѣкъ, у котораго музыкальное чувство было чудомъ природы, — самъ Моцартъ очень хорошо понялъ трудность увеличить эффектъ хоровъ Ганделя, и потому, прибавивъ партіи духовыхъ инструментовъ къ ораторіи *Messia*, сказалъ, что онъ успѣлъ развѣтвить только одиѣ аріи, не касаясь хоровъ. Неподражаемый, могущественный эффектами своихъ твореній, Бетховенъ также поклонялся величію Ганделя, сознавая при томъ, что простота средствъ послѣдняго составляетъ истинное волшебство. — Вообще музыка Ганделя писана въ родѣ важномъ и величественномъ; она относилась преимущественно къ страстямъ благороднѣйшимъ. Стилъ ея высокъ, чистъ и строгъ; но возбуждая удивленіе артистовъ и просвѣщенныхъ любителей, она не такъ успѣшно дѣйствовала на людей, привлекаемыхъ въ театръ модою. Вотъ почему онъ такъ мало распространился даже въ самой Германіи. — Корелли вообще почитается основателемъ старинной скрипичной школы и инструментовки. Гандель довелъ стилъ этотъ до высокой степени совершенства. Но-такъ какъ въ послѣднемъ вѣкѣ въ инструментальной музыкѣ произошла великая реформа, то произведенія его намъ кажутся сухими, холодными. Тяжолыя интродукціи, фуги, хотя исполненныя съ большимъ искусствомъ, анданте безъ разнообразія и жиги безъ веселости, — вотъ что составляетъ пѣлое этой музыки. Но за то въ нихъ заключается глубина мысли, замѣняющая недостатокъ изобрѣтенія, а огромное знаніе, развернутое въ этихъ твореніяхъ, упрочиваетъ права ихъ на удивленіе артистовъ.

Два человѣка — Гандель и Себастіанъ Бахъ (*) вышли изъ одной и той-же школы; оба первенствовали въ первой половинѣ прошлаго вѣка и оба были музыкальными исполинами своей эпохи. Часто пытались сравнить ихъ между собою, чтобы отдать пальму первенства тому или другому; но все-таки кажется, что они оба не были оцѣнены по достоинству. За исключеніемъ пѣкоторыхъ формъ стили, общихъ имъ обоимъ и свойственныхъ

(*) О С. Бахѣ поговоримъ въ-слѣдъ за сими въ особой статьѣ. —

болѣе эпохъ, когда они дѣйствовали, — самый путь, по которому шли они и качества ихъ генія, были совершенно различны. Въ предположенныхъ ими себѣ цѣляхъ нѣтъ сходства, нѣтъ явнаго соотношенія и въ ихъ произведеніяхъ; слѣдовательно, нѣтъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго. Во всякомъ случаѣ однакожь, сравнительная оцѣнка такихъ великихъ геніевъ, каковы Гандель и Бахъ, для исторіи искусства не бесполезна по тому, что чрезъ это, естественно, получается возможность постигать, какими многоразличными путями геніальные люди могутъ проходить поприще, сколько благородное, столько-же и прекрасное. — Блестящіе успѣхи Ганделя, въ теченіе почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ, были основаны преимущественнѣе на произведеніяхъ музыки драматической, нежели на превосходствѣ другихъ его сочиненій. Себастьянъ Бахъ вовсе не писалъ для театра; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, между тѣмъ и другимъ не можетъ быть никакого сравненія. Но оба они писали музыку церковную, ораторіи, кантаты, музыку инструментальную, оба были великими органистами и сочиняли какъ для органа, такъ равно и для клавирина. И потому посмотримъ, въ чемъ-же заключается различіе ихъ въ этого рода композиціяхъ, сообразно принятому каждымъ направленію.

Съ самаго начала своего музыкальнаго поприща, Гандель поставленъ былъ въ постоянное и непрерывное соприкосновеніе съ обществомъ, словомъ, находился, такъ сказать, на виду. Съ своей стороны, онъ желалъ и искалъ благосклонности публики, для которой писалъ. А имѣя въ виду, что произведенія его предназначались для многочисленныхъ собраній, конечно, онъ долженъ былъ изыскивать и средства, чтобы дѣйствовать на массу общества. Качества, которыми Гандель наиболѣе производилъ впечатлѣніе на массу, быть-можетъ, вложила въ него непосредственно сама природа или-же онъ былъ слѣдствіемъ изученія и наблюденій; по во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что самымъ успѣшнѣйшимъ образомъ достигалъ онъ своей цѣли, черезъ ясность мысли и простоту музыкальныхъ средствъ, тщательно избѣгая малѣйшей запутанности, которая могла-бы повредить воспримчивости впечатлѣній у народа, музыкальное образованіе котораго было еще такъ мало развито. По этимъ-же самымъ причинамъ, въ произведеніяхъ его, исполненныхъ богатства и разнообразія мотивовъ, замѣчается монотонность въ манерѣ развитія ихъ. Рассмотрите всѣ оперы, всѣ ораторіи Ганделя, вы найдете тамъ

воображеніе плодовитое въ изобрѣтеніи мотивовъ; но инструментовку всегда и вездѣ одну и ту же и формы тождественныя, во всѣхъ сколько-нибудь сходныхъ обстоятельствахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ должно было поступать, дабы вниманіе не отвлекалось отъ главныхъ красотъ, содѣлывающихъ его великія произведенія истинно-безсмертными; однакожь нельзя отвергать и того, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ, Гандель, въ этомъ отношеніи, впалъ въ формализмъ. — Церковная музыка писана Ганделемъ также на случай и притомъ всегда торжественныя, слѣдовательно, весьма-естественно, что подобныя-же недостатки находятся и въ произведеніяхъ этого рода, именно потому, что обстоятельства были одинаковы, то-есть, что и церковная музыка предназначалась также для массы общества.

Себастіанъ Бахъ, безъ сомнѣнія, обладалъ совсѣмъ иную организацію и притомъ самую жизнь провелъ въ положеніи, совершенно отличномъ отъ того, въ какомъ находился Гандель. Бахъ почти всегда жилъ уединенно въ небольшихъ городахъ, занимая скромную должность органаста или школьнаго учителя, и потому самое искусство для него существовало только въ немъ самомъ. Не имѣя ни слушателей, ни желанія составить себѣ имя и fortuna; онъ трудился для собственнаго удовольствія, и награду за трудъ свой для искусства находилъ въ самомъ-же искусствѣ. При пламенной душѣ своей и обширномъ умѣ, онъ могъ изобрѣтать по волѣ безчисленныя сочетанія, неполненныя великихъ мыслей, нисколько не заботясь объ эффектѣ виѣшнемъ и мнѣніи собранія слушателей. Изъ всей музыки Баха вродно произведеніе не было назначено для свѣта: по-крайней-мѣрѣ, такъ думалъ авторъ. Коль-скоро оканчивалось одно твореніе его генія, оно, такъ сказать, погребалось въ старомъ шкафѣ и за тѣмъ слѣдовало новое созданіе. Слѣдовательно, не было оковъ, ни умышленныхъ расчетовъ на успѣхъ, ни условныхъ формъ, которыя могли-бы стѣснять полетъ генія. А отсюда-то и явились тѣ смѣлыя нововведенія, тѣ высокія изобрѣтенія, которыя розлиты до безконечности въ его *Страстяхъ Господнихъ*, въ *обиди* въ *si-mineur*; въ *псалмахъ* и болѣе нежели въ *ста кантатахъ*, украшенныхъ инструментовкою вполне оригинальною. Словомъ, отсюда произошли всѣ тѣ дивныя сокровища воображенія, которыя извлечены изъ забвенія не прежде, какъ по прошествіи болѣе полу столѣтія по смерти автора.

Но такъ-какъ Бахъ не подчинялъ свою церковную музыку, ораторіи, кантаты, прекраснѣйшія сочиненія инструментальныя,

эффекту исполненія предъ многочисленными слушателями, и притомъ, современникамъ своимъ былъ извѣстенъ только, какъ великій своего времени органистъ; то чрезъ это самое смѣлыя и многочисленные изобрѣтенія его генія не произвели никакого вліянія на музыкальное искусство той эпохи. А когда ознакомился съ красотами музыки Баха, то искусство, въ теченіе почти семидесятилѣтняго періода, испытало уже столько преобразованій, что нашлось только небольшое число просвѣщенныхъ людей, которые въ состояніи были оцѣнить оригинальныя его творенія, и потому произведенія Баха представляются намъ скорѣе высокими отвлеченностями, нежели великолѣпными историческими памятниками искусства. Представителемъ эпохи въ исторіи былъ Гандель, который составлялъ собою, такъ - сказать, осуществленное выраженіе порядка самаго возвышеннаго. Но Бахъ стоялъ выше своей эпохи. При силѣ своей обширной концепціи, онъ освободился отъ всякихъ формулъ и создавалъ въ твореніяхъ своихъ безконечное разнообразіе формъ, которыя между-тѣмъ, безпрестанно измѣняясь, на самомъ дѣлѣ были не больше, какъ только побочными принадлежностями великой, могущественной мысли, которая господствуетъ надъ всѣмъ. Но его двойные или тройные оркестры, его два или три хора, всѣ съ разными очерками и характерами, представляютъ вниманію такое громадное сочетаніе различныхъ элементовъ, что разумъ какъ-будто подавляется ими. Конечно, тщательное изученіе открываетъ нить, которая соединяетъ всѣ эти элементы и направляетъ ихъ къ общей цѣли; но гдѣ найти народъ, который-бы одаренъ былъ необходимымъ вниманіемъ и обладалъ способностію къ постояннымъ мысленнымъ напряженіямъ, на тотъ конецъ, чтобы понимать подобную музыку!...

Итакъ изъ всего сказаннаго здѣсь само-собою выводится слѣдующее заключеніе: Гандель отличается ясностію мысли, — Бахъ глубиною; Гандель великъ по своей простотѣ средствъ, — Бахъ своими сложными сочетаніями; оба одарены были въ высшей степени живымъ чувствомъ изящнаго, но чувство это проявлялось у нихъ въ порядкѣ совершенно-различномъ. Была между ними еще одна разниця, которая однакожь вся уже въ пользу Баха. Все, что извѣстно изъ жизни Ганделя, доказываетъ, что существо музыки и понятія его объ искусствѣ сосредоточивались въ его собственныхъ произведеніяхъ. Онъ не хотѣлъ знать сочиненій другихъ композиторовъ своего времени и вовсе не за-

нимался ими, развѣ для того только, чтобы покритиковать ихъ. Почему и казалось, что если Гандель любилъ свое искусство, то собственно изъ желанія пріобрѣсть славу, равно и изъ выгодъ, какія оно доставляло ему. — Не таковъ былъ Бахъ. Страстный обожатель всего прекраснаго, онъ ревностно изучалъ творенія всѣхъ замѣчательныхъ композиторовъ и отдавалъ безпристрастную справедливость достоинствамъ ихъ. Извѣстно, что онъ нѣсколько разъ, въ разное время, бесполезно ѣздилъ въ Галле, съ цѣлью повидаться съ Ганделемъ и послушать его, когда тотъ посѣщалъ Германію; однакожь Гандель никогда не изъявлялъ желанія познакомиться съ Бахомъ, слава котораго, какъ органиста, представляла ему самаго опаснаго соперника въ искусствѣ игры на органѣ.

Лучшими произведеніями Ганделя почитаются *ораторіи*: Мессія, Авалія, Иуда Маккавей, Сусанна, Самсонъ; *кантата* Пиршество Александра; *Деттингенское Те-Deum*; *антифоны* на смерть королевы Каролины и бракосочетаніе Валлійскаго Принца и многія другія. — Въ Англіи ораторіи Ганделя исполняются ежегодно на музыкальныхъ торжествахъ; то-же самое бываетъ и въ большихъ городахъ Германіи. Такъ въ 1834 году, въ Ахенѣ, была исполнена ораторія *Дебора*. По этому случаю извѣстнѣйшій композиторъ Фердинандъ Гиллеръ прибавилъ къ оригинальной партіи партіи духовыхъ инструментовъ. — Вообще ораторіи Ганделя и теперь еще, послѣ всѣхъ гигантскихъ переворотовъ въ музыкальномъ искусствѣ, доставляютъ образованнымъ любителямъ высокое наслажденіе. Что касается до его драматической музыки, то она почти совершенно забыта. Это иначе и быть не могло, ибо стоить только вспомнить, какія громадныя преобразованія произведены, какъ въ музыкѣ вообще, такъ особенно въ музыкѣ драматической, вдохновеніями такихъ гениальныхъ композиторовъ, каковы: Гайднъ, Глюкъ, Моцартъ, Бетховенъ и потомъ Россини, Веберъ, Мейерберъ. — Славнѣйшая ораторія Ганделя есть *Мессія*, къ которой Моцартъ прибавилъ партіи духовыхъ инструментовъ. Ораторія эта въ трехъ частяхъ и содержитъ всю исторію Иисуса Христа. Первая часть: благовѣщеніе и рождество; вторая — страсти и смерть, третья — воскресеніе и безсмертіе. Слова взяты по большой части изъ Евангелія и въ сущности своей заключаютъ много великаго и торжественнаго, особенно для хоровъ; притомъ-же вообще мѣста эти чрезвычайно-благопріятны для музыки. Ганделева мелодія и представленіе имѣютъ почти вездѣ характеръ германскій, то-есть

заклучаютъ въ себѣ нѣчто сильное и простодушное. Представленіе, если можно такъ выразиться, замѣтно при словахъ: «Воззри! ночь покрываетъ землю», и еще сильнѣе въ аріи «Народъ блуждающій въ темнотѣ», «Пастухи были вмѣстѣ на полѣ» — прекрасный пастораль, для входа, «И сіяніе Господа освѣтило ихъ» превосходно выражено аккомпаниментомъ. Хоръ «Слава въ вышнихъ Богу» чудесенъ. — Попеременное пѣніе «Онъ пастъ свое стадо», — вещь образцовая и дышитъ любовью, кротостью и нѣжностью. «Онъ былъ презрѣнъ» выражено превосходно, а хоръ «Предвѣчный возложилъ на него все наши грѣхи» составляетъ одинъ изъ лучшихъ хоровъ Ганделя. «Die Schmach bricht ihm das Herz», речитативъ, аккомпанируемый оркестромъ, показываетъ Ганделеву силу представленія; только великій музыкальный гений можетъ такъ глубоко и чисто чувствовать и изобрѣсть соотвѣтственную тому мелодію и аккомпанементъ. Уменьшенная секста и уменьшенный септимъ-аккордъ играютъ здѣсь важную роль. Хоръ «Аллилуйя» съ трубами и литаврами великолѣпенъ и заключаетъ вторую часть ораторіи превосходною фугою «И онъ вѣчно царствуетъ». Въ прелестномъ секстовомъ ходѣ, простая тема «Я знаю, что мой Спаситель живъ», показываетъ большую увѣренность композитора въ мелодію, которая здѣсь сопровождается только одною скрипкою и басомъ. Хоръ «Wie durch einen der Tod» — важенъ и т. д. — Словомъ, красоты этого творенія безсмертны. Вообще, ораторіи Ганделя составляютъ великіе памятники искусства, и имя его будетъ вѣчно сіять въ исторіи музыки.

Заклучимъ нашу статью слѣдующею замѣткою. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что настоящее меркантильное направленіе вѣка неблагоприятно для развитія искусствъ вообще и особенно музыки. Что современные дѣлатели на поприщѣ искусства находятся какъ-бы внѣ возможности произвести что-либо великое или даже прекрасное, — это почти истина; но неоспоримо также и то, что слѣдуетъ-же наступить когда-либо періоду, когда музыка должна находиться не то, что въ упадкѣ, по-крайней-мѣрѣ, въ состояніи нѣкотораго расслабленія. Вспомнимъ, что Гандель и Бахъ, такъ-сказать, царствовали не далѣе, какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка; что потомъ явились Гайднъ, Глюкъ, Моцартъ, Бетховенъ. Спрашивается, послѣ твореній такихъ великихъ гениевъ, какое произведеніе не покажется слишкомъ-малымъ? Послѣ всехъ ихъ вдохновеній и усовершенствованій въ музыкѣ, какое нововведеніе не сдѣлается обыкновеннымъ? Все-

же однакожь положеніе такое не можетъ быть продолжительнымъ. Человѣкъ можетъ истощить свои силы, но средства искусства неисчислимы, какъ природа: оно возобновляетъ ихъ безпрестанно, какъ земля свои плоды и жатвы. Наступитъ время, когда явятся великіе дѣлатели, и искусство, такъ-сказать, разцвѣтетъ новою жизнію и покажетъ свои новыя стороны, которыя не были доступны предшествовавшему поколѣнію. Надобно одного только желать, чтобы искусство не сбивалось съ предначертанныхъ путей, шло къ своему совершенству порядкомъ восходящимъ, стремясь къ тѣмъ качествамъ, которыя составляютъ истинную его сущность. Идей уже высказаны, теперь предстоить имъ разработка.

С. К.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕДОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ:

ГЕННАДІЙ.

83.

И чтобъ отъ скуки вновь освободиться,
Вторично онъ попробовалъ влюбиться.

84.

Однажды онъ задумчивый бродилъ
По отдаленнымъ улицамъ столицы.
Смеркалося. На городъ мракъ сходилъ,
По горизонту бѣгали зарницы,

Ихъ снѣій блескъ все небо бороздилъ.
 Огни по окнамъ вспыхнули. Свѣжѣе
 Сталъ вѣтерокъ, — и на небѣ темнѣе
 Сгушались облака; межъ нихъ одна,
 Безъ свиты звѣздъ, скиталица луна,
 Бездушно, тускло, холодно желтѣла, —
 И небо такъ безжизненно висѣло.

85.

У одного окна, гдѣ огонекъ
 Мелькалъ сквозь стекла, молча сталъ Геннадій.
 И чувства пылъ нежданно вдругъ зажегъ
 Огонь въ его давно потухшемъ взглядѣ,
 И отъ окна онъ отойти не могъ.
 Тамъ въ комнатѣ простой и возлѣ печки
 Стоялъ истертый столъ, на немъ двѣ свѣчки,
 Корзина съ рукодѣльемъ. За столомъ
 Мать съ дочерью работали вдвоемъ.
 Въ углу часы, а по стѣнамъ картины,
 Безъ стеколъ и въ обрывкахъ паутины.

86.

Геннадіи все забылъ, смотря на дочь.
 Она въ тоскѣ лицомъ къ окну сидѣла;
 Въ ея глазахъ плѣнительныхъ, какъ ночь,
 Безцвѣтныхъ, — электричество горѣло.
 Она была блѣдна, бѣла, точь-въ-точь,
 Какъ липа, ибѣжна, какъ арфы звуки,
 Гибка какъ трость, а мраморныя руки,
 Казалось, сквозили при огнѣ.
 Онъ ничего не помнилъ и къ стѣнѣ
 Горячей прислонился головою,
 Слѣдя за ней съ отрадой и тоскою.

87.

Старуха знакъ какой-то подала.
 Красавица задумчивая встала,
 Сложила рукодѣлье, подошла
 Къ окну, спурокъ у шторы размотала,

Ее спускать тихонько пачала
 И вдругъ остановилась, съ любопытствомъ
 Геннадію смотря въ глаза. Безстыдствомъ
 Или лукавствомъ взоръ тотъ не сіялъ:
 Онъ простоту, невинность выражалъ,
 И взоры ихъ, лучей незримыхъ струи,
 Слились въ одномъ безплотномъ подблудъ.

88.

И долго такъ они стояли... Вдругъ
 На дочь свою старуха закричала.
 И выскользнулъ снурокъ изъ бѣлыхъ рукъ,
 И штора загремѣла и упала.
 Геннадія неожиданный этотъ стукъ
 Привелъ въ себя; ему вдругъ стало скучно
 И грустно; передъ нимъ стѣнной докучной
 Повиснулъ вдругъ зеленый коленкоръ.
 И сквозь него могъ видѣть жадный взоръ,
 Какъ чья-то тѣнь по комнатѣ скользила,
 Да яркая черта огня сквозила.

89.

Геннадій долго въ думѣ у окна
 Стоялъ и ждалъ втораго появленья...
 Но больше не являлася она,
 Какъ свѣтлый духъ, сходявшій на мгновенье
 Съ высотъ небесъ, въ завѣтныхъ грезахъ сна.
 Когда-же первый, яркій лучъ денницы
 Ударилъ въ окна сѣверной столицы,
 Домой побрелъ Геннадій, и сплывѣй
 Въ его груди любовь зажглася къ ней,
 И передъ нимъ и день и ночь мелькали
 Ея глаза въ отливвахъ черной стали.

90.

И точно были чудны тѣ глаза:
 Больше ярко-черные брильянты

Въ оправѣ жемчуга. Что бирюза
 Въ сравненіи съ агатомъ!... Фоліанты
 Въ честь черныхъ глазъ написаны. Слеза
 Въ нихъ не мила, какъ въ голубыхъ; невольно,
 Ее увидя, станетъ страшно, больно:
 Ее лишь выжметъ пытка чувствъ, да страсть,
 Въ тотъ мигъ, когда она готова пасть.
 Въ нихъ не живетъ слеза, не облегчаетъ,
 Но щеки жжотъ и сердце разрываетъ.

91.

Одни глаза въ ней были хороши
 И больше ничего. Ея движенья
 Такъ были вялы, томны, безъ души;
 Лицо безъ чувства, жизни, выраженья...
 Въ своей сердечной, дѣвственной тиши,
 Казалось, никогда она не знала
 Того, что всѣхъ красавицъ волновало
 Въ лукавый часъ, предъ наступленьемъ сна.
 Всегда была спокойна, холодна,
 И мыслила, и поступала странно
 Безчувственная, блѣдная Юганна.

92.

Отецъ ея былъ старій, хитрій Грекъ,
 Мать Датчанка. Ей отъ отца въ наслѣдство
 Достался одинъ глаза. Въ тотъ вѣкъ,
 Когда разжиться всѣ имѣли средство,
 Онъ поступилъ, какъ умный человекъ:
 Изъ Турціи бѣжалъ и сталъ въ Россіи
 Обманывать, и головы пустыя
 Разславили, охрипши отъ похвалъ,
 (Вѣдь ихъ теперь не Русскій надувалъ),
 Что, вѣрно, по всему земному шару
 Никто ему не сыщется подъ пару.

93.

А старій Грекъ былъ по-просту портной
 Изъ Перы, и не то, чтобы отличній,
 Но зналъ сноровку, тали кривой
 Придать и прямизну — и видъ приличній,
 А художавыхъ важной полнотой
 Достаточно снабдить. Но предъ другими
 Онъ ползая и кланяясь, съ своимъ
 Домашними тираномъ былъ. Не разъ
 Старикъ безумный, въ гнѣвѣ разъярясь,
 Кричалъ, ревълъ и билъ что ни попало,
 И мать изъ дома съ дочерью бѣжала.

94.

Къ-тому-же много денегъ накопивъ,
 Всѣмъ плакался скупецъ на злую бѣдность.
 Отъ матери въ наслѣдство получивъ
 Прозрачную и матовую блѣдность,
 Юганна все сносила, затапъ
 Въ душѣ тоску и муки. Всѣ лишения,
 Ругательства, обиды, огорченья,
 Побой даже. Въ тотъ прекрасный вѣкъ
 Доказывалъ умнѣйшій человекъ
 Отцовскія права на дѣтихъ палкой.
 Прошла та мода, — это очень жалко.

95.

Не правда-ли? дать сыну оплеухъ
 Или дочь побить — какъ это благородно!

.....

Премудрый вѣкъ дѣтей своихъ, какъ мухъ,
 Пошолкивалъ отъ скуки, для забавы.

Передъ дѣтми отцы вѣкъ были правы.

Чтобъ сына тузъ иной не отгузиль?!

— Кой чортъ! вѣдь я, кажись, его родиль? —

И въ-слѣдствіе сего — тотчасъ-же таску,
А сынъ отца благодарн за ласку!

96.

И тихую Юганну билъ отецъ,
Да и не разъ; но бѣдное созданье
Сносило все. Ему одинъ Творецъ
Былъ утѣшенемъ въ горѣ и страданьи.
Безжалостно съ ней поступалъ скупецъ,
Бранилъ, что много ѣсть она, что мало
Работаетъ, а дочь не покидала
Работы тяжелой дѣ почти изъ рукъ.
Отъ грусти, отъ побоевъ, слезъ и мукъ,
Чохотка злая въ грудь ея впила....
Но вдругъ отрада въ горѣ ей нашлася.

97.

Явился онъ съ заказомъ къ старику,
И говорилъ, что былъ лишь управитель
У знатнаго вельможи. Языку
Старикъ далъ волю: кто былъ посѣтитель,
И что онъ дѣлалъ на своемъ вѣку,
И кто былъ господинъ его? — ни слова
На всѣ вопросы стараго портнаго
Холодный посѣтитель не сказалъ;
Онъ кошелекъ ему въ задатокъ далъ,
Просилъ свести знакомство, распрощался....
Но хитрый Грекъ въ минуту догадался.

98.

И съ дочерью вдругъ очень-ласковъ сталъ,
Прижалъ ее въ отцовскія объятья,
Бранить и бить бѣдняжку пересталъ,
И новое велѣлъ ей сдѣлать платье.
Но на нее испугъ и страхъ напалъ;
Она отцу твердила: «Не браните!
Я ничего не сдѣлала! Простите!...»
Когда-же ей обновку принесли,

То на нее надѣтъ едва могли;
Блѣднѣе мертвеца, блѣднѣе мата,
Она шептала: «Я не виновата!»

99.

И началъ къ нимъ ходить Геннадій въ домъ,
То принося заказъ, то, просто, въ гости,
И подружился онъ со старикомъ.
И сталъ не тѣмъ старикъ: припадки злости
Удерживать онъ началъ, хоть съ трудомъ.
И бѣгая Геннадія сначала,
Невольно, незамѣтно привыкала
Къ нему Юганна, и въ ея глазахъ
Участье выражалось. Не страхъ,
А благодарность грудь ей поднимала,
И сердце бѣдной радость волновала.

100.

Геннадій съ ней сближался. Разговоръ
Юганны былъ такъ страненъ, дикъ. Порою
Блистая огнемъ ея магнитный взоръ,
Увлаженный горячею слезою;
Слова лились; рвалися на просторъ
Изъ глубины сердечной мысли, чувства,
Безъ выбора, безъ связи, безъ искусства;
Порой опять безжизненна, блѣдна,
Была она глупа и холодна,
Двухъ словъ сказать, какъ должно, не умѣла,
Безмысленно смѣялась и смотрѣла.

101.

И дѣтскій умъ ея не могъ понять
Простыхъ вещей логической причины.
По своему привыкла понимать
Она весь міръ. Роскошныя картины
Природы ей не нравились. Мечтать
Она любила, только дѣтски-странны
Мечты тѣ были. Память у Юганны

Была слаба. — Дѣйствительность она
 За сонъ принявъ, считала грезы сна
 Событіемъ, случившимся на дѣлѣ,
 И сны ея глубокой смѣль имѣли.

102.

Всѣ чудныя способности ума,
 Всѣ чувства въ ней убило воспитанье.
 Она страдала, чувствуя сама,
 Что навсегда закрыто ей познанье.
 Какая-то таинственная тѣма
 Въѣкъ отъ нея весь Божій міръ скрывала,
 Но иногда въ умѣ ея сверкала
 Нежданной мысли искра. И она,
 Явленіемъ ея поражена,
 Прислушивалась къ ней и удивлялась,
 Откуда въ ней такая мысль рождалась.

103.

Однажды поздно вечеромъ сидѣлъ
 Геннадій вмѣстѣ съ нею. Грекъ за дѣломъ
 Ушелъ куда-то. Пасмурно глядѣлъ
 Геннадій на Юганну. Въ пожелтѣломъ
 Лицѣ видна была борьба, — горѣлъ
 Въ глазахъ огонь, — невольное смущенье
 Онъ чувствовалъ. Юганна безъ движенія
 Сидѣла подлѣ, руки опусти
 Спокойно на колѣни, какъ дитя;
 Мысль ни одна въ глазахъ не отражалась,
 И грудь ея такъ мѣрно волновалась.

104.

И онъ сказалъ: «Юганна! погляди
 Въ глаза мнѣ прямо». И она взглянула
 И вздохъ исторгся изъ ея груди,
 Глаза блеснули, бѣдная вздрогнула....
 И онъ вскричалъ: «Юганна! не буди
 Неистовыхъ желаній этимъ взглядомъ

Въ моей груди. Безмысленностью, хладомъ
Ты замѣни огонь прекрасныхъ глазъ;
Не то, любовью мучась и томась,
Не вынесу я пыла буйной страсти.
Юганна! Ты моя! въ моей ты власти!!»

105.

Въ волнении ей онъ крѣпко руку сжалъ.
Дрожа, Юганна вскрикнула невольно:
— Да что съ тобой, ты вдругъ такъ страшень сталъ!
За-чѣмъ ты руку жмешь? мнѣ, право, больно.
Изо всего, что ты мнѣ тутъ сказалъ,
Не поняла ни слова я, но что-то
Съ тобою страшно мнѣ. Что за охота
Сидѣть такъ поздно? Я-же все молчу.
Поди домой! я, право, спать хочу!
Я чувствую съ тобой такую скуку...
Что-жь ты мою не выпускаешь руку?»

106.

«Юганна! я люблю тебя!» — Такъ что-жь?
И я тебя люблю! — «Но ты не знаешь,
Что значить эта страсть. Ты жизнь ведешь
Спокойную, не плачешь, не страдаешь,
И мукъ моихъ тяжелыхъ не поймешь.
Не чувствуешь ты сладостныхъ желаній,
Не ищешь ты объятий и лобзаній...
Но я не вѣрю! въ жилахъ у тебя
Такая-жь кровь течетъ; ты, полюбя,
Безчувственность, холодность позабудешь...
И я все жду!... Когда-же ты полюбишь?»

107.

— «Любить!... Постою!... Я помню!... Какъ-то разъ
Нашла я гдѣ-то книжку, безъ начала
И безъ конца, и жадно принялась
Читать ее... всего одну читала
Я книжку. — Тамъ прочла я, какъ, влюбясь

Другъ въ друга, двое умерли. Съ чего-же
 Ты взяла, чтобъ мнѣ хотѣлося того-же?...
 Любить — вѣдь все равно, что умереть!
 А я хочу пожить, хоть потерпѣть,
 Чтó за бѣда? Во мнѣ достанетъ силы!
 А кто умереть, — не встанетъ изъ могилы!»

108.

«Любить — не значить умереть, а жить,
 Жить въ счастіи, вдвойнѣ жить, — и тебѣ я
 Хочу блаженство это подарить.
 Чтóбъ жизнь тебѣ казалася милѣе,
 Хочу тебя любви я научить.
 Иоганна, здѣсь ты въ бѣдности завянешь,
 Ни чьихъ ты глазъ здѣсь радовать не станешь;
 Но у меня, въ объятіяхъ моихъ,
 Все тó, чтó только въ грезахъ золотыхъ
 Ты видѣла, — все на-яву увидишь!...
 Скажи, вѣдь ты меня не ненавидишь?»

109.

И странно засмѣялася она.
 — Какой ты неотвязчивый. Чего-же
 Ты хочешь отъ меня? «Все холодна,
 Да холодна», твердишь ты. Ну такъ чтó-же?
 Такъ создалъ Богъ меня. Вотъ я блѣдна,
 Не хороша собой, не понимаю
 Того, чтó понимаютъ всѣ, я знаю:
 Всѣ отъ-того смѣются надо мной,
 А чѣмъ я виновата? Боже мой!
 Я и сама хотѣла-бъ быть умнѣе,
 И лучше, и живѣй, и веселѣе! —

110.

«Все будетъ, все! лишь полюби меня!
 Ко мнѣ, въ мой домъ послѣдуй ты за мною.
 И тамъ, всю жизнь лелѣя и храня,
 Любить тебя я буду всей душою,

Всей силой чувствъ, всё́мъ жаромъ пхъ огня.
 Брось низкаго отца — узнай: давно я
 И силой овладѣть могу тобою.
 Тебя отецъ давно ужъ продалъ мнѣ,
 И дешево. Забудь-же о роднѣ
 Пустой и пзкой. И въ любви прекрасной
 Вновь жить начини, но жизнью новой, страстной.»

111.

— Ну, вотъ теперь тебя я поняла.
 Ты хочешь, чтобы я твоей женою
 Была, чтобъ я всю жизнь свою жила,
 Оставивши отца, съ однимъ тобою.
 Пожалуй, я-бы за-мужъ и пошла,
 Но видишь: я тебя совѣзмъ не знаю,
 И часто словъ твоихъ не понимаю,
 Хоть въ этомъ я тебя не упрекну.
 Притомъ... мужъ тоже бьетъ свою жену,
 Какъ и отецъ, я знаю. Такъ къ чему-же
 Я промѣняю вдругъ отца на мужа? —

112.

«Одной любви отцовской для души
 И сердца, вѣрь, Юганна, въ жизни мало.
 И о другой любви въ ночной тиши
 Ужели ты ни разу не мечтала?»
 — Нѣтъ! няня мнѣ твердила: не грѣши!
 Не то въ аду ты будешь!.... На картигъ
 Адъ страшенъ такъ;... вѣдь думать о мужинѣ,
 И ночью, грѣхъ большой, тяжолый, да!....
 И ада я боялася всегда:
 Тамъ демоны насъ будутъ мучить больно,
 А я и здѣсь ужъ мучилась довольно.

113.

«Юганна, ты теперь еще дитя
 Умомъ и чувствомъ. Ты не испытала
 Минуть блаженства, ты жила шутя,
 Т. I.

Здѣсь пѣги ты не знала, не искала;
 Но, жизнь тебѣ и сердце посвята,
 Въ моихъ объятыхъ, полныхъ сладострастья,
 Я дамъ тебѣ узнать такое счастье,
 Котораго здѣсь выше въ мірѣ нѣтъ.
 Лишь имъ однимъ прекрасенъ глупый свѣтъ:
 Въ любви есть тайно-сладкія мгновенья...
 Имъ нѣтъ названья, съ ними нѣтъ сравненья!»

114.

И странно: чувства, полныя огня,
 Въ ней каждое его будило слово.
 — Такъ научи-же такъ любить меня,
 Бѣдняжка говорила: я готова
 Съ тобой жить цѣлый вѣкъ! День-ото-дня
 Становится мнѣ жизнь моя скучнѣе.
 Чего-то я хочу и не умѣю
 Въ желаніяхъ себѣ отчета дать...
 Ты можешь-ли меня пересоздать?
 Чтобъ я могла все знать, что люди знаютъ,
 Все понимать, что все здѣсь понимаютъ?... —

115.

«О! все тебѣ за пылкую любовь!...»
 И онъ прижалъ къ груди ее. Забилось
 Въ ней сердце, закипѣла въ жилахъ кровь,
 Заря стыда на щечкахъ засвѣтилась...
 Геннадій сталъ доволенъ, счастливъ вновь,
 Упрековъ на судьбу не стало слышно;
 Ее увезъ съ собой онъ въ домъ свой пышный,
 Ее ласкалъ, лелѣялъ и любилъ,
 Съ ней больше года какъ въ раю онъ жилъ, —
 Но наконецъ прошли минуты эти...
 Вѣдь есть-же и всему конецъ на свѣтѣ!

116.

Онъ сталъ скучать. Въ то время при дворѣ
 Гремѣла красотой одна графиня.

Свѣжа, какъ почка розы на зарѣ,
 Горда и недоступна, какъ святѣня,
 Бѣла, какъ снѣгъ пушштый въ декабрѣ,
 За то и холодна, какъ снѣгъ; за нею
 Всѣ бѣгали, любовью пламенѣя,
 Всѣ падали толпой къ ея ногамъ,
 Но вздохамъ, клятвамъ, жалобамъ, слезамъ
 Не вѣрила она, надъ всѣмъ смѣялась, —
 И никому еще не отдавалась.

117.

.....

118.

Ее Геннадій мелькомъ увидалъ
 На улицѣ, и новое желанье
 Нежданно родилось въ груди. Онъ сталъ
 Скучать съ Юганной больше. Всѣ старая
 Его напрасны были. Онъ не зналъ
 Искусства побѣждать страстей волненьемъ,
 И потерялъ рѣшимость и терпѣнье.
 И изъ чего, подумалъ онъ, я бьюсь?
 Какъ будто-бы Юганной я боюсь...
 Но ежели она мнѣ подошла, —
 Я въ томъ не виноватъ! Что мнѣ за дѣло!

119.

И въ тотъ-же день, рѣшась, къ графинѣ онъ
 Отправился

.....

120.

.....

121.

.....

122.

.....

123.

.....

124.

И съ той поры Геннадій, какъ дитя,
 Ей сталъ послушенъ. Хитрая кокетка
 Имъ дорожила, мысль: «Не-шутя
 Въ меня глупецъ влюбленъ, а это рѣдко!
 Здѣсь страсти всѣ притворныя, хотя
 Въ ихъ истинѣ безстыдно увѣряютъ.
 Къ тому-же это пово; всѣ узнаютъ,
 Что эгоистъ, милльонщикъ и чудакъ
 Влюбленъ въ меня. Я не должна никакъ
 Позволить, чтобъ онъ вырвался изъ сѣти!....
 Его любовь придастъ мнѣ вѣсу въ свѣтѣ.»

125.

И нашъ герой сталъ бредить и вздыхать,
 Какъ юноша, повсюду за графинею
 Слѣдить, какъ тѣнь, и по ночамъ не спать,
 Благоговѣть предъ ней, какъ предъ святыней,
 И вздоръ въ отборныхъ фразахъ расточать.
 Она его то подаритъ улыбкой,
 То, наклонивъ свой станъ волшебнo-гибкой,
 Шепнетъ: «Надѣйся!» То ему пошлетъ
 Лукавый взоръ а онъ все ждетъ, да ждетъ.

Чего съ людьми не сдѣлаешь умнѣе!...
Но наконецъ онъ потерялъ терпѣнне.

126.

.....
.....
.....

127.

Межъ-тѣмъ Юганна къ гробу всякій день
Отъ горя, отъ болѣзни приближалась.
Всегда одна, всегда грустна, какъ тѣнь,
По комнатамъ пустымъ она скиталась,
Ждала, когда могилы темной сѣнь
Отъ бурь и бѣдъ на вѣкъ ее укроетъ,
И горести и страсти успокоитъ.
Но странное ей чудилось порой:
Казалось залъ огромный и пустой
По временамъ вдругъ оживалъ, и тѣни
Роились въ немъ таинственныхъ видѣній.

128.

И вотъ, когда Геннадій ужъ рѣшилъ
Въ умѣ своемъ, во что-бы то ни стало,
Графиней овладѣть, и позабылъ
Страсть прежнюю, угрюмый и усталый
Однажды онъ пришелъ домой. Безъ силъ
Едва къ нему Юганна дотащилась,
Къ ногамъ его, дрожащая, склонилась,
Дрожа его колѣни обняла,
Сказавъ: «А я давно тебя ждала!
Съ тобою я поговорить хотѣла
Ужъ сколько разъ, да только все не смѣла!...»

129.

«Ты нынче сталъ такъ скученъ и сердитъ,
А отъ-чего?.... Ты полюбилъ другую....»

Чтожь дѣлать, другъ? Пусть Богъ тебя проститъ,
 Какъ я прощаю. Только ты... вторую,
 Какъ первую, не обмани. Не стыдь,
 А грѣхъ тяжолъ, Геннадій. Я не буду
 Тебѣ мѣшать. Надежды позабуду,
 Обманъ прощу; теиерь душа моя
 Не этимъ занята.... Ты знаешь, я
 Давно больна, но нынче лишь узнала,
 Что я умру скорѣе, чѣмъ желала!» —

130.

— «О что за вздоръ!» — Нѣтъ, это правда, другъ!
 Я твердо въ томъ увѣрена. Вчера я
 Пришла одна въ пустую залу; вдругъ
 Все зашаталось вокругъ меня, густая
 Заколебалась тьма и странный звукъ,
 Провзительный пропесня. Миѣ казалось,
 Что въ залѣ все тогда со мной прощалось,
 Что веѣмъ меня хотѣлось удержать....
 Во тьмѣ я стала ясно различать
 Статуй, вазы, кресла и диваны.
 Вдругъ ожила вся зала для Юганны,

131.

«Миѣ мраморныя группы головой
 Кивали такъ привѣтливо; рядъ кресель
 Протягивалъ узорныхъ ручекъ рой;
 Китаецъ на камнѣ былъ такъ веселъ
 И хохоталъ, согнувшись дугой.
 Фарфоровыя куклы шевелились,
 И межъ собой смѣялись и бранились.
 Статуйки канделябровъ по столамъ
 Вытягиваться стали, и къ часамъ
 Склонившійся Сатурнъ вдругъ распрямился,
 И длинный рядъ картинъ зашевелился.

132.

«На нихъ фигуры приняли совѣтъ
 Другое положенье,— разошлись, —

Сошлись, перемѣшались... между-тѣмъ
 Ихъ разговоры странные лилися.
 На нихъ портретовъ рядъ сердить и пѣмъ
 Смотрѣль угрюмо; добрая старушка,
 Прабабушка, одѣтая пастушкой,
 Глаза закрывши, крѣпко такъ спала...
 А генераль-поручика взяла,
 Казалось, скука, и портретъ серьезный
 Зѣвалъ отъ всей души, нахмурясь грозно.»

133.

— «Юганна, ты больна! твои слова
 Доказываютъ бредъ воображенья,
 Растройство чувствъ, и просто голова
 Кружилась у тебя вчера въ волненьи.
 Да и теперь, смотри, вѣдь ты едва
 Не падаешь; но если-бы намедни
 Ты видѣла и точно эти бредни,
 Они еще не значать ничего.
 Какой-же смыслъ видѣнья твоего?» —
 «А тотъ, что мнѣ готовится могла.
 Послушай-же! Мнѣ няня говорила:

134.

«Дитя мое! когда вокругъ тебя
 Вдругъ оживутъ бездушные предметы,
 Ко гробу ты приготовляй себя.
 Не даромъ намъ Господь послалъ примѣты!
 То будеть значить, что Господь, влюбля
 Юганну, хочетъ взять ее съ собою
 Въ тотъ міръ, гдѣ все одарено душою,
 Гдѣ чувствуетъ и мыслить каждый листъ,
 Гдѣ голосъ травки звонокъ, серебристъ,
 Гдѣ славить Бога каждая былинка,
 И утромъ рѣчь ведетъ съ цвѣткомъ росинка.»

135.

«Да погоди! я лучше докажу,
 Что время въ бѣлый саваиъ мнѣ одѣться:

Я къ зеркалу большому подхожу
 Вчера, хочу немножко посмотрѣться,
 Какъ я худа, блѣдна, — въ стекло гляжу...
 И что-жь? себя не вижу... предо мною
 Ободранный скелетъ съ улыбкой злою
 Киваетъ головой, къ себѣ манить,
 Костлявою рукою мнѣ грозить.
 Я въ ужасѣ вскричать, бѣжать хотѣла,
 Но силъ — вздохнуть, шагъ сдѣлать не имѣла.

136.

«И что все это значить? Объясни!
 Скажи!» — Но что-же могъ ей въ утѣшенье
 Геннадій отвѣчать? слова одни
 Безъ мысли, безо всякаго значенья?...
 И долго просидѣли такъ они
 Въ задумчивости горькой, грустной, странной, —
 А ночью хуже сдѣлалось съ Юганной, —
 И утро все въ бреду она была, —
 А подъ вечеръ бѣдняжка умерла.
 И что она въ часъ смерти говорила —
 Никто не понялъ!..., все взяла могила!...

137.

Могила!... Гробъ!... такія-же слова,
 Какъ и другія! отъ-чего-жь печально,
 Услыша ихъ, склонится голова
 И цѣлый мѣръ глядитъ такъ погребально?
 За-чѣмъ символъ премудрости — сова —
 Гробовъ, кладбищъ угрюмая жилища?
 Ужели все намъ объяснить гробница,
 И тамъ найдемъ къ загадкѣ жизни ключъ?
 Кто межъ людьми такъ славенъ и могучъ,
 Чтобъ не дрожалъ въ минуту смерти грозной
 И не смѣшилъ судьбы мольбою поздной?...

138.

Есть люди — жизнь ихъ въ свѣтѣ не полна,
 И какъ-то неоконченно и странно
 Пройдетъ едва замѣтная она.
 И такъ жила и умерла Юганна,
 Какъ на песчаномъ берегѣ волна
 Безъ имени. Она сама не знала,
 Къ чему жила, себя не понимала;
 Лишь иногда казалась ей порой,
 Что кто-то въ ней еще живетъ, другой,
 И напрягаетъ тщетныя усилья,
 Чтобъ развернуть невидимыя крылья.

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.

ПАВЕЛЬ И ВИРГИНІЯ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

СОЧИНЕНІЕ Н. А. ПОЛЕВАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ, губернаторъ Ильдефранса.	БУАВЕНЪ, богатый откупщикъ.
ДЮШЕНЪ, миссіонеръ.	РИГОДОНЪ, учитель танцованья.
ДОБУА, богатый колонистъ.	ГРИДОЛНЪ, учитель пѣнія.
Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ.	КЛОДИНА, служанка маркизы де-Куанье.
ВИРГИНІЯ, дочь ея.	ДОМИНГО, Негръ.
МАРГАРИТА.	МАРЬЯ, жена его.
ПАВЕЛЬ, сынъ ея.	СЛУГА Г-ЖИ ДЕ-КУАНЬЕ.
МАРКИЗА ДЕ-КУАНЬЕ, тетка Вирииніи.	СЛУГА БУАВЕНА.
ФЛОРВІЛЬ.	1-й лоцманъ.
ШАРМЕ.	2-й лоцманъ.
БРАКАССЕ.	
БОРГАРЪ.	

Сосѣди и сосѣдки г-жи Делатуръ. Гости и гости Буавена, слуги его. Матросы, рыбаки, солдаты.

Дѣйствіе первое на Ильдефрансѣ. Дѣйствіе второе, третье и четвертое, черезъ два года, въ Парижѣ. Дѣйствіе пятое, черезъ полгода потомъ, на Ильдефрансѣ.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Долина на берегу моря. По сторонамъ двѣ хижины, обросшія пальмами и кокосами; кругомъ цвѣтники; въ сторонѣ бесѣдка, столъ, скамьи; вдали видно море.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОМИНГО и МАРЬЯ, убираютъ цвѣтами бесѣдку, потомъ ПАВЕЛЬ.

ПАВЕЛЬ (*несетъ цвѣты*). Ну, вотъ и еще! Самые лучшіе — никто не пожалѣетъ ихъ для Вирииніи!

ДОМИНГО. А! *масса!* Кто жалеть цвѣты для наша прекрасная барышня? Будешь попросилъ сердце — возьми сердце! Такъ, *масса?*

ПАВЕЛЬ. Правда, правда, добрый Доминго!

ДОМИНГО. Я не умѣеть сказать — не надо слова, давай дѣло....

МАРЬЯ. Дѣло твой забыла! Кончить скоро надо! Что говорить тамъ?

ПАВЕЛЬ. Мы говоримъ объ Ирвинн! Ахъ, моя добрая Марья! Ахъ! Доминго! я такъ веселъ, такъ радъ, что готовъ васъ расцѣловать!

ДОМИНГО (*смѣется*). Лучше поцѣловалъ барышня Ирвинн, а моя рожа на что поцѣловалъ!

ПАВЕЛЬ. Если-бы знали другіе, какое сердце закрыто твоимъ лицомъ, тебя считали-бы красавцомъ, Доминго!

ДОМИНГО. На что люди знать? Богъ знай! Дѣлай хорошо, будетъ хорошо — тамъ!

ПАВЕЛЬ. Ахъ! и здѣсь Богъ создалъ такъ все хорошо: Онъ создалъ Ирвинн, Ирвинн.... Боже мой! какъ я радъ сегодня, какъ веселъ! Давайте доканчивать наши украшения.... Тра-ла-ла! Тра-ла-ла!

(Доминго и Марья работаютъ, и при слѣдующей сценѣ уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ, И ПРЕЖНІЕ.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Что вы дѣлаете, Доминго, Марья?

ПАВЕЛЬ (*подбѣгаетъ къ ней*). Вы ужь встали, г-жа Делатуръ! Что такое съ вами сдѣлалось? За-чѣмъ вы встали такъ рано? Неужели и Ирвинн скоро выйдетъ?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Нѣтъ! она еще спитъ. Но развѣ ты боишься, если она придетъ сюда?

ПАВЕЛЬ. И очень боюсь! Тогда пропалъ нашъ праздникъ!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Праздникъ! Въ-самомъ-дѣлѣ — что за выдумки такія! Вездѣ цвѣты! Что за праздникъ у насъ сегодня?

ПАВЕЛЬ. Развѣ вы забыли? Вотъ, хороши вы! Вѣдь сегодня день рожденія Ирвинн?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Ахъ! да, да!

ПАВЕЛЬ. Какъ-же вамъ не совѣстно, г-жа Делатуръ, забывать такіе дни! Ихъ всѣ помнятъ. Всѣ наши добрые сосѣди сговори-

лись сегодня праздновать у васъ день рожденія Виргиніи. Сколько подготовили они подарковъ! А цвѣтовъ, цвѣтовъ — посмотрите! Не правда-ли, что это очень-мило?

Г-жа Делатуръ. Да, мило!

Павелъ. Мой вкусъ, г-жа Делатуръ: я все распорядился. Сейчасъ бѣгу извѣстить всѣхъ сосѣдей — они все придутъ сюда поздравить милую Виргинію... Нельзя-ли вамъ между тѣмъ, сдѣлайте милость...

Г-жа Делатуръ. Что такое?

Павелъ. Какъ нибудь распорядиться, чтобы она сюда не выходила, не увидала нашихъ приготовленій? Сдѣлайте милость, г-жа Делатуръ... а я побѣгу...

Г-жа Делатуръ. Хорошо, хорошо, я постараюсь.... (*Павелъ убѣгаетъ*). Добрый Павелъ! онъ такъ насъ любитъ, такъ любить Виргинію... Какъ ему сказать? Онъ не переживетъ разлуки — умретъ съ тоски... Но въ его годы все такъ легко забывается — все, кромѣ первой любви, а первая горестъ всегда бываетъ ужасна... Потомъ мы привыкаемъ... и слава Богу, кто привыкъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-жа Делатуръ и Маргарита.

Маргарита. Надобно поскорѣе приготовить столъ... А! г-жа Делатуръ! вы ужь здѣсь? Развѣ и вы участвовали въ нашей тайнѣ?

Г-жа Делатуръ. Какой-же тайны не раздѣляла ты со мной, добрая Маргарита?

Маргарита. Хорошо — такъ помогите-жъ мнѣ поскорѣе накрыть столъ и разставить скамейки... Праздникъ будетъ у насъ не на шутку. Они все сейчасъ придутъ съ подарками, а вечеромъ соберутся сюда плясать. Старикъ слѣпой Негръ хотѣлъ явиться съ своей волюнкой. Какъ намъ всеѣмъ весело будетъ!

Г-жа Делатуръ (*вздыхал*). Весело!

Маргарита. Послушайте, г-жа Делатуръ... Вы говорили, что я всегда участвовала во всѣхъ вашихъ тайнахъ, и, право, я никогда и ничего отъ васъ не скрывала. А вы, скажите откровенно, также ничего не скрываете отъ вашихъ друзей?

Г-жа Делатуръ. Я не понимаю тебя, милая Маргарита.

МАРГАРИТА. Жаль. Мы, кажется, всегда понимали другъ друга, съ-тѣхъ-поръ, какъ живемъ здѣсь вмѣстѣ, почти двадцать лѣтъ...

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Ты можешь быть увѣрена...

МАРГАРИТА. Въ чемъ увѣрена?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Что я люблю тебя, какъ родную...

МАРГАРИТА. Да, я разсердилась-бы на самое себя, если-бы хоть на-минутку усомнилась въ этомъ, но — я хочу вамъ жаловаться, г-жа Делатурь!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Мнѣ? На кого?

МАРГАРИТА. На васъ самихъ. Вы меня обижаете.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Я?

МАРГАРИТА. Да, вы.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Боже мой! скажи....

МАРГАРИТА. Да, какъ-же? Вотъ ужъ сколько времени замѣчаю я, что вы что-то грустны, очень-грустны — я замѣтила даже однажды, что вы плакали. Между-тѣмъ вы мнѣ ничего не говорите.... Не стыдно-ли вамъ? Скрывать отъ меня! Вѣрно, вы нездоровы....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Да, да, я нездорова — немного.... и не говорила — боялась васъ потревожить.... Это пройдетъ....

МАРГАРИТА. Богъ вамъ судья, г-жа Делатурь, коли такъ! Развѣ я не вижу, что вы меня обманываете?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Можешь-ли ты думать!

МАРГАРИТА. Что тутъ много думать; будто я не вижу! Я очень-хорошо замѣтила, что съ-тѣхъ-поръ стали вы печальны, какъ вамъ отъ губернатора прислали какое-то большое письмо. Вы его прочитали и задумались, а потомъ отправились въ городъ, потомъ къ вамъ приходили какіе-то незнакомые люди, а этотъ патерь Дюшенъ.... Охъ, черный кафтанъ его точно воронъ злобщій....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Я говорила уже тебѣ Маргарита, что губернаторъ прислалъ мнѣ разныя бумаги.... о службѣ моего мужа...

МАРГАРИТА. И больше ничего?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Больше ничего.

МАРГАРИТА. Что за важныя бумаги такія! А для чего-же послѣ того тайно переговаривать съ Дюшеномъ и съ этими угрюмыми лицами? Для чего-же плакать, прикидываться нездоровою, скрывать отъ всѣхъ свое горе?... Ужъ не опять-ли къ вамъ письма изъ Парижа, отъ родныхъ вашего мужа?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЬ. Нѣтъ, нѣтъ!

МАРГАРИТА. Слава Богу! Если я кого-нибудь на свѣтѣ не люблю, такъ этихъ родныхъ, безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ —

знатныхъ гордецовъ! Охота вамъ и тогда была писать къ нимъ! Пусть-бы они вовсе не знали, гдѣ вы — Богъ съ ними! Я тогда говорила вамъ, что отъ нихъ ничего ждать нельзя, и стѣнитъ-ли у такихъ людей искать милости.... Но вы опять начинаете плакать!... Простите меня, г-жа Делатуръ — право, я такая дура — все говорю, что у меня на сердцѣ.... А у васъ одинъ порокъ, отъ котораго вы никогда не отучитесь....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Порокъ?

МАРГАРИТА. Да тотъ порокъ, что вы родились знатною, богатую дамою....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Не-уже-ли я давала тебѣ когда-нибудь замѣтить.... Маргарита!....

МАРГАРИТА. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Хорошая г-жа Делатуръ — простите меня.... Но, знаете-ли? Я хотѣла поговорить съ вами Сядемъ-те — послушайте....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Что такое?

МАРГАРИТА. Дѣло очень-важное: я хотѣла было сперва объ немъ хорошенько подумать, да не умѣю — и хотѣла было вамъ сперва порядкомъ разсказать, да также не умѣю....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Все-равно, какъ-нибудь — говори только.

МАРГАРИТА (*важно*). Богъ создалъ человѣка такъ, что онъ рождается и живетъ, а потомъ —

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ (*улыбаясь*). Старѣеть.

МАРГАРИТА. Нѣтъ! не то....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Ну — умираетъ.

МАРГАРИТА. Охъ! совсѣмъ не то — разумѣется, умираетъ, да что толковать о смерти?... Нѣтъ, а вотъ видите: сперва человѣкъ бываетъ глупой такой, а потомъ немножко поумнѣетъ, и маленькій такой, а потомъ вырастаетъ....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Да, я все это знаю, но о чемъ ты говоришь-то хотѣла?

МАРГАРИТА. Я хотѣла сказать, что и наши Павелъ и Виргинія были сперва такіе маленькіе, дѣти, а теперь — Павелъ молодецъ, а Виргинія красавица... Они жили, какъ братъ съ сестрой, играли, бѣгали, расли вмѣстѣ... Не подумать-ли намъ о томъ, г-жа Делатуръ, что съ ними дагѣе-то будетъ?...

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Что Богу угодно!

МАРГАРИТА. Кто и говоритъ, а я все-таки думаю, что и намъ надобно подумать объ нихъ... Что толковать много? Я такъ, просто — женила-бы ихъ!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Что ты говоришь?

МАРГАРИТА. Что-же тутъ удивительнаго? Ужь, вѣрно, никто не любитъ такъ Виргиніи, какъ любимъ ее мы, Павелъ и я, и она никого такъ не любитъ, какъ насъ, меня и Павла... Я ничего не вижу тутъ пеловкаго. Виргинію и безъ того я почитаю моею дочерью: вѣдь я кормила ее грудью, когда она родилась и вы были такъ отчаянно больны... И кто есть еще у Виргиніи, кромѣ насъ?.. Вотъ, жаль, что я не умѣю такъ хорошо говорить... Воля Божія — умремъ мы — у Виргиніи будетъ мужъ, защитникъ... Вы молчите, г-жа Делатуръ? Не-уже-ли вы вспомнили, что ваша Виргинія дворянка, а мой Павелъ... .

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Ахъ! никогда, никогда!

МАРГАРИТА. Что: никогда?..

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Никогда не подумаю я... Но они еще дѣти....

МАРГАРИТА (*смѣется*). Дѣти? Павлу 19-й, не то 18-й годъ, а Виргинія моложе его только годомъ... Послушайте, г-жа Делатуръ: онъ глупъ и Виргинія дурочка, но они живутъ вмѣстѣ... всегда вмѣстѣ... Надобно подумать... Видно, ужъ имъ Богъ судилъ такъ, спротамъ, которыхъ забылъ цѣлый свѣтъ... (*Слышны голоса*) Да, вотъ, кажется, и наши идутъ... Побѣгу! Мы еще поговоримъ...

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ (*въ-сторону*). Что она мнѣ сказала! Виргинія жена Павла! Она, дочь маркиза Делатуръ, жена... Не-уже-ли двадцать лѣтъ несчастія не изгладил еще во мнѣ чувства гордости?... Нѣтъ, нѣтъ!... но, Боже мой...

МАРГАРИТА (*въ-сторону*). Что съ ней сдѣлалось? Праздникъ нашъ что-то печально начинается... (*Уходитъ тихо*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ, ПОТОМЪ ВИРГИНІЯ.

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Но, въ-самомъ-дѣлѣ, если я отвергну предложенія Маргариты, Виргинія, что съ тобой тогда будетъ? Мнѣ жить остается недолго!.. Виргинія!

ВИРГИНІЯ (*выбѣгаетъ*). Я здѣсь, маменька! Что тебѣ угодно?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Милая дочь моя... здорова-ли ты?..

ВИРГИНІЯ. И весела, маменька! О чемъ мнѣ печалиться? Посмотри, какой прелестный день, какъ поютъ птички, какъ хорошо цвѣтутъ цвѣточки! Я такъ усердно молилась сегодня Богу... потомъ полила мои цвѣты...

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ-ЖЕ И ПАВЕЛЬ.

ПАВЕЛЬ (*подкраившись*). И вотъ тебѣ, Виргинія, самый прелестный изъ всѣхъ цвѣтовъ, лучше котораго только ты сама! (*Подноситъ ей цвѣтокъ*) Позволь поздравить тебя съ днемъ твоего рожденія — я прибѣжалъ прежде всѣхъ, потому что хотѣлъ поздравить тебя прежде всѣхъ! (*Цѣлуетъ ея руку*).

ВИРГИНІЯ. Ахъ, да! А я было и забыла, что сегодня день моего рожденія... Какъ это ты вспомнилъ, Павелъ?

ПАВЕЛЬ. Развѣ я одинъ вспомнилъ? Сюда все сосѣди идутъ поздравить тебя. А бесѣдка-то? Посмотри-ка!

ВИРГИНІЯ. Какъ это мило! Какъ я благодарна!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Прежніе, сосѣди, сосѣдки, домниго, марья, маргарита

(*Они несутъ вѣнки, корзинки, чашки, плоды*).

ГРОМКІЕ ГОЛОСА. Здравствуй, Виргинія! Поздравляемъ тебя со днемъ рожденія! Много лѣтъ! (*Каждый подноситъ ей подарок*).

ВИРГИНІЯ. Ахъ! мои милыя подруги, добрые сосѣди! Благодарю васъ, благодарю! Маменька! посмотрите, какіе миленькіе подарки!

МАРГАРИТА. Видишь, Виргинія, сколько людей любятъ тебя. Не знаю, ты насъ всѣхъ такъ-ли любишь!

ВИРГИНІЯ (*обнимаетъ ее*). Милая Маргарита!

ПАВЕЛЬ. И меня также, Виргинія?

ВИРГИНІЯ. Люблю тебя, какъ... (*останавливается и краснѣетъ*).

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Добро пожаловать, добрые сосѣди, пожалуйте! Рада вамъ...

ОДИНЪ ИЗЪ СТАРИКОВЪ. Желаю тебѣ, Виргинія, прожить столько, сколько я прожилъ и также счастливо, и за мужъ выйти, за молодца — ну, и прочее... Хе, хе, хе! (*Виргинія и Павелъ, какъ будто пораженные, стоятъ неподвижно*).

МАРГАРИТА. Пойдемте, друзья, позавтракать, отдохнуть, а вечеромъ милости просимъ поплясать! За угощенье не осудите: чѣмъ Богъ послалъ!

ВСѢ. Благодаримъ, благодаримъ!

(*Толпятся и уходятъ съ Маргаритою и госпожею Делатуръ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ПАВЕЛЬ И ВИРГИНИЯ.

ПАВЕЛЬ. *Виргинія!*ВИРГИНИЯ. *Что такое?*ПАВЕЛЬ. *Право, ты никогда не казалась мнѣ такою маленькою и хорошенькою, какъ сего-дня. Дай мнѣ поцѣловать, разцѣловать твою ручку!*ВИРГИНИЯ. *Полно, Павелъ!*ПАВЕЛЬ. *Что это значить, Виргинія? Опять прежніе капризы? Вѣдь мы условились...*ВИРГИНИЯ. *Нѣтъ, нѣтъ! Какіе капризы!*ПАВЕЛЬ. *Такъ что-жь это такое? Почему ты не даешь мнѣ поцѣловать твоей ручки?*ВИРГИНИЯ. *Не хорошо, Павелъ — мнѣ стыдно.*ПАВЕЛЬ. *Развѣ это худое дѣло? Богъ съ тобой, Виргинія, а ты нынче стала такая сердитая и неспоная... Такая-ли была ты прежде? Сколько мы бѣгивали, игравали вмѣстѣ, цѣловались — я на рукахъ носилъ тебя — а теперь... Богъ съ тобой! Ты разлюбила меня... А я, дуракъ, люблю тебя больше самого себя — больше Доминго, больше Марьи — больше матери моей? Вотъ и сегодня, почти всю ночь не спалъ — все убиралъ, готовилъ — думалъ, что угрожу тебѣ... У меня нѣтъ радости, которой не раздѣлилъ-бы я съ тобой... Если-бы я богатъ былъ, я все отдалъ-бы тебѣ, и одного просилъ-бы у тебя, Виргинія — не разлюби меня!*ВИРГИНИЯ. *Павелъ!*ПАВЕЛЬ (*подходитъ къ ней*). *То-то же, Виргинія! Право, Павелъ для тебя готовъ броситься въ воду, въ огонь... Твоя маленькая ручка...*ВИРГИНИЯ. *Я прошу только тебя, Павелъ, не цѣлуй моей руки при другихъ...*ПАВЕЛЬ. *Это для чего?*ВИРГИНИЯ. *Да, вотъ, что давеча тотъ старикъ сказалъ — несносный! И еще смѣялся!...*ПАВЕЛЬ. *Что-же онъ сказалъ такое? А знаешь-ли что? Мнѣ самому это пришло въ голову въ первый разъ, когда онъ говорилъ... Виргинія! почему-же не сбиться его словамъ?*

ВИРГИНІЯ. Что ты говоришь! Полно, перестань, Павелъ — не трогай моей руки... Я люблю тебя, какъ брата моего...

ПАВЕЛЪ. А я какъ сестру... Нѣтъ, нѣтъ! не такъ, какъ сестру, а больше, больше, только не знаю какъ. — Я самъ испугался, какъ этотъ старикъ сказалъ, а потомъ мнѣ такъ стало весело, когда я подумалъ: что-жъ такое? Да, Виргинія будетъ моей женой, и мы также будемъ любить другъ друга, какъ молодой союды нашъ Христофоръ любить свою Жанетту... Ты помнишь, Виргинія, какъ веселы, счастливы были они, когда пасторъ благословилъ ихъ, какъ все радовались ихъ счастью, какъ все поздравляли... Я... Прости меня, Виргинія... Я позавидовалъ — бы Христофору, позавидовалъ, какъ Жанетта глядѣла на него, по вѣдь ты лучше Жанетты, и ты также будешь глядѣть на меня... Ты молчишь, Виргинія?.... Не уже-ли ты не скажешь мнѣ ни одного слова?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Г-НЪ ДЮШЕНЪ, И Г-НЪ ДЮШЕНЪ.

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Скажите, дѣти мои, дома-ли г-жа Делатуръ? *(Павелъ и Виргинія робко отходятъ другъ отъ друга.)* Чего вы испугались?

ПАВЕЛЪ. Я... я.. право, ничего, сударь: я говорилъ съ Виргиніей...

ВИРГИНІЯ. А я говорила съ Павломъ...

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Скажите маменькѣ вашей, милая Виргинія, что мнѣ надобно съ ней повидаться...

(Онъ садится. Виргинія уходитъ.)

ПАВЕЛЪ *(вз-сторону)*. Какъ онъ испугалъ насъ... А, право, онъ совсѣмъ не страшный — такой добрый, и онъ такъ хорошо говоритъ въ церкви, что надобно бояться Бога и любить всѣхъ... Онъ вѣнчалъ и Христофора съ Жанеттой... Что, если-бы поговорить съ нимъ, чтобы онъ также обвѣнчалъ меня съ Виргиніей... *(Подходитъ, кланяясь)*. Я, сударь, хотѣлъ-бы поговорить съ вами...

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Что тебѣ угодно, мой другъ?

ПАВЕЛЪ. Да, вотъ, сударь... прежде вы поговорите съ г-жою Делатуръ... а потомъ я... позвольте мнѣ... у меня дѣло очень-важное...

г-нъ дюшенъ, *(смѣясь)*. Важное? Ты можешь мнѣ сказать, и я все сдѣлаю, что могу.

павель. Я такъ и думалъ, сударь... У васъ такой добрый видъ, да и вы такъ хорошо говорите проповѣди... Вѣдь вы сами, конечно, исполняете все, что говорите другимъ?

г-нъ дюшенъ. Стараюсь!

павель. Вотъ, сударь, и г-жа Делатуръ.... Я буду ждать, когда вы съ ней переговорите, и приду къ вамъ... Вы не откажете въ моей просьбѣ? Не правда-ли?

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

г-нъ дюшенъ *(одинъ)*.

Добрыя дѣти природы! Какъ я люблю васъ, какъ благословляю Бога, что среди васъ нашелъ я наконецъ то счастье, за которымъ гонялся въ чертогахъ знатныхъ и на поляхъ битвъ — нашелъ въ тихой жизни вашей высокія добродѣтели, утраченныя чловѣкомъ въ суетѣ жизни... Но за чѣмъ-же пришелъ я сюда возмущать спокойствіе двухъ семействъ — уговаривать мать, чтобы она бросила дочь свою въ тотъ міръ, изъ котораго бѣжалъ я самъ? Ахъ! и здѣсь счастье не удѣлъ чловѣка...

ЯВЛЕНІЕ Х.

г-нъ дюшенъ и г-жа делатуръ.

г-жа делатуръ. Извините, почтеннѣйшіи г-нъ Дюшенъ, что я задержала васъ... Добрые сосѣди пришли поздравить мою дочь со днемъ рожденія — мнѣ надобно было угостить ихъ и проститься съ ними... Вы не повѣрите, какъ много обязана я всѣмъ моимъ добрымъ сосѣдямъ, какъ все они любятъ меня и дочь мою...

г-нъ дюшенъ. Да, они все честные, добрые люди.

г-жа делатуръ. Какъ хотѣлось-бы мнѣ отплатить имъ хоть чѣмъ-нибудь за ихъ радушіе...

г-нъ дюшенъ. Г-жа Делатуръ! извините, что я перерву ваши слова, и обращусь къ тому, за чѣмъ пришелъ къ вамъ.

г-жа делатуръ. Я... рада... *(Въ сторону)* О Боже мой!

г-нъ дюшенъ. Не тревожьтесь, сударыня... Сядьте, сядьте! (Онъ приноситъ стулъ, и садится самъ). Вамъ, вѣроятно, извѣстно за чѣмъ я пришелъ?

г-жа делатуръ. Я... не знаю...

г-нъ дюшенъ. Ваше письмо ко мнѣ и просьба ваша сообщить послѣднее рѣшеніе ваше господину Лабурдонне, показались мнѣ такъ странны, что я не рѣшился сообщить ему письма вашего. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ рѣшились, сударыня?

г-жа делатуръ. Да, господинъ Дюшенъ.

г-нъ дюшенъ. Отъ всего отказаться?

г-жа делатуръ. Да! (Она закрываетъ глаза платкомъ).

г-нъ дюшенъ. Успокойтесь, сударыня, успокойтесь и выслушайте меня... Я не буду говорить о томъ, что господина Лабурдонне могло оскорбить, когда согласившись сначала, вы вдругъ отвергаете ваше согласіе — приличія въ сторону. Но позвольте мнѣ повторить вамъ все, что я говорилъ прежде... Вы не отвергали справедливости словъ моихъ?

г-жа делатуръ. Нѣтъ!

г-нъ дюшенъ. Чтожь заставило васъ такъ быстро передумать?

г-жа делатуръ. Ахъ! сударь, вамъ ли спрашивать у матери, почему она отъ всего отказывается, когда ей надобно разлучиться съ дочерью! Когда ужасная минута разлуки была еще далека — я могла разсуждать... А теперь — нѣтъ! я ни о чемъ разсуждать не могу... Разлучиться съ Виргиніей!...

г-нъ дюшенъ. Я вполне понимаю чувства ваши...

г-жа делатуръ. Нѣтъ! вамъ никогда не понять ихъ... Надобно быть отцомъ — матерью надобно быть, матерью такой дочери, какъ Виргинія, матерью, у которой всѣ радости, вся жизнь заключены въ ея дочери, и тогда понятны будутъ невыносимыя страданія разлуки и отказъ мой!

г-нъ дюшенъ. Позвольте мнѣ сказать, что счастье вашей дочери...

г-жа делатуръ. Нѣтъ! нѣтъ! Не говорите мнѣ ничего — я все сама знаю, но одна мысль о томъ, какъ я скажу Виргиніи, что она должна разстаться со мною, какъ скажу Маргаритѣ, сыну ея — даже бѣдному Доминго и Марьѣ... О! не требуйте отъ меня того, чего не въ силахъ я исполнить... А одиночество мое, когда я разстанусь съ нею!

г-нъ дюшенъ. Какъ ни прискорбно мнѣ, но я приму на себя грустную обязанность извѣстить Виргинію и всѣхъ объ ея отъѣздѣ. Къ вамъ обращаюсь я, какъ къ матери и христіанкѣ

Можете-ли вы противиться опредѣленіямъ судьбы Бога? Осмѣлитесь-ли отнять у дочери вашей права, данныя ей родомъ ея, будущность дочери вашей?... (*Встаетъ поспѣшно и отворяетъ двери жизни*) **Виргинія!** пожалуйте сюда! **Маргарита, Доминго, Марья!** подите сюда, друзья мои, подите все!

г-жа делатуръ. Боже! укрѣпи меня... Силы мои меня оставляютъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе, **Виргинія, Маргарита, Доминго и Марья.**

доминго. Масса звать — пришла!

маргарита. Что вамъ угодно, господинъ Дюшенъ?

Виргинія (*бросаясь къ матери*). **Маменька!** что съ вами случилось?

г-жа делатуръ. Ничего, ничего, дитя мое!

(*Она обнимаетъ Виргинію.*)

г-нъ дюшенъ. Вамъ, **Виргинія,** и тебѣ, **Маргарита,** вѣроятно, не говорила еще госпожа Делатуръ, что Богъ посылаетъ ей неожиданную милость?

Виргинія. Ахъ! я всякій день благодарю Его за тѣ милости, которыя онъ намъ посылаетъ!

г-нъ дюшенъ. Похвально, мой другъ, но Богъ посылаетъ теперь маменькѣ вашей, или лучше сказать, вамъ, **Виргинія,** большое богатство.

Виргинія. Богатство!

доминго. А! *масса!* Славно, славно!

Маргарита (*съ стороны*). Теперь я понимаю!

Виргинія. Какъ я рада! Какъ я рада! Теперь мы построимъ себѣ хорошенькій домикъ, разведемъ большой садъ, дадимъ денегъ слѣпому Доминнику и бѣдной Христинѣ! Вѣдь на все это достанетъ нашего богатства?

г-нъ дюшенъ. Больше, больше! Но тутъ одно препятствіе: за этимъ богатствомъ надобно съѣздить во Францію. Кто поѣдетъ?

Виргинія. Я не знаю. Маменьку не отпущу я ни за что!

г-нъ дюшенъ. Ея слабое здоровье и не позволить ей ѣхать. Вы должны отправиться, **Виргинія!**

Виргинія. Я?

МАРГАРИТА. Одна?

ДОМИНГО И МАРЬЯ. Прощай съ нами?

ВИРГИНІЯ. Мнѣ разстаться съ маменькой? Оставить ее? Никогда!

Г-нъ дюшенъ. Въ такомъ случаѣ богатое наслѣдство ваше пропадетъ.

ВИРГИНІЯ. Только? Маменька, на что-же намъ его? Вѣдь мы жили до сихъ поръ безъ богатства? Вы отказываетесь — не правда-ли? Ахъ! сударь, какъ вы меня испугали! Разстаться съ маменькой...

МАРГАРИТА. А о другихъ ты и забыла, Виргинія?

ВИРГИНІЯ. И съ вами, и съ вами! Ни за что!

Г-нъ дюшенъ. Вы не въ правѣ отказаться отъ требованія вашихъ родественниковъ, Виргинія: они зовутъ васъ къ себѣ. Вы обязаны пожертвованіемъ вашему роду.

ВИРГИНІЯ. Какому роду?

Г-нъ дюшенъ. Вашъ родитель былъ знатный человекъ — вы дочь маркиза Делатуръ, вы наслѣдница его имѣнія.

ВИРГИНІЯ. Что такое «маркизь»? Я не знаю. Что такое «знатный человекъ»? Я не знаю. Вѣдь «знатный» значитъ «добрый»?

Г-нъ дюшенъ. Да, безъ сомнѣнія, но вамъ, дочери маркиза Делатуръ, нельзя оставаться здѣсь, въ бѣдной хижинѣ, на нашемъ островѣ. Вы будете жить въ большомъ домѣ, имѣть много слугъ...

ВИРГИНІЯ. Уѣхать отсюда — жить безъ маменьки, безъ Маргариты, безъ Павла!..

Г-нъ дюшенъ. Маменька ваша согласна.

всѣ (кромя госпожи Делатуръ). Согласна!

ВИРГИНІЯ. Вы гоните меня отъ васъ, маменька? Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ я васъ огорчила? Вы плачете, маменька? (Бросается передъ нею на колѣни) Такъ вы не хотите? Кто-же принуждаетъ? Говорите, говорите, ради Бога! Ты молчишь и плачешь! (Бросается къ Маргаритѣ) Милая, добрая Маргарита! поди, поди, спроси у маменьки, за что она разлюбила меня? За что она гонитъ меня отъ себя?

МАРГАРИТА. Сударыня, что я могу для васъ сдѣлать, когда такъ маменькѣ угодно.....

ВИРГИНІЯ. Маргарита, какъ странно говоришь ты со мной!

МАРГАРИТА. Вы, тецерь, сударыня, знатная барышня, вы дочь маркиза Делатуръ... Что могу я сказать вамъ, глупая служанка ваша — бѣдная Маргарита!

ВИРГИНИЯ. Ты — служанка моя? Ты — вторая мать моя? (*Дюшену.*) О, сударь! не знаю, для чего пришли вы сюда, для чего сказали, что я какая-то знатная барышня, дочь какого-то маркиза... Посмотрите: только что вы сказали, как маменька моя плачетъ, Маргарита отъ меня отказывается...

ДОМИНГО (*Дюшену.*). За чѣмъ сюда пришла? За чѣмъ говоришь, что плакать Ви́ргинія, и мать Ви́ргинія, и Маргарита?.. На что твой деньга? Жилъ безъ деньга — смѣялся; сказалъ: есть деньги — плакалъ!

Г-нъ ДЮШЕНЬ (*съ стороны*). Сердце мое терзается ихъ горестью, но я дѣйствую для блага ихъ. Боже! прости мнѣ, если я употреблю хитрость! (*Въ слухъ*) Вы не такъ поняли слова мои, Ви́ргинія — успокойтесь! Вамъ надобно будетъ только съѣздить во Францію, и вы возвратитесь сюда, опять будете съ маменькою, успокоите ее, утѣшите, сдѣлаете счастливыми всѣхъ вашихъ друзей...

Г-жа ДЕЛАТУРЪ (*тихо*). Но господинъ Дюшень...

Г-нъ ДЮШЕНЬ (*тихо*). Ради Бога, молчите! (*Громко*) Ваши добрые родственники зовутъ васъ, встрѣтятъ васъ, какъ родную, какъ дочь. Повторяю вамъ, что маменька ваша согласна...

ВИРГИНИЯ. Мнѣ ѣхать одной! Мнѣ оставить маменьку!

Г-нъ ДЮШЕНЬ. Она останется съ Маргаритой и друзьями вашими, а съ вами будутъ также добрые люди — семейство г-на Дювивье, племянника губернаторскаго, которое ѣдетъ во Францію, г-нъ Дюбуа, почтенный негодянтъ.

ВИРГИНИЯ. А море, страшное море!

Г-нъ ДЮШЕНЬ. А Богъ, безъ воли Коего не падаетъ волосъ съ головы человѣка! Онъ проведетъ васъ безопасно, и возвратитъ въ объятія матери, на радость ей, на счастье всѣмъ!

ВИРГИНИЯ (*подходя къ матери*). Маменька! правду-ли онъ говоритъ? Ты согласна?

Г-жа ДЕЛАТУРЪ (*съ усиленіемъ*). Да, мой другъ!... Благословеніе мое надъ тобою!

ВИРГИНИЯ. Для радости твоей, для счастья всѣхъ — я готова. Но, маменька...

Г-жа ДЕЛАТУРЪ (*обнимаетъ ее*). О дочь моя!

Г-нъ ДЮШЕНЬ (*удерживая чувство*). Путешествіе ваше будетъ непродолжительно, а возвращеніе радостно; вы успокоите маменьку вашу и друзей вашихъ. Добрый вашъ Доминго не будетъ тогда работать....

доминго (*качая головою*). Доминго не хочеть сложить рука и ничего не дѣлать — не хорошо ничего не дѣлай!

г-нъ дюшенъ. Хорошо, мой другъ, но ты становишься старъ, и Маргарита также....

МАРГАРИТА. Ужь обо мнѣ прошу не заботиться. Вы очень хорошо говорите, да я что-то худо вѣрю — знаю я этихъ....

г-нъ дюшенъ (*тихо*). Молчи, безразсудная!

МАРГАРИТА. Воля г-жи Делатуръ, а не мое дѣло! Я только помню, какъ она писала къ своимъ родственникамъ и что они отвѣчали....

ВИРГИНІЯ (*быстро*). Что они отвѣчали?

МАРГАРИТА. Отвѣчали.... (*Движеніе г-жи Делатуръ*) Я не знаю — можетъ-быть.... они не отвѣчали....

г-нъ дюшенъ. Посмотрите, что они прислали къ вамъ въ подарокъ....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Г-нъ Дюшенъ!

г-нъ дюшенъ (*тихо*). Г-нъ Лабурдонне принялъ на себя все издержки. Неужели дочери вашей можно было явиться въ Парижъ бѣдною Креолкою? (*громко*) Несите сюда корзину! (*Приносятъ корзину.*) Все, что вы здѣсь найдете, принадлежитъ вамъ, Виргинія!

ВИРГИНІЯ (*печально*). Мнѣ ничего не надобно.

г-нъ дюшенъ. Вотъ деньги, (*вынимаетъ изъ корзины небольшой мѣшокъ, и кладетъ его на столъ*) деньги, Виргинія!

ВИРГИНІЯ. На что мнѣ деньги!

г-нъ дюшенъ (*въ сторону*). Какъ взволноваль-бы видъ этого мѣшка васъ, Европейцы, а здѣсь, здѣсь никто и взглянуть не хочеть на то, за что вы терзаете другъ друга! (*громко*) Развѣ вамъ не кому пособить этими деньгами, Виргинія? Развѣ нѣтъ бѣдныхъ, съ которыми можете вы подѣлиться ими?

ВИРГИНІЯ (*радостно*). Ахъ! правда, правда! (*Она высыпаетъ деньги на столъ*) Какъ много! Доминго! возьми, отнеси это слѣпому Лоренцу, купи платье бѣдной старой Доминикъ.... (*Открываетъ корзину*) Ахъ! что это? Маменька! Маргарита! посмотрите! (*Близится къ жившимъ*) Лоретта! Жанетта! подите сюда (*Молодые сосѣдки выбѣгаютъ.*) — посмотрите, что мнѣ прислали! (*Сосѣдки бросаются къ корзине, перебираютъ вещи — слышны восклицанія. Виргинія увлекается дѣтскою радостью.*)

1-я СОСѢДКА. Какая миленькая шляпка

2-я СОСѢДКА. Какіе платочки!

3-я сосѣдка. Какія богатыя матеріи

(Вынимаютъ и поспѣшно раскладываютъ вещи).

виргинія *(беретъ разныя вещи)*. Маменька! это тебѣ! Это тебѣ Маргарита! Это тебѣ, Марья! Это Домингу! Ахъ! какъ это хорошо! *(Надѣваетъ шляпку).*

1-я сосѣдка. Какъ она пристала тебѣ, Виргинія!

2-я сосѣдка. Какія ленточки!

3-я сосѣдка. *(вынимая изъ корзины.)* Какое богатое платье! Виргинія! надѣнь, надѣнь его!

виргинія. Это тебѣ, Жанетта! Это тебѣ... Маменька! посмотри, какое прелестное платье!

г-жа делатуръ. Прекрасное!

виргинія. Я надѣну его, примѣрю! Жанетта! помоги мнѣ. *(Она, Марья и сосѣдки убѣгаютъ въ хижину).*

г-нъ дюшенъ. *(Маргаритѣ)*. Поди, мой другъ, приготовь что нужно въ дорогу Виргиніи....

маргарита. Нѣтъ! ужь мои руки не поднимутся — пусть готовитъ кто захочетъ... Хоть она теперь и знатная барышня, а мнѣ легче умереть, нежели разстаться съ ней! Богъ вамъ судья, сударыня: что вы это дѣлаете съ вашей бѣдной Маргаритой!

г-жа делатуръ. Маргарита, другъ мой! если-бы ты знала...

(Маргарита машетъ рукой, плачетъ и уходитъ.)

доминго *(г-ну Дюшену)*. Ты думалъ хорошо дѣлалъ, а Доминго говоритъ тебѣ — нехорошо сдѣлалъ!

(Сердито уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

г-жа делатуръ. и г-нъ дюшенъ.

г-нъ дюшенъ. Теперь задержекъ къ отъѣзду вашей дочери не будетъ...

г-жа делатуръ. Развѣ она скоро должна ѣхать?

г-нъ дюшенъ. Немедленно — все готово — корабль уже на рейдѣ... г-нъ Лабурдонне хотѣлъ самъ явиться сюда черезъ часъ.

г-жа делатуръ. О, Боже! такъ скоро, такъ неожиданно!...

г-жа дюшенъ. Вы имѣли время приготовиться къ разлукѣ... Излишняя скорбь была-бы грѣхъ и малодушіе.

г-жа делатуръ. Нѣтъ! никогда не приготовится къ разлукѣ сердце матери... О, г-нъ Дюшенъ!

г-нъ дюшенъ. Теперь уже поздно рассчитывать!

г-жа делатуръ. Точно - ли моя Виргинія будетъ счастлива? Умирая здѣсь, безъ нея, одинокая, могу-ли утѣшить себя хоть тою надеждою, что мои страданіями пекуплю ея счастье

г-нъ дюшенъ. Молитесь Тому, Кто покровитель сиротъ и утѣшитель страдающихъ!

г-жа делатуръ. Боже, укрѣпи меня! Не дай разорваться отъ горести сердцу моему!

(Медленно уходитъ. Г-нъ Дюшенъ угрюмо и неподвижно стоитъ, опираясь на трость свою.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Г-нъ ДЮШЕНЪ И ПАВЕЛЬ.

ПАВЕЛЬ *(нѣсколько разъ выглядывая, и съ поклономъ подходитъ къ г-ну Дюшену)*. Хмъ!... сударь... Милостивый государь!

г-нъ дюшенъ. А! Что тебѣ надобно?

ПАВЕЛЬ. Я хотѣлъ поговорить съ вами...

г-нъ дюшенъ. Говори.

ПАВЕЛЬ. Вы мнѣ, сударь, очень понравились...

г-нъ дюшенъ. Очень радъ.

ПАВЕЛЬ. И вотъ, если-бы вы вступились за насъ...

г-нъ дюшенъ. Ну, что такое?

ПАВЕЛЬ. Вотъ, вы обвиняли Жанетту съ Христофоромъ, такъ обвиняйте и насъ.

г-нъ дюшенъ. Но подумаль-ли ты?...

ПАВЕЛЬ. И очень подумаль!

г-нъ дюшенъ. Ты еще молодъ.

ПАВЕЛЬ. Отъ этого недостатка я каждый день буду исправляться. Христофоръ не старѣе меня...

г-нъ дюшенъ. Можешь-ли ты прокормить работою жену свою?

ПАВЕЛЬ. Вотъ еще! Да какая работа у меня изъ рукъ вывалится? Гдѣ Христофору угояться за мной! А моя невѣста лучше его Жанетты, въ этомъ ужь я увѣряю васъ честнымъ словомъ!

г-нъ дюшенъ. Если мать твоя и невѣста согласны...

ПАВЕЛЬ. Ахъ! сударь! Виргинія меня любитъ, очень любитъ, это я знаю, а ужъ какъ я ее люблю!... Ну! я ужъ и сказать вамъ не умѣю!

Г-нъ дюшенъ. Но Виргинія что за дѣло до тебя?

ПАВЕЛЬ. Вотъ хорошо: «что за дѣло!» Да, вѣдь она моя невѣста!

Г-нъ дюшенъ. Виргинія твоя невѣста?

ПАВЕЛЬ. Разумѣется, еще не невѣста, а будетъ и женой, если только вы обвиняете насъ.

Г-нъ дюшенъ. Ты бредишь!

ПАВЕЛЬ (*оскорбляясь*). Послушайте, сударь... За что вы бранитесь?

Г-нъ дюшенъ. Тебѣ жениться на Виргиніи?

ПАВЕЛЬ. А чѣмъ я не женихъ?

Г-нъ дюшенъ. Тебѣ? Бѣдняку? сыну... Знаешь-ли ты своего отца? Кто былъ твой отецъ?

ПАВЕЛЬ. Я его не знаю, но ужъ, конечно, у меня былъ какой нибудь отецъ... Вотъ я спрошу у маменьки! Да, вѣдь и у Виргиніи нѣтъ отца...

Г-нъ дюшенъ. Отецъ ея былъ знатный человѣкъ...

ПАВЕЛЬ. О, да, и мой еще... Работалъ чудо какъ, и самъ построилъ вотъ эту хижинку... Доминго говорилъ мнѣ...

Г-нъ дюшенъ. Доминго твой старый болтунъ!

ПАВЕЛЬ. Да, что вы всѣхъ насъ браните! Вотъ какой вы нехорошій человѣкъ! По виду такой добрый, а въ самомъ дѣлѣ такой сердитый! Я какъ слышалъ, что вы говорили въ церкви, такъ смѣю къ вамъ пришелъ... Ну, Богъ съ вами!

Г-нъ дюшенъ. Постой! Знаешь-ли ты, что отецъ Виргиніи былъ знатный баринъ, маркизъ Делатуръ?

ПАВЕЛЬ. Ха, ха, ха! Вотъ что выдумали вы! Баринъ! Нѣтъ! Бары-то живутъ въ городѣ, въ большихъ домахъ; у нихъ много денегъ, много всего — и кареты, и паланкины, и лошади...

Г-нъ дюшенъ. И у Виргиніи все это будетъ!

ПАВЕЛЬ. У Виргиніи?

Г-нъ дюшенъ. Да, родственники отца ея приехали къ ней всего много, и она ѣдетъ къ нимъ во Францію!

ПАВЕЛЬ. Ёдетъ! Когда ѣдетъ?

Г-нъ дюшенъ. Сегодня!

ПАВЕЛЬ. Какъ?.. Вотъ ужъ теперь я вижу, что вы, просто, злой человѣкъ: хотѣли испугать меня и выдумали небывлицу...

Боже мой! какая глупая, дурная шутка... Я не опомнюсь отъ страха!

Г-нъ дюшенъ Я тебя не обманываю! Виргинія ѣдетъ!

Павелъ. Съ матерью и съ нами?

Г-нъ дюшенъ. Одна.

Павелъ. Одна? Разстанется съ матерью и со мной — ѣдетъ?

Неправда, неправда!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же, Виргинія (*одѣтая въ новое платье*), Г-жа ДЕЛАТУРЪ,
МАРГАРИТА, ДОМИНГО, МАРЬЯ.

Виргинія (*радостно*). Павелъ! посмотри!

Павелъ (*взглядываясь*). Ахъ! Виргинія! (*Онъ шагаетъ и едва держится на ногахъ*).

Виргинія. Павелъ! Павелъ! что ты?

Павелъ. Это богатое платье — Теперь ты... вы... знатная барышня... Виргинія? Ты ѣдешь отъ насъ? Ты молчишь?.. (*Господину Дюшену.*) Вы, сударь, не обманули меня... Извините, что я не вѣрилъ вамъ!.. О, Боже мой! (*Въ отчаяніи упадаетъ на скамейку*).

Маргарита (*поддерживая его*). Дитя мое!

Павелъ (*вскакивая*). Постою, маменька, постою... Говори, скажи мнѣ все... Клянусь Богомъ, если... Тогда никто не отниметъ у меня Виргинія... Скажи... Боюсь спросить! Кто былъ отецъ Виргинія?

Маргарита. Знатный баринъ, маркизъ Делатуръ.

Павелъ. А мой?

Маргарита. Бѣднякъ — бѣдный Креоль!

Павелъ. И Виргинія не можетъ быть моею невѣстой?

Маргарита. Что ты говоришь, бѣдный мой Павелъ!

Павелъ. Такъ за чѣмъ-же ты давно мнѣ не сказала? За чѣмъ не разувѣрила меня, когда я считалъ себя равнымъ Виргиніи, братомъ ея? За чѣмъ не сказала ты, что ея отецъ былъ баринъ, что мой отецъ былъ бѣднякъ, что за ней пріѣдутъ, увезутъ ее отъ насъ! Я не полюбилъ-бы ее, я разлюбилъ-бы ее! Теперь ты погубила себя, меня — прощай!

Маргарита. Куда ты, Павелъ?

Павелъ. Море близко! Прощай! (*Вырывается и бѣжитъ*).

ВИРГИНИЯ. Павелъ! Павелъ!

ДОМИНГО (*схватываетъ его*). Масса! куда?

ПАВЕЛЬ. Прочь отъ меня!

МАРГАРИТА. Сынъ мой!

ПАВЕЛЬ. У тебя нѣтъ уже сына!

ВИРГИНИЯ. Павелъ! (*Она беретъ его за руку и выводитъ впередъ.*)

Куда ты бѣжишь? Бѣдный Павелъ! уже-ли ты думаешь, что я разлюбила тебя?

ПАВЕЛЬ. Но вѣдь ты ѣдешь, Виргинія?

ВИРГИНИЯ. Я возвращусь.

ПАВЕЛЬ. Но ты возвратишься богатою, знатною барышнею...

ВИРГИНИЯ. Я не измѣнюсь, я буду та-же Виргинія!

ПАВЕЛЬ. А будешь-ли ты *моей* Виргинією? Осмѣлюсь-ли я, бѣднякъ, любить тебя... Если ты выйдешь за мужъ за такого-же богача, какъ ты сама... За чѣмъ ты ѣдешь, Виргинія!

ВИРГИНИЯ. Я ѣду къ своимъ роднымъ...

ПАВЕЛЬ. А мы развѣ не родные твои? Не найти тебѣ столько людей, которые тамъ любили-бы тебя, какъ здѣсь любимъ мы! За чѣмъ надѣла ты это богатое платье, Виргинія? Я не узнаю тебя въ немъ! Сбрось его — надѣнь простое, милое платьице твое — останься съ нами!.. Госпожа Делатуръ! за-чѣмъ отпускаете вы Виргинію?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Она должна ѣхать!

ПАВЕЛЬ. Должна? Такъ и я съ ней ѣду — ѣду, буду ея служкой, невольникомъ, но не разстанусь съ ней, не разстанусь... Ничто не удержитъ меня — я брошусь въ море, поплыву за кораблемъ — утону!

МАРГАРИТА. А я, мать твоя, Павелъ?

ПАВЕЛЬ. Маменька! (*Онъ бросается къ ней.*)

ВИРГИНИЯ. Маменька! я не ѣду... Павелъ умретъ безъ меня! Прочь богатство, прочь мое дорогое платье! Маменька! я не ѣду — я люблю Павла, я не разлучусь съ нимъ!

ПАВЕЛЬ. Ты меня любишь? Кто-же смѣетъ разлучить насъ? Никто, клянусь Богомъ, никто! Ты моя, Виргинія, моя!

Г-НЪ ДЮШЕНЬ (*строго*). Маргарита!

МАРГАРИТА (*отводитъ сына отъ Виргиніи*). Она не можетъ быть твоей, бѣднякъ! Ты слышалъ — она знатная барышня! (*Госпожѣ Делатуръ*) Возьмите, сударыня, вашу дочь, скажите, что ей неприлично любить моего сына... Нужды нѣтъ, что она плачетъ — за то она теперь богатая, знатная... Нужды нѣтъ, что мой сынъ

умреть съ горя, что они не переживутъ разлуки другъ съ другомъ...

г-жа делатуръ. Маргарита! ты ужасаешь меня!

г-нъ дюшенъ. Какъ служитель алтаря, я запрещаю эти безразсудныя, безумныя рѣчи! Женщина, забывшая благодѣянія Божія...

павелъ. А кто просилъ васъ приходиться къ намъ, разрушать наше счастье, говорить, что проклятое богатство различаетъ меня съ Виргиніей? Служитель алтаря Божія долженъ вносить радость и благословеніе въ домъ: ты самъ говорилъ это намъ—а теперь ты принесъ намъ горе и слезы! И ты велишь мнѣ жить? Да, развѣ я могу? Хорошо, я не брошусь въ море, но приходи сюда каждый день и смотри на меня: я буду изнывать съ горя, умирать, умирать, и умру на рукахъ бѣдной матери.....

виргинія. Павелъ!... Мамеыка! Ради Бога... я не поѣду...

(Пушечный выстрѣлъ. Всѣ содрогаются.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПРЕЖНИЕ, и ДЮБУА.

дюбуа. Какъ, г-жа Делатуръ? Неужели это вы? Охъ! какъ вы постарѣли! Правда, и времени-то много! Вы меня не помните?

г-жа делатуръ. Извините...

дюбуа. А помните-ли, тотъ молодой шалуипъ Дюбуа, который надоѣдалъ вамъ флейтой, когда вы плыли сюда съ вашимъ супругомъ! А помните — еще былъ влюбленъ въ васъ... Какая красавица были вы!

г-жа делатуръ. Ахъ! г-нъ Дюбуа, много времени, много горя было съ тѣхъ поръ!

дюбуа. Горя! Ну, когда-жъ дѣло обходитесь безъ него, проклятаго! Слезы къ жизни точно ржавчина къ желѣзу льнуть... Вотъ и я разбогатѣлъ, да за то на старости одинокъ. Жена моя осталась въ Пондшери — тамъ и сынъ, тамъ и дочь... Богъ далъ, Богъ взялъ—о чемъ-бы плакать, аиъ не утѣришь!... Бѣду во Францію, и какъ я обрадовался, что ваша дочь отправляется на одпомъ кораблѣ со мною! Я буду беречь ее, какъ дорогую жемчужину....

виргинія. (твердо). Я не ѣду, сударь!

дюбуа. Какъ? Такъ это вы дочь г-жи Делатуръ? Живої пор-

треть матери — такая же красавица! Какъ же вы не ѣдете?
(Осматривается кругомъ.) О, да, здѣсь, видно, не безъ слезъ...
 Г-нъ Дюшенъ! и вы что-то хмуритесь... *(Павлу.)* А ты молодець,
 что такой печальный? Понимаемъ! Что братъ дѣлать? Въ твои
 лѣта и любовь и слезы скоро высыхаютъ...

(Второй выстрѣлъ.)

ДЮБУА. Ну, вотъ и знакъ къ отплытію! Г-нъ Губернаторъ сей-
 часъ сюда будетъ самъ...

ВИРГИНІЯ *(бросаясь къ матери)*. Маменька! я не разстанусь
 съ вами!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ-же. Шлюпка подплываетъ къ берегу, и изъ нея выходятъ
 графъ Лабурдонне, свита его, солдаты, Негры, Негритянки, со-
 сѣди, сосѣдки.

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Здравствуйте, г-жа Делатуръ! Все готово
 къ отъѣзду... Готова-ли дочь ваша?

*(Г-жа Делатуръ прижимаетъ Виригінію
 къ груди своей и не можетъ говорить.
 Маргарита удерживаетъ Павла.)*

Г-нъ ДЮШЕНЪ. Г-жа Делатуръ! предайтесь воли Божіей!

Г-нъ ЛАБУРДОННЕ. Я раздѣляю вашу печаль... Но съ нею отпра-
 вляется моя племянница, съ нею будетъ добрый пріятель мой,
 г-нъ Дюбуа, благороднѣйшее созданіе изъ всѣхъ, кого я знаю въ
 свѣтѣ... Лучше провожатыхъ сыскать невозможно... Я самъ про-
 вожу ее на корабль...

(Третій выстрѣлъ.)

Благословите дочь вашу! все готово!

*(Г-жа Делатуръ обнимаетъ дочь. Ви-
 ригінія бросается передъ нею на колѣни.
 Г-жа Делатуръ кладетъ руки на ея
 голову. Графъ Лабурдонне тихо выры-
 ваетъ изъ ея объятій Виригінію.)*

Довольно, довольно! Пошадите маменьку вашу!

ДОМИНГО И МАРЬЯ (падаютъ на колѣни передъ Виргиніей). Прости — будь счастливъ! Не забудь!

(Сосѣди и сосѣдки окружаютъ Виргинію, и прощаются съ нею. Негры цѣлуютъ ея руки. Слышны восклицанія; «Прости — прости! — Добрая Виргинія — прости!»)

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ (увлекая Виргинію къ шлюпкѣ). Довольно! Довольно!

ПАВЕЛЪ (какъ обезумѣвшій, Маргаритѣ). Ты видишь — они насильно тащатъ ее... Она не хочетъ... Я вырву ее у злодѣевъ, — они не увезутъ ее... (Онъ бросается къ Виргиніи) Виргинія.

ВИРГИНІЯ (бросается къ нему). Павелъ!

ПАВЕЛЪ (обхватываетъ ее рукою). Уйдемъ, уйдемъ отъ нихъ — убѣжимъ Виргинія! Скорѣе, скорѣе!

(Доминго схватываетъ Павла. Дюбуа вырываетъ Виргинію).

Вы не разлучите насъ! (Онъ рвется къ рукъ окружающихъ его).

ВИРГИНІЯ. Павелъ! Павелъ! Маменька!

(Она лишается чувствъ; ее несутъ въ шлюпку. Г-нъ Дюшенъ удерживаетъ 2-юу Делатуръ. Шлюпка уплываетъ).

ПАВЕЛЪ (борется). Ради Бога!... Пустите меня — пустите меня! (Онъ сбиваетъ съ ногъ Доминго и бѣжитъ на утесъ. Другіе слѣдуютъ за нимъ).

ГОЛОСЪ ВИРГИНІИ. Павелъ! Павелъ!

ПАВЕЛЪ (хочетъ броситься съ утеса). Прочь! Прочь!

(Его схватываютъ и ведутъ напередъ сцены).

МАРГАРИТА. Дитя мое! будемъ плакать вмѣстѣ!

Г-нъ ДЮШЕНЪ (2-яя Делатуръ). Бѣдная мать! молись!

(Г-жа Делатуръ становится на колѣни и безмолвно молится. Группы на утесъ и на берегу).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ, цвѣтники. Направо входъ въ павильонъ, гдѣ слышны хохотъ и голоса пирующихъ. Нагѣво скамейка.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ШАРМЕ, БРАКАССЕ, БОРГАРЬ (*въ павильонѣ*), ФЛОРВИЛЬ (*ходитъ въ-нетерпѣннѣи спереди сцены*).

ШАРМЕ. Наливай еще! За здоровье...

БРАКАССЕ. Только не женское!

БОРГАРЬ. А за чье-же?

БРАКАССЕ. Хоть самого сатаны, только не женщинъ... Я ихъ терпѣть не могу!

ШАРМЕ. Плата тою-же монетою! И они тебя не очень жалуютъ.

ФЛОРВИЛЬ. Негодяя! Опъ не идетъ!

ШАРМЕ. Здоровье Юліи!

БРАКАССЕ. Я не пью! Прочь! Это личная обида! Я не пью!

(*Слышенъ звонъ разбитой рюмки.*)

БОРГАРЬ. Здоровье Генриетты!

БРАКАССЕ (*выбѣгая*). Флорвиль! (*Въ павильонѣ хохотъ*).

ФЛОРВИЛЬ. Что тебѣ?

БРАКАССЕ. Ты слышалъ?

ФЛОРВИЛЬ. И слушать-то было нечего.

БРАКАССЕ. Шарме обидѣлъ, оскорбилъ меня!

ФЛОРВИЛЬ. Чѣмъ?

БРАКАССЕ. Онъ предложилъ мнѣ пить здоровье врага моего!

ФЛОРВИЛЬ. Какого врага?

БРАКАССЕ. Женщинъ!

ФЛОРВИЛЬ. То есть, какой нибудь женщины? Въдъ не всё-же онъ враги тебѣ!

БРАКАССЕ. Всѣ, всѣ до одной, всѣ мои личные, непримиримые враги, а я — всѣмъ женщинамъ закланной врагъ!

ФЛОРВИЛЬ. Что за дичь! За что?

БРАКАССЕ. За что, за что? Мужчина, и спрашиваетъ — за что! Женщины гибель, зло, язва человѣческаго рода! Кто насъ мучить въ ребячествѣ? Женщины! Онѣ насъ пеленають, дерутъ за уши, становяты въ уголь... Подростешь — онѣ сводяты насъ съ ума, заставляють дурачиться, плакать, вздыхать, глядѣты на луну, жениться — а ужъ это такая капитальная глупость, которой никогда простить нельзя... И кто заступаеся за женщины, тотъ, клянусь усами — мой врагъ...

ШАРМЕ (*выходитъ*). Ну, что тамъ такое?

ФЛОРВИЛЬ. Бракассе! оставь насъ — мнѣ надобно поговорить съ нимъ.

БРАКАССЕ. Прежде мнѣ надобно съ нимъ кончить!

ШАРМЕ. Что кончить?

БРАКАССЕ. Оскорбленіе, какое ты панесъ мнѣ. Ты долженъ раздѣлятыся со мной.

ШАРМЕ. Послѣ!

БРАКАССЕ. Не послѣ, а теперь!

ШАРМЕ. Пожалуй, хотъ теперь!

БРАКАССЕ. Прекрасно! Гдѣ? Когда? Какъ?

ФЛОРВИЛЬ. Ты съ ума сошелъ!

БРАКАССЕ. Нѣтъ! Мы должны драться, должны...

ШАРМЕ. Хорошо, хорошо! Флорвиль! не уговаривай его — онъ ужъ не драея недѣли двѣ...

ФЛОРВИЛЬ. Глупость!

БРАКАССЕ. Глупость! А! Такъ и ты отвѣчаешь мнѣ!

ШАРМЕ. Изволь, изволь, и я, и онъ и онъ и я! Ступайте, допейте тамъ бутылку; мы придемъ и условимся.... Ступай!

БРАКАССЕ. Хорошо, я жду тебя... (*Въ сторону*) Если не двѣ, такъ хотъ одна, кажется, дуэль будетъ... Прекрасно... (*Уходитъ въ павильонъ*).

ФЛОРВИЛЬ. Шарме!

шарме. Ну, и ты не хочешь ли драться? (*Садится на скамейку*) Тра-ла-ла!

флорвиль. Что жь твое условие? Когда ты исполнишь его?

шарме. Когда? Развѣ ужь пора.

флорвиль. Кажется!

шарме. Ты чертовски спѣшишь. Послушай, Флорвиль, подумаешь ли ты? Ты хочешь взять на себя великую обязанность супруга — можетъ-быть, отца семейства.

флорвиль. Это къ чему?

шарме. Ты, молодой человекъ, хочешь жениться на вдовѣ, злой, прихотливой, кокеткѣ, лицемеркѣ, — богатой, правда, да что такое богатство? Суета, прахъ и тлѣнь! Пока нѣтъ денегъ — онѣ дороги, а когда есть онѣ... Конечно, хорошо, если онѣ есть, а все таки онѣ вздоръ!

флорвиль. Шарме! что жь это значить? Ты забылъ договоръ нашъ?

шарме. Нѣтъ, очень помню. Вы, господинъ маркизъ Флорвиль, знатный, промотавшійся повѣса, рѣшаетесь устроить свою судьбу, а я... Ну, я, которому не тѣмъ быть слѣдовало, что я теперь, я помогаю вамъ въ устройствѣ вашей судьбы. Такъ-ли?

флорвиль (*грозно*). Шарме!

шарме. Что кричать! Я стараюсь привести въ порядокъ мои идеи, и отдать тебѣ отчетъ, что я помню обо всемъ, что между нами положено...

флорвиль. Ты пьянъ, кажется!

шарме. Желалъ-бы, но — увы! я давно лишился блаженства напиться до-пьяна... Пьешь, а все-таки не пьянъ, какъ влюбляешься не любя, пишешь стихи безъ вдохновенія, живешь — такъ, потому что застрѣлится тлѣнь... Тише!... Я продолжаю... И такъ вы, господинъ маркизъ Флорвиль...

флорвиль. Ты, негодяй!

шарме (*вскакивая*). Ты смѣешь?

флорвиль. Да, я повторяю тебѣ, что ты...

бракассе (*изъ павильона*). Шумъ? Что? Не драться-ли? Давай, давай!

флорвиль. Нѣтъ! Нѣтъ! Мы сей часъ придемъ.

бракассе. А! Ну, а я ужь думалъ было... (*Уходитъ*).

флорвиль. Перестань дурачиться, Шарме...

шарме. Трудно, мнѣй другъ! Если ужь однажды начато это великое дурачество, именуемое жизнью, такъ надобно продолжать его, пока какъ нибудь не свернешь самъ себя, или не свер-

нуть тебѣ другіе, вотъ этой дрянн! (Указываетъ на голову)...
Но я буду кратокъ... Что-жь тебѣ угодно?

Флорвиль. Онъ спрашиваетъ! Не самъ-ли ты сказала, что сегодня надобно собраться здѣсь, пригласить этихъ негодяевъ, Бракассе, Боргара, и, не знаю за чѣмъ, Буавена, и что ты сообщишь мнѣ важныя извѣстія?

Шарме. Точно такъ, именно такъ — совершенно такъ.

Флорвиль. Говори-же!

Шарме. Прежде всего — честное слово: я не отступаю отъ нашего условія, но — Флорвиль!...

Флорвиль. Что?

Шарме. Не возьмешь-ли ты моего слова назадъ?

Флорвиль. Ты не хочешь — ты долженъ...

Шарме. Долженъ — такъ, а не хочу... правда! Не могу!

Флорвиль. Это почему!..

Шарме. Потому-что дѣло наше походить на порядочное злодѣйство.

Флорвиль. Ха, ха, ха! Что за неумѣтная совѣтливость... Ты...

Шарме. Да, я — негодяй, пьяница, игрокъ, которому каждый часъ грозитъ тюрьма — я не хотѣлъ-бы...

Флорвиль. Сдѣлать счастье прелестной дѣвушки...

Шарме. О! злодѣйствуй, но хоть не ругайся надъ добродѣтелью, не шути преступленіемъ! Обмануть негодяя ростовщика, обыграть дурака или мерзавца — ничего! Унизить, уничтожить кокетку — ничего: это бой, открытая дуэль... Но святое, прекрасное созданіе, какова Виргинія — ее увлечь въ бездну порока, ее, добрую, какъ ангель, втоптать въ грязь — съ ея судьбою соединить свою проклятую участь... Флорвиль! ради.. Нѣтъ! если не это злодѣйство, такъ что-же назовешь ты злодѣйствомъ?

Флорвиль. Ты далъ мнѣ слово.

Шарме. И держу его. Ты не хочешь отказаться?

Флорвиль. Я не понимаю переменъ въ тебѣ...

Шарме. О, такъ ты глубже меня упалъ, хоть на тебѣ остались все признаки человѣка, котораго за честь почитаютъ принять въ свѣтскомъ модномъ обществѣ! Ты не постигаешь... Слушай, я не шучу теперь! Когда маркиза де-Куанье взбѣсилась на тебя, начала ханжить, выписала свою племянницу и ей рѣшилась отдать свои миллионы, ты испугался, увидѣлъ свою ошибку, хотѣлъ поправить дѣло, и я взялся помогать тебѣ... Да, я взялся... (сеее.ю) потому что, чертъ возьми! дѣло было славное, чудное, лихое... Я составилъ планъ, и какой планъ?—Геніяльный!

ФЛОРВИЛЬ. За который тебѣ обѣщано 200,000 ливровъ.

ШАРМЕ. Что 200,000! Вѣдь мнѣ только въ руки, такъ ихъ за-
втра-же у меня не будетъ, но доказательство генія... Я долженъ
былъ прикинуться добродѣтельнымъ, скромнымъ художникомъ,
учителемъ рисованья, войти въ домъ маркизы, стараться воз-
становить ея любовь къ тебѣ, заставить влюбиться въ меня пле-
мянницу...

ФЛОРВИЛЬ. Къ чему вся эта болтовня?

ШАРМЕ. Постой — я сдѣлалъ все. Лицемѣрка, ханжа, кокетка,
будущая супруга твоя опять отъ тебя съ ума сходитъ... Какъ
это сдѣлано? А! (*Бьетъ себя въ голову*) Тутъ есть мозгъ, тутъ
скрывается геній, только онъ ужъ давно слуга чорту, а этотъ
господинъ не дастъ отпусковыхъ!

ФЛОРВИЛЬ. Ну?

ШАРМЕ. Ну, и весь мой геній, все мое искусство уничтожились
передъ этой Креолочкой, этой Виргиніей...

ФЛОРВИЛЬ. Ты влюбленъ въ нее? Тѣмъ лучше...

ШАРМЕ. Мы положили, что такъ или сякъ, я увлеку, унижу,
обезславлю эту нежданную наслѣдницу, которая загородила тебѣ
дорогу къ милліонамъ — соглашу ее бѣжать — увезу ее на-
сильно... все равно — только-бы унижить, обезславить ее въ гла-
захъ людей, освободить отъ нея тетку, снять съ тетки ея вся-
кое подозрѣніе, когда она прогонитъ ее, и отдастъ руку и сер-
дце маркизу Флорвиллю... Но я долженъ какъ нибудь прикрыть пре-
ступленіе мое въ глазахъ людей... *Влюбленъ!* Если-бы я могъ еще
влюбиться!.. Но я не могу, не умѣю любить, какъ не могу и
не умѣю напиться до-пьяна, и — не смѣю раскаться... Да, это
ничего.... Такъ, ты требуешь?

ФЛОРВИЛЬ. Да!

ШАРМЕ. Флорвиль!

ФЛОРВИЛЬ. Или твой вексель завтра-же доведутъ тебя до тюрь-
мы, а несдержанное слово сдѣлаетъ безчестнымъ въ глазахъ всѣхъ—
ты помнишь закладъ?

ШАРМЕ. Хорошо. Будетъ исполнено! Завтра пойдемъ къ мар-
кизѣ; вы примиритесь съ ней, а Виргинію... ну! а Виргинію я
увезу...

ФЛОРВИЛЬ. Мой другъ!

ШАРМЕ. Бѣдная Виргинія!

ФЛОРВИЛЬ. Знаешь-ли что? Ты жепишься на ней, остепенешься,
сдѣлаешься порядочнымъ человѣкомъ, какимъ нибудь артистомъ, а
она артисткой....

ШАРМЕ. Въ самомъ дѣлѣ... Ни слова болѣе объ этомъ... Ни слова, а тутъ... (*Бьетъ себя въ грудь.*) Ничего — это пройдетъ... Дай мнѣ мнѣ еще десять тысячъ ливровъ...

ФЛОРВИЛЬ. Но разрекажи мнѣ прежде...

ШАРМЕ. Послѣ — пойдемъ туда! Эй! Еще вина!...

(*Уходитъ въ павильонъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ФЛОРВИЛЬ (*одинъ*).

Если онъ меня обманываетъ... Но поруки за вѣрность его у меня — голодъ, тюрьма, и эта глупая честь, за которую стрѣляются, и Бастилія, куда такъ легко его упрятать... Мерзавецъ! Онъ вздумалъ — да не раскаяваться-ли онъ вздумалъ? — Ничтожное созданіе, ступенька, черезъ которую переступаютъ другіе. Если извѣстія Клодины также не лгутъ... Вы опять въ моихъ лапахъ, г-жа маркиза, и теперь я ужъ не выпущу васъ... А эту дѣвчонку — ее также можно пристроить... Отдать ее Шарме? Она не дурна... (*Слышитъ кашель Буавена и хохотъ Дюбуа*). Нашъ старый амуръ! Съ нимъ еще кто-то? Чтѣ это за милордъ такой?

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЛОРВИЛЬ, БУАВЕНЬ, ДЮБУА.

БУАВЕНЬ. Я тебѣ говорю, что ребята чудо — шалуны отъявленные, головы безголовыя... А вотъ, да этотъ еще самый скромный... Рекомендую, любезнѣйшій: маркизь Флорвиль. Флорвиль! *дэжентельменъ* Дюбуа!

ФЛОРВИЛЬ. Радъ...

ДЮБУА. Давайте руку, маркизь!

БУАВЕНЬ. То есть, жмите смѣло, ужъ не закричитъ — богаты, какъ Крезъ, и шалунъ — какъ мы съ вами! Да, что вы, господа! Васъ философія съѣла! Въ наше время такъ-ли мы шаливали? Тогда репутацію составляли, въ люди выходили дурачествомъ — а гдѣ вамъ и теперь противъ *насъ*!... Кахи, кахи, кахи!... Шарме! Драгоценнѣйшій!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ШАРМЕ, БРАКАССЕ, БОРГАРЬ, ШАРМЕ, БРАКАССЕ, БОРГАРЬ.

ШАРМЕ, БРАКАССЕ, БОРГАРЬ (*обнимают Буавена*). Великій мужъ! Золотой карманъ!

БУАВЕНЬ. Друзья!

БРАКАССЕ (*обнимая*). Желѣзная рука!

БУАВЕНЬ. Довольно!

БОРГАРЬ (*обнимая*). Гибель мужей!

БУАВЕНЬ. Постой....

ШАРМЕ (*обнимая*). Архнамуръ! Этна страстей! Везувій наслажденій!

БУАВЕНЬ (*откашливаясь*). Что, милый, измучился, какъ собака!

ШАРМЕ. А что? Аль новыя побѣды?

БУАВЕНЬ. Что, побѣды! Вчера вею ночь прокутили.... знаешь? Сегодня на скачкѣ — тутъ обожрались за завтракомъ.... кахи! кахи!

ШАРМЕ. Желѣзное сложеніе! (*вертитъ его*.)

БУАВЕНЬ. Постой, постой! Тьфу, пронасть.... Гдѣ тутъ у меня?..

БОРГАРЬ. Выпить вина, и все пройдетъ!

ШАРМЕ. Да, вѣдь ему бочку надобно — это не человѣкъ, а воронка!

БУАВЕНЬ. Постой.. Ахъ! забылъ-было.... Господа! мой старый другъ, г-нъ Дюбуа!

ШАРМЕ. Вѣрно, изъ провинціи?

БУАВЕНЬ. Съ краю свѣта — изъ Индіи!

ШАРМЕ. Изъ Индіи?

ДЮБУА. Къ услугамъ вашимъ. (*Въ сторону*) Это онъ! Онъ, бездѣльникъ!

ШАРМЕ. Вѣрно, за дѣлами?

БУАВЕНЬ. Какія дѣла? Просто, наслаждаться жизнью — пить, какъ лордъ, богатъ, какъ набобъ, (*тихо Шарме*) и простъ, какъ Индѣецъ!

ДЮБУА. Да, мнѣ захотѣлось наконецъ побывать въ Парижѣ. Лѣтъ за двадцать за пять я хорошо зналъ его, а теперь не узнаю — чудные успѣхи!

ШАРМЕ. Умъ человѣческій шагаетъ исполниски!

БУАВЕНЬ. И какъ, любезнѣйшій, мы пьемъ!... Кахи, кахи!

ДЮБУА. Но согласенъ, Буавенъ, въ наше время женщины были лучше?

БУАВЕНЪ. Хе! Онъ и теперь не дурны!

ШАРМЕ. Да, объ этомъ его спросите — это по его части!

ДЮБУА. Онъ и тогда былъ удивительно счастливъ въ женщинахъ.... Помнишь, какъ тебя засталъ какой-то мужъ и выкинулъ въ окно!

БУАВЕНЪ. Въ окно!... Ну, вотъ.... Что такое... Не въ окно...

ДЮБУА. Какъ-же? Изъ втораго этажа — и ты растянулся на мостовой! *(Всѣ хохочутъ).*

ШАРМЕ. Крылушки не поддержали Амура.

БРАКАССЕ. И, разумѣется, вы стрѣлялись?

ДЮБУА. О! дуэлей у него счета не было! И на стрѣлахъ Амура, и на рогахъ съ другими....

(Хохотъ).

ШАРМЕ. Да, вы чудо малый, г-нъ Дюбуа! Полюбите насъ — я Шарме,

ДЮБУА. Вы Шарме? Какъ я радъ! А вы?

БРАКАССЕ. Бракассе.

ДЮБУА. А! чортъ возьми!

БОРГАРЪ. И мнѣ позвольте — Боргаръ.

ДЮБУА. Сколько друзей въ одно свиданіе! Это только въ Парижѣ бываетъ. Въ Индіи такой глупой обычай — называютъ другомъ, проживши съ человѣкомъ лѣтъ двадцать!

БРАКАССЕ. Скажите, въ Индіи дерутся часто?

ДЮБУА. Нѣтъ! Мы больше стрѣляемся.

БРАКАССЕ. На барьеръ?

ДЮБУА. Нѣтъ! черезъ платокъ.

БРАКАССЕ *(отходя)*. О! о!

ШАРМЕ. А игра въ Пондишери большая?

ДЮБУА. Изрядная. Я почти бросилъ играть съ тѣхъ поръ, какъ проигралъ полмилліона въ одинъ вечеръ....

ШАРМЕ. Полмилліона! Да, вы....

ДЮБУА. Каковъ есть, господа!

БУАВЕНЪ. Что-жъ мы теряемъ золотое время....

БОРГАРЪ. Въ самомъ дѣлѣ. Г-нъ Дюбуа! не угодно-ли съ нами?

ДЮБУА. Извольте, очень-радъ! Выьемъ, поиграемъ и подеремся — не правда-ли?

БРАКАССЕ. Черезъ платокъ? Ну, слуга покорный!

(Дюбуа, Бракассе, Боргаръ идутъ съ павильонъ).

БУАВЕНЬ. Господа! довольны-ли вы птичкой, какую я привезъ къ вамъ? Ее можно вамъ пообщипать и научить уму. Шарме! это ужъ твое дѣло...

ШАРМЕ. Да, гдѣ вы нашли его?

БУАВЕНЬ. Я знавалъ его дѣтъ 25 тому. Онъ убѣжалъ Индію отъ долговъ, а теперь явился сюда миллионщикомъ, — гуляка былъ отчаянный, а теперь устарѣлъ и только хвастаетъ.... Согласитесь, вѣдь ничего нѣтъ смѣшнѣе....

ШАРМЕ. Какъ старичишка, который клеветъ на себя небыллицы.

БУАВЕНЬ. Ха, ха, ха! Да, да!

ШАРМЕ. Задыхается отъ кашля, а говоритъ о побѣдахъ!

БУАВЕНЬ. Ну, да, да! Флорвиль! ты что такой скучный?

ШАРМЕ. Не тронь его — влюбленъ!

БУАВЕНЬ. Э, мой милый!

(Поетъ.)

Любовь, какъ роза, а поцѣлуй,
Какъ.... (Кашлетъ).

ШАРМЕ. Что съ вами? (Стучитъ ему въ спину.)

БУАВЕНЬ. Ничего, ничего! Это новый романсъ....

ШАРМЕ. Кстати.... Флорвиль! Мы тотчасъ явимся... (Отходитъ Буавена.) Вы, просто, счастливецъ, Я не постигаю, чѣмъ вы пленяете женщинъ. Я говорилъ съ Виргиніей, сказалъ ей — Виргинія, рѣшительно, безъ ума отъ васъ!

БУАВЕНЬ. Хе, хе, хе! Другъ и братъ! Ты говорилъ-ли ей?

ШАРМЕ. Говорилъ-ли!... Да, еще какъ!

БУАВЕНЬ. Да со мной-то отъ-чего-же она все такая робкая?

ШАРМЕ. Когда-же первая любовь не робка?

БУАВЕНЬ. Въ самомъ дѣлѣ, да притомъ каждый разъ я вижу ее при теткѣ, а эта проклятая тетка такая ханжа.... Гдѣ было Виргиніи и научиться быть любезною....

ШАРМЕ. Вы примете трудъ поучить ее. Я говорю вамъ, она съ ума сошла отъ васъ.... Вообразите, она хочетъ бѣжать съ вами!

БУАВЕНЬ. Какъ — бѣжать?

ШАРМЕ. Да, какъ обыкновенно дѣвушки бѣгаютъ — вы должны увезти ее.

БУАВЕНЬ. Какъ — увезти?

ШАРМЕ. Тѣфу, безтолковость какая! Какъ обыкновенно увозять — посадить въ карету и увезти!

БУАВЕНЬ. И Виргинія согласна?

ШАРМЕ. Нѣтъ, вѣдь всѣ дѣвушки въ такомъ случаѣ отпѣкваются, а если увозять ихъ, такъ они радехоньки.

БУАВЕНЬ. Но тетка ея.... Вѣдь племянница маркизы де-Куанье не гризетка какая.

ШАРМЕ. Тѣмъ лучше.

БУАВЕНЬ. Да, вѣдь за это не вздумала-бы родня ея разсчитаться!

ШАРМЕ. Тѣмъ лучше!

БУАВЕНЬ. Не запрятали-бы въ Бастилю!

ШАРМЕ. Чортъ побери — тѣмъ лучше! Каковъ будетъ шумъ и скандалъ по всему Парижу, что племянница маркизы де-Куанье бѣжала съ откушникомъ Буавеномъ, шестидесятилѣтнимъ Амуромъ....

БУАВЕНЬ. Чтѣ за шестидесятилѣтній! Вздоръ!

ШАРМЕ. И что онъ дрался за нее, сидѣлъ въ Бастилиі. Послѣ этого слава ваша сдѣлана на вѣкъ. Отцы, матери, мужья будутъ васъ трепетать!

БУАВЕНЬ. Не ужели?

ШАРМЕ. Женщины бѣгать за вами!

БУАВЕНЬ. Ужъ и бѣгать.... Хе! хе! хе! (Кашляетъ.)

ШАРМЕ. Я вамъ говорю — ну, если только вы рѣшились, такъ по рукамъ!

БУАВЕНЬ. По рукамъ!

ФЛОРВИЛЬ. (Подходит) Чтѣ тамъ у васъ, господа?

БУАВЕНЬ. Хе! Такъ шашни маленькія! Маленькое приключеніе! Вздоръ!.. Хе, хе, хе! (Въ сторону) Въ самомъ дѣлѣ, каково это будетъ: Буавенъ увезъ молодую маркизочку, и еще какую маркизочку — вотъ какую!

ФЛОРВИЛЬ. Чтѣ это, Буавенъ, не оиять-ли интриги съ окномъ?

ШАРМЕ. Да, да! Съ окномъ! ха, ха, ха!

БУАВЕНЬ. Съ окномъ! ха, ха, ха! Послушайте-же, мой безцѣнный! Какъ-же это уладить? Если дѣлать, такъ дѣлать — лови день, лови часъ!

ШАРМЕ. За тѣмъ-то я и призвалъ васъ сюда. Пойдемъ-те, тамъ за чашей пунша переговоримъ?

БУАВЕНЬ. Пуншу! охъ!..

ШАРМЕ. Ступайте, ступайте туда, господа! Нашъ Амуръ идетъ къ вамъ!

ГОЛОСА. Амуръ! Амуръ! Добро пожаловать!

(Буавенъ идетъ въ павильонъ)

ШАРМЕ. Понимаешь-ли теперь?

ФЛОРВИЛЬ. Чтожъ мнѣ понимать!

ШАСМЕ. Мы выманимъ маркизу къ этому дуралею, и я увезу оттуда Виргинію—запутаемъ все—дѣло отчаянное, планъ гениальный — а тамъ, женись на своей маркизѣ, и — сдѣлайся степеннымъ, знатымъ, великимъ человѣкомъ! тра-ла-ла!

(Уходитъ въ павильонъ).

ФЛОРВИЛЬ. И первое дѣло мое будетъ повѣсить тебя, бездѣльника! А до тѣхъ поръ...

(Слѣдуетъ за нимъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ДЮБА (выходитъ).

Какое дьявольское сплетеніе мерзостей! Бѣдная Виргинія! И ты должна быть жертвой прихотей старой дуры, хитрости негодяевъ, жадности ихъ къ золоту и безумному разврату. А онъ между ними—и первый! А! стой-же ты, бездѣльникъ! Я проучу тебя...

Но все это еще темно — напою ихъ — брошу имъ денегъ— узнаю.

Нѣтъ! я поклялся спасти тебя и спасу! Съ золотомъ здѣсь все—даже и добро возможно. Я не жилецъ въ Парижѣ! Туда, въ мой милый Ильдефрансъ, въ мое Пондишерп—къ вамъ, мои добрые Негры, глупыя курчавыя головы.

Я спасу тебя, Виргинія, передамъ тебя матери — дамъ тебѣ всего, чего не доставало тебѣ для счастья. И чего-же не доставало? Горети золота! Если Богъ взялъ моихъ дѣтей ты будешь моею дочерью, а твой Павель, о которомъ ты мнѣ столько разсказывала — онъ будетъ моимъ сыномъ. Я не умру одинокимъ! А этого плута... О, я взбѣшенъ на него! И какъ онъ походитъ на мать!

Пойдемъ къ этимъ разбойникамъ. Они дурачатъ этого глу-

паго старичишка, Буавена! Злодѣйство и шутка вмѣстѣ! Общество Европейское! Ты преслѣдуешь бѣдняка, если голодъ заставляетъ его украсть краюшку хлѣба, а эти люди — они не разбойники!

БУАВЕНЪ. Дюбуа! гдѣ жъ ты?

ДЮБУА. Здѣсь.

БУАВЕНЪ. Ступай скорѣе! Шарме въ ударѣ — то есть, такая капалья, что уморилъ! А что, милый, я тебѣ расскажу... Знаешь-ли?

ДЮБУА. Шалость? —

БУАВЕНЪ. Я похищаю молоденькую красавицу... премиленькую!

ДЮБУА. Ты?

БУАВЕНЪ. Пойдемъ, пойдемъ! я расскажу тебѣ!

(Уходятъ въ павильонъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Комната въ домѣ маркизы; прямо большія двери; влѣво двери; вправо входъ въ комнату; каминъ съ зеркаломъ, столъ и кресла.

Клюдина *(несетъ приборъ для кофе)*. Да, это не старикъ, а кладъ. Платить чистыми червонцами.... Видно, у него есть запасъ.... И за что-же? Пересказывай ему все объ Виргиніи и объ теткѣ.... Пожалуй, господинъ Дюбуа.... Миѣ, правда, было совѣстно, что я сказала все, даже и то, о чемъ миѣ не велѣтъ говорить Шарме никому.... А этотъ Шарме чуть-ли не волкъ въ овечьей кожѣ.... Прикидывается такимъ смиреннымъ, а въ самомъ-то дѣлѣ.... *(Слытется.)* Ну, да миѣ-то что?... Не сказывать!... Да, какъ ты удержишься! *(Вынимаетъ червонецъ.)* Онъ такой свѣтленькій, такой хорошенькій.... Если бы къ нему еще парочку такихъ-же.... Тогда.... О, посмотрѣлъ-бы Жакъ, какъ-бы я тогда разодѣлась.... И платочекъ, и шляпку, и платье....

ЯВЛЕНИЕ VII.

Клюдина и Шарме *(онъ одѣтъ весьма скромно)*.

ШАРМЕ. Клюдина!

Клюдина. А, господинъ Шарме! Здравствуйте!

ШАРМЕ. Гдѣ барыня?

КЛОДИНА. Еще не выходила молится, заперлась.

ШАРМЕ. Такъ бояться нечего! Флорвиль!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ФЛОРВИЛЬ.

КЛОДИНА. Боже мой! Вы за чѣмъ здѣсь?

ФЛОРВИЛЬ. Клодина! Неужели ты забыла меня?

КЛОДИНА. Барыня увидитъ васъ.... Какъ вы могли....

ШАРМЕ. Глупая какая! Что тутъ шумѣть? Она его не увидитъ....

КЛОДИНА. А куда-жъ вы его дѣнете?

ШАРМЕ. Ты его спрячешь.

КЛОДИНА. Какъ это можно?

ФЛОРВИЛЬ. Почему жъ нельзя? Кажется, прежде я не чужой былъ здѣсь.... Помнишь?

КЛОДИНА. Да, съ тѣхъ поръ, какъ вы извѣтренничались, разлюбили мою добрую барыню....

ФЛОРВИЛЬ. О, какой вздоръ! Я разлюбилъ? Я обожаю ее,

Клодина.. умираю отъ любви!

КЛОДИНА. Да, барыня-то моя на васъ сердита! Говорить объ васъ запретила.

ФЛОРВИЛЬ. Плутовка! Будто я не знаю, что она бранить тебя, когда ты заговоришь, а ты все таки не перестаешь.... Вѣдь она меня любитъ?

КЛОДИНА. Что-жъ что любить....

ФЛОРВИЛЬ. Ну, вотъ я и пришелъ мириться, просить у нея прощенія....

КЛОДИНА. Охъ! она васъ не проститъ... Она сдѣлалась такая набожная....

ФЛОРВИЛЬ. Да, вѣдь и я сдѣлался настоящимъ пустынноикомъ... Что толковать!... *(Даетъ ей деньги.)* Ты меня спрячешь въ этотъ кабинетъ....

КЛОДИНА. Право, нельзя!

ФЛОРВИЛЬ. Такъ я самъ спрячусь....

(Онъ бѣжитъ въ дверь направо.)

КЛОДИНА. Охъ! какой несносный! Онъ введетъ меня въ бѣду. (Шарме, который стоялъ передъ зеркаломъ.) Вы что тутъ?

ШАРМЕ. Ничего! я учусь дѣлать постыныя рожи.... Хорошо-ли такъ, на примѣръ? (Вздыхая и поднимая глаза) Охъ!... согрѣшилъ.... хочется поцѣловатьъ тебя, Клодина!

КЛОДИНА. Вотъ вы какой, господинъ Шарме.... Пойдите.... Достанется вамъ отъ барыни.... Да перестаньте шалить! Барыня придетъ....

ШАРМЕ. Въ самомъ дѣлѣ.... Послушай, Клодина — я буду здѣсь... Тсъ, тише — она! (Убѣгаетъ въ среднія двери.)

КЛОДИНА. Что они затѣваютъ.... Боюсь, попадусь въ бѣду....

ШАРМЕ (изъ дверей). Не бойся, дочь моя!

КЛОДИНА. Ахъ! уйдите... Она идетъ!

(Разставляетъ чашки и прочее на столъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

КЛОДИНА И Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Клодина! поди, душенька, убери моленную — спрячь мою подушечку и чотки!

КЛОДИНА. Сей часъ, сударыня.

Г-ЖА КУАНЬЕ. Готовъ-ли кофе? Охъ!

КЛОДИНА. Готовъ, сударыня.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Послала-ль ты къ отцу Лорану мой маленькой подарокъ?

КЛОДИНА. Послала, сударыня.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Спасибо, душенька. Онъ и за тебя помолится. А билеты на благотворительную лотерею къ графу Перроке?

КЛОДИНА. Батюшка понесъ ихъ. Та вдова опять приходила..

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (вспыльчиво). Я сказала тебѣ, чтобы ты ее прогнала!

КЛОДИНА. Говорить, умираетъ съ голоду съ дѣтьми.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Съ голоду? Ну, кто нынче умираетъ съ голоду — вздоръ какой! (Бьетъ сахаръ и пьетъ кофе). Какія гадкія сливки!.. Ахъ! у кого пѣтъ скорбей и пуждъ!.. Веѣмъ не поможешь... Купилъ-ли Томасъ той прекрасной спаржи?

Клодина. Купилъ, сударыня. Графиня прислала вамъ билеты на концертъ для бѣдныхъ.

Г-жа де-куанье. Ужь эта мнѣ графиня! Откуда у нея бѣдые берутся... Не забудь напомнить мнѣ отослать къ ней деньги. А что новаго?

Клодина. Сосѣдка Христофъ вчера подралася съ мужемъ.

Г-жа де-куанье. Право? А за что?

Клодина. Говорятъ, Христофъ... У нихъ какая-то мплая кухня живеть...

Г-жа де-куанье. Какой развратъ! Какое царство пороковъ.... А объ той дѣвчонкѣ что слышно?

Клодина. Ничего не слышно. Говорятъ, бросилась въ Сену.

Г-жа де-куанье. Несчастная! Вотъ, Клодина, пагубныя слѣдствія неосторожности! Не вѣрь мужчинамъ, мой другъ: они злодѣи, развратники... Охъ! какъ только Богъ грѣхамъ-то нашимъ еще терпитъ! Нашъ долгъ смиреніе, кротость... Подыми платокъ, глупая! Аль не видишь!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ И ШАРМЕ.

ШАРМЕ (*смирненно останавливаясь у дверей*). Охъ!

Г-жа де-куанье. Кто тамъ? А, это вы, любезный Шарме! Клодина! поди, мой другъ! Благодарю тебя! Здравствуйте, господинъ Шарме — садьте...

Клодина (*въ сторону*). Начнется благочестивая бѣсъѣда! (*Уходитъ*).

ШАРМЕ. Покорнѣйше благодарю. Я пришелъ дать урокъ вашей племянницѣ.

Г-жа де-куанье. Какъ вы аккуратны!

ШАРМЕ. Чѣмъ-же я, молодой, ничтожный художникъ, могу заслужить честное имя, если не исполненіемъ долга моего!

Г-жа де-куанье. Всегда такъ думайте, господинъ Шарме, будьте скромны, благочестивы, почтительны...

ШАРМЕ. Ахъ!

Г-жа де-куанье. Тогда васъ и Богъ благословитъ, и люди почтенные не оставятъ...

ШАРМЕ. Охъ!

Г-жа де-куанье. Убѣгайте злословія, прощайте недостатки бли-

жнимъ, не осуждайте никого, хоть и не подражайте въ порокахъ ближнему...

ШАРМЕ. Ахъ, сударыня! Видя около тебя кругомъ развратъ, безбожіе, мотовство.. невольно...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Что-жь дѣлать! Міръ тонетъ въ грѣхахъ! Охъ!

ШАРМЕ. Ахъ! сударыня! Представьте, что я видѣлъ вчера...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Что? Что?

ШАРМЕ. Не осуждаю...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. О, избави Богъ! Не осуждайте, но рассказать можно — пожалѣть о гибели ближняго... Такъ, что-же?

ШАРМЕ. Графъ Дегурдь выманилъ у почтенной супруги своей брилльянты, и вчера они были на танцовщицѣ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ахъ! Боже мой! Да и почтенная-то Графиня то-же... Ее лечитъ молодой докторъ — она страдаетъ спазмами... Не въ осужденіе сказать... Но развѣ вы ходите въ театръ, впадаете въ это демонское искушеніе?..

ШАРМЕ. Нога моя не переступаетъ за порокъ этого училища безнравственности... Но я слышала... (*Флорвиль изъ дверей кабинета дѣлаетъ ему знаки; онъ велитъ ему перестать*). Тѣмъ сладостиѣ сердцу, сударыня, видѣть примѣры правственности, благочестія, чистоты нравовъ... Невольно обращаюсь я опять къ тому благородному, почтенному, чудному молодому человѣку, образу...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Кому-жь это?

ШАРМЕ. Которому я имѣю честь давать уроки въ живописи...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Да, кому-жь? Кому?

ШАРМЕ. Да да... Маркизу Флорвиллю...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Охъ! вы всегда объ немъ начинаете! (*Въ сторону*). Ужъ не онъ-ли подложилъ мнѣ и письмо отъ него? Какое милое письмо! Ахъ, Генрихъ! елибы....

ШАРМЕ. Я замолчу сударыня....

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ну, для чего жь... Если онъ въ самомъ дѣлѣ....

ШАРМЕ. Ахъ! сударыня! Это образецъ благородства, чести, кротости, благочестія... пѣжности — любви....

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Любви? Развѣ онъ влюбленъ въ кого нибудь?

ШАРМЕ. Не знаю — но, видя всегдашнюю его задумчивость, можно подумать... Онъ удостоилъ меня.... Да сударыня, что отъ васъ скрывать — онъ умираетъ отъ любви безнадежной — страстной, пламенной....

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Отъ любви къ такой-же повѣсѣ, какъ онъ самъ!

ШАРМЕ. Ахъ! нѣтъ! Онъ влюбленъ въ особу добродѣтельную, скромную, почтенную — красавицу... хоть и не въ возрастѣ вѣтренной молодости, но въ тѣхъ годахъ, когда красота подобна... солнцу, блистающему въ полдень!... Онъ мнѣ открылъ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Все!... Безстыдникъ!

ШАРМЕ. Я умолялъ его — какихъ слезъ стоило ему!... О, я плачу, когда вспомню!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Полноте — вы и меня растрогали...

ШАРМЕ. Ахъ! если-бы вы знали эту любовь — чистую, благородную... Сударыня! простите меня, прогоните меня — я не могу... я... я...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Что это съ вами?

ШАРМЕ. Онь, онъ... онъ — влюбленъ въ васъ, и умираетъ!.. Простите!... Я бѣгу! Я знаю, что заслужу гнѣвъ вашъ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ахъ! ахъ! какъ вы меня испугали... Сердце мое бьется... Тутъ гдѣ-то одеколонъ... Ахъ! онъ смѣетъ... Вы... Да, стойте — куда-жъ вы бѣжите? Онъ — нѣтъ!... Я не въ силахъ скрывать!... Онъ чудовище!

ШАРМЕ. Что осмѣлился васъ обожать, что умираетъ, храня свою тайну... Умри-же, бѣдный Флорвиль!... Когда вспомню его бѣднаго, плачущаго...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Плачущаго!

ШАРМЕ. Я все знаю — знаю, что вы нѣкогда удостоивали его благосклонности вашей, милости вашей...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ахъ! зачѣмъ вы терзаете мое бѣдное сердце! Зачѣмъ возобновляете мои мученія!

ШАРМЕ. Его оклеветали!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Онъ лжетъ! Я сама знаю...

ШАРМЕ. Точно такъ, но какъ-же онъ рассказываетъ!... Онъ говоритъ, что когда, два года тому, онъ пріѣхалъ въ Парижъ... вы приняли его, какъ сына друзей вашихъ — приняли на себя трудъ ввести его въ свѣтъ, образовать его... Онъ увлекся суетою — онъ... Но какъ рассказывался онъ, и какъ любовь, когда вы разстались съ нимъ, начала его мучить, томить, терзать, убивать, губить... Несчастный Флорвиль!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Неужели вы правду говорите? Пусть онъ... Нѣтъ! пусть онъ не приходитъ...

ФЛОРВИЛЬ (подкрашиваясь, становится на колѣни). Онъ у ногъ вашихъ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ахъ! ахъ!

ФЛОРВИЛЬ (*тихо Шарме*). Ужь не въ обморокъ-ли она?
ШАРМЕ (*звѣая*). Вретъ! Какой обморокъ! Цѣлуй руку поскорѣе....

(Подходитъ къ зеркалу и оправляется).

ФЛОРВИЛЬ. Матильда! опомнись!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Злодѣй! И ты смѣешь глядѣть на меня?

ФЛОРВИЛЬ. Нѣтъ! не смѣю! (*Тихо*) Отъ этойо рожи по-нево-
лѣ отворотишься!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Безсовѣтный!

ФЛОРВИЛЬ. И все еще любимый! Я вижу, читаю въ твоихъ
взорахъ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Нѣтъ! я не люблю тебя — ненавижу!

ФЛОРВИЛЬ. Ненавидишь? А отъ чего-же твои прекрасные гла-
за, твоя трепещущая грудь, твои дрожащія руки... Матильда!
прощеніе!

(Бросается на колѣни).

ШАРМЕ (*съ другой стороны*). Милосердіе моему другу!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Какъ вы смѣли явиться сюда? Идите вонъ!
Что подумаютъ!... Что скажутъ!

ФЛОРВИЛЬ. Пусть говорятъ, что угодно — я не пойду отсюда...
Я умру здѣсь, умру! (*Вскакиваетъ*). Смотри, Матильда, жестокая!
Жизнь или смерть! (*Вынимаетъ пистолетъ*). Гдѣ ты, орудіе смер-
ти! Сюда, сюда! (*Приставляетъ пистолетъ ко рту*)

ШАРМЕ (*стараясь вырвать пистолетъ*). Флорвиль! Несчастный!
Сударыня!

ФЛОРВИЛЬ (*отбиваясь*). Прочь, прочь! мотри, жестокосердая!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Убийство въ моемъ домѣ, въ моихъ глазахъ!
Что скажутъ!... Флорвиль! Генрихъ! Другъ мой!

ФЛОРВИЛЬ (*роняя пистолетъ*). Матильда!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ты побѣдилъ!

ШАРМЕ (*съ стороны, звѣая*). Ну, теперь начнется его дѣло, а
мое кончено!

ФЛОРВИЛЬ (*на колѣняхъ*). Обожаемая!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. (*обнимаетъ его*). Другъ сердца! Ахъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪ-ЖЕ И ВИРГИНІЯ.

ВИРГИНІЯ (*входитъ поспышно и въ изумленіи останавливается*).
Что это?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (въ восторгъ). Генрихъ! ты-ли опять со мною?

(Онъ цѣлуетъ и обнимаетъ ее).

ВИРГИНІЯ (громко). Ахъ! что это такое, тетенька, вы дѣ-
лаете?

(Общее замѣшательство. Флорвиль
отскакиваетъ въ сторону, Шарме при-
нимаетъ смиренную розу, г-жа де-
Куанье въ бѣшенствѣ).

ФЛОРВИЛЬ (въ сторону). Попались!

ШАРМЕ (въ сторону). Хмъ! ничего — урокъ племянницѣ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (гнѣвно). А ты, сударыня, какъ смѣешь безъ
спроса входить.. (Опомнись и тихо.) Ахъ! милая Виргинія!
Вообрази мою радость — это мой племянникъ — возвратился
изъ Америки — внукъ сестры, сынъ тетки...

ВИРГИНІЯ. Вашъ племянникъ, тетенька? Такъ и мнѣ онъ ро-
дня?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Дальняя...

ШАРМЕ. (смиренно). А тетенькѣ вашей весьма-близкая: вы
были свидѣтельницею ея роственнаго восторга...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Да, да, родня!.. Что-жь ты испугался, Ген-
рихъ? Эта сиротка моя племянница...

ФЛОРВИЛЬ. Ахъ! Я... Позвольте мнѣ вашу ручку, кузина!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Это не нужно! Кто цѣлуетъ руки у такихъ
дѣвочекъ?

ФЛОРВИЛЬ. Такъ вашу ручку, безцѣнная... тетенька!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. А ты за чѣмъ, Виргинія?

ВИРГИНІЯ. Я слышала, что г-нъ Шарме пришелъ. Клодина
мнѣ сказала...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Клодина твоя.. Да, да, г-нъ Шарме — идите-
же, садитесь за ваше рисованье.. Я тотчасъ приду...

ВИРГИНІЯ. Пойдемъ-те, г-нъ Шарме я покажу вамъ воробушка,
котораго я нарисовала.

ШАРМЕ. Пойдемте, сударыня! (Въ сторону) А тетушку оста-
вимъ съ воробьемъ, котораго она поймала!

(Уходятъ).

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Генрихъ! въ какую было бѣду мы попались.....

А все ты, шалунъ, неосторожный... Милый Генрихъ! (Склоняется къ его плечу). О блаженство страсти! О рай счастья!

Флорвиль (съ стороны). Ну, я промѣнялъ бы этотъ рай на уголокъ въ аду!.. (Громко) Моя Матильда!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Зала въ домѣ маркизы де-Куанье.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШАРМЕ (выходитъ поспѣшно). Нѣтъ! Или я не рожденъ настоящимъ злодѣемъ, или во взорѣ добродѣтели есть что-то, отъ чего ножъ убійцы опускается въ рукѣ его и клевета останавливается въ устахъ клеветника... Развѣ я люблю ее? Нѣтъ! я готовъ ненавидѣть ее, а любить не могу... Но ея взоръ... Онъ терзаетъ меня!.. Я долженъ сдержать свое слово, я долженъ — онъ дастъ мнѣ денегъ!.. Что-жь? Изъ денегъ рѣжутъ людей, а тутъ — велика бѣда! Что такое? Виргинія умножитъ собой число женщинъ, которыхъ много въ Парижѣ! А! мысль славная! Буавена женить на ней! Да, да!.. Что разсуждать! Неужли философы не успѣли доказать убѣдительнымъ примѣромъ, что всеъ благоразумныя разсужденія — пустыя игрушки, которыми люди тѣшатъ себя — отъ нечего дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ II.

ШАРМЕ И КЛОДИНА.

ШАРМЕ. Клодина! Послушай — вотъ письмо!

КЛОДИНА. Ну, что-же письмо?

ШАРМЕ. Ты отдашь его Виргини (Въ сторону) — разумѣется, она отдастъ его теткѣ.

КЛОДИНА. А что тетушка скажетъ, если узнаетъ, что я отдаю ваши письма ея племянницѣ?

ШАРМЕ. Она ничего не скажетъ.

КЛОДИНА. А если я не соглашусь отдать его?

ШАРМЕ. Тогда мы и безъ тебя обойдемся!

КЛОДИНА. Какъ давича?

ШАРМЕ. Да, какъ давича, а черезъ три дня маркиза прогонитъ тебя... Понимаешь? (Уходитъ).

КЛОДИНА (одна). «Понимаешь!» Что съ нимъ сдѣлалось? А! каково онъ поговариваетъ? — «Прогонитъ!» Ахъ! ты плутъ! Ты думаешь, что успѣлъ ввести опять Флорвиля... Хорошо! Такъ я не уступлю-же тебѣ, я выведу наружу всѣ твои плутни... Онъ подбивается къ барышнѣ... Письмо! Какъ будто онъ не успѣлъ ей сказать на словахъ... А вѣдь и Жакъ мой также сперва не смѣлъ говорить, и написалъ мнѣ такія каракульки, что я едва разобрала... А каковъ смѣльчакъ этотъ господинъ Шарме! Онъ, бѣднякъ, пачкунъ... Ужъ пусть-бы Флорвиль — тотъ и богатъ и натенъ... (Разсматриваетъ письмо) Что онъ тутъ пишетъ? Ахъ! да, будто неизвѣстно, что пишутъ въ этакихъ письмахъ... А Виргиния-то? А? Какова скромница? Кажется, такой дурочкой смотритъ, такимъ ребенкомъ... Нѣтъ! ужъ видно нынче ребятъ и дурочекъ нѣтъ... Всѣ выросли и умны стали!

ЯВЛЕНИЕ III.

КЛОДИНА и Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Клодина! поди, пошли ко мнѣ эту дуру!

КЛОДИНА. Какую, сударыня, дуру?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Будто у насъ есть другая, кромѣ Виргини? Она бѣгаетъ по саду — позови ее сюда!

(Клодина уходитъ).

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (одна). Несносная дѣвчонка! Ахъ, какъ она мнѣ надоѣла! Что за непростительная глупость мнѣ тогда въ голову пришла — выписать ее къ себѣ, какъ будто сокровище, изъ Индiи, заморскую избалованную дѣвочку, какъ будто мало ихъ доморощенныхъ въ Парижѣ! Флорвиль! ты былъ причи-

ной: я хотѣла отъ всего отказаться, когда ты отказался отъ меня! А теперь... Ахъ! ты возвратилъ мнѣ жизнь, ты примирилъ меня съ моимъ счастьемъ! Флорвиль... Куда теперь дѣвать мнѣ Виргинію? Сбуду ее первому, дамъ ей приданое... Но злословіе... Чтѣ скажутъ! Я всёхъ увѣрила, что она будетъ моя наслѣдница... Старый камергеръ говорилъ мнѣ даже...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Г-жа де-куанье, Виргинія, Клодина.

Г-жа де-куанье. Чтѣ это значитъ, сударыня? Вѣдь я тебѣ запретила бѣгать по саду?

Виргинія (*робко*). Тетенька! я хотѣла немножко погулять...

Г-жа де-куанье. И безъ шляпки! Смотри, какъ у тебя волосы растрепаны, какая ты красная! Точно мѣшанка какая-нибудь! А? На чтѣ это похоже? Прогуляться! Такъ развѣ гуляба бѣганье?

Виргинія. Я пробѣжала только по большой аллеѣ съ Азоромъ...

Г-жа де-куанье. Бѣгать по саду съ собаченкой! Какія мѣшанскія привычки! Чему тебя мать-то учила? Выростила такую глупую! Готовы-ли твои уроки пѣнія и танцванья?

Виргинія. Нѣтъ еще.

Г-жа де-куанье. Такъ! Я этого ожидала! Бѣгать по саду есть время, а учиться не думаетъ! Мнѣ за тебя стыдно! Племянница моя, а на чтѣ ты похожа — стать не умѣешь, сѣсть не умѣешь... О! я съ тобой буду строже поступать, сударыня — не такъ, какъ твоя милая мамейка — она все гладила тебя по головкѣ... Пошла въ свою комнату! Клодина! скажи мнѣ, какъ придутъ г-нѣ Ригодопъ, или г-нѣ Гридолини. Я сама буду при ихъ урокахъ. Посмотрю, какъ ты осмѣлишься не знать ихъ, негодная лѣнница!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Клодина и Виргинія.

Виргинія. Ахъ, Боже мой! Я ничѣмъ не могу угодить тетенькѣ... Она безпрестанно ласкаетъ меня при другихъ, и сердится на меня, когда мы остаемся одиѣ.

Клодина. При людяхъ, сударыня, не годится сердиться.

Виргинія. И за чѣмъ она всегда бранить мою добрую маменьку! Великій разъ я плачу, когда она начнетъ бранить ее — Ахъ! Боже мой!... Маменька! за чѣмъ послала ты меня въ Парижъ! Миѣ здѣсь скучно, миѣ здѣсь грустно!

Клодина (съ стороны). Бѣдняжка! въ самомъ дѣлѣ жаль ее... Не отдать-ли ей письмо Шарме? (Громко) Ужъ будто вамъ скучно? Вы такая богатая, знатная... У тетушки вашей всегда гости, у васъ столько нарядовъ...

Виргинія. Ахъ! съ какою радостью отдала-бы я всѣ мои наряды за мое прежнее, простое платье, мою кофточку, мою юбочку, и изъ Парижа убѣжала-бы на нашъ милый Шльде-Франсъ!

Клодина. Вотъ сударыня! Чтѣ вамъ тамъ нравится! То-ли дѣло Парижъ!

Виргинія. Парижъ! Миѣ кажется, что я заперта въ тюрьму, съ тѣхъ поръ, какъ привезли меня въ Парижъ. Когда мы съ тетушкой ѣздимъ на гулянье, всегда приходятъ миѣ на память наши лѣса, наши пальмовыя, платановыя рощи, наше море, наше небо! Ахъ! Клодина! тамъ все лучше — тамъ и люди лучше!

Клодина. Помните! У васъ родня такая знатная и богатая. Какіе молодцы ваши кузены! Какія красавицы ваши кузины!

Виргинія. И какъ миѣ скучно съ ними! Я не понимаю, о чемъ они говорятъ — они всѣ терять не могутъ другъ друга... Миѣ совѣстно, какъ за глаза бранятъ, пересужаютъ онѣ одна другую, а въ глаза всѣ такія ласковыя, такія дружныя... Знаешь ли, Клодина? Миѣ совѣстно сказать...

Клодина. Чтѣ жъ такое?

Виргинія. Миѣ кажется, имъ не говорили ихъ маменьки, что злословить грѣшно и лгать грѣхъ?... Вчера кузина Ганриетта сказала о кузинѣ Юліи, будто она сплетница!

Клодина. Она не ошиблась!

Виргинія. А тетенька велитъ миѣ перенимать у Юліи... Миѣ только и твердятъ о какихъ-то манерахъ, о какихъ-то приличіяхъ... Миѣ велятъ сидѣть, ходить, стоять — все, какъ будто куклѣ, и миѣ такъ иногда смѣшно смотрѣть, когда жеманно кланяются модныя Парижанки! — Право, Жакъ не столько моритъ меня своими смѣшными поклонами, когда онѣ подносятъ миѣ букетъ цвѣтовъ! Знаешь, какъ онѣ смѣшно кланяется... (Представляетъ Жака).

Клодина. Жакъ! Какой Жакъ?

Виргинія. Нашъ молодой садовникъ!

Клодина (*въ сторону*). Ахъ! ты, злая насмѣшница! (*Трамко*)
Чѣмъ же, сударыня, Жакъ вамъ смѣшонъ? Онъ молодецъ пре-
милый.

Виргинія. Доброй, а ужъ преуморительный! Пойду къ моимъ
кашарейкамъ; онѣ такъ рады, когда я приду къ нимъ... Бѣд-
ныя! ихъ также заперли въ кѣтку, какъ меня...

(*Уходитъ*).

Клодина (*одна*). Такъ тебѣ хочется на вопо, пташечка? Ахъ!
злая дѣвчонка! Какъ она всѣхъ обругала, обемѣяла... И бѣднаго
Жака, моего Жака! Смѣшно кланяется!... Постой-же ты, насмѣ-
шница, я выведу на тебя всю правду! Какъ будто знать ничего
не знаешь, а сама съ Шарме переписывается... Пойду и сей часъ
отдамъ тетускѣ письмо... Вотъ она тебя! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гридолини, потомъ Ригодонъ.

Гридолини (*вбѣгаетъ*). Тра-ла-ла-ла! Тра-ла-ла-ла!... Прелестный
мотивъ! Вдохновительная мысль! Записать: это мотивъ цѣлой
арій... Тра-ла-ла-ла! Тра-ла-ла-ла! И тутъ фюритурку — тра, а, а,
и потомъ этотъ — Тра, Тра! Та, Та! (*Пишетъ карандашемъ*)

Ригодонъ (*подъ рукой у него скрипка и смычокъ. Онъ впригиваетъ
въ колнату*). А! это новое па составитъ мою славу... Это Ве-
стрисовекая манера! Повторимъ, повторимъ! (*Начинаетъ выдѣлы-
вать па.*)

Гридолини (*въ восторгъ*). Превосходно! (*Поетъ*) Тра, а! Тра а!
Тра!

Ригодонъ (*пугается*). Ахъ!.. Ба, ба! это вы, г-нъ Гридолини!

Гридолини. Это вы, г-нъ Ригодонъ?

Ригодонъ. Посмотрите... Какъ я радъ, что встрѣчаюсь съ
вами, знатокомъ...

Гридолини. И я — послушайте! О, это вамъ понравится! Но-
вый романсъ...

Ригодонъ. Новое па!

Гридолини. Сыщете-ли что-нибудь у Глюка!

Ригодонъ. Видали-ль вы что-нибудь подобное у Вестриса!

Гридолини. Послушайте! (*Начинаетъ пѣть*).

ригодонъ. Посмотрите! (*Начиаетъ плясать*).

гридолини. Замѣчаете-ли это — тра, тра, тра!

ригодонъ. Видите-ли это мастерское *шассе-баттю*?

гридолини. Мнѣ кажется...

ригодонъ. Я замѣчаю...

гридолини. Что вы вовсе не слушаете!

ригодонъ. Что вы вовсе не смотрите!

ЯВЛЕНИЕ VII.

тѣже, и клодина.

клодина. Послѣ этого угоддай этимъ господамъ! Она меня разбранила, прогнала. Говорить стыдно, грѣшно перехватывать чужія письма — стала читать и смѣялась... Нѣтъ ничего хуже влюбленной старухи... Она съ ума сошла!

гридолини (*оскорбляясь*). Тутъ надобно, конечно, не козлиныя ноги, а слухъ и чувство!

ригодонъ (*сердито*). Лучше-же имѣть козлиныя ноги, чѣмъ ослиныя уши!

гридолини. Какъ? Что вы сказали?

ригодонъ. Я повторилъ ваши слова!

гридолини. Какъ вы смѣли!

ригодонъ. Какъ вы осмѣлились?

гридолини. Прыгунъ!

ригодонъ. Пискунъ!

гридолини. Пискунъ! Я — соперникъ Глюка!

ригодонъ. Прыгунъ! Я — побѣдитель Вестриса!

гридолини. Хорошо, я не оставлю обиды безъ отмщенія...

Я напишу на васъ пѣсню, заставлю ее пѣть на всѣхъ бульварахъ — я васъ пропою по всему свѣту, запою васъ до смерти!

ригодонъ. Я сочиню на васъ сатирическое па, цѣлую пласовую сатиру, заставлю ее плясать цѣлый міръ и хохотать надъ нею цѣлый свѣтъ!

клодина. Господа! господа! что вы?

гридолини. Клянусь всеми бемолями и дѣзами, что вы раскаетесь, господинъ прыгающая бемоль! Хорошо! увидимъ! я бѣгу... (*Уходитъ*).

ригодонъ. Я готовъ слѣдовать за вами, синьорино Гридолини!

клодина. Что съ вами сдѣлалось, сударь?

ригодонъ. Этотъ дрянной Итальянецъ осмѣливается судить о моихъ танцахъ, о моихъ хореографическихъ созданіяхъ...

Клюдица. Прикажете доложить, что вы удостоили пожаловать?

ригодонъ. Разумѣется, слава славою, а билетъ за урокъ славѣ не мѣшаетъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ-же и Виргинія (*Клюдица уходитъ*).

Виргинія. Здравствуйте, господинъ Ригодонъ!

ригодонъ (*онъ кланяется съ танцевальными грасами*). Сударыня!

Виргинія. Здоровы-ли вы?

ригодонъ (*продолжаетъ*). Глубокое почтеніе!... Да, что-жъ такое, сударыня? Вы опять не выучили урока поклоновъ?

Виргинія. Нѣтъ, господинъ Ригодонъ!

ригодонъ. А почему-бы такъ, позвольте спросить?

Виргинія. Извините: только что я начну выступать, какъ вы велите, мнѣ становится такъ смѣшно, что я не въ силахъ продолжать!

ригодонъ. Смѣшно! Смѣшно! Почему-бы это было смѣшно, сударыня?

Виргинія. На Пльдефрансѣ Негры пляшутъ презабавный танецъ, и кривляются вотъ точно такъ!

ригодонъ. Какой-же это танецъ?

Виргинія. Его называютъ журавлиная прогулка... Ха, ха, ха!

ригодонъ. Это доказываетъ только, что на Пльдефрансѣ не умѣютъ цѣнить изящнаго... (*Въ сторону*) Если-бы не хорошая плата, я давно бросилъ-бы эту дикарку заморскую, воспитанницу Руссо... (*Громко*) Сегодня, сударыня, мы начнемъ новый, знаменитый менуэтъ à la Coccie. Отъ него всѣ теперь въ восторгѣ. Станьте въ позицію — прямѣ! Руки такъ, ногу такъ, голову такъ, глаза такъ!... Не такъ, сударыня, а вотъ такъ... Теперь замѣчайте, сударыня... Вы подпрыгиваете, отходите — *шассе аванъ, рикоче анаррьеръ*... Три-та-ла! Ли-рра-ла! (*Виргинія хохочетъ*) Что-жъ это значитъ, сударыня? Развѣ и это называется на вашемъ Пльдефрансѣ журавлиной прогулкой?

Виргинія. Извините меня, господинъ Ригодонъ, а право, нельзя удержаться!

ригодонъ. Вѣрно у васъ на Пльдефрансѣ не употребительны танцы....

Виргинія. Ахъ, нѣтъ! Сколько мы тамъ плясали, и какъ весело бывало!

ригодонъ. Я желалъ-бы видѣть хоть одинъ изъ этихъ веселыхъ, прекрасныхъ танцевъ вашихъ!

Виргинія. Хотите, я выучу васъ плясать нашего коршуна? Станьте здѣсь! *(Она начинаетъ прыгать вокругъ него, составляя танецъ въ родъ качучи)*. Ахъ! Да, вы должны ловить меня! Да вы совсѣмъ неловки! Живѣе, господинъ Ригодонъ, живѣе! Вы все сердитесь!

ДѢЯНІЕ IX.

ТѢ же и Г-жа Куанье.

Г-жа де-куанье. Что это, господинъ Ригодонъ? Не играетели вы въ мышку и кошку?

ригодонъ *(беретъ свою скрипку)*. Нѣтъ, сударыня! Ваша племянница называетъ новый менуэтъ «журавлиной прогулкой», и вздумала учить меня своимъ танцамъ. Извините.... я... я....

Г-жа де-куанье. И, господинъ Ригодонъ, за что сердиться! Дитя шалить... Видите, какая она вѣтренница.... Что ты испугалась, милая Виргинія?

Виргинія *(робко)*. Тетенька! я не думала обижать господина Ригодона....

Г-жа де-куанье. Я увѣрена въ этомъ, душенька!

Виргинія. Вы не сердитесь, тетенька?

Г-жа де-куанье. Нисколько, душа моя!

Виргинія. Ахъ! какъ я рада.... Господинъ Ригодонъ! въ будущій разъ я постараюсь выучиться всѣмъ вашимъ поклонамъ.

Г-жа де-куанье *(въ сторону)*. Если только до того времени я не освобожусь отъ тебя, несносная дѣвчонка!

ригодонъ. Хорошо, сударыня, но вы можете взять себѣ другаго учителя танцованья, а я — слуга вашъ покорный!

Г-жа де-куанье. Что такое, господинъ Ригодонъ?

ригодонъ. Ничего сударыня.... Журавлиная прогулка! Журавлиная прогулка!

(Съ сердцемъ бѣжитъ вонъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ, ВИРГИНІЯ.

ВИРГИНІЯ. Тетинька! онъ разсердился!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Ничего! Онъ и въ-самомъ-дѣлѣ на журавля походить.... А все тебѣ не надобно-бы смѣяться въ глаза....

ВИРГИНІЯ. Да, я и не смѣялась!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Не всѣ учителя такъ хороши и милы, какъ господинъ Шарме.

ВИРГИНІЯ. Развѣ вамъ онъ нравится, тетинька?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. А тебѣ развѣ не нравится?

ВИРГИНІЯ (добродушно). Мнѣ, право, все равно. Онъ, правда, такой добрый...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (въ-сторону). Какова притворщица! (Громко.) Право?

ВИРГИНІЯ. Вотъ онъ сегодня говорилъ мнѣ о вашемъ племянникѣ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. О какомъ племянникѣ?

ВИРГИНІЯ. Котораго вы давеча обнимали и цѣловали...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Вздоръ! Когда...

ВИРГИНІЯ. А когда я нечаянно вошла... Г-нъ Шарме говоритъ, что это премилый, преученый и прескромный молодой человекъ, что онъ очень любитъ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Чтó... чтó... Да замолчишь-ли ты?... Да, милая Виргинія, это правда, но только ты никому не говори, что ты его видѣла...

ВИРГИНІЯ. А почему-же, тетенька?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Потому-что... Потому-что ты должна исполнять, чтó тебѣ велятъ, а не спрашивать! (Въ-сторону) Она, либо дура, либо такая притворщица... Хорошо, мы узнаемъ! И пусть увезетъ ее Шарме и развяжетъ мнѣ руки!

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТЪ-ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА. Г-нъ Буавенъ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Проси его!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Г-ЖА КУАНЬЕ, ВИРГИНІЯ, БУАВЕНЪ.

БУАВЕНЪ. Сударыня! тысячу извиненій, что такъ давно не имѣлъ я чести быть у васъ, и миллионъ извиненій, что безпокою васъ моимъ посѣщеніемъ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Помилуйте, г-нъ Буавенъ! Я всегда вамъ рада!

БУАВЕНЪ. Могу ли надѣяться, что и прелестная изъ прелестныхъ, Виргинія удостоитъ меня такимъ-же отвѣтомъ?

ВИРГИНІЯ. Ахъ, г-нъ Буавенъ! Можете, можете!

БУАВЕНЪ. Ничего нѣтъ затруднительнѣе, какъ находится между двумя столь очаровательными существами, изъ которыхъ одно можно уподобить розѣ, а другое... другое... фиалкѣ!

ВИРГИНІЯ (*хохочетъ*). Ахъ! какъ вы всегда смѣшно говорите, г-нъ Буавенъ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Виргинія!

БУАВЕНЪ. О, ради Бога, не останавливайте! милой веселости вашей племянницы! Я въ восторгѣ, если бываю тому причиною... Помните, прелестная Виргинія, какъ въ первый разъ вы меня увидѣли, вы сказали такъ мило, такъ добродушно, что я очень похожъ на Жако, и когда я спросилъ, кто-жъ этотъ Жако? Вы отвѣчали, что это большая обезьяна, которая была у одного изъ вашихъ сосѣдей на Ильдефрансѣ... (*Она смѣются, а Буавенъ хохочетъ.*) Я въ восторгѣ, что возбуждаю веселость вашу... Я... (*Кашляетъ*)

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Полноте, г-нъ Буавенъ — вы избалуете Виргинію вашими восторгамъ... Садитесь.

БУАВЕНЪ. Извините... Я осмѣлился явиться на кратчайшія минуты и съ самою покорнѣйшею просьбою...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Что вамъ угодно?

БУАВЕНЪ. Прелестное время вызываетъ къ поэтическимъ на-

слаждениямъ — воздухъ дышитъ ароматами, и такъ вотъ и хочется каждомудохнуть, то есть, этою жизнью, или ароматомъ цвѣтовъ.... (Въ сторону.) Откуда у меня берется, самъ не понимаю, а такъ слово за словомъ и летить!

г-жа де-куанье. Да, время прекрасное.

буавень. Надобно пользоваться имъ, ловить его, и я осмѣливаюсь просить васъ удостоить сегодня посѣщеніемъ мою Булонскую хижинку.... Вамъ всегда правилось это романтическое мѣстечко....

г-жа де-куанье. Вы знаете, г-нъ Буавень, что я отказалась отъ общества....

буавень. Но общество отъ васъ не отказалось! (Въ сторону) Ловко брошено! (Гролко.) Вашъ дялюша, маркизъ Левпье, вашъ кузень, графъ Шетарди, и еще нѣсколько избранныхъ людей, удостоивающихъ меня чести.... Сельская прогулка, танцы на лугу, фейерверкъ... Это сельской праздникъ.... простота, непринужденность....

г-жа де-куанье. И любезность хозяина!

буавень. А могу-ли надѣяться, что Виргинія.... У меня будутъ разные сюрпризы. Распоряженіе ими взялъ на себя г-нъ Шарме, котораго я имѣлъ честь рекомендовать. Кстати, довольны-ли вы его уроками, сударыня?

г-жа де-куанье. Ахъ! очень довольна! (Въ сторону) Понимаю! Онъ употребляетъ дурака средствомъ! (Гролко) Виргинія! хочешь прогуляться за городъ?

виргинія. Ахъ! тетенька, съ радостью!

буавень (въ сторону). Какова плутовка!

г-жа де-куанье (въ сторону). Безстыдная дѣвчонка!

буавень. Я въ восторгѣ, и если-бы писалъ стихи, написалъ-бы цѣлую оду, цѣлую поэму, цѣлую.... (Кашляетъ).

г-жа де-куанье. Только не напишите эниграммы на мою неловкость... Я совсѣмъ отстала отъ свѣта, а Виргинія еще не видала его.

буавень. У меня будутъ ваши знакомые, ваши родные — вы явитесь среди нихъ звѣздою, за которою будетъ не менѣе прелестный спутникъ.... Тысячу извиненій, сударыня! Я буду считать часы.... (Въ сторону) Прикидывается, что будто и не понимаетъ! О женщины! какъ рано начинаете вы притворяться? Кажется, вы ужъ въ колыбели, хоть немножко, а ужъ кокетничаете! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ, ВИРГИНІЯ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Я только для тебя согласилась ѣхать....

ВИРГИНІЯ. Ахъ! тетенька! какъ мнѣ благодарить васъ....

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Какіе-же это сюрпризы будетъ дѣлать господинъ Шарме? Не говорил онъ тебѣ?

ВИРГИНІЯ. Нѣтъ! Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Право? (Смотритъ на нее и злобно улыбается) Посмотримъ, какіе это будутъ сюрпризы.... (Уходитъ.)

ВИРГИНІЯ (одна). Если-бы всегда она была такая добрая... Тогда я полюбила-бы ее... а теперь... Ахъ! маменька! За-чѣмъ послала ты меня въ Парижъ!

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ въ домѣ Буавена.

ЯВЛЕНИЕ I.

ФЛОРВИЛЬ И ШАРМЕ.

ФЛОРВИЛЬ. Ну, все-ли готово?

ШАРМЕ. Все!

ФЛОРВИЛЬ. Мой другъ! Не знаю, какъ благодарить тебя!

ШАРМЕ (холодно). Мнѣ надобны деньги.

ФЛОРВИЛЬ. Можешь-ли сомнѣваться!

ШАРМЕ. Мнѣ надобны деньги!

ФЛОРВИЛЬ. Давно-ли я далъ тебѣ? Вчера...
 ШАРМЕ. Я проигралъ ихъ. Сегодня играютъ, и я! долженъ
 быть тамъ...

ФЛОРВИЛЬ. Я готовъ...

ШАРМЕ. Деньги!

ФЛОРВИЛЬ. Много-ли тебѣ...

ШАРМЕ. Больше! Больше! Сколько можешь!... Ради всѣхъ чер-
 той, денегъ — денегъ!

ФЛОРВИЛЬ. Но, исполненіе...

ШАРМЕ. Все готово, говорю я тебѣ... Смотри! (Хлопаетъ ру-
 ками; изъ за деревьевъ выбѣгаютъ Боргаръ и Бракассе, съ плащами
 и большими шляпами).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, БОРГАРЪ и БРАКАССЕ.

БОРГАРЪ. Чтó такое?

БРАКАССЕ. Не подрайтесь-ли вы хотите на доеугъ? У меня въ
 запасѣ шпаги!

ФЛОРВИЛЬ. Очень благодаренъ!

БРАКАССЕ. Право, отъ скуки — вѣдь вы вчера о чемъ-то спо-
 рили?

ФЛОРВИЛЬ. Мы помирились.

БРАКАССЕ. Не поцарапавшись даже? Тѣфу! какъ это глупо!

ФЛОРВИЛЬ. Чтó-жь это значить, Шарме? Развѣ ты готовилъ
 мнѣ секундантовъ?

ШАРМЕ. Совѣмъ нѣтъ. Это мои вѣрные товарищи великаго
 подвига.

ФЛОРВИЛЬ. Бракассе! Боргаръ!

ШАРМЕ. Кажется, порядочные бездѣльники!

ФЛОРВИЛЬ. Я все еще не понимаю...

ШАРМЕ. Господа! По мѣстамъ! Помните: на знакъ мой вы
 выбѣгаете, схватываете эту женщину, несете ее въ карету —
 ждете меня...

БРАКАССЕ. Чтó еще толковать!... Ну, а потомъ мы деремся съ
 кѣмъ нибудь?

ШАРМЕ. Разумѣется! (Боргаръ и Бракассе скрываются) И въ-
 самомъ дѣлѣ! Если-бы кто разнесъ мнѣ черепъ, или прострѣлилъ
 пулей вотъ здѣсь (указываетъ на сердце) — я поблагодарилъ-бы

его... Чтó за странная тоска душить меня!.. Денег! Поставлю на карту все — поставлю самого себя!.. Кипятокъ крови прогонить хоть на минуту тоску мою!..

Флорвиль. Мой другъ! Вотъ тебѣ въ задатокъ еще десять тысячъ!

Шарме. Десять тысячъ! (*Снимаетъ рукою бумаги*). Вотъ за чтó я продалъ ему себя! Проклятыя деньги! (*Слышенъ вдали звукъ трубъ*). Гости начали съѣзжаться... Знатность, богатство, все сбъжится, даромъ что презираютъ хозяина! Только накорми, какъ будто у нихъ дома ѣсть нечего...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Буавенъ и дюбуа.

Буавенъ. Ба! Вы ужъ здѣсь, Флорвиль; Шарме?

дюбуа. Куда убѣжали вы вчера, маркизь?

Буавенъ. А мы таки покутили господу! А сегодня, надѣюсь, вы будете довольны: охота, балъ, и — сюрпризъ... Не правда ли, Шарме? Такой сюрпризъ, что всё изумится... (*Тихо ему*). Маркиза прѣдетъ, и Виргиния съ ней — какая милочка!.. Карета тамъ за лѣвомъ...

Шарме. Знаю. Ступайте къ гостямъ.

Буавенъ. Да, да, пойдемте къ гостямъ нашимъ; тамъ раскинуты на лугу палатки... Музыка... (*Поетъ*) «Лови, лови наслаждение!» (*Кашель*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Экипажъ маркизы де-Куанье ѣдетъ.

Буавенъ. Такъ встрѣчать, встрѣчать ее... Ахти!... (*Шарме*). Послушайте, мой любезный!... Такъ вы думаете... ничего? А? Похищать-ли? А? Ну, если...

Шарме. Чтó тутъ думать! Пойдемте встрѣтить гостей...

Буавенъ (*съ стороны*). Ахъ! вѣтренность, до чего ты недоволишь насъ!

(*Слуга, Буавенъ и Шарме уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ДЮБУА И ФЛОРВИЛЬ.

ДЮБУА. Де-Куанье! Де-Куанье! Боже мой! Послушайте, господинъ Флорвиль: вы знаете эту де-Куанье?...

ФЛОРВИЛЬ. Немного — я иногда встрѣчался съ ней....

ДЮБУА. Не та-ли это что, говорить, была пѣкогда такая кокетка, а теперь состарѣлась и стала смиренницей?

ФЛОРВИЛЬ. Кажется, но....

ДЮБУА. У которой еще хорошенькая племянница, Креолка съ Шльдефранса?

ФЛОРВИЛЬ. Точно такъ, но къ чему ваше любопытство?

ДЮБУА. Ха, ха, ха! Говорятъ, смиреніе маркизы не мѣшаетъ ей имѣть обожателей, и даже молодыхъ людей, и даже обожателей до того, что какой-то изъ нихъ рѣшился просить ея руки и сердца! Ха, ха, ха! Поздравляю его!

ФЛОРВИЛЬ. Господинъ Дюбуа! что вы хотите сказать?

ДЮБУА. Да то, что маркиза не дура, а обожатель ея въ чистыхъ дуракахъ.

ФЛОРВИЛЬ. Объяснитесь!

ДЮБУА. Послушайте, если-бы я не боялся, что вы разекажете, и тѣмъ, можетъ-быть, помѣшаете счастью будущихъ супруговъ....

ФЛОРВИЛЬ. Я никому не скажу — говорите!

ДЮБУА. Разумѣется, обожатель маркизы влюбленъ не въ увядшую красавицу свою, а въ ея приданое.... Ха, ха, ха!

ФЛОРВИЛЬ. Если-бы и такъ.... она богата....

ДЮБУА. Была!

ФЛОРВИЛЬ. Какъ?

ДЮБУА. Развѣ вы не слыхали о банкротствѣ банкира Полньера? Сегодня на биржѣ объявлено — онъ бѣжалъ — капиталы маркизы все находилась у него, и все лопнула!

ФЛОРВИЛЬ. Неужели правда?

ДЮБУА. Увѣрю васъ. Желалъ-бы я посмотреть на драгоценную чету, когда молодой супругъ узнаетъ истину.... ха, ха, ха!

ФЛОРВИЛЬ. Возможно-ли!

ДЮБУА. Все возможно, и чего на свѣтѣ не бываетъ! Вотъ, если-бы, вмѣсто тетки, молодой щеголекъ вздумалъ обожать ея

хорошенькую племянницу.... Я слышала, она красавица, и кроме того....

Флорвиль. Что такое?

Дюбуа. Бѣдняжкѣ этой, сироткѣ, которой такое плохое было житье у тетки, достается страшное наследство.

Флорвиль. Взоръ.

Дюбуа. Вотъ ужъ за это-то я вамъ ручаюсь, и никто лучше меня знать не можетъ. У нея умеръ дядя, колонистъ, скупецъ, который при жизни не давалъ роднымъ ни одного су, накопить миллионы....

Флорвиль. Вы шутите!

Дюбуа. Плантація на Пльдефрансѣ, колонія на Мадагаскарѣ, факторія на Цейланѣ... десять миллионѣвъ въ банкахъ — и все досталось его племянницѣ... Единственная наследница!

Флорвиль. Сказки!

Дюбуа. Да, кому знать вѣрнѣе меня? Сегодня поутру я получилъ довѣренность, по которой долженъ отыскать дѣвицу *Виргинію Де ла-Туръ*, дочь маркиза Де ла-Туръ, которая живетъ у тетки ея, маркизы де-Куанье, и передать ей акты на владѣніе... Вотъ будетъ невѣста, а тотъ щеголекъ въ дуракахъ — не правда-ли? И въ какихъ еще дуракахъ! Ха, ха, ха!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Флорвиль (*одино*).

Что я услышала! И этотъ старый дуракъ еще смѣлся... Я едва могъ вытерпеть... Неужели онъ знаетъ, что говорить обо мнѣ!... Проклятая старуха! А Виргинія — красавица и миллионы! И если этотъ бездѣльникъ Шарме увезетъ ее сегодня... Онъ! Съ ума сойти надобно [отъ бѣшенства! Проклятый Шарме!... Кто могъ предвидѣть! Надобно скрыть отъ него... Но когда успѣть? Какъ разрушить весь этотъ заговоръ?... А если... Но согласится-ли Виргинія?... Прекрасная мысль! Я увезу ее, да, я увезу, вмѣсто Шарме... А тамъ, дѣлать будетъ нечего, и — миллионы мои, а въ придану такая хорошенькая дѣвочка! Флорвиль! bravo! Какъ только удалитъ его? А этотъ бездѣльникъ... Но вѣдь имъ все равно! (*Вдали слышна музыка*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФЛОРВИЛЬ И Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (*крадется тихонько*).

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Шарме сказалъ, что и онъ здѣсь, что онъ меня ждетъ! Какая неосторожность, но какъ это мило... Какая негерпѣшность... Какая любовь! Флорвиль! Генрихъ! Мой другъ!

ФЛОРВИЛЬ. Чортъ возьми! Она за чѣмъ сюда пожаловала? Вотъ кетати... Ахъ! госпожа де-Куанье... Чтѣ вы дѣлаете!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Мой ангелъ! Ты здѣсь, шалунъ! Ты звалъ меня!

ФЛОРВИЛЬ. И не думалъ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Чтѣ это, Генрихъ? Чтѣ съ тобой сдѣлалось?

ФЛОРВИЛЬ. Ничего, мой ангелъ, моя безцѣнная Матильда! Но.. но.. здѣсь такъ холодно, сыро... Ты простудилась — ты въ жару..

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Я бѣжала сюда... Но въ твоихъ объятіяхъ, съ тобой, могу-ли думать...

ФЛОРВИЛЬ. Но могутъ замѣтить, что ты ушла... Люди..

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Чтѣ мнѣ люди! Ты со мной! Генрихъ! Я ужъ было отвыкла отъ счастья быть любимой... Дай мнѣ взглядѣться въ тебя, увѣриться... цѣловать тебя.. умереть съ тобой!

ФЛОРВИЛЬ (*съ стороны*). И прошу не взбѣситься, если такая старая вѣдьма навязывается съ своими нѣжностями, когда всѣ ея милльоны лопнули!.. (*Въ-слухъ*) О, моя Матильда!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Мой Генрихъ!.. Ахъ! для чего я не бѣдная, не нищая какая нибудь... Тогда я могла-бы увѣриться, что ты меня любишь... для одной меня!

ФЛОРВИЛЬ (*съ стороны*). Ужъ не заговариваетъ-ли она о томъ, что она въ-самомъ-дѣлѣ все потеряла? (*Въ-слухъ*) Съ чего ты вздумала, Матильда?

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Чего не придумаю я, когда тебя не вижу! Нѣтъ! я не могу жить безъ тебя... Ты далъ мнѣ заглянуть въ рай, и опять затворилъ двери!

ФЛОРВИЛЬ. Ахъ! Могу-ли...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Нѣтъ! не будемъ откладывать нашего счастья! Генрихъ! уѣдемъ изъ Парижа — ко мнѣ, въ мою пустыню...

ФЛОРВИЛЬ (*съ стороны*). Слуга покорный!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Я не буду спокойна, пока ты не будешь при-

надлежать мнѣ, пока ты не мой вполне, мой безвозвратно — мой супругъ! Уѣдемъ! Убѣжимъ!

Флорвиль. Но Матильда... приличія...

Г-жа де-Куанье. Богъ съ ними, съ этими жалкими приличіями... Я люблю тебя, Генрихъ! люблю...

Флорвиль (*съ стороны*). За какіе грѣхи принесло ее сюда съ любовью! (*Въ слухъ*). Ты знаешь, что твоя племянница... Что скажутъ?

Г-жа де-Куанье. Ахъ! кетати обь этой глупой дѣвчонкѣ... Знаешь-ли ты, что я скоро отъ нея избавлюсь?

Флорвиль. Какъ?

Г-жа де-Куанье. Да, она получила...

Флорвиль. Ужъ получила....

Г-жа де-Куанье. Получила письмо....

Флорвиль. Получила письмо?

Г-жа де-Куанье. Да, отъ нашего смиреннаго учителя рисованья, отъ этого плута Шарме....

Флорвиль. Письмо отъ Шарме?

Г-жа де-Куанье. Секретное, любовное письмо....

Флорвиль. И вы знаете?

Г-жа де-Куанье. Еще больше знаю: онъ хочетъ ее увезти!

Флорвиль, Какъ? Опъ.... бездѣльникъ.... И вы... И ты, Матильда.... А Виргинія развѣ любить его?

Г-жа де-Куанье. Вѣроятно, если только эта дура можетъ любить.... Я и не спрашивала — сама отдала письмо!

Флорвиль (*тихо*). Силъ недостаетъ! (*Громко*) Но что-жь ты?

Г-жа де-Куанье. Въ другое время я пошумѣла-бы на нее, прогнала Шарме, а теперь....

Флорвиль. Что-жь теперь?

Г-жа де-Куанье. Теперь, когда я знаю, что ты меня любишь, что я твоя....

Флорвиль. Да, да, но....

Г-жа де-Куанье. Я рада случаю, что могу избавиться отъ этой дѣвчонки — пусть Шарме увозитъ ее, а я — увезу тебя!

Флорвиль. Но возможно-ли....

Г-жа де-Куанье. Ты знаешь, что въ ужасное время, когда я думала, что ты измѣнилъ мнѣ, что ты разлюбилъ, забылъ меня... я вынесла къ себѣ эту дѣвчонку, а когда ты возвратилъ мнѣ счастье жизни, когда....

Флорвиль. Говори, Матильда... Я люблю тебя смертельно, но говори....

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Не могу... слезы... Это слезы радости! Разумѣется, если-бы я теперь вышла за тебя, обѣщавши наследство Виргиніи — свѣтъ обвинилъ-бы меня, свѣтъ злой, насмѣшливый, негодный... А когда убьютъ Виргинію, я свободна отъ моихъ обязательствъ, разбраню, прогоню ее, не захочу видѣть, — отдамъ себя тебѣ и никто не обвинитъ меня!... Но ты грустятъ? Развеселись... Не правда-ли, что похищеніе нашей красавицы будетъ самое забавное приключеніе... Ха, ха, ха!

ФЛОРВИЛЬ (*въ сторону*). Мое положеніе еще забавнѣе! Но надобно отъ нея освободиться... (Громко) Боже мой! Тамъ люди... Идутъ! Матильда! Бѣги, уйди скорѣе!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Гдѣ? Никого нѣтъ! Еще минуточку!

ФЛОРВИЛЬ. Нѣтъ! Здѣсь, здѣсь! Уйди, уйди!...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Но скажи мнѣ, увѣрь меня еще разъ!

ФЛОРВИЛЬ. Я горю къ тебѣ любовью, сгараю нѣжностью — плачу... Но уйди — тебя увидятъ!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Опять разлука! Скоро-ли будемъ мы неразлучны другъ съ другомъ! (*Уходитъ*).

ФЛОРВИЛЬ (*одинъ*). Проклятая вѣдьма! «Скоро-ли будемъ неразлучны!» Навязалъ было я себѣ... И какова тетушка! Какъ она говорила о побѣгѣ племянницы... Виргинію, у которой нѣсколько милліоновъ денегъ, колоній, факторій.. отдать Шарме... Поймай, негодяй! Я не допущу тебя... я спасу Виргинію — я самъ увезу ее, а ты можешь увезти мою прелестную Дульцинею... Эй! Бракассе! Боргаръ!.. Глухія! эй! Бракассе! Боргаръ! гдѣ вы?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ФЛОРВИЛЬ, БРАКАССЕ, БОРГАРЬ.

БРАКАССЕ. Флорвиль! что ты кричишь?

ФЛОРВИЛЬ. Послушайте: какъ расположилъ все это дѣло Шарме?

БОРГАРЬ. Какое дѣло?

ФЛОРВИЛЬ. Да за чѣмъ вы здѣсь?

БОРГАРЬ. Будто ты не знаешь! Тамъ готова карета. Шарме приведетъ сюда какую-то красотку, дастъ знакъ, мы схватимъ ее, въ карету она и будетъ тамъ и карета помчится... (*Въ сторону*) А мы ее остановимъ!

БРАКАССЕ. А если-бы кто вздумалъ защищать ее, такъ я здѣсь...

Что угодно? На чемъ прикажете?

ФЛОРВИЛЬ. Прекрасно! Но только мы теперь помѣнялись ролями: онъ уступилъ мѣсто мнѣ.

БОРГАРЪ. Право? Ха, ха, ха!

БРАКАССЕ. Какъ-же это? Я тутъ что-то не пойму...

ФЛОРВИЛЬ. И понимать и нечего!

БОРГАРЪ. По мнѣ все равно!

БРАКАССЕ. И мнѣ! Но что за красотка такая? Растолкуй!

ФЛОРВИЛЬ. Послѣ... Ступайте къ своимъ мѣстамъ!

БОРГАРЪ. Но ужь мнѣ наскучило ждать... Если еще замедлится... Скоро почь...

ФЛОРВИЛЬ. Мы не замедлимъ! *(Они уходятъ)* Теперь надобно отыскать Шарме. — Счастье, безстыдство! помогите мнѣ... А если онъ потомъ вздумаетъ... Неужели-ли трудно упрятать его такъ, что ему и думать будетъ некогда?... Пойдемъ... Гдѣ онъ?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ДЮБУА и ВИРГИНІЯ.

ВИРГИНІЯ. О мой добрый другъ! О, г-нъ Дюбуа! Могла-ли я думать, когда мнѣ сказали, что кто-то спрашиваетъ меня, могла-ли думать, что это вы! Я не опомнюсь отъ радости... Ахъ, Боже мой!

ДЮБУА. Успокойся, моя добрая Виргинія!

ВИРГИНІЯ. Говорите мнѣ поскорѣе — вы видѣли маленьку? Вы были на Ильдефрансѣ?

ДЮБУА. Я не былъ тамъ, но я получилъ извѣстіе сегодня. Она жива, здорова, ждетъ тебя.

ВИРГИНІЯ. Ждетъ меня? Г-нъ Дюбуа! Что вы говорите?

ДЮБУА. Да, она ждетъ тебя, и отъ тебя зависить, если ты хочешь...

ВИРГИНІЯ. Бхать?

ДЮБУА. Даже завтра!

ВИРГИНІЯ. Вы шутите, не совѣстно-ли вамъ!

ДЮБУА. Я не шучу, Виргинія. Если ты хочешь, поѣдемъ; я

ѣду завтра и отправляюсь на Шьдефрансъ... Эти два года, съ-тѣхъ поръ, какъ оставилъ я Шьдефрансъ, я шатался по всей Европѣ, и ѣду опять туда... Довольно — я не жилецъ въ про-свѣщенной Европѣ... Виргинія! что съ тобой? Ты плачешь!

виргинія. Вы не можете взять меня съ собой!

дюбуа. Развѣ ты сама не захочешь ѣхать...

виргинія. Я?

дюбуа. Не захочешь промѣнять великолѣпнаго дома тетки твоей на хижинку матери, Парижа на свою бѣдную родину... Пожертвовать наслѣдствомъ послѣ тетки...

виргинія. За чѣмъ-же вы смѣтаетесь надо мной? Чѣмъ я за-служила!

дюбуа. Я не спрашиваю тебя, Виргинія, каково тебѣ жить у тетки...

виргинія (*потупляя глаза*). Тетенька моя такая добрая... Ма-менька велѣла мнѣ любить ее — говорила, что она моя благо-дѣтельница...

дюбуа. Виргинія! Не приучайся лгать! Я знаю все!

виргинія. Такъ за чѣмъ-же вы спрашиваете, если вы знаете?

дюбуа. Знаю, и вырву тебя, Виргинія изъ этого ада, изъ это-го... Но за чѣмъ раскрывать передъ ней отвратительную повѣсть страстей, безумія, злодѣйства!... Виргинія! мы ѣдемъ вмѣстѣ!

виргинія (*бросаясь къ нему*). Ахъ! увезите, увезите меня къ моей маменькѣ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я разсталась съ ней, у меня не было радостей... Только тогда, когда молюсь я, когда во снѣ вижу нашъ домикъ, наши платаны, маменьку, Марга-ршту...

дюбуа. И кого нибудь еще?

виргинія. Да, Доминго, Марью...

дюбуа. А Павла?

виргинія. Ахъ! я и сегодня его во снѣ видѣла!

дюбуа. И на яву любишь, какъ прежде?

виргинія. Ахъ! господинъ Дюбуа — я люблю его, очень лю-блю, но, право, маменьку хочется мнѣ видѣть больше, нежели Павла.

дюбуа. Положимъ, что такъ, но Виргинія, ты ужъ не дитя— ты должна рѣшить свою участь сама... Неужели здѣсь ничто не увлекло тебя, не повѣрилось тебѣ? Ты ничего здѣсь не пожа-лѣешь?

виргинія. Ничего.

дюбуа. И никого?

ВИРГИНИЯ. Никого... Ахъ! нѣтъ! мнѣ жаль будетъ Азора: онъ такой добрый!

ДЮБУА. Ну, Азора можемъ мы взять съ собою... Но у тетки твоей бывають гости, молодые люди... блестящіе, модные...

ВИРГИНИЯ (*стыдливо*). Павелъ всѣхъ ихъ лучше, а они такіе... Нѣтъ! я не люблю ихъ, я боюсь ихъ... Да, и тетушка не велитъ мнѣ даже ни съ кѣмъ изъ нихъ говорить — они злодѣи, говорить она...

ДЮБУА (*съ стороны*). И почти не ошибается!

ВИРГИНИЯ. Господинъ Дюбуа! но точно-ли маменька позволяеть мнѣ возвратиться?

ДЮБУА. Сердце твое отвѣтитъ тебѣ: спроси у него!

ВИРГИНИЯ. Ахъ! оно говоритъ мнѣ, что маменькѣ безъ меня грустно... Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, съ вами поѣду?

ДЮБУА. Завтра-же!

ВИРГИНИЯ. Не обманите меня, ради Бога!.. Если вы обманете, я умру съ тоски!

ДЮБУА. Нѣтъ, милый другъ, нѣтъ! Мнѣ надобно только переговорить съ твоей теткой... Пойдемъ туда... (*Въ сторону*) Провожу ее, и возвращусь раздѣлаться съ этими молодцами!

ВИРГИНИЯ. Я не вѣрю сама себѣ! Опять туда, опять къ маменькѣ! Я увижу ее... О Боже мой! я еще не благодарила Тебя! Ахъ! я опять буду на моемъ милромъ Ильдефрансѣ!.. (*Дюбуа ведетъ ее*),

ЯВЛЕНІЕ X.

ФЛОРВИЛЬ И ШАРМЕ.

ФЛОРВИЛЬ. Ну, итакъ рѣшено: ты отправишь Виргинію съ Жакомъ и Бодуэномъ, а самъ будешь здѣсь дожидаться меня!

ШАРМЕ (*на веселе*). Не тебя, а денегъ! Или, пожалуй, денегъ — ну, и тебя при нихъ!

ФЛОРВИЛЬ. Я принесу тебѣ всѣ сполна. Закладъ выиграю.

ШАРМЕ. Виргинія подождетъ, а я — прямо туда, и — *съ банкъ!* Выиграю миллионъ, поспѣшу къ моей хорошенькой плѣнницѣ, и положу къ ногамъ ея сердце и миллионъ! Флорвиль! знаешь-ли, что? Я наконецъ рѣшился — я женюсь на Виргиніи! Она такаа хорошенькая... лучше Жюльеты! Ты правду говорилъ — съ ней

можно быть счастливымъ.... А! чортъ побери! я начинаю влюбляться....

Флорвиль. Прекрасно! Ступай-же!... (Въ-сторону). Побѣгу къ каретѣ — заплачу Жаку — буду ждать тамъ.

(Уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШАРМЕ, потомъ ДЮБАУ.

ШАРМЕ. Вдохновенное Бордо наставило меня на умъ — стакашъ шампанскаго еще сдѣлаетъ меня гениемъ.... А Виргинію мнѣ жаль.... Но честное слово, по деньги, по, по, по... рѣшено! Пойдемъ!

ДЮБАУ. Оставайтесь, господниъ Шарме!

ШАРМЕ. А! это вы, старый проказникъ!

ДЮБАУ. Да, но я пришелъ не для проказы. Мнѣ надобно говорить съ вами, не шутя.

ШАРМЕ. Ужъ извините — мнѣ некогда!

ДЮБАУ. Вы должны.

ШАРМЕ. Какъ?

ДЮБАУ. Должны выслушать, и даже исполнить, что я вамъ скажу!

ШАРМЕ. Г-нъ Дюбау! я не привыкъ къ такому тону!

ДЮБАУ. Привыкайте!

ШАРМЕ. Нѣтъ! я и васъ сумѣю выучить быть учтивѣе!

ДЮБАУ. Что? Не оскорбляетесь-ли вы? Не оскорбилъ-ли я вашу честь? Не за честь-ли свою хотите вы вступиться? Да, вы заступитесь, если кто пубудъ толкнетъ васъ, хоть нечаянно — вѣдь это не то, что замарать честь свою злодѣйствомъ — лишь-бы люди не узнали... А толчокъ всѣ видятъ... какъ уступить!

ШАРМЕ. Старый шутъ! я вамъ не позволяю!

ДЮБАУ. Молодой плутъ! я васъ уничтожу, если вы еще шагъ ступите!

ШАРМЕ. Вы разсчитаетесь со мною!

ДЮБАУ. Послѣ какъ хотите, если у васъ достанетъ духу... Слушайте. Приѣхавши въ Парижъ...

ШАРМЕ. Нельзя-ли покороче!

дюбуа. Прїѣхавши въ Парижъ, случайно или нѣтъ, все равно, я попалъ въ шайку молодыхъ негодяевъ. Между ними былъ одинъ маркизъ, одинъ какой-то бретѣръ, какой-то капитанъ что ли — не знаю, но мерзавецъ — это я знаю хорошо — еще одинъ шулеръ, и наконецъ одинъ...
шарме. Кто одинъ?

дюбуа. Какъ вамъ сказать! Человѣкъ! Да, сквозь черную, открытую язвами пороковъ оболочку, я разсмотрѣлъ у него умъ и душу... Исторію его я зналъ хорошо. Онъ увлеченъ былъ другими въ первую шалость. Я увѣренъ — бѣдность, гордость сперва, а потомъ развратъ, а потомъ отчаяніе погубили его... Онъ былъ художникъ съ дарованіемъ — я видѣлъ его картину, которую написалъ онъ по прїѣздѣ въ Парижъ, картину, на которой изображенъ Тотъ, Кто всегда прощаетъ грѣшника... всегда, если видитъ его раскаяніе — въ этой картинѣ сказалась мнѣ душа художника!
шарме. Вы видѣли мою картину?

дюбуа. Тотъ, думалъ я, кто постигаетъ святое, еще не погибъ... Я зналъ, что бѣдная мать его еще жива... Несчастный! онъ забылъ объ ней, забылъ, что она плачетъ и молить объ его спасеніи, ждетъ его раскаянія...

шарме (*внѣ себя*). Нѣтъ! Не забылъ, старикъ, нѣтъ! Клянусь — я не забылъ, но она не дожидается моего раскаянія! Что тебѣ надобно? За чѣмъ ты пришелъ ко-мнѣ? Не на разбой-ли звать? Не атаманъ-ли ты шайки?

дюбуа. Несчастный! вспомни, что завтра, сегодня даже, тебя ждетъ тюрьма! — Молодой человѣкъ! Я пришелъ спасти тебя... Чего тебѣ надобно? Денегъ? У меня ихъ много — возьми!

шарме. Я не хочу твоихъ денегъ, старикъ!

дюбуа. А! Ты не хочешь ихъ, когда ихъ дарить тебѣ человѣкъ, и просить одного — остановивъ на краю бездны, куда ты падаешь, а ты берешь ихъ, когда развратный маркизъ платитъ ихъ тебѣ за безславіе дѣвушки, за совершеніе дѣла постыднаго, которое можетъ довести тебя до каторги... До чего ты упалъ, несчастный! Не скрывайся — я все знаю!

шарме (*въ бѣшенствѣ*). И если ты не замолчишь, я заставлю тебя замолчать на вѣки!

дюбуа (*выхватывая книжку*). Я пріучился въ Индіи жить съ книжалою! — Ни съ мѣта! (*Схватывая его за руку*). При первомъ движеніи ты погибъ... Мнѣ стоитъ закричать, и васъ всѣхъ схватятъ, твое преступленіе откроется... Хорошо! Если

головѣ совѣсти погибъ для тебя — я куплю тебя... Тебѣ обѣщали денегъ? Боргаръ мнѣ все сказалъ! Двѣсти тысячь?

ШАРМЕ. Да.

ДЮБУА. Вотъ билетъ на двѣсти тысячь — онъ твой! *(Тихо)* Вотъ — я его выкупилъ — вотъ фальшивый вексель, который ты выдалъ — *(Шарме трепещетъ)* я беру его! Вотъ — письмо твоей матери...

ШАРМЕ. Мать моя! *(онъ схватываетъ и цѣлуетъ письмо)*...

ДЮБУА. Я заплачу твои долги, я увезу тебя съ собою — тамъ, гдѣ великая природа Востока возбудитъ твою заснувшую душу, тамъ, гдѣ люди не дышатъ тлетворнымъ воздухомъ порока — ты оживешь, молодой человекъ! Я отогрею тебя на сердцѣ моемъ....

ШАРМЕ. Но чѣмъ, чѣмъ, я заслужилъ вниманіе ваше?

ДЮБУА. Несчастный! Твоя мать, твоя бѣдная мать — сестра моя.... Адольфъ! Эрмина Шарме была сестра такому-же шалуну, какъ ты, Эмиціо Годе — я этотъ Эмиціи Годе!

ШАРМЕ. Вѣрить-ли? Дядюшка!

ДЮБУА. Прочь, негодяй, бездѣльникъ!... Сюда, мой другъ!

(Обнимаетъ его).

ШАРМЕ. Увезите меня — закройте меня въ одну цѣпь съ вашими невольниками, заставьте меня работать — спасите меня! Говорите, что я долженъ дѣлать?

ДЮБУА. Прежде всего спасти Виргинію, дочь добродѣтельной женщины.... Ты хотѣлъ погубить ее! И для чего.... О племянникъ! Это гадко!

ШАРМЕ. Убейте меня! Я бѣгу, уничтожу!

ДЮБУА. И все испортишь! Чудными судьбами Провидѣнія, когда я старался спасти Виргинію, я нашелъ тебя.... Благодарю Бога! *(Снимаетъ шляпу)*. Одна овца невинная нехищена будетъ изъ рукъ злодѣевъ — другая овца, заблудшая, приведена, будетъ къ стаду добрыхъ овецъ Твоихъ!... Но наказаніе негодьямъ — они могутъ обезславить клеветою честь Виргиніи — надобно обрушить безславіе на ихъ головы.... Слушай: сюда прибѣжитъ маркиза де-Куанье. Письмомъ, которое сей часъ ей отдалъ, я извѣстилъ ее о похищеніи Виргиніи Флорвильемъ....

ШАРМЕ. Но вѣдь не Флорвиль увезетъ ее?

ДЮБУА. А за чѣмъ-же онъ велѣлъ тебѣ отправить Виргинію

и самому остаться здѣсь? Это была моя хитрость, и — удалась превосходно!

ШАРМЕ. Бездѣльник! Но ...

ДЮБУА. Пусть-же онъ, вмѣсто Виргини, увезетъ свою Дульцинею!

ШАРМЕ. Дядюшка! вы гений... вы... Я преклоняю передъ вами колѣни...

ДЮБУА. Хорошо, хорошо! О, любезный! мы еще съ тобой посчитаемся.... Вотъ она.... Ты ей подтвердишь мои слова, уговоришь ее идти — схватишь ее, уведешь... А тамъ ужъ люди у меня приготовлены... Только карета двинется съ мѣста — Боргаръ остановитъ ее... Я ужъ купилъ его... Мы зашумимъ! Къ дѣлу!

ЯВЛЕНИЕ XII.

ДЮБУА (за деревомъ), ШАРМЕ, Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ.

ШАРМЕ. Что это? Сонъ, или...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Чудовище! если это правда!

ШАРМЕ. Сударыня!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. А! Вы здѣсь, сударь...

ШАРМЕ. Вы видите передъ собой виновнаго, прибѣгающаго къ вамъ съ глубокимъ раскаяніемъ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Не отъ васъ-ли было это письмо?

ШАРМЕ (въ сторону). Смѣлѣе! (Громко) Отъ меня!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Вы пишете...

ШАРМЕ. Что Флорвиль васъ обманываетъ, что мы играли съ вами комедію, что все ваше примиреніе была шутка, что онъ увезетъ вашу племянницу!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ (въ бѣшенствѣ). Меня предпочеть ей! Эту дѣвчонку — мнѣ!

ШАРМЕ. Что дѣлать!

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Вы лжете!

ШАРМЕ. Не пройдетъ пяти минутъ, вы увѣритесь въ истинѣ...

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Гдѣ-же онъ? Я побѣгу къ нему.... я улечу его.... я задушу его!...

ШАРМЕ. Такъ не прикажете-ли васъ проводить?

(Хлопаетъ руками.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ-ЖЕ, БРАКАССЕ И БОРГАРЬ.

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ. Что это за люди?

ШАРМЕ. Пойдите, господа! Сударыня! закройтесь, чтобы васъ не узнали... Бракассе!

(Боргарь и Бракассе схватываютъ г-жу де-Куанье и ведутъ вонъ.)

Г-ЖА ДЕ-КУАНЬЕ *(испугавшись)*. Разбой!

ШАРМЕ. Тише! Зажми ей ротъ!

БРАКАССЕ. Охъ! Да, какая-же она увѣсистая! *(Они убѣгаютъ.)*

ДЮБУА. Ха, ха, ха! Ну, господинъ Флорвилъ! Поздравляю васъ съ побѣдой! Ха, ха, ха!... Слушай, племянникъ — вотъ тебѣ мой адресъ; бѣги, дождайся меня на квартирѣ моей; я тотчасъ явлюсь... Мы переговоримъ съ тобой; за тебя все будетъ заплачено, но... *(Грозитъ ему палкой)* И завтра мы ѣдемъ!

ШАРМЕ. Что могу я...

ДЮБУА. Последнюю услугу! Кричи здѣсь громче, а я побѣгу туда... Надобно встревожить всѣхъ! Разбой! Разбой! Помогите! Ее увезли!

(Спишитъ вонъ.)

ШАРМЕ. Разбой! Разбой! Помогите!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ШАРМЕ, БРАКАССЕ, БУАВЕНЬ, ГОСТИ, ГОСТЫН.

БРАКАССЕ. Что за нелѣпость? Что-жь ты кричишь? Послушай-ка!

ШАРМЕ. Что?

БРАКАССЕ. Тутъ вышла какая-то путаница... Вѣдь вмѣсто племянницы-то мы увезли ея тетку!

ШАРМЕ. Ну?

БРАКАССЕ. Только что карета съ мѣста, насъ оставили, сбѣжался народъ, а въ каретѣ между тѣмъ красавица чуть не подралась съ Флорвилемъ...

БУАВЕНЬ (*прибѣгаетъ*). Охъ! Ну, что за шумъ... Кахи, кахи! Шарме, Шарме! я боюсь!

ШАРМЕ. Увезли!

БУАВЕНЬ. Поймали! Какова исторія! Тетка взбѣсится... Да, какъ вы такъ целовко — а еще взялся... Ну, такъ-ли мы бывало увозили!

ШАРМЕ. Тѣмъ больше славы будетъ старому Амуру! Завтра весь Парижъ заговорить...

БУАВЕНЬ. А что? Въ самомъ дѣлѣ?

(*Гости и гости прибѣгаютъ*).

Ничего, господа, ничего! Такъ, маленькое приключеніе!...

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же дуба. *Онъ сидитъ виргинію.*

БУАВЕНЬ. Какъ, сударыня? Вы здѣсь?

ВИРГИНІЯ. Я васъ не понимаю.

БУАВЕНЬ. Да кого-же увезли?

БРАКАССЕ. Г-жу Маркизу де-Куанье!

БУАВЕНЬ. Э! э! э! Нѣтъ, нѣтъ, господа, это не я!...

ОБЩИЙ ГОЛОСЬ. Маркизу де-Куанье!

ВИРГИНІЯ. Тетеньку? Кто? Что это значить.

БУАВЕНЬ. Да, ничего, сударыня! (*Шарме*) Однакожь, неужели увезли тетку вмѣсто племянницы... Ну, это... Кахи, кахи!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, г-жа де-куанье, и флорвиль (*его держатъ двое слугъ; другіе слуги съ факелами.*)

ФЛОРВИЛЬ. Прочь, бездѣльники! (*Вырывается у слугъ*)

ОБЩИЙ ГОЛОСЬ. Маркизь Флорвиль! Ха, ха, ха!

Г-ЖА КУАНЬЕ (*Буавень*). Такъ вы, сударь, были въ заговорѣ съ этимъ негодяемъ, и съ моей негодной племянницей? Вы, развратный старичишка? Вы въ заговорѣ съ ней?

ВИРГИНІЯ. Боже мой! что вы говорите, тетенька? Я въ заговорѣ...

Флорвиль (безстыдно). Да, сударыня! Развѣ не вы согласились бѣжать со мною!

Виргинія. Боже мой! Г-нъ Дюбуа!... Ахъ! Да это вы, тетущкинъ племянникъ, который вчера возвратился изъ Америки! Помните, какъ я вошла, а вы стояли передъ тетенькой на колѣняхъ, и цѣловали ее...

(Общій хохотъ).

Буавенъ. Г-жа Маркиза де-Куанье!..

Г-жа де-Куанье. Дерзкая дѣвчонка!

Дюбуа. Вы не имѣете надъ ней никакого права, а послѣ того что сдѣлалось...

Флорвиль. Я имѣю право... Ея согласіе!

Дюбуа. Ты лжешь! (Смѣется). Да, я и не совѣтую вамъ горячиться — банкиръ Полиньеръ не банкротился — маркиза богата, какъ прежде, а у Виргиніи дядя не умиралъ — я вся выдумалъ и вы повѣрили!

Флорвиль. Какъ? Обманъ!

Дюбуа. Виргинія! проститесь съ тетенькой...

(Виргинія хочетъ подойти).

Г-жа де-Куанье. Ты — прочь, прочь! Вы не вырвете ее у меня — я запру ее въ монастырь — лишу наслѣдства!

Дюбуа. Передъ вами оно, сударыня. — Я привезъ вамъ Виргинію, и я беру ее у васъ и отвезу къ матери... Совѣтую вамъ не шумѣть — сегодняшняя исторія — чѣмъ меньше объ ней будутъ говорить, тѣмъ лучше для васъ... Прикиньтесь опять богомолкой — успѣете еще отомолиться...

Г-жа де-Куанье. Я презираю васъ — я не хочу оставаться минуты... Прекрасное общество! Благодарю васъ, г-нъ Буавенъ! Злодѣи! Изверги! А ты, не смѣй... Чудовище! А вы, сударь, мерзавецъ, дуракъ, болванъ!

Буавенъ. Покорнѣйше благодарю!

Дюбуа. И я благодарю тебя, старый пріятель, да совѣтую перестать дурачиться. — Виргинія! пойдете!

Виргинія. Да, за что на меня тетинька разсердилась?

Дюбуа. Я разскажу вамъ послѣ.

Виргинія. И завтра мы ѣдемъ?

Дюбуа. Завтра.

ВИРГИНИЯ. Слава Богу! Ахъ! маменька! Да, расскажите, что такое здѣсь было?

(Они уходятъ).

БРАУВЕНЪ. Ну, любезный Флорвиль?

ФЛОРВИЛЬ. Прочь!

БРАУВЕНЪ. Ай! ай! если такъ, то — доброй ночи, доброй ночи! Не угодно-ли, господа? Это ничего! Такъ, маленькое приключеніе!

(Онъ ведетъ гостей; некоторые уходятъ отдѣльно).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

БРАКАССЕ, ФЛОРВИЛЬ, ШАРМЕ.

ШАРМЕ. Г-нъ Флорвиль! позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ глубокое почтеніе — и пожелать счастливо оставаться. Завтра я ъду изъ Парижа.

БРАКАССЕ. Какъ?

ФЛОРВИЛЬ. Ты не уѣдешь — я зарѣжу тебя, бездѣльникъ!

БРАКАССЕ. А, вотъ оно и кстати! (Подаетъ ему шпагу. Флорвиль схватываетъ ее и бросается на Шарме) Нѣтъ! Ужъ этого нельзя! Позвольте! Шарме! Вотъ тебѣ шпага — въ позицію!

ШАРМЕ. Если за расчетомъ пошло, изволь!

(Они дерутся).

БРАКАССЕ (потирая руки). Ну, вотъ таки дождался хоть маленькой дуэлишки! Флорвиль! ты слишкомъ горячился — тише! (Шарме ранитъ его въ руку; шпага падаетъ у Флорвиля).

ШАРМЕ. Довольно-ли съ васъ, г-нъ Флорвиль? А жизнь я вамъ дарю, хоть вы того и не стоите!

(Бросаетъ шпагу и идетъ).

БРАКАССЕ. Куда-жь ты? Помочь надобно... Эй! кто-нибудь! Да, и ты, что за нѣженка! Ну, что значить тычокъ?

ФЛОРВИЛЬ. Убирайся къ чорту!

(Идетъ медленно).

БРАКАССЕ. Вотъ, прошу покорно услуживать друзьямъ! Нѣтъ! видно, что... (Поднимая шпагу) Не угодно-ли, господа, кому нибудь подратся?

==

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

==

Внутренность бѣдной хпжины. Направо окошко и дверь; прямо другая дверь. Столъ, нѣсколько стульевъ и скамеекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ (*сидитъ и читаетъ книгу*), Г-НЪ ДЮШЕНЪ (*входитъ*).

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Здравствуй, мой добрый Павелъ!

ПАВЕЛЪ. А, это вы, господинъ Дюшенъ! Здравствуйте!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Здоровъ-ли ты?

ПАВЕЛЪ. Да.

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Что ты дѣлаешь?

ПАВЕЛЪ. Читаю.

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Вѣрно, исторію?

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, господинъ Дюшенъ. Я не дочиталъ вашей исторіи. Сочинитель, вѣрно, клевететь на людей, а я не могу читать клеветы.

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Почему-жь ты такъ думаешь?

ПАВЕЛЪ. Онъ описываетъ такія злодѣйства, что я не могу вѣрить имъ: это злая сказка! Посмотрите — вездѣ добродѣтельный у него страдаетъ, вездѣ порокъ въ силѣ и торжествѣ. Куда стремятся эти гордые завоеватели? Для чего міръ стонетъ подъ ихъ ударами? Для чего ихъ битвы и подвиги? Только для умноженія бѣдствій человѣческихъ, только для страданія бѣдныхъ людей!

==

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Но ты не согласился-бъ быть на мѣстѣ торже-

ствующихъ злодѣевъ, и конечно, промѣнялъ-бы жребій ихъ на судьбу страдальцовъ...

ПАВЕЛЬ. О, безспорно! Лучше быть жертвою злодѣйства, нежели злодѣемъ!

Г-нъ дюшенъ. И вникая во все событія исторіи и жизни, повѣрь мнѣ, ты всегда увидишь тайную судьбу, которая самымъ зломъ ведетъ насъ ко благу.

ПАВЕЛЬ. Можетъ быть. Но для чего мнѣ умножать скорбь моего собственнаго бытія повѣстью о бѣдствіи другихъ, когда я не могу отвратить его? Жизнь и безъ того печальна.

Г-нъ дюшенъ. Павелъ! тебѣ-ли говорить, юному, одаренному умомъ и сердцемъ...

ПАВЕЛЬ. Если они и есть у меня — даръ бесплодный! Было время, отецъ мой, когда я такъ безпечно радовался жизнью, такъ безотчетно предавался людямъ... А! Судьба позавидовала моей радости — люди разрушили мое счастье... Теперь мой расчетъ на жизнь конченъ...

Г-нъ дюшенъ. Въ твои годы такое отчаяніе...

ПАВЕЛЬ. Нѣтъ! это не отчаяніе, но — я ничего не требую отъ людей — пусть и они отъ меня ничего не требуютъ. Богъ съ нами, съ ихъ жизнью, съ ихъ исторіею — сердце мое усаждается вѣрою, что здѣшній міръ только переходъ къ міру лучшему, міру безъ слезъ и печали, міру любви и счастья, гдѣ Павелъ бѣднякъ будетъ равенъ другимъ, потому, что тамъ не спросятъ у него ни знатнаго рода, ни богатства...

Г-нъ дюшенъ. Мой другъ! этого недостаточно. Ты долженъ исполнять здѣсь свои обязанности чловѣка и гражданина. Дѣятельность жизни займетъ, развлечетъ тебя...

ПАВЕЛЬ. Оставьте мнѣ мое горе, оставьте мнѣ мои воспоминанья — они одно, что осталось утѣшеніемъ бѣдному Павлу... Я былъ счастливъ и ничего не требовалъ... Люди... Ты самъ, отецъ мой, привелъ ихъ сюда, и они вырвали у меня все, все... Прости мнѣ — я не хочу упрекать тебя — я многимъ долженъ тебѣ съ тѣхъ поръ... Ты старался утѣшить меня, ты просвѣщалъ мой умъ, согрѣвалъ мнѣ сердце вѣрою... Но счастья не возвратилъ ты мнѣ и не возвратишь.

Г-нъ дюшенъ. Мой другъ! оставь свое уединеніе; примись дѣятельно за дѣла; пойдемъ со мною — я сыщу тебѣ покровителей...

ПАВЕЛЬ. Но могу-ли оставить бѣдную мать свою? И для чего приниматься мнѣ за ихъ дѣла? Чтобы къ старости сдѣлать-

ся богачомъ, отдавши жизнь свою заботамъ и суетѣ? Я не пойду отсюда... Если-бы я зналъ, по-крайней мѣрѣ, что она счастлива... Пусть-бы хоть она забыла меня...

г-нъ дюшенъ. А развѣ нѣтъ извѣстій?

павель. Я не спрашиваю и мнѣ ничего не говорятъ... Я рѣдко даже говорю съ госпожею Делатуръ, хоть она живетъ теперь съ нами, въ нашей хижинѣ...

г-нъ дюшенъ. Она здѣсь?

павель. Да, вы ее давно не видали и едва-ли узнаете — она очень слаба, и мать моя уговорила ее перейти къ намъ. Ея хижина, гдѣ все напоминало ей дочь, теперь пуста... Да, скоро и наша заустѣетъ... Не смѣю упрекать госпожи Делатуръ, не могу не сострадать ея скорби — она мать Виргиніи... Ахъ! зачѣмъ промѣняла она богатство на счастье... Отецъ мой! мы были счастливы...

г-нъ дюшенъ. Ты еще будешь счастливъ, сынъ мой...

павель. Буду, и вотъ о чемъ хотѣлъ я просить тебя: я хочу посвятить себя тому-же святому служенію, какому посвятилъ себя ты — хочу сдѣлаться утѣшителемъ другихъ, проповѣдникомъ святыхъ услаждений сердца... Пойду къ тѣмъ дикарямъ, которые не знаютъ еще истины вѣры, скажу ихъ имъ...

г-нъ дюшенъ. Ты еще слишкомъ молодъ, сынъ мой, и хочешь предпринять подвигъ не по силамъ... И — я повторю слова твои — какъ оставишь ты мать свою...

павель. Правда. Ну, такъ видно, оставаться здѣсь и изнывать, пока угодно судьбѣ... (*Молчаніе*).

г-нъ дюшенъ. Не испугала-ли васъ нынѣшнею ночью буря?

павель. Меня — нѣтъ. Мнѣ все равно.

г-нъ дюшенъ. Ужасная буря! Она опустошила у насъ множество плантацій... На берега выкидываетъ обломки кораблей... Бѣдные плователи!

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ II.

Тѣ же и доминго.

доминго. А, *масса*, нехорошо!

павель. Что ты Доминго?

доминго. Буря — нехорошо! Тамъ дерево, гдѣ сидѣла барышня Виргинія — прощай!

ПАВЕЛЬ. Что ты говоришь? Дерево Виргини?

ДОМИНГО. Буря возмгла его и переломила — трръ! Вот так!

ПАВЕЛЬ. А бесѣдка наша?

ДОМИНГО. И бесѣдка прощай! Нѣтъ бесѣдка!

ПАВЕЛЬ. Боже мой! Платанъ Виргини и бесѣдка наша... Что это значить? Неужели разрушеніе ихъ предвѣщаетъ бѣдствіе — смерть Виргини?

Г-нъ ДЮШЕНЬ. Къ чему такой суевѣрный страхъ!

ПАВЕЛЬ. Несчастіе суевѣрно. Только счастливыцы не вѣрятъ предчувствію горя... Ахъ! Виргинія! что съ тобой теперь? Пойдемъ, Доминго, поспѣшимъ! Посмотримъ! *(Они уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-нъ ДЮШЕНЬ *(одинъ)*.

Старикъ! на твоей совѣсти грѣхъ. Два года тому, какъ веселы, какъ счастливы были здѣсь двѣ матери и двое дѣтей ихъ?.. Твои совѣты убѣдили мать разлучиться съ дочерью, и — счастье двухъ семействъ погнбло... Какъ не вразумился ты тогда, что знатность и богатство не поруки за счастье, какъ не предвидѣль... Бѣдные люди! что мы предвидимъ, рабы настоящаго, невольники первыхъ впечатлѣній нашихъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-нъ ДЮШЕНЬ И МАРГАРИТА.

МАРГАРИТА. Ахъ! какъ давно не посѣщали вы насъ, г-нъ Дюшень!

Г-нъ ДЮШЕНЬ. Я только что возвратился изъ путешествія на Мадагаскаръ, третьяго-дня. Скажи, какъ вы живете?

МАРГАРИТА. Плохо, Г-нъ Дюшень.

Г-нъ ДЮШЕНЬ. Г-жа Делатуръ?

МАРГАРИТА. Бѣдная г-жа Делатуръ! Ей, кажется, недолго жить — она больна.

Г-нъ ДЮШЕНЬ. Чѣмъ?

МАРГАРИТА. Сердцемъ, душою, г-нъ Дюшень. Она чахнетъ, таетъ,

какъ свѣчка, съ каждымъ часомъ! А мой Павелъ? Вы его видѣли?

Г-нъ дюшенъ. Видѣли. Онъ, кажется, здоровъ и спокоенъ.

МАРГАРИТА. Спокоенъ? Да, спокоенъ, какъ кладбище. Не знаю что съ нимъ дѣлать! Онъ бѣгаетъ изъ дома, сидитъ по цѣлымъ часамъ въ бесѣдкѣ Виргиніи съ книгою, ничего другаго не дѣлаетъ, ничего не говоритъ, ни со мною, ни съ г-жою Делатуръ— бросилъ все свои прежнія занятія.. Иногда вижу я, что онъ долго стоитъ на берегу моря, сложивши руки, одинъ, и какъ будто вотъ... Сохрани его Господи отъ этого умысла!

Г-нъ дюшенъ. Для чего-же не спросишь ты его, не поговоришь съ нимъ?

МАРГАРИТА. О чемъ-же мнѣ его спрашивать? Будто я не знаю причины его горя! А чѣмъ могу я помочь? Прошедшаго не воротишь!.. Эхъ! г-нъ Дюшенъ...

Г-нъ дюшенъ. А объ Виргиніи есть извѣстія?

МАРГАРИТА. Г-жа Делатуръ получаетъ письма, и говоритъ, что она здорова, живетъ въ Парижѣ — ужь, конечно, счастлива! Вѣдь она ѣхала за богатствомъ и теперь богата... Чего-жъ ей больше?

Г-нъ дюшенъ. Развѣ ты не знаешь никакихъ подробностей?

МАРГАРИТА. А на что мнѣ ихъ знать? Богъ съ ней— я желаю ей добра!

Г-нъ дюшенъ. Могу-ли я видѣть г-жу Делатуръ?

МАРГАРИТА. Я скажу ей... Но вотъ она....

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ И Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. *(Маргарита ведетъ ее).*

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Какъ я рада, что могу видѣть васъ... Маргарита посади меня — благодарю, иди мой другъ... *(она садится на стулъ, направо, впереди сцены)*

МАРГАРИТА. Не прикажете-ли чего?.. Чашку бульону?..

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Въ самомъ дѣлѣ... Прощу тебя, Маргарита, да не спѣши...

(Маргарита уходитъ).

Г-нъ дюшенъ. Вы встревожены...

г-жа делатуръ. Сядьте ближе ко мнѣ, г-нъ Дюшенъ — я такъ слаба, не могу говорить громко, а мнѣ надобно говорить съ вами. (Г-нъ Дюшенъ садится подлѣ нея) Я боялась, что не доживу до вашего возвращенія...

г-нъ дюшенъ. Сударыня!

г-жа делатуръ. Не трудитесь разувѣрять меня; я лучше понимаю свое состояніе: жить мнѣ недолго, да я и не боюсь смерти, такъ, какъ всѣ горести мои почитаю наказаніемъ за грѣхи мои.... Опъ взвѣситъ ихъ, взвѣситъ и страданія мои... О, если я виновна, и — страданія мои тяжки! Юность, погибшая въ горести, зрѣлище скорби мужа моего, который изъ любви ко мнѣ отказался отъ всего, смерть его, сиротство мое... Ахъ! все это было тяжело, но послѣднее испытаніе — невыносимо...

г-нъ дюшенъ. Вы говорите о разлукѣ съ дочерью... Но можете-ли вы упрекать себя, если вы все это сдѣлали для ея же счастья... Всѣ мы, я первый, можетъ быть, виновенъ...

г-жа делатуръ. Мать должна была видѣть болѣе другихъ, и не посылать дочери своей на погибель...

г-нъ дюшенъ. Сударыня!

г-жа делатуръ. Да, на погибель, и виновна въ томъ я, а не другіе... Да, я, я слишкомъ гордая своею дочерью...

г-нъ дюшенъ. Неужели вы получили извѣстіе о смерти Виргиніи?

г-жа делатуръ. Если-бы о смерти — тогда я благословила-бы ее, и просила только Бога поскорѣ соединить меня съ нею! Но... есть бѣдствія хуже смерти....

г-нъ дюшенъ. Вы меня ужасаете.... Развѣ васъ увѣдомляютъ... Она всегда писала....

г-жа делатуръ. Можетъ быть, и другія виноваты въ томъ... Я видѣла въ письмахъ Виргиніи скрытую грусть, понимала, что ея положеніе, бѣдной сироты, далеко не то, какого мы ожидали, но не ожидала, не думала....

г-нъ дюшенъ. Ради Бога, сударыня, говорите!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и павель.

ПАВЕЛЬ (не замѣчая другіихъ). Все разрушено.... Прекрасный платанъ разбитъ бурей.... Цвѣтникъ залитъ грязью.... Ахъ! она здѣсь....

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ (*не видя Павла*). Какъ ни тяжело мнѣ сказать.... Господинъ Дюшенъ! моя Виргинія — погибла!

ПАВЕЛЬ (*ужаснувшись*). По.... (*Не можетъ договорить*.)

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Не знаю, жива-ли она....

ПАВЕЛЬ (*въ сторону*). Жива? Что-жь это значить?

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Давно, болѣе полугода, не получала я отъ нея писемъ.... Теперь тетка ея пишетъ ко мнѣ, что за всѣ ея благодѣянія Виргинія заплатила ей самую черною неблагодарностью.... Она не слушала ея добрыхъ совѣтовъ, и наконецъ.... О, для чего не умерла я прежде этой страшной вѣсти! Для чего должна я говорить о безславіи моей дочери!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Докончите!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Она убѣжала съ какимъ-то негодяемъ и пропала безъ вѣсти.... Не утѣшайте меня, не говорите мнѣ ничего — извѣстіе о смерти Виргиніи было-бы радостью передъ этою вѣстью.... Дайте мнѣ кончить.... Въ другой разъ я не соберу силъ.... Мнѣ недолго жить.... Все, что остается у меня, оставляю я доброй Маргаритѣ и сыну ея.... Не сказывайте имъ ничего о Виргиніи.... Пусть они почитаютъ ее счастливою — умершею.... А вы — умоляю васъ — если можно, перешлите къ ней вотъ это письмо, гдѣ я прошая ея, благословляю.... Если — кто знаетъ будущее? — вы увидите ее, увидите ее кто-нибудь изъ знакомыхъ вашихъ, скажите ей.... что я умерла ничего не зная, благословляя ее, какъ мою добрую, млую дочь....

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Но госпожа Делатуръ.... позвольте.... я не опонюсь.... Почему вы думаете....

Г-НЪ ДЕЛАТУРЪ. Вотъ письмо тетки — читайте — для васъ нѣтъ тайны.

ПАВЕЛЬ (*подходитъ и схватываетъ письмо*). Нѣтъ! г-нъ Дюшенъ — не читайте его, бросьте, сожгите — это гнусная ложь, подлая, гадкая ложь!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Павелъ!

ПАВЕЛЬ. Да, г-жа Делатуръ, ложь, говорю я! И вы, мать Виргиніи, могли ей повѣрить? Вы могли повѣрить, чтобы Виргинія, ангель красоты и добродѣтели, забыла законы чести? Клевета, и — проклятіе клеветницъ!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Павелъ! ты все слышалъ!

ПАВЕЛЬ. Я не думалъ подслушивать и узналъ все печально... Теперь мое дѣло! Укрѣпитесь, радуйтесь, г-жа Делатуръ... Теперь мое дѣло, теперь мать моя не удержитъ меня, не должна удерживать...

Г-нъ дюшенъ. Чтò ты хочешь дѣлать!

Павелъ. Я отправлюсь во Францію, наймусь матросомъ, работникомъ на корабль, пройду пѣшкомъ, прося милостыню до этого великолѣпнаго Парижа, найду эту клеветницу, это богатое чудовище тетку, и — вырву у нея признаніе въ клеветѣ, найду Виргинію и привезу ее къ вамъ... Денегъ я найду, заработаю, запишусь въ каторгу, останусь тамъ, но она будетъ съ вами... опять съ вами....

Г-жа делатуръ. Добрый, милый Павелъ! я не умѣла цѣнить тебя...

Павелъ. Но тогда, если Виргинія будетъ съ вами и я буду здѣсь... тогда... Нѣтъ, нѣтъ! ни слова теперь... А если я не найду Виргинію — у неба и земли потребую я отчета... Отецъ мой! благословите меня! Мать моя... Смѣю-ли назвать васъ такъ...

Г-нъ дюшенъ. Любезный Павелъ! послушай...

Павелъ. Опять ваши благоразумные совѣты? Прочъ съ благоразуміемъ вашимъ, съ холоднымъ, жалкимъ умомъ вашимъ — сердца моего хочу я слушаться и болѣе никого... Боже! ты будь моимъ руководителемъ — веди меня!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и доминго.

доминго. Госпожа! тамъ отъ губернатора пришла!

Г-нъ дюшенъ. Ко мнѣ?

доминго. Нѣтъ! къ госпожа!

Г-жа делатуръ. Я не могу идти...

доминго. На чтò ходитъ — вотъ записка принесъ, отдала, ушла!

Г-жа делатуръ (*беретъ письмо*). Великій Боже! не во снѣ-ли это? Рука Виргиніи!

Павелъ. Виргиніи!

доминго. Браво, *масса*, браво!

(*Хлопаетъ въ ладоши*).

Г-жа делатуръ. Ея рука... Ахъ!... (*разрываетъ письмо, изъ котораго выпадаетъ другое*). Я не могу читать... слезы... Она здѣсь!

всѣ. Здѣсь!

доминго (кричитъ). Здѣсь! Барышня здѣсь! Барышня здѣсь!

(бѣжитъ вонъ).

павель. Читайте, ради Бога!

г-нъ дюшенъ. Позвольте мнѣ! (Читаетъ). «Милая маменька! «Слава Богу, я опять съ вами, и ужь никогда не разлучусь — «ваша дочь Виргинія.»

павель. Гдѣ-жь она? Говорите! Говорите!

г-нъ дюшенъ. Тутъ еще было письмо! (Поднимаетъ упавшее письмо) Дюбуа! А это онъ, нашъ добрый Дюбуа! (Читаетъ) «Вотъ, сударыня, я сдержалъ свое слово, и привожу къ вамъ вашу Виргинію, здоровую и благополучную»...

г-жа делатуръ. Добродѣтельный человѣкъ!

г-нъ дюшенъ (Читаетъ). «Хлопотъ было много, но она сама вамъ все разскажетъ, а я только скажу, что Виргинія ваша ангелъ, а не дѣвушка. Если-бы я помоложе былъ, я не уступилъ-бы ее Павлу...»

павель. Но гдѣ, гдѣ она?

г-нъ дюшенъ (Читаетъ). «Надобно-же такой досадѣ быть, что у самаго почти берега насъ потрепало порядкомъ, а теперь зашпильбо и мы до вечера въ гавань не войдемъ. Я снѣшу васъ уведомить съ лоцманомъ — встрѣчайте насъ съ Виргиніей!»

павель. А! (Бѣжитъ).

г-нъ дюшенъ. Куда ты?

павель. И вы спрашиваете? Туда, туда! Къ ней!... И вотъ, видите-ли? Не правъ-ли я?

г-жа делатуръ. Виргинія здѣсь? Она жива — Она... И я съ тобой... Павель!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Маргарита, Доминго, сосѣди и сосѣдки.

множество голосовъ. Виргинія! Виргинія пріѣхала!

доминго. Пріѣхалъ! Тамъ сидитъ на корабль!

г-жа делатуръ. Ведите меня къ ней! Маргарита, Павель! Вы слышали — Виргинія здѣсь — тамъ... Доминго! Виргинія здѣсь!

МАРГАРИТА. Она помѣшалась отъ радости!

доминго. Здѣсь! здѣсь! Браво! *(Плачетъ и пляшетъ)*.

г-нъ дюшенъ. Успокойтесь, сударыня — излишняя радость вредитѣ печали... Куда вамъ идти? Дождитесь здѣсь...

г-жа делатуръ. Мнѣ дожидаться? Если ужъ и умереть надо — туда, туда!

доминго. Туда, туда!.. Постой, масса — глупый Доминго думалъ: носилки — мы понесемъ тебя!

всѣ. Понесемъ! Понесемъ! *(Громъ и молнія. Отъ сильнаго вѣтра растворяется окно)*.

г-нъ дюшенъ. Неужели опять буря!

павель. Какая буря! Вѣтерокъ! Вѣдь она здѣсь — вы слышали! *(Обнимаетъ мать и бросается на колѣни передъ госпожою Делатуръ)* Маменька! Госпожа Делатуръ! Пойдемте всѣ — дайте вашу... Ахъ! какъ милосердъ Господь! Какъ онъ минутой радости награждаетъ за годы печали!...

г-нъ дюшенъ. Не говорилъ-ли я тебѣ, что никогда не должно предаваться отчаянію, но всегда надѣяться на милосердіе Божіе, всегда...

павель. Правда, правда, мой отецъ! Вѣрю — кто счастливъ, тотъ всему вѣрится!

г-нъ дюшенъ. Въ счастье, конечно, легко вѣрится, но въ бѣдствіи...

павель. Хорошо, хорошо, но — поскорѣе — туда — пойдѣмъ — я побѣгу впередъ... Погляжу на корабль — можетъ быть, увижу ее... Прощайте! *(Онаъ бѣжитъ)*.

доминго *(съ носилками)*. Давай подушка! Садись, барышня! Поѣдемъ!

г-жа делатуръ. Доминго! Знаешь-ли — Виргинія здѣсь!

доминго. Слышала, слышала!.. *(Госпожу Делатуръ сажаютъ на носилки)* Ну, бери! Запой пѣсню!

всѣ. Пѣсню! пѣсню! *(Берутъ носилки и несутъ)*.

доминго. Браво! Маршъ!.. А, глупый Доминго выдумала! никто не выдумала — Доминго выдумала! *(Идетъ впереди, напывая: тра-ла-ла! — Громъ и молнія)*.

Безплодный, утесистый берегъ. Въ промежуткахъ утесовъ видно волнующееся море. Небо красное, и на немъ разбѣяныя тучи; постепенно оно совершенно закрывается тучами и мракъ усиливается; громъ и молнія. Изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы. Въ сторонѣ рыбацѣй навѣсъ, и въ немъ скамейка и рыболовные снаряды. По срединѣ сцѣны разложенъ огонь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Два лоцмана, матросы, рыбаки.

1-й лоцманъ. Экая кутерьма опять!

2-й лоцманъ. Я говорилъ тебѣ — будетъ ураганъ!

1-й лоцманъ. А, жаль Матѣе — прональ ни зѣчто!

2-й лоцманъ. А чортъ велѣлъ ѣхать? Я бился объ закладъ, что утонетъ, и вотъ видишь — выигралъ!

1-й лоцманъ. Убирайся ты съ твоимъ дурацкимъ закладомъ! У Матѣе осталась жена, ребятишки!

2-й лоцманъ. Жена выйдетъ за другаго, а ребятишки что — все мальчики — лоцманъ будутъ! Вотъ если-бы дѣвки — бѣда! Дѣвка ни рыба, ни мясо, а такъ — ни человекъ, ни то, ни се... А ребятамъ Матѣе надо быть славнымъ ребятамъ: двадцать лѣтъ тому дѣдушка ихъ, лоцманъ Жозефъ, также утонулъ — сегодня утонулъ отецъ... *(Выстрѣлъ)* Экъ разстрѣлялись! Ужъ если-бы можно было, такъ кто сталъ-бы сидѣть сложа руки... Кому не весело нажать деньгу... А кто тонетъ, тотъ щедръ, хоть иногда сулить топоръ, а вытацишь, такъ топорщикомъ отблагодарить...

1-й лоцманъ. Ну! ври себѣ... Пойти посмотрѣть!

(Идетъ на утесъ. Другой лоцманъ направляетъ огонь.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, Павелъ, потомъ г-нъ дюшенъ.

ПАВЕЛЪ. Добьюсь-ли я толку! *(Бѣжитъ на утесъ)* Послушай — который тутъ — этотъ-ли корабль?...

1-й лоцманъ. Какой корабль?

ПАВЕЛЬ. Сенъ-Жерапъ изъ Руана.

1-й лощманъ. Вотъ онъ, полюбуйся на него!

ПАВЕЛЬ. Боже мой! въ какомъ ужасномъ положеніи! Мачта сломана... Такъ близко къ утесамъ...

1-й лощманъ. Ну, что за опасность! Мачта вздоръ, а на якорѣ онъ держится крѣпко... Вотъ если...

ПАВЕЛЬ. Что? Что?

1-й лощманъ. Видишь... не разыгрался-бы дѣдушка ураганъ... а на то, кажется, смахиваетъ...

ПАВЕЛЬ. А тогда?

1-й лощманъ. Тогда плохо: въ море выйти нельзя, а у берега стоять хуже злой жены въ праздникъ...

ПАВЕЛЬ. Другъ мой! послушай — нельзя-ли тебѣ ѣхать къ ко раблю?

1-й лощманъ. Нѣтъ! Слуга покорный!

ПАВЕЛЬ. Ради Бога!

1-й лощманъ. Да, вамъ хорошо тутъ разсуждать на берегу-то!

ПАВЕЛЬ. Я съ тобой ѣду!

1-й лощманъ. Да, развѣ у тебя есть голова въ запасъ? Матѣ-то почище насъ съ тобой былъ, а бутыхнулся въ воду.

ПАВЕЛЬ. Утонулъ!

1-й лощманъ. Да, ему обѣщали заплатить въ пятеро... Тутъ вѣдь господинъ Дюбуа, а у него денегъ горы...

ПАВЕЛЬ (второму лощману). Другъ мой! Не можешь-ли ты?

2-й лощманъ (хлопочетъ около огня). Не могу!

ПАВЕЛЬ. Безчеловѣчный! Развѣ я дорожу собой меньше твоего!

2-й лощманъ. Не знаю.

ПАВЕЛЬ. Боже мой! Виргинія!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ-же и г-нъ дюшенъ.

ПАВЕЛЬ. Они не ѣдутъ, не хотятъ ѣхать!

г-нъ дюшенъ. Друзья мои, я вамъ заплачу!

1-й лощманъ. Для васъ, сударь, мы и безъ платы поѣхали-бы, но, право, нельзя — волна горой — ураганъ того и гляди...

Видите, каково небо, каковы тучи... А шумъ-то какой? Морскія собаки такъ и воютъ!

павелъ. Но, другъ мой! нельзя-ли.. Умоляю...

1-й лоцманъ. Да, идите вонъ къ утесу Дикой Козы.. Развѣ какъ-нибудь оттуда... Здѣсь мочи нѣтъ... Оттуда нельзя-ли, позадь отмели... Спросите тамъ Жака Безголового... Если онъ выпивши, такъ авось... да, сомнительно...

павелъ (*е-ну Дюшену*). Пойдемъ, побѣжимъ!

г-нъ дюшенъ. Боже! помоги намъ!

(Уходятъ. Буря усиливается.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛОЦМАНЫ (*одни*).

1-й лоцманъ. Ну! вотъ-те на! Э, э! плохо, Мартынь! Лопнулъ канатъ!

2-й лоцманъ (*вскакивая*). Лопнулъ!

1-й лоцманъ. У! какъ повернуло и накренило его... Ну! Молодцы! Вывернулись... Опять!..

2-й лоцманъ. Ну, руль къ чорту!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ, свита его, солдаты, матросы.

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ (*на утесъ*). Добрый другъ! Гибель его неизбежна! Сюда, сюда всѣ лодки — веревки! Награда тому, кто будетъ отважнѣе другихъ!

1-й лоцманъ. Ваше Сіятельство! дѣлю плохо — если ураганъ рванетъ — корабль въ щепу!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Готовьте сѣти, веревки — спасать, что можно! (*Увидя е-жу Делатуръ*) Боже мой! несчастная мать!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Тѣ же, и г-жа Делатуръ, Доминго, Марья, Маргарита, сосѣдн и сосѣдки.

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Г-жа Делатуръ! вы здѣсь!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Я не въ силахъ была ожидать — Добрые люди принесли меня... Но, скажите, нѣтъ-ли опасности?

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. О, никакой... никакой... Море немного бурно, но всѣ мѣры предосторожности взяты — здѣсь команда, лоцмана, матросы....

(Страшный громъ и молнія. Ревъ вѣтра.)

ГОЛОСА. Ураганъ! ураганъ!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Чтѣ они говорятъ?

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Ничего, ничего! Успокойтесь! Войдите сюда! *(онъ ведетъ ее подъ навѣсъ)* Не пускайте ее къ берегу — не говорите ей ничего...

(Смятеніе и шумъ. Совершенная темнота, освѣщаемая молніями.)

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Маргарита! гдѣ Павелъ? Нѣтъ-ли опасности... *(Маргарита плачетъ.)*

ДОМИНГО *(отталкивая ее)*. Отъ радости плакать не надо!.. Надо плясать — гей, гей!... *(Плещетъ, утирая слезы.)*

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Ахъ! Доминго! Наслу-то мы дождались Виргиніи... А помнишь, какъ мы горевали безъ нея?

ДОМИНГО. Не падо гореваль!

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣ же, Павелъ и г-нъ дюшенъ.

ПАВЕЛЬ. Они не ѣдутъ!... *(Блѣжитъ на утесъ)* Чтѣ? Чтѣ?

2-й ЛОЦМАНЪ. Ну! Корабль начало колотить... Прощай!

ПАВЕЛЬ. Виргинія! вотъ, вотъ она!.. Виргинія, Виргинія!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Голосъ Павла! Онъ кричитъ; «Виргинія!»

ДОМИНГО. Постой — побѣгу посмотрѣть!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. О Боже! помоги мнѣ перенести радостную минуту свиданія!

ПАВЕЛЪ (*внѣ себя*). Она машетъ — зоветъ меня! Къ ней! Къ ней!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Молодой человекъ! что ты дѣлаешь?

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Павелъ! Павелъ!

МАРГАРИТА (*бѣжитъ на берегъ*). Сынъ мой! сынъ мой!

ПАВЕЛЪ. Волны покрыли корабль... Они погибли... Нѣтъ! вотъ они — вотъ они! Пустите меня!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Друзья! кто бросится за погибающими? Не уже-ли никто?

ПАВЕЛЪ. Я! Я!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Павелъ! другъ мой!

ПАВЕЛЪ. Прочь! Веревку сюда! (*Онъ сбрасываетъ съ себя куртку.*) Обвяжите меня крѣпче!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Ты погибнешь!

МАРГАРИТА. Сынъ мой! (*Она падаетъ безъ чувствъ*)

ПАВЕЛЪ. Маменька! Нѣтъ! Я... Нѣтъ! Боже благослови! (*Онъ бросается съ утеса*)

ДОМИНГО. Вяжи меня веревка! Спасай барышню! У него ея ла нѣтъ!

(*Его обвязываютъ веревкой и онъ бросается въ море. Громъ и буря.*)

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ (*идетъ съ утеса*). Погибло все! Дюбуа!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Бѣдная Виргинія! Бѣдный Павелъ! (*Въ безмолвіи молится*).

1-й ЛОЦМАНЪ. Каковъ молодець? Утонулъ — Эхъ! жаль!

ГОЛОСА. Нѣтъ! Доплылъ — смотри, смотри!

2-й ЛОЦМАНЪ. А старикъ-то Негръ каковъ! Экъ онъ работаетъ, сѣдой чортъ!

ГОЛОСА. Помогай! Лодку, лодку — бросайся въ воду — тяни веревку! Тяни, тяни! Сюда на помощь!...

1-й ЛОЦМАНЪ. Опять волна! Старикъ! сюда! сюда!

ГОЛОСЪ ДОМИНГО. Принимай! Держи крѣпче!

ОБЩИЙ КРИКЪ. Ура! Ура!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ. Не ужели спасены? Всѣ, всѣ въ воду! Ступай, ступай!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Кто спасенъ?

ДОМИНГО (*поднимается на берегъ, держа Павла и Виргинію безъ*

чувственныхъ. Ихъ берутъ и несутъ напередъ сцены; всѣ окружаютъ ихъ). Бери!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ (заботясь около нихъ). Помогите! Помогите!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ. Дочь моя! (Бросается къ Виргиніи, видитъ ее безчувственную, и какъ безумная стоитъ въ оцѣпенѣніи).

МАРГАРИТА. Павелъ!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Живъ... онъ живъ!

ПАВЕЛЪ (опомнившись, тихо). Виргинія!

Г-НЪ ДЮШЕНЪ. Смори — вотъ, вотъ она!

(Павелъ складываетъ руки и молится).

ВИРГИНІЯ (опомнившись). Маменька!

Г-ЖА ДЕЛАТУРЪ (съ воплемъ бросается къ ней). Дочь моя!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ (Домингу). Герой добродѣтели! Дай обнять себя!

ДОМИНГО. Чтò сдѣлалъ глупый Доминго? Ничего не сдѣлалъ — Богъ сдѣлалъ!

ГРАФЪ ЛАБУРДОННЕ (Дюшену). А мой добрый Дюбуа?

Г-НЪ ДЮШЕНЪ (указывая на небо). Есть еще жизнь!... Благоговѣй передъ Его непостижимыми судьбами!

(Занавѣсъ опускается).

НИЗАМСКАЯ ВОЙНА.

—
РОМАНЪ.

Созиненіе г. Мери.

—
ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

—

XI.

ХИТРОСТИ.

Флигели Пербуддскаго жилища оканчивались двумя длинными галереями. На концахъ ихъ были два балкона, выходившіе на сѣверный и южный фасады дома.

Эдуардъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ, вышелъ на террасу, передъ домомъ. Все окна были закрыты рѣшетчатыми ставнями, исключая одного, выходившаго на балконъ. На карнизѣ балюстрада рисовался граціозный контуръ полуобнаженной руки, подпиравшей прелестную голову, полузакрытую роскошными волосами.

*) См. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1844 г., 12-я кн.

Молодая вдова была погружена въ глубокую задумчивость; услышавъ шумъ шаговъ Эдуарда, она съ живостію подняла голову.

Эдуардъ подошелъ и поклонился. Послѣ первыхъ привѣтствій, графиня сказала:

— Я осмотрѣла индѣйскій замокъ вашъ; его можно сравнить съ прелестной пустышей. Здѣсь можно прожить мѣсяцъ въ уединеніи — не болѣе. Я поражена чудесами, которыя открываются здѣсь на каждомъ шагу.... здѣсь все величественно, но — скучно!

— Графиня, сказалъ Эдуардъ, величественную природу можно сравнить съ красавицей. При первомъ взглядѣ она изумляетъ, наводитъ грусть. Передъ тою и другою чувствуешь невольно все ничтожество свое; завидуешь возвышеннымъ существамъ, созданнымъ для нея и удостоивающимся улыбокъ ея. Потомъ, стоить только этой природѣ кетати освѣтиться солнечнымъ лучомъ, стоить только этой женщинѣ посмотреть на насъ съ благосклонной улыбкой, чтобы совершенно измѣнить расположеніе нашего духа и сердца; мы сближаемся, свыкаемся, привязываемся. Съ каждымъ днемъ намъ становится пріятнѣе шумъ водопадовъ и лѣсовъ, мы прислушиваемся къ нему, какъ къ мелодіи божественнаго голоса.... Вы вскорѣ увидите, графиня, что наша величественная природа достойна вашей любви.

— Я готова любить ее, сэръ Эдуардъ, только не долго.... Теперь я сама не знаю, за-чѣмъ пріѣхала въ Индію.... мнѣ становится здѣсь грустно.... Я богата, вдова и скучаю; проѣхала три тысячи мѣ.... За-чѣмъ? Чтобы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тигромъ. Прекрасный пріемъ!.... И вы еще хотите, сэръ Эдуардъ, чтобы я полюбила эту величественную природу, которая задушила-бъ меня, если-бъ вы меня не спасли?

— Пожалуйста, графиня, оставимте личности: я нахожу, что мы теперь прекрасно можемъ говорить обо всемъ, исключая себя.... Повѣрьте, графиня, что мнѣ очень-непріятно противурѣчить вамъ, но позвольте мнѣ сдѣлаться защитникомъ величественной моеи Бенгаліи. Когда, въ Смирнѣ, на васъ панахи два черные тигра, злословіе и клевета, нацѣлся-ли охотникъ, довольно-смѣлый, чтобы всадить имъ двѣ пули въ лобъ?

— Нѣтъ, сэръ Эдуардъ, эти два хищныя звѣря живѣхоньки.

— И будутъ жить, графиня, до скончанія вѣка. Поговоримте-же о другомъ.... Если-бъ я хотѣлъ основать какое-нибудь заведеніе или выстроить себѣ жилище, то непременно поселился-бъ на этомъ полуостровѣ солища.

— Сэръ Эдуардъ, отвѣчала Октавія, громко смѣясь: вы не имѣете наклонности ни къ торговой, ни къ пустынныйческой жизни.

— Графиня, наклонности измѣняются каждыя десять лѣтъ въ жизни человѣка. Самый обыкновенный случай производитъ эти измѣненія. Позвольте мнѣ сдѣлать предположеніе.... Я люблю женщину.... послѣ тридцатилѣтняго возраста, любовь становится дѣломъ серьезнымъ. Сильныя страсти приходятъ поздно.... я основываю всю свою будущность на любви этой женщины.... вся жизнь моя принадлежитъ ей; счастье мое — ея улыбка; горизонтъ мой — слѣды ея ногъ.... я лишаюсь этой женщины....

— До свадьбы, сэръ Эдуардъ?

— До свадьбы?... О! тогда я отыскиваю уголокъ подъ солнцемъ, гротъ Камозаса, островъ Робинзона, земной рай, чтобы сдѣлать изъ него могилу жизни моей, и молю Бога, чтобы онъ прислалъ мнѣ послѣ смерти моей могильщика — льва!

— Сэръ Эдуардъ, вы не подвергаетесь этой участи.

— Почему вы знаете?

— Чтобы угадать это, не надо быть Кумской Сивиллой. Вы женитесь, сэръ Эдуардъ.

— На комъ?

— Богъ знаетъ. Міръ наполненъ женщинами, ожидающими мужей.

— И отказывающими имъ.

— Сэръ Эдуардъ, вамъ не откажутъ.

— Мнѣ уже два раза отказали.

— Во снѣ?

— На яву.

— Расскажите мнѣ эти обстоятельства, сэръ Эдуардъ. Я большая охотница до подобныхъ исторій.

— Графиня, мнѣ было двадцать-пять лѣтъ, когда я хотѣлъ жениться на миссъ Эрминіи, дочери консула въ Трангвебарѣ. Я пріѣхалъ со всеми пужными бумагами въ рукахъ и съ свадебнымъ платьемъ подъ мышкой.... на-канунѣ невѣста моя вышла за стараго антикварія!.... Вторая брачная неудача моя еще ужаснѣе: я былъ во Флоридѣ, въ пустынѣ, населенной львами и слонами; я былъ одинъ съ женщиной, на которой хотѣлъ жениться — не упоминаю о пріятелѣ, который несколько не заботился объ этой женщинѣ.... Чѣмъ это кончилось? Пріятель женился на ней!

— Не любя ее?

— Другъ мой задумывалъ самоубійство, въ слѣдствіе несчастной любви; онъ искалъ оружіе, которымъ-бы убить себя, нашель эту женщину и женился на ней.

— Онъ умеръ?

— Живѣхопекъ, графиня; онъ счастливъ.... благословляетъ судьбу, богатъ, имѣеть двухъ дѣтей или болѣе....

— Теперь я понимаю; вы страшитесь третьей неудачи....

— Именно.... еще болѣе, графиня; я даже друзьямъ приношу несчастье: вы сама могли убѣдиться въ томъ въ Смирнѣ. Готовится свадьба, я пріѣзжаю — и все разстроивается!... У меня на совѣсти еще важнѣйшее преступленіе....

— Ахъ, Боже мой! вы пугаете меня, сэръ Эдуардъ, — сказала Октавія улыбаясь: — кайтесь!

— Будутъ-ли мнѣ отпущены грѣхи мои?

— Если они слишкомъ велики, то я буду молиться за васъ.

— Говорили, будто-бы появленіе мое въ Смирнѣ разстроило свадьбу молодого подростоващаго дипломата съ прелестной графиней, очень-коротко вамъ знакомой.

— Я не знаю никакой прелестной графини.

— Я-бъ долженъ былъ сказать ваше имя, графиня: я былъ увѣренъ, что вы не узнаете себя.

— Позвольте-жъ мнѣ вамъ сказать, что послѣдніе слухи несправедливы. Я знала въ Смирнѣ двухъ умныхъ и благородныхъ молодыхъ людей, моихъ соотечественниковъ; правда, они напоятывали мнѣ намѣтки о любви, но серьезнаго ничего не было. Впрочемъ у обоихъ большой недостатокъ: они слишкомъ молоды для меня.

— Со-временемъ они избавились-бы отъ этого недостатка.

— Да, но я избавилась-бы отъ него десятью годами прежде ихъ. Женщины старѣются скорѣе мужчинъ.

— Справедливо....

— Слѣдовательно, сэръ Эдуардъ, преступленіе ваше не такъ велико, какъ вы думали.

— Боже мой! Какъ вы осчастливили меня! Увѣряю васъ, я-бы не утѣшился во всю жизнь, если-бъ по фатализму, связанному съ жизнію моею, лишилъ васъ мужа.

— Благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете во вторичномъ моемъ бракѣ. Я не вѣрю въ вашъ фатализмъ, и надѣюсь, что если я рѣшусь второй разъ связать себя руки узами брака, то вы распишетесь на свадебномъ контрактѣ и — это не навлечетъ на меня никакой бѣды.

— О! графиня, я раздавлю перо и не подпишусь.

— Вы подпишетесь.

— Я не хочу осудить васъ, графиня, на вѣчное вдовство; я напротивъ, желаю, чтобы вы пережили трехъ мужей. Долгъ прелестной женщины есть умножать число счастливыхъ.

— Коли вы не хотите подписаться на моему контрактъ, то я не вступлю во вторичный бракъ. Теперь я вѣрю въ вашъ фатализмъ, сэръ Эдуардъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать маленькое условіе. Если мужъ, котораго вы возвысите до себя, покажется мнѣ достойнымъ своего счастья, то я подпишусь обѣими руками.

— Мнѣ кажется весьма-страннымъ, сэръ Эдуардъ, что вы хотите сдѣлаться судьей въ моемъ выборѣ.

— Иначе не подпишусь.

— И не нужно.

— Неужели вы думаете, что если-бъ, напримѣръ, вы вышли за мистера Тобуэра, я рѣшился-бъ принять участіе въ этомъ дѣдѣ?

— Э, Боже мой! Ктѣ говорить о мистерѣ Тобуэръ? Онъ влюбленъ въ свою особу, и не измѣнитъ себя.

— Хорошо. Оставимъ Тобуэра. Я упомянулъ о немъ потому, что здѣсь такъ мало мужчинъ — разумѣтся, бѣлыхъ!... Напримѣръ, я позволилъ-бы вамъ выдти за полковника Дугласа...

— Благодарю за милость. Вы позволяете мнѣ выдти за женатаго.

— Онъ еще не женатъ.

— Женитесь завтра или послѣ завтра.

— Кто знаетъ!

— А! ужъ это слишкомъ, сэръ Эдуардъ! Мы пріѣхали съ другаго конца свѣта, чтобы, по министерскому повелѣнію, заключить бракъ Амаліи, а вы еще говорите — кто знаетъ? Въ Смирнѣ, брачное ДА остановилось на первой буквѣ; мы проѣхали три тысячи лѣ, чтобы произнести вторую букву, а вы думаете, что мы промолчимъ! Сэръ Эдуардъ, вы сами не знаете, что говорите!

— Графиня, вы на балконѣ, а я подъ балкономъ; на этомъ разстояніи мы очень хорошо можемъ слышать, но не понимать другъ-друга; мы играемъ въ загадки.

Въ это время листокъ бумаги упалъ съ дерева къ ногамъ Эдуарда.

— Кстати о загадкахъ, сказала графиня: съ этого дерева падаютъ странные, загадочные листья!

— Да, отвѣчалъ Эдуардъ, небрежно поднимая бумажку, это растительный феноменъ. Подобныя вещи случаются только въ Бенгалии.

— Не ведете-ли вы переписку съ какой-нибудь сифидой? сэръ Эдуардъ.

— На этомъ листкѣ почти ничего нѣтъ....

— Почти?

— Хотите-ли прочесть, графиня, что здѣсь написано?

— О! ни за-что! Я уважаю воздушныя тайны.

— Здѣсь написаны четыре стиха нашего поэта Кембля, автора поэмы: Pleasures of hope (*Удовольствія надежды*).

— А! поэтъ Кембль сидитъ на этомъ деревѣ.... съ птицами?... Жаль, что листья такъ густы, что нельзя увидать, кто бросилъ вамъ эту бумажку.... Можно-ли прочесть эти стихи?

— Я вамъ сейчасъ пришлю ихъ съ какою-нибудь служанкой.

Эдуардъ съ такою поспѣшностью пошелъ къ крыльцу, что графиня Октавія, сначала недовѣрявшая словамъ его, вполне убѣдилась въ справедливости ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ Эдуардъ, сказала она, смѣясь, не трудитесь; оставайтесь здѣсь и будемте опять разговаривать лѣтниво, безъ цѣли, безъ предмета, схватывая на лету первую попавшуюся идею... Скажите-жь, сэръ Эдуардъ, какимъ образомъ стихи Кембля выросли на этомъ деревѣ?

— Я самъ положилъ ихъ туда, сегодня утромъ.... Вы заставляете меня измѣнить себѣ.... Я надѣялся, что полуденный вѣтерокъ снесетъ ихъ съ дерева къ вашимъ ногамъ, а они, голубчикъ, упали къ моимъ!

— Это объясненіе довольно-правдоподобно.

Эдуардъ небрежно держалъ въ рукахъ листокъ бумаги и въ одно и тоже время разговаривалъ и читалъ.

Читатели, вѣроятно, уже угадали, что Низамъ, пробравшійся какъ вѣшка, съ сучка на сучокъ къ этому дереву, бросилъ къ ногамъ Эдуарда эту бумажку, несложенную для того, чтобы не возбудить подозрѣній графини. Мы сообщимъ содержаніе этой записки отрывками, точно такъ, какъ ее читалъ Эдуардъ.

«Сэръ Эдуардъ,

«Врела листикъ, будешь пользоваться имъ»....

— Графиня, говорилъ сэръ Эдуардъ, позвольте мнѣ перевести вамъ стихи Кембля :

«О! какъ-бы я желалъ быть вѣтромъ, который играетъ преле-
стными вашими локонами, подобными блестящему черному дере-
ву на слоновой кости вашихъ щекъ!

— Какая восточная поэзія!

— Она мнѣ нравится.

«Таинственный фикирь, просящій милостыню подь деревьями,
«разговаривалъ сегодня утромъ съ беранджелъ, съ обритой головой;
«я присматривалъ за ними»...

— Сэръ Эдуардъ, я не большая охотница до сравненій...

— О, графиня! прервалъ ее Эдуардъ: остановитесь еще минуту
въ этомъ положеніи; я-бы желалъ теперь срисовать вашъ пор-
ретъ...

«Фикирь и беранджъ разстались, но по знакамъ я угадалъ, что
«они назначили другъ-другу свиданіе на томъ-же мѣстѣ»...

— Васъ, графиня, въ этомъ положеніи, можно сравнить съ од-
ной картиной Гюка, съ тою только разницею, что въ васъ все-
гда аристократическая граціозность, между-тѣмъ, какъ въ жен-
щинѣ на картинѣ Гюка, видна чисто-фламандская наивность.

— Я уже сказала вамъ, что не люблю сравненій.

— О, зачѣмъ я не живописецъ! Какъ очаровательны самые
предметы, окружающіе васъ!... По сторонамъ идутъ изумрудные
листья, какъ-бы усыпанные золотистою пылью; надъ вами эти
листья сплетаются, вьются... балюстрада балкона въ прекра-
сномъ индѣйскомъ вкусѣ и отъ него прекрасно отдѣляется очаро-
вательный контуръ вашей руки, небрежно лежащей на карнизѣ...
Позвольте мнѣ срисовать хоть предметы, обрамливающіе васъ...

«Я отправился къ себѣ, сэръ Эдуардъ; нарядился въ свой рисо-
«вый костюмъ — перазъ уже служившій мнѣ; — этотъ костюмъ
«сдѣланъ изъ холста, покрытого рисовыми стебельками. Перео-
«двигшись, я воротился на прежнее мѣсто и растянулся на полъ
«такъ, что меня нельзя было отличить отъ рисовой зелени»...

— Знаете-ли, сэръ, что вы поступаете довольно невѣжливо,
заставляя меня сидѣть для того только, чтобы вы могли срисо-
вать предметы, окружающіе меня?

— Простите, графиня, повинуйтесь мнѣ еще двѣ минуты, по-
слѣ я буду повиноваться вамъ всю жизнь.

— Поторопитесь.

— Отъ нѣжно-темнаго грунта открытаго окна восхитительно

отдѣляется бѣлизна вашего лица, вашихъ плечъ и рукъ и вашего кнѣсного корсажа.... Позвольте мнѣ слегка означить тѣнь этого грунта.

«*Факиръ и бераиджъ пришли. Они осторожно осматривались. «Пустыня была пустыня, какъ говорили мы, Индйцы. Они положили что-то, вероятно, оружія, въ высокую траву, закрытую вѣтвями, вѣходя въ пещеру, изъ которой вытекаетъ русскъ. Потомъ Факиръ сказалъ: Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы начали эту работу; черезъ нѣсколько дней, черезъ нѣсколько часовъ, она, при помощи бога Сивы, будетъ кончена. Другой отвѣтилъ: Въ слѣдующую ночь мы наконецъ будемъ въ состояннн напасть на Нербудское жилище и убить начальниковъ враговъ нашихъ....»*

— Сэръ Эдуардъ, сказала графиня нетерпѣливо: вы слишкомъ долго ерисовываете рамку. Мнѣ надобно ждать. Я сойду внизъ.

Эдуардъ поспѣшно прочиталъ это страшное письмо и наскоро набросалъ на другой половинѣ листка рисунокъ балкона и стипъ Кемпбеля (*).

Вотъ окончаніе письма вѣрнаго Низама:

«*Слѣдовательно, я не напрасно подозревалъ нѣмыхъ нищихъ и земледѣльцевъ, бродящихъ около жилища и въ окрестностяхъ его. Тоги придумали какой-то дьявольскій планъ. Между-тѣмъ какъ мы наипревелись напасть на нихъ, они готовятъ задушить насъ. Десять лѣтъ уже прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ они начали работу. Какую работу? Увидимъ. Будьте осторожны.»*

«*Я не хотѣлъ показаться въ жилище, чтобы меня не задержали, когда каждая минута драгоценна. Я по деревьямъ добрался до васъ. Лишь только наступитъ опасность, вы услышите мой голосъ. Велите запереть ворота. Готовьтесь: опасность велика и близка.»*

Эдуардъ пошелъ къ крыльцу, на-встрѣчу графинѣ, и увидавъ ее, сказалъ, показывая рисунокъ.

— Вотъ, графиня, портретъ, который во всю жизнь мою будетъ напоминать мнѣ васъ.

— Прекрасно: но въ этомъ портретѣ недостаетъ только одного: а именно — портрета.

(*) Поэтъ Кемпбъ умеръ въ нынѣшнемъ году во Франціи, въ Булонь (Boulogne-Sur-Mer). Тѣло его было перевезено въ Лондонъ и погребено въ Вестминстерѣ.

— Воспоминаніе есть величайшій живописецъ, графиня. Я-бы могъ забыть этотъ арабескъ зеленыхъ листьевъ и цвѣтковъ; этотъ хорошенькій балконъ, на которомъ такъ весело играетъ солнце..... но я никогда не забуду очаровательный образъ, улыбавшійся въ свѣтлой, пѣжной прозрачности этой рамки и воспоминаніе безпрестанно будетъ мнѣ рисовать ее на этомъ балконѣ.....

— Сэръ Эдуардъ, не придавайте разговору серьезнаго направленія; я боюсь впасть въ меланхолію.... Неужели вы думаете, что я нахожу положеніе свое забавнымъ?... Я не скоро привыкну къ этой странѣ, въ которую я такъ необдуманно пріѣхала, повинаясь одной идеѣ, въ нелѣпности которой я сознаюсь тотчасъ-же по пріѣздѣ своемъ сюда... Хотите-ли вы мнѣ поправиться, сэръ Эдуардъ?

— Это-бы мнѣ очень понравилось.

— Оставьте серьезные разговоры; будьте всегда веселы, сэръ Эдуардъ; воображайте, что у васъ два тигра предъ глазами; а если и будетъ что-нибудь печальное, такъ сообщите это мнѣ смѣясь, шутя.

— Будетъ исполнено. О чемъ-же мы будемъ говорить, съ постояннымъ аккомпанементомъ улыбокъ?

— Обратитесь опять къ разговору, прерванному стихами Кембля.

— Прекрасно!... Тѣмъ болѣе, что мы разговаривали о самомъ забавномъ, незначительномъ предметѣ — о бракъ.

— Точно-ли?

— Вы прервали меня въ то самое время, когда за невозможностью выдти за Дугласа, я хотѣлъ предложить вамъ графа Жилля-дель-Пилара. Онъ молодой человѣкъ, ученый, образованный, свѣтскій; нѣсколько склоненъ къ серьезнымъ разговорамъ, по привычка....

— Э, Боже мой! Я очень-хорошо знаю графа, сэръ Эдуардъ.....

— И въ-самомъ-дѣлѣ, вы знаете его лучше меня, графиня; я забылъ — я невыразимо разсѣянъ. Я охотно подпишу контрактъ, если вы выйдете за графа дель-Пилара. Это приличная для васъ партія, во всѣхъ отношеніяхъ.

Октавія сѣла на скамью изъ плетенаго бамбуковаго тростника, небрежно скрестила руки и стала смотрѣть на террасу, дерева, фасадъ, какъ будто-бъ желала короче ознакомиться съ окружающими ее предметами.

Эдуардъ, стоя передъ нею, игралъ листкомъ смоковницы, и продолжалъ:

— Я былъ весьма счастливъ въ выборѣ друзей: полковникъ Дугласъ и графъ Жиль какъ-бы дополняютъ другъ-друга и, невольно, оказываютъ мнѣ большія услуги. Когда я расположенъ къ веселости, я иду къ Дугласу, и мы смѣемся, какъ дѣти. Когда задумчивость заступаетъ мѣсто веселости, я обращаюсь къ графу дель-Пилару. Мы иногда удивительно расположены къ меланхолии, которой однакоже у насъ нѣтъ въ душѣ; тогда мы занимаемъ ее у другихъ, а графъ въ этомъ отношеніи богатъ.

— Сэръ Эдуардъ, разговоръ принимаетъ колкое направленіе, сказала графиня равнодушнымъ тономъ, которымъ она хотѣла скрыть совершенно противоположное ощущеніе: — развѣ вы умѣете злословить?

— Я не вижу ничего предосудительнаго въ томъ, что я сказалъ. Я — злословлю! о! я слишкомъ себя люблю, слишкомъ хитеръ, остороженъ и привязанъ къ собственному покою. Я очень-хорошо знаю знаменитую китайскую пословицу: *Кто засыпаетъ злословя, проснется оклеветаннымъ.*

— Слѣдовательно, я ошиблась; простите, сэръ Эдуардъ. Мнѣ показалось, что вы поступаете съ графомъ дель-Пиларомъ черезъ-чуръ по-пріятельски.

— Никто болѣе меня не уважаетъ графа Жилья, только.....

— Пожалуйста, сэръ Эдуардъ, оставимте это. Объ отсутствующихъ никогда не должно говорить дурно.

— Простите, графиня; если я васъ невольно обидѣлъ чѣмъ нибудь, то истинно раскаиваюсь въ томъ.

— Опять за серьезное, сэръ Эдуардъ!.... Неужели вы, кромѣ упомянутыхъ уже вами друзей, не находите никого, достойнымъ руки моей?

— Правда, правда, графиня, я забылся..... будемъ шутить. И такъ вы рѣшительно отказываете мистеру Тобуэру, полковнику Дугласу и графу Жилью.....

— Продолжайте, продолжайте, сэръ Эдуардъ.

— Больше никого не нахожу.

— Поищите.

— Позвольте.... позвольте, графиня.... Знаете-ли вы капитана Мосса?

— Нѣтъ.

— Капитана Тэлора?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ на Малабарскомъ берегу болѣе никого нѣтъ; перейдемте на Каромандельскій.

— Я никого не знаю на Каромандельскомъ берегу; ищите въ другомъ мѣстѣ, сэръ Эдуардъ.

— Графиня, если вы не поможете мнѣ, то я никого не придумаю.....

— А о себѣ вы забыли, сэръ Эдуардъ?

— Забылъ, совершенно забылъ!.... Поворно васъ благодарю, графиня, что напомнили..... Коли вы позволяете мнѣ стать въ число жениховъ, имѣющихъ право пекать руки вашей, то, признаюсь.....

— Говорите...

— Я охотно подпишу контрактъ.

— А фатализмъ?

— Подаетъ въ отставку.

— Сэръ Эдуардъ, я довольна вами; вы очень-мило шутите..... Будемъ продолжать..... фатализмъ побѣжденъ; мы обвѣнчаны. Я ваша жена, леди Клербобъ..... Скажите, какой-же родъ жизни изберемъ мы, my dearest husband, мой дражайшій супругъ?

— Самый лучший, милая жена.

— Кто-же изъ насъ будетъ главный въ домѣ?

— Оба.

— Кто-жъ будетъ повиноваться?

— Я буду повиноваться, если вамъ угодно.

— Долго-ли?

— Всегда.

— Это вы, господа, всѣ говорите — до свадьбы!

— Испытайте.

— Хорошо было-бъ если-бъ можно было испытать! По несчастію, за испытаніемъ слѣдуетъ иногда раскаяніе, продолжающееся до смерти.

— Графиня, въ Лондонѣ образовалось общество застрахованія отъ раскаянія.

— Прекрасно, сэръ Эдуардъ! Вы продолжаете шутить.....

— Увы! я не шучу. Это общество существуетъ. Я застраховалъ себя. Стоить только представить пять достовѣрныхъ свидѣтелей, заставшихъ васъ въ располхъ въ раскаяніи — и васъ щедро вознаграждать. Капиталъ общества въ десять миліоновъ.

— Какъ это утѣшительно, сэръ Эдуардъ! Развѣ вы намѣревались жениться въ Лондонѣ, коли помышляли о раскаяніи?

— Нѣтъ, я застраховался на всякій случай и, въ особенности, чтобы услужить одному пріятелю, мистеру Пірсону, взявшему двѣнадцать тысячъ акцій въ этой компаніи.

— И какъ вы это серьёзно говорите!

— Развѣ вы не вѣрите? Хотите держать пари? Если я доставлю вамъ доказательство, то вы должны будете выдти за мужъ.

— За кого?

— Конечно за меня.

— Да вѣдь мы ужъ женаты.

— Виноватъ — забылъ.

— Прекрасно!.... Если-бъ я была застрахована отъ раскаянія, то сейчасъ-же потребовала-бъ вознагражденія отъ компаніи.

— У васъ нѣтъ пяти достовѣрныхъ свидѣтелей.

Молодая женщина промолчала нѣсколько минутъ; она играла браслетомъ; на лицѣ ея была легкая улыбка, и по полураскрытымъ устамъ замѣтно было, что она намѣревалась выразить словами какую-то робкую мысль.

— Сэръ Эдуардъ, сказала она: я встрѣчалась съ вами въ жизнь свою только три раза; въ первый разъ я стала уважать васъ, во второй — прокляла, въ третій.....

— Я погибъ, если вы соблюдете правило постепенности.

— Въ третій, я сдѣлалась вашей женой.

— Я ожидалъ лучшаго, графиня.....

— Соблюдая правила постепенности?

— Нѣтъ, графиня, правила противоположностей.

— Вы слишкомъ самолюбивы. Привязанности приступомъ взять нельзя.

— Въ Парижѣ такъ дѣлается. Я сообразуюсь съ обычаями вашей родины.

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія, слегка вздохнувъ: мы, кажется, зашли слишкомъ далеко шутками нашими.

— По-несчастію, только шутками!

— Но вѣдь это-то и пріятно.

— Вы думаете?

— Я думаю, что мы можемъ теперь остановиться — не такъ-ли?

— Я не люблю останавливаться на половинѣ дороги.

— Но развѣ вы не видите, что полковникъ Дугласъ идетъ къ намъ?

— Не вижу, графиня.

— Такъ позвольте-жъ мнѣ имѣть глаза за васъ, сэръ.

Полковникъ Дугласъ поклонился графинѣ Октавіи, пожалъ руку Эдуарду и шепнулъ ему по нидѣйски:

— Я видѣлъ Пизама.

— Полковникъ, сказала Октавія: мнѣ пришла прелестная мысль.

— Не удивляюсь.

— Мнѣ кажется, что въ этомъ жилищѣ можно найдти счастье и я рѣшилась поселиться въ немъ.

— Графиня, сказалъ полковникъ: не-смотря на все удовольствіе, которое можетъ доставить мнѣ ваше намѣреніе, я должеп отсовѣтовать вамъ...

— Почему?

— Я полагаю, отвѣчалъ полковникъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что жизнь, которую мы здѣсь ведемъ, не долго можетъ нравиться вамъ. Съ перваго взгляда эта оригинальная природа имѣетъ нѣкоторую прелесть — я съ тѣмъ согласенъ; но она нравится какъ все новое, и очень-скоро прискучиваесть... спросите хоть сэръ Эдуарда.

— О! возразила Октавія: сэръ Эдуардъ совершенно противоположнаго мнѣнія; онъ за нѣсколько минутъ еще говорилъ мнѣ о Нербуддѣ съ такимъ артистическимъ энтузіазмомъ...

— Да, сказалъ Дугласъ: Эдуардъ часто увлекается; но, по здоровомъ размышленіи, онъ смотритъ на предметы съ точностію и равнодушіемъ математика... не такъ-ли, Эдуардъ? прибавилъ Дугласъ съ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, и какъ-бы желая напомнить Эдуарду о пьесѣ Пизама, забытомъ въ прелестномъ, очаровавшемъ его разговорѣ.

Октавія пристально посмотрѣла на сэра Эдуарда.

— Это зависеть отъ характера, отъ организаціи, отвѣчалъ послѣдній, послѣ минутнаго молчанія. Съ любовію къ уединенію и размышленію можно жить здѣсь точно также, какъ и въ другомъ мѣстѣ; но это убѣжище особенно приличествуесть человѣку, который сдѣлался эгонистомъ, оказавъ множество услугъ неблагодарнымъ..

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія, смѣясь: вы говорите это какимъ-то страннымъ тономъ; — точно методистъ-ораторъ, который, услышвъ или разогнавъ слушателей своихъ, продолжаетъ такъ рѣчь свою, потому-что ему за нее заплатили.

— Извольте видѣть, отвѣчалъ Эдуардъ съ притворно-серьезнымъ видомъ: весьма-трудно дать совѣтъ нас-четъ выбора мѣста жительства. Мало-ли что можетъ случиться? Подавая совѣтъ, мы

навлекаемъ на себя большую отвѣтственность. Теперь, на-примѣръ, мы наслаждаемся всѣми удовольствіями міра; мы спокойны, счастливы. Отсутствіе всѣхъ заботъ написано на нашихъ лицахъ. Но въ этой странѣ нѣтъ ничего постоянного. Прелестное, голубое индѣйское небо можетъ черезъ часъ покрыться тучами и разразиться надъ нами громомъ или дождемъ. Сосѣднія поля могутъ покрыться индѣйскими чудовищами, которымъ надоѣло наше владычество и алчущими нашей крови. Молнія на небѣ или слово факира могутъ разрушить наше спокойствіе. Мнѣ кажется, что я довольно-вѣрно объяснилъ мысль полковника Дугласа, который соединяетъ въ себѣ непоколебимое мужество съ умною осторожностью.

— Полковникъ Дугласъ, сказала графиня съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: будьте откровенны со мною; не предвидите-ли вы какихъ-либо опасностей? Я знаю, что ни вы, ни сэръ Эдуардъ не стали-бъ говорить такимъ-образомъ съ женщиной, если-бъ были спокойны на-счетъ настоящей и будущей безопасности вашей.

— Графиня, отвѣчалъ Дугласъ: настоящее принадлежитъ намъ, — слѣдовательно, не можетъ безпокоить насъ; но будущее въ рукахъ Бога и враговъ нашихъ.

— Не шутя, я не понимаю васъ, господа, сказала графиня съ выраженіемъ неудовольствія. Еще сегодня утромъ вы оба увѣрили меня, что живете въ земномъ раю, что счастье можно обрѣсти только въ Нербуддѣ, что миръ на-вѣки упроченъ въ Бенгаліи, что страшные Тѣги превратились въ настоящихъ ягитъ... Вдругъ вы начинаете говорить совершенно-противное... Я только и слышу, что гроза и молнія, чудовища и враги...

— Позвольте, графиня, прервалъ ее полковникъ съ принужденнымъ смѣхомъ: мы только хотѣли дать вамъ совѣтъ, на-счетъ намѣренія вашего поселиться въ Нербуддѣ... Когда дѣло идетъ о будущемъ, то надо быть чрезвычайно-осторожнымъ...

— Тутъ что-то скрывается, сказала молодая женщина, покачавъ головой. Полковникъ, вы, вѣроятно, тоже изъ осторожности откладываете женитьбу свою... вы страшитесь будущности...

— Нисколько, графиня: я забочусь о женитьбѣ своей болѣе, нежели когда-либо...

— Это видно, полковникъ... Впрочемъ, я въ это дѣлѣ болѣе не вмѣшиваюсь... Скажите лучше, что-бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Назовите мнѣ какое-нибудь совершенно-безопасное мѣ-

сто въ английскихъ владѣнiяхъ. Я принимаю совѣты ваши, основательны-ли они или нѣтъ... Я оставляю Нербудду... Куда-же мнѣ ѣхать?

— Хорошенькое селенiе Руджѣ можетъ служить вамъ безопаснымъ мѣстопребыванiемъ, отвѣчалъ полковникъ, съ притворнымъ спокойствiемъ. Тамъ есть небольшой кругъ Европейцевъ...

— Полковникъ, ваша Руджѣ несносна; я охотнѣе соглашусь жить въ хижинѣ прошлой ночи. Не говорите мнѣ о Руджѣ.

— Вы можете избрать какой-нибудь приморскiй городъ на Малабарскомъ берегу.

Октавiя промолчала нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнiя, думала она, что эти господа хотятъ удалить меня отсюда — на зло-же имъ останусь. Я-бы бѣжала отъ опасности; но опасности никакой нѣтъ; я не хочу, чтобы меня удалили отсюда интриги, хитрости этихъ господъ. Меня обманываютъ — обману-жъ и я.

— Конечно, сказала Октавiя: я-бы охотно избрала приморскiй городъ, въ особенности для морскихъ ваннъ... Бомбай, говорятъ, прекрасный городъ...

— Бомбай, графиня, можно назвать предмѣстьемъ Лондона.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось видѣть Голконду, по причинѣ оперы, дѣйствiе которой происходитъ въ этомъ городѣ и которая чрезвычайно нравилась мнѣ, когда я была еще ребенкомъ.

— Графиня, сказалъ Эдуардъ: располагайте мною. У насъ есть прекрасныя паланкины, здоровыя, сильныя носильщики; что-же касается до проводника, то позвольте мнѣ положить къ стопамъ вашимъ индiйскую ученость и преданность мою.

На лицѣ Октавiи выразилось негодованiе. Тотъ-же самый человекъ, который за нѣсколько минутъ выказалъ ей столько истинной любви, теперь искуснымъ образомъ изгонялъ ее отсюда... Боясь измѣнить себѣ, она встала и граціозно поклонившись Эдуарду и Дугласу, сказала:

— Господа, мы увидимся за обѣдомъ, не такъ-ли?... Я подумаю теперь о поѣздкахъ своихъ по Бенгалiи... Мы послѣ поговоримъ о нихъ вмѣстѣ... Мнѣ нужны будутъ совѣты такого умнаго, храбраго и осторожнаго человека, какъ полковникъ Дугласъ, и такого преданнаго, благороднаго и искренняго друга, какъ сэръ Эдуардъ.

Октавiя еще разъ ласково поклонилась и ушла въ жилище.

XII.

ПИСЬМО СЭРА ЭДУАРДА.

Октавія заперлась въ своей комнатѣ и не выходила изъ нея, даже когда прозвонилъ обѣденный колоколь.

Она находилась въ томъ странномъ состояніи духа, въ которомъ женщина не умѣетъ дать себѣ отчета и которое, не будучи объяснено, производитъ какое-то раздраженіе и невыносимую скуку. Октавія сама не знала, любить-ли она или ненавидитъ графа Жилия.

Любовь, неустившая еще корней, и ненависть, происходящая отъ этой любви, отринутой при самомъ рожденіи ея, образуютъ во мракѣ сердца странную страсть, для которой нѣтъ названія въ человѣческомъ языкѣ.

Прошедшая ночь, долгая и полная ощущеній, какъ цѣлая жизнь, изгнала почти изъ сердца Октавіи эту любовь или ненависть, и открывала предъ нею новый горизонтъ; но самолюбіе ея еще страдало. Прежде нежели предаться мечтамъ о новой будущности, графиня Октавія желала-бы избавиться неяснаго, неприятнаго воспоминанія о прошедшемъ. Она желала-бы видѣть бракъ Дугласа съ Амалією, потому-что этотъ бракъ служилъ местию, невинной, по мнѣнію ея, молодому графу за то, что онъ презрѣлъ ея любовь; бракъ этотъ удалъ-бы навсегда молодого человѣка, присутствіе котораго безпрестанно раздражало самолюбіе ея.

Между-тѣмъ желаніе ея не сбылось. Дугласъ, по необъяснимой или слишкомъ-ясной причинѣ, уклонился отъ этого брака. Октавія думала, что онъ, вѣроятно, тайно женатъ и покровительствовать любви Жилия, надѣясь такимъ-образомъ удовлетворить требованіямъ министра и собственной чести своей. Октавія почти угадывала.

Съ другой стороны, безразсудная и смертельная ненависть ея къ сэру Эдуарду уже не существовала, и уваженіе казалось ей недостаточнымъ для того, чтобы достойнымъ образомъ замѣнить навсегда жасную ненависть. Сильное ощущеніе должно

замѣняться равнымъ, и холодное уваженіе, въ этомъ случаѣ, не имѣеть цѣны. Дружба прекрасное чувство — это безспорно; но между молодою женщиною и молодымъ мужчиною она подвергнута нѣкоторымъ опасностямъ.

Октавія охотно согласилась-бы принять какое-нибудь рѣшительное намѣреніе, чтобы избавиться еякуки, тяготѣвшей надъ нею. Она невольно изумлялась, что такъ часто забывала дерзость графа дель-Пилара, чтобы мечтать о страшной и вмѣстѣ очаровательной ночи, въ которую предъ нею открылось все величіе души Эдуарда. Она безпрестанно вспоминала о мужественной простотѣ героизма его; о дивномъ соблюденіи приличій въ пустынномъ, мрачномъ мѣстѣ; о спокойномъ, скромномъ мужествѣ, дѣйствовавшемъ какъ-бы по обязанности, безъ малѣйшаго самодовольствія, и отклонявшемся отъ признательности. Обстоятельства прошедшей ночи вынудили Эдуарда высказать свою любовь, но это самое признаніе придало еще болѣе цѣны почтительности его во всю ту ночь и во все утро. Во-время послѣдняго разговора на балконѣ и террасѣ, когда Эдуардъ искусно заговаривалъ о страсти своей, достаточно было одного слова или знака Октавіи, чтобы придать разговору беззаботную веселость, позволявшую объясняться шути.

Неожиданный приходъ Дугласа разстроилъ Октавію и перемѣшалъ въ мрачный хаосъ различныя ощущенія, прошедшія и настоящія, начинавшія уже уступать мѣсто новымъ чувствованіямъ. Что значилъ знакъ, сдѣланный Дугласомъ Эдуарду и схваченный на-лету проникательнымъ взглядомъ женщины? Отъ-чего Эдуардъ, до той минуты веселый и беззаботный, сдѣлался вдругъ задумчивъ и мраченъ? Октавія терялась въ догадкахъ и начинала уже подозрѣвать двумысленную записку, упавшую съ дерева къ ногамъ сэра Эдуарда.

За нѣсколько часовъ до солнечнаго заката, къ героинѣ нашей вошла молодая Индіанка и положила письмо на геридонъ, установленный цвѣтами и плодами.

Дѣвушка, исполнивъ порученіе, хотѣла уже удалиться, но Октавія остановила ее и спросила, отъ кого это письмо. Молодая дѣвушка отвѣчала на бенгальскомъ нарѣчій, что разсердило графиню, и спокойно вышла, какъ будто-бъ ее пожали.

Октавія нѣсколько минутъ смотрѣла на письмо, не прикасаясь къ нему, какъ-бы страшаясь взрыва. Почеркъ надписи былъ англійскій, что пугало графиню. Это письмо, безъ сомнѣнія, бы-

до отъ сэра Эдуарда. Приличіе требовало отослать письмо обратно, не распечатавъ его... Между-тѣмъ незья-же было въ Бенгаліи поступать какъ въ Парижѣ, особенно съ человѣкамъ со слѣдъ почтительнымъ, благороднымъ, робкимъ... Эта мысль очень поправилась графини... Сверхъ-того, она могла ошибаться... письмо это, можетъ-быть, было отъ полковника Дуглэса или мистера Тѳуэра... ихъ почеркъ тоже англійскій... Англичане все пишутъ однимъ почеркомъ... такъ что каждый Англичанинъ, получая письмо, воображаетъ, что онъ самъ написалъ его въ разсѣянности.

Эти причины, въ соединеніи съ непобѣдимымъ любопытствомъ, заставили молодую женщину протянуть руку къ письму.

На печати не было герба. Слѣдовательно, письмо не отъ сэра Эдуарда... Онъ вѣду приплетасть гербъ свой. Въ такомъ случаѣ оно отъ Тѳуэра... Смѣшно было-бы трепетать передъ почеркомъ Тѳуэра.

Никакого нѣтъ сомнѣнія! Это письмо отъ мистера Тѳуэра!.. сказала вслухъ Октавія, чтобы придать себѣ болѣе смѣлости.

Она разломала печать, смотритъ на подпись... Нѣтъ! письмо отъ сэра Эдуарда... Кто-бы это могъ подумать? Кто? — Октавія.

Письмо открыто...

— Чтѣ-жъ! сказала Октавія: я опять закрою письмо и возвращу его Эдуарду съ такимъ достоинствомъ, что онъ не осмѣлится сомнѣваться въ томъ, что я его не читала... Впрочемъ письмо отъ сэра Эдуарда должно быть очень-любопытно!...

Последнюю фразу она сказала три раза сряду...

— Я отдамъ письмо не читая, а сэръ Эдуардъ все-таки не повѣритъ тому... Такъ ужъ лучше прочту.

Разсуждая такимъ образомъ, Октавія взяла письмо...

— Я прочту только первыя строки; вѣдь отъ меня зависить остановиться, гдѣ я захочу... При первомъ неприличномъ словѣ, я выброшу письмо изъ окна. Это послужитъ сэру Эдуарду на казаніемъ.

Она приложила руку къ сердцу, какъ-бы приказывая ему быть спокойнымъ и стала читать:

«Сэръ Эдуардъ графинѣ Октавіи.

«Графиня, нѣтъ ничего забавнѣе игры въ догадки; я часто игралъ въ эту игру и всегда проигрывалъ; не смотря на то, я безъ ума отъ нея.»

Это введеніе заставило Октавію улыбнуться; она вздохнула свободнѣе.

— Я напрасно беспокоилась, проговорила она. Сэръ Эдуардъ продолжаетъ нашъ шуточный разговоръ, обративъ его въ письменный монологъ; это еще забавнѣе.

Октавія не знала еще сэра Эдуарда. Рѣшившись писать, онъ предвидѣлъ всю щекотливость прелестной вдовы, и потому сочинилъ письмо свое такимъ образомъ, чтобы съ самаго начала оно не полетѣло за окно. Онъ придалъ формѣ и содержанію письма постепенность, столь искусно расположенную, что графиня должна была прочитатъ его, какъ-бы невольно, до конца.

Молодая женщина, успокоившись послѣ первыхъ строкъ, продолжала читать, останавливаясь изрѣдка, чтобы придумать какое-нибудь извиненіе своему любопытству.

«Вы, графиня, полковникъ Дугласъ и я — анахореты; мы обитаемъ въ пустынѣ. Увы! въ этомъ государствѣ, населенномъ тремя душами, одна находитъ его уже необитаемымъ и отдѣляется отъ двухъ другихъ. Изъ трехъ членовъ этого печальнаго общества остаются только двое.

«Но это еще не все! Съ самой той минуты, какъ вы скрылись, мы съ полковникомъ не въ ладахъ. Потерявъ прекраснѣйшаго половину нашего маленькаго человѣческаго рода, мы лишились живой прелести, улаждавшей печальную горечь нашего убѣжища. Гнѣвъ кишитъ въ нашихъ сердцахъ, беспокойнымъ взоромъ мы наблюдаемъ другъ за другомъ; при первомъ случаѣ разразится война. Мы съ полковникомъ образуемъ уже двѣ противныя партіи — то точно виги и торія. Еслибъ у насъ была типографія, то мы основали-бъ два журнала, чтобы уничтожить другъ друга и уронить наши министерства. Я несколько не удивлюсь, если завтра выстроюсь предъ полковникомъ въ боевой порядокъ, для начатія сраженія на потѣху воронамъ.

«Оставивъ нашу пустыню, слишкомъ населенную для васъ, графиня, вы пошли по тернистой и мрачной дорогѣ догадокъ, безъ проводника и свѣтила. Догадки не что иное, какъ забавныя ошибки — въ ваши лѣта этого не знаютъ, графиня... Однажды, я изъ услужливости назначилъ свиданіе одному пріятелю; я явился на свиданіе первый и прождалъ до вечера — пріятель не приходилъ. Тогда я по-неволѣ пустился въ догадки. Я изобрѣлъ двѣсти-шестьдесятъ-восемь препятствій, чтобы только извинить непростительную неаккуратность пріятеля. Я рассчиталъ, угадалъ все возможные случаи; вошелъ во все тайны жизни молодого человѣка, разобралъ въ подробности механизмъ тысячи пружинъ, изъ которыхъ одна, лопнувъ, можетъ остановить чело-

вѣка, поднявшаго уже ногу, чтобы идти на назначенное свиданіе; я радовался тому что когда пріятель будетъ извиняться, я скажу ему:

— Другъ мой, я такъ и думалъ.

«Объ одной только причинѣ я не подумалъ — объ одной! И эта-то причина и помѣшала пріятелю явиться на свиданіе: онъ умеръ скоропостижно ночью!

«Съ-той-поры я навсегда отказался отъ догадокъ, и не раскаиваюсь въ томъ.

«Мы разговаривали сегодня, графиня; разговаривали дружески — позвольте мнѣ это думать. Вдругъ туча омрачила нашъ разговоръ; одна изъ тѣхъ тучъ, которыя безъ всякой атмосферической причины, являются посреди бѣлаго дня. Вашъ голосъ сдѣлался серьезенъ; едва замѣтная иронія блеснула въ вашемъ взорѣ; вы ушли отъ насъ съ тою холодною, свѣтскою, салонною вѣжливостью, которая въ пустынѣ, подъ пальмовыми деревьями, ужасна. Мнѣ показалось, что въ ущелин, населенномъ черными тиграми, открылся итальянскій театръ; потомъ вы печезли. Деревья и цвѣты грустно опустили головы; солнце скрылось въ полдень.

«Да, графиня, я признаюсь, что приходъ полковника далъ разговору нашему новый характеръ и что мы поступили съ вами не совсемъ вѣжливо. Казалось, что мы хотѣли сказать:

— «Графиня, ваше пріеутетвіе намъ непріятно; вы хорошо сдѣлаете, если удалитесь...

«Нѣкоторые умы одарены такою тонкою прозорливостью, что отъ нихъ не ускользаетъ ни одинъ взглядъ, ни одинъ жестъ, а тѣмъ болѣе слово, пендущее прямо къ цѣли и, следовательно, заставляющее предполагать дурной скрытый смыслъ. Вы обладаете этой рѣдкой организаціей, графиня, которая, какъ и всѣ рѣдкіе качества, часто переходитъ за цѣль и ведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

«Вы пустились въ догадки.

«Эти господа, думали вы, хотять удалить меня. Пріеутетіе мое мѣшаетъ имъ для приведенія въ исполненіе чего-то таинственнаго... Это жилище есть, быть-можетъ, убѣжище оргій или даже преступленій, скрытыхъ отъ цѣлаго міра... Они устроили бракъ графа дель-Пилара и Амаліи, и чтобы легче достигнуть цѣли, удаляютъ меня...

«Я-бы могъ перечестъ вамъ такимъ образомъ всѣ ваши догадки и предположенія, и истощивъ сокровищницу вашего вообра-

женія, я докажу, что вы ошибались. Сказать вамъ, что у насъ нѣтъ никакой тайны, значило-бъ обманывать васъ и обманывать очень нескусно, потому-что, для тонкаго, привычнаго уха, разговоръ тѣ-же, что симфонія, исполненная некусными артистами; при малѣйшей ошибкѣ, знатокъ понимаетъ, что въ оркестрѣ происходитъ что-нибудь особенное, неимѣющее ничего общаго съ партитурой. Вы, вѣроятно, потребуете, чтобы я открылъ вамъ нашу тайну. Позвольте мнѣ обождать нѣсколько дней.

«Какъ вы можете думать, графиня, чтобы я согласился быть участникомъ въ заговорѣ, цѣлю котораго было-бы удалить васъ отсюда! Я согналъ-бы весь свѣтъ съ того мѣста, которое вамъ угодно-бъ было выбрать для себя, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы удѣлили и мнѣ уголокъ, у ногъ вашихъ, на этомъ мѣстѣ. Наше Нербуддское жилище довольно-скучно; ваши глаза придали намъ и слугамъ новую жизнь, новое счастье, изъ котораго вы одиѣ исключены — вы, причина этого счастья! Это несправедливо. Прикажите, графиня, и немедленно я доставлю вамъ жилище, болѣе достойное васъ, въ центрѣ европейскихъ владѣній. Вашъ паланкинъ готовъ. Мы проводимъ васъ съ надежнымъ конвоемъ до Руджѣ. Вы проведете ночь въ этомъ селеніи и завтра, я обещаю вамъ, какъ богинѣ, избрать прелестнѣйшее жилище, окруженное фермами и маленькими селеніями, основанными французскими переселенцами, вашими соотечественниками, которые примутъ васъ съ радушіемъ. Вамъ покажется, что вы находитесь въ окрестностяхъ Парижа. Если-бъ вы знали, какъ природа старалась нарядиться тамъ на французскій ладъ, то не стали-бъ медлить ни минуты. Можно подумать, что добрая мать наша природа какъ-бы думала объ васъ; она на два-лѣ въ окружности уничтожила всѣ тропическія растения; она придала землѣ европейскую растительность, а садамъ видъ образованной страны. Тамъ, между холмами, протекаетъ рѣчка, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на вашу Сену. Графиня Октавія, отъ васъ зависитъ сдѣлаться владѣтельницей этого французскаго помѣстья въ Бенгаліи. Полковникъ Дугласъ, хозяинъ Киримскаго имѣнія, уступаетъ вамъ его за сто ливровъ, то есть двѣ тысячи пять сотъ франковъ. Въ центрѣ Бенгаліи горы стоятъ столько-же, какъ бульжники во Франціи; цѣлый лѣсъ можно купить, какъ букетъ цвѣтовъ, рѣку, какъ бочонокъ воды. Это золотой вѣкъ, времена Адамовскія.

«Вы, я надѣюсь, позволите мнѣ, графиня, посѣтить васъ въ имѣніи, созданномъ для васъ. Мы съ полковникомъ будемъ являть-

къ вамъ каждый день за приказаніями, и узнавать, правится-ли вамъ новый образъ жизни и можете-ли вы къ нему привыкнуть. Если мы ошибемся, то предъ вами опять отворятся двери Нербудскаго жилища и я самъ стану выдумывать разнообразнѣйшія удовольствія, чтобы усладить ваше добровольное изгнаніе и превратить вашу темницу въ земной рай.

«Съверный вѣтерокъ освѣжаетъ воздухъ. Вечеръ будетъ прекрасный. Все способствуетъ нашему маленькому путешествію или большой прогулкѣ. Три паланкина готовы для васъ и вашихъ слугапокъ. Солдаты, назначенные для конвоя, уже на коняхъ. Приказывайте, вы здѣсь царица и окружены людьми, готовыми повиноваться вамъ; преданнѣйшіи изъ нихъ

«Эдуардъ К...»

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что въ письмѣ Эдуарда проявлялось слишкомъ сильное желаніе удалить Октавію, а потому не удивительно, что она рѣшилась остаться. Однакожъ Эдуарду не возможно было поступить иначе. Ночь наступала съ ужасами и опасностями, для которыхъ необходимо было сверхъестественное мужество; слѣдовательно, во что-бы то ни стало, надо было удалить женщину отъ мрачной сцены, на которой готовилась ужаснѣйшая драма. Низамъ не потревожилъ-бы напрасну жителей Нербудды. Съ ночи на ночь должно было ожидать набѣга Тоговъ. Низамъ никогда не ошибался.

Впрочемъ Нербудда приготовилась уже къ защитѣ отъ нападенія Тоговъ; по первому знаку Низама, Дугласъ призвалъ свой избранный батальионъ. Мосеъ и храбрые цыгане его должны были пуститься въ путь немедленно послѣ солнечнаго заката; пользуясь ночью темнотою, они должны были засѣсть въ бамбуковомъ тростникѣ сосѣдняго пруда и напасть въ-распихъ на пріятеля.

Предполагая даже побѣду, не должно было забывать, что между обрѣтыми чудовищами и англо-индійскими солдатами завяжется страшная битва: ясно, что это кровопролитное зрѣлище нарушитъ покой женщины, которой было оказано гостепрѣимство. Этого-то и надо было избѣгнуть, а потому, если письмо Эдуарда и не достигнетъ цѣли своей, то, по-крайней-мѣрѣ, онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что исполнилъ долгъ свой. Графиня Октавія, не повиновавшись настойчивому, хотя и необъясненному приглашенію, не могла ни въ чемъ упрекнуть хозяевъ Нербудды: она должна была безъ ропота покориться послѣдствіямъ упрямства своего.

Характеръ Октавіи и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себя. Она со вниманіемъ прочла письмо, въ каждой фразѣ нашла скрытый смыслъ, и, вопреки замѣчаніямъ Эдуарда, которые казались ей хитрой уловкой, она опять пустилась въ догадки и предположенія. Не находя ключа къ тайнамъ, и понимая только одно — а именно, желаніе сэра Эдуарда и полковника удалить ее изъ Нербудды, она рѣшилась остаться и наблюдать за ними.

Она немедленно послала одну изъ своихъ служанокъ къ сэру Эдуарду, приказавъ сказать ему, что графиня Октавія такъ очарована радушнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ ей въ Нербуддѣ, что совѣтъ не намѣрена перемѣнять мѣсто жительства.

При этомъ отвѣтѣ, Эдуардъ пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать:

— Я исполнилъ долгъ свой, — послѣ не пѣняйте на меня!

Съ этой минуты онъ забылъ все, чтобы серьезно заняться приготовленіями къ защитѣ. Принявъ безпечную походку индѣйскаго поселенца, онъ осмотрѣлъ четыре стѣны, окружавшія домъ, чтобы удостовѣриться, что ни гдѣ не было подкопа. Онъ приказалъ садовникомъ подрѣзывать сучья, наклонившіеся къ окнамъ фасада, браня работниковъ за то, что они всегда забывали подрѣзывать деревья до наступленія дождей; потомъ внимательно пересмотрѣлъ желѣзныя рѣшотки оконъ нижняго этажа; онъ не оставилъ ни малѣйшаго средства храбрости, хитрости или смѣшности нападавшихъ; послѣ солнечнаго заката онъ самъ заперъ ворота и приставилъ къ нимъ двухъ неустрашимѣйшихъ слугъ съ строжайшимъ приказаніемъ никого не впускать и не выпускать.

— Эта предосторожность не нова, прибавилъ онъ: но не худо возобновлять ее почаще.

Октавія отпустила служанокъ своихъ послѣ солнечнаго заката, и какъ привидѣніе проскользнула въ галерею, освѣщенную съ обоихъ концовъ. Еще днемъ она открыла, что отсюда можно было смотрѣть въ обѣ стороны жилища. Странный истиникъ всегда открываетъ женщинамъ то, что раздражаетъ ихъ и что мужчины стараются скрыть отъ нихъ съ похвальною цѣлю.

Ночь только что наступала, когда послышался легкій шорохъ. Октавія осторожно скрылась за шторой и увидала человѣка, пробравшагося въ высокой травѣ у опушки лѣса; по стройной и величественной талии, по смѣлой походкѣ, по гордости движеній этого человѣка, немедленно узнала въ немъ сэра Эдуара.

Она привстала... на лицѣ ея выступилъ холодный потъ... скрестивъ руки на груди, она проговорила шопотомъ :

— Это онъ!

Въ тишинѣ ночной раздавался довольно-явственно легкій шумъ шаговъ по сухимъ листьямъ; потомъ все утихло...

— Это онъ! повторила она нѣсколько разъ шопотомъ-же, но съ выраженіемъ мрачнаго негодованія.

Она замолчала и стала прохаживаться по галереѣ въ судорожномъ волненіи, какъ безумная въ корридорѣ больницы, за порогомъ которой остался разсудокъ ея.

Октавія ощущала непреодолимое желаніе повѣрить кому-нибудь свои страданія... но вокругъ нея было только уединеніе и тишина... Вѣтка вьющагося растенія играла со шторой, и эхо корридора вторило тяжелою дыханію горѣвшей груди и шуму ногъ, съ силой ступавшихъ на панты пола.

Она иногда съ живостію оглядывалась, какъ-бы страшась встрѣтиться лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь страшнымъ привидѣніемъ.

Галерея была пуста. Изъ одного окна видна была звѣздочка, походившая на глазъ демона, смотрѣвшаго сквозь штору и смѣявшагося надъ отчаяніемъ молодой женщины.

Наконецъ, гнѣвъ ея, подобно быстрому потоку, прорвавшему плотины, разразился въ словахъ, и Октавія, за недостаткомъ слушателя, старалась хоть монологомъ смягчить свои страданія.

— Это онъ!... Я узнала его съ перваго взгляда!... Мужчины хотятъ хитрить съ нами!... Бѣдняжки!... А этотъ еще изъ умнѣйшихъ... полагайтесь-же послѣ этого на умъ мужчинъ!... много-ли имъ нужно сдѣлать глупостей, чтобы прослыть умнымъ?... Онъ пишетъ мнѣ письмо... весьма-цѣльное!... Каждымъ словомъ онъ хочетъ сказать : уѣзжайте сегодня-же вечеромъ, уѣзжайте скорѣе и не оглядывайтесь; у меня есть дурной умыселъ...

«Хитеръ сэръ Эдуардъ, нечего сказать!»

«Какъ я счастлива! Я могла полюбить этого человѣка!... И если-бъ полюбила!... Боже мой! ты спасъ-бы меня отъ отчаянія!...»

«Я-бы желала знать, на какое свиданіе отправляется онъ въ это время, веселый, беззаботный, не страшась хищныхъ звѣрей... Можетъ-быть, его ждетъ какая нибудь развратная женщина?...»

«Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ при одной мысли, что я могла полюбить этого человѣка!»

«Да, я могла полюбить его! Онъ былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ въ прошедшую, ужасную ночь! Въ голосъ его была прелесть, обоготворяющая человѣческія слова; онъ дошелъ до того величія героизма, которое внушаетъ невольный восторгъ! Когда наступилъ день, когда солнце осветило благородныя черты лица его, я посмотрѣла сперва на него, потомъ уже на солнце... и что-же? все это было обманчиво: подъ благородствомъ скрывалась измѣна!

«Онъ говорятъ, что любитъ меня; одинъ, только одинъ разъ открылся онъ мнѣ въ любви и то такимъ голосомъ, который могъ быть приличенъ и для выраженія ненависти... Въ послѣдній, долгій разговоръ нашъ онъ не повторялъ уже о любви своей... Онъ сыгралъ со мною комедію... забавную какъ все то, что идетъ не отъ сердца... А я!... я еще хвалила его почтительность, скромность, благородство! Сколькими небывальми качествами одарила я его по великодушному своему невѣдѣнію!... О, бѣдныя женщины всегда будутъ обмануты мужчинами, нашими смертельными врагами!

«Теперь я уѣду отсюда, не дождавшея втораго письма его! Хоть-бы мнѣ надо было ѣхать одной — я поѣду одна! не побоюсь ни тигровъ, ни львовъ... Въ Бенгаліи, какъ и вездѣ, самый хищный звѣрь — человѣкъ! Лучше жить въ пещерахъ, нежели въ домахъ!

«Впрочемъ, я сама виновата! Женщина, отрекающаяся отъ пола своего, подвергается разнымъ непріятностямъ и не имѣетъ права жаловаться; зачѣмъ унижаться до ролей искаательницы прикличеній, рыскающая по свѣту за безтолковымъ опекуномъ и глупешкой дѣвочкой!... Миръ женщины — домъ родныхъ ея или монастырь!

«Я сама виновата, и должна поплатиться!

«О, Боже мой! Какъ трудно жить на этомъ свѣтѣ!... Никто не умѣетъ пользоваться жизнью настоящимъ образомъ!... Надо-было-бъ имѣть двѣ жизни; первая служила-бъ опытомъ, попыткой... а то теперь мы получаемъ опытность, когда одна нога занесена уже въ могилу; опытность есть добродѣтель стариковъ — но къ чему она имъ служить?... Чтобы давать совѣты?... Никто ихъ не слушаетъ!

«Мы все безразсудны! Если-бъ другъ сказалъ мнѣ вчера: вотъ старецъ, обратись къ нему, онъ научитъ тебя, — какъ-бы я смѣялась надъ этимъ другомъ!

«Опытность приходитъ обыкновенно послѣ проступка... Мы къ утру вооружаемся и беремъ конвой, если ночью насъ обокрадутъ.»

»Боже мой, помоги мнѣ! Голова моя слишкомъ слаба, чтобы устоять противу столькихъ сильныхъ ощущеній!»

Октавія прижала руки къ головѣ, какъ-бы желая удержать покидавшійся разсудокъ, и пробыла нѣсколько минутъ въ немомъ уныніи. Потомъ она развернула камышевый коврикъ въ углу галереи и опустилась на это жесткое ложе.

Въ подобныя кризисы, благодѣтельная природа приспосылаетъ на страждущихъ свинцовую летаргію, которая похожа на сонъ столько-же, какъ смерть. Мы сохраняемъ сознание вѣшной жизни; кажется, будто мы заключены въ могилу и слышимъ, какъ вѣтеръ шумитъ въ травѣ и скользитъ по мраморному надгробному камню.

Молодая женщина спала этимъ сномъ.

XIII.

СЛѢДУЮЩИЙ ДЕНЬ.

Непостижимое обстоятельство воспрепятствовало злодѣйскимъ замысламъ душителей, потому-что нельзя было сомнѣваться въ вѣрности свѣдѣній, доставляемыхъ Низамомъ. Солдаты, скрывавшіеся въ тростникѣ сосѣдняго пруда, не услышали сигнала полковника. Сэръ Эдуардъ сторожилъ до зари, въ высокой травѣ, подъ окнами Октавіи, съ Низамомъ и двѣнадцатю храбрыми, здоровыми и ловкими цыпаями.

Тогдѣ не показывались.

Когда послѣдніи звѣзды угасли на небѣ, полковникъ приказалъ солдатамъ не возвращаться домой, но скрыться въ самой мрачной и отдаленной отъ жилья чащѣ лѣса и оставаться тамъ впредь до приказанія. Низамъ одобрилъ этотъ планъ и сказалъ Дуэлау:

— Положитесь на меня, полковникъ: я отвѣчаю головою. Хотя Тóги и не падали въ эту ночь на жилище, однакожъ они не отказались отъ своего намѣренія; повѣрьте мнѣ — я ихъ хорошо знаю. Будемъ осторожны.

Когда солнце взошло, все въ жилищѣ имѣло обыкновенный видъ свой. Никто изъ слугъ не могъ догадаться, что въ прошлую ночь готовилась страшная атака и отчаянная защита въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома.

Полковникъ Дугласъ вмѣстѣ съ отрядомъ вошелъ въ дѣсь, чтобы назначить посты и дать послѣднія инструкціи капитану Моссу. Эдуардъ не оставлялъ террасы. Первые лучи солнца освѣщали верхушки деревъ и пробудили птичекъ. Низамъ ушелъ наблюдать за Тóгами.

Она спитъ — говорилъ Эдуардъ про-себя — она спитъ съ тѣмъ благодѣтельнымъ спокойствіемъ духа, которое обыкновенно сопровождаетъ сонъ женщинъ... намъ принадлежать безсонница или тяжкія сновидѣнія!... О, женщины!... Октавія, этотъ очаровательный демонъ, получила отъ меня письмо, написанное въ лихорадочномъ волненіи... она прочтала его такъ, какъ читаются англійскія газеты, поверхностно... потомъ красавица приступила къ ночному туалету; небрежно завила прелестные волосы свои съ эгонетическимъ кокетствомъ, чтобы нравиться самой себѣ, чтобы любоваться своею граціей. Она уснула съ улыбкой на устахъ и до-утра сохранила на прозрачно-розовомъ лицѣ яеность и спокойствіе!... Да, таковы всѣ женщины!... И если я скажу ей сегодня: Графиня, я для васъ не смыкалъ глазъ отъ вечера до зари; я стерегу васъ, какъ вѣрная собака стережетъ своего хозяина; я не выпускалъ оружія изъ рукъ, и все потому, что изъ свей правя вы захотѣли остаться въ домѣ, окруженномъ опасностями — мы всѣ поклялись умереть на порогѣ этого дома, превратившагося въ храмъ, посвященный вашей красотѣ... Если-бъ я это сказалъ ей, то получилъ-бы въ награду недовѣрчивую улыбку или двусмысленную благодарность, по французскому обычаю: шумъ словъ, молчаніе сердца!... Она спитъ тамъ, за этой шторой, окруженной зеленью. Птички долетаютъ почти до нея... Какъ онѣ счастливы!

Посреди этихъ восторженныхъ размышленій, Эдуардъ услышалъ шумъ шаговъ по дорогѣ къ жилищу, и медленно пошелъ въ ту сторону.

Эдуардъ искалъ взоромъ Дугласа, но тотъ былъ еще занятъ военными распоряженіями.

— Не можетъ же быть, подумалъ Эдуардъ, чтобы это былъ Набобъ: мы изгнали его съ дочерью на три дня. Три дня равны тремъ столѣтямъ, когда каждый часъ драгоцѣненъ, какъ золотая руда.

Эдуардъ не угадалъ: Набобъ и миссъ Арида возвращались въ паланкинѣ.

Сэръ Эдуардъ поспѣшилъ на встрѣчу молодой хозяйкѣ жилища, подавъ ей руку и помогъ выйти изъ паланкина.

— Положеніе наше становится чрезвычайно-затруднительнымъ, подумалъ онъ; — теперь не надо терять присутствія духа.

Миссъ Арида, опустившись на руку Эдуарда, съ безпечною Креолки, и какъ-бы утомленная продолжительнымъ молчаніемъ, зашебетала, какъ птичка на зарѣ.

— Ахъ, сэръ Эдуардъ, говорила она: какъ эти визиты скучны! Сосѣдки наши совѣмъ не интересны; они всё толкуютъ объ одномъ и томъ же. Мы провели почъ у мистера Барлова; онъ священникъ; до одиннадцати часовъ вечера онъ читалъ намъ проповѣди: отъ одного воспоминанія мнѣ хочется зѣвать. Я настоятельно требовала ограничиться четырьмя визитами и воротиться домой. Мистеръ Барловъ вызвался побывать за насъ у другихъ сосѣдей. Всѣ они соберутся сюда въ будущее воскресенье, на мою свадьбу. Папенька самъ назначилъ этотъ день. Мы будемъ танцовать и это вознаградитъ меня за претерпѣнную скуку. Ваши бѣлыя барышни чрезвычайно некрасивы, — вы несогласны со мною, потому-что сами принадлежите къ бѣлымъ. Если-бъ я была мужчиной, то никогда-бъ не влюбилась въ бѣлую женщину: онѣ приторны, какъ молоко. Квакеры не будутъ на свадьбу. Тѣмъ лучше! Вотъ странная семья! Дѣвицы закрываютъ глаза, когда говорятъ, а мужчины совѣмъ неговорятъ. За-чѣмъ эти люди квакеры?... Они, вѣроятно, сдѣлали какое-нибудь преступленіе на своей родинѣ и, въ наказаніе, ихъ присудили быть квакерами. Скажите мнѣ, сэръ Эдуардъ, всталъ-ли общій другъ нашъ, полковникъ?

— Мнѣ кажется, что онъ охотится въ зѣбу, миссъ Арида; онъ вышелъ изъ жилища послѣ солнечнаго восхода.

— Одинъ?

— О! Какъ можно, миссъ Арида; онъ вышелъ въ сопровожденіи лучшихъ вашихъ охотниковъ.

— Полковникъ такъ неостороженъ!

— О, несколько!... Впрочемъ, теперь никакой опасности нѣтъ, миссъ Арида.

— Э, Боже мой!... а какой-нибудь запоздалый хищный звѣрь.

— Только-то? Этому полковникъ за медленность всадить пулю въ лобъ.

— Сэръ Эдуардъ, вы скажите полковнику Дугласу, что онъ увидится со мною не ранѣе полудня. Носильщики рано разбудили меня, а мистеръ Барловъ далъ мнѣ сна на двѣ ночи. Я позволю служанокъ и прилягу отдохнуть. До свиданія, сэръ Эдуардъ. Вы увидите полковника прежде меня, а потому скажите ему, что я не позволю ему охотиться, когда онъ будетъ моимъ мужемъ.

Аринда дружески подала руку Эдуарду и взбѣжала на лѣстницу съ живостью серны. —

Эдуардъ остался одинъ на террасѣ, потому-что Набобъ остановился въ сосѣднемъ жильѣ, чтобы дать нѣкоторыя приказанія и осмотрѣть новыя плантаціи.

Гнѣвный взоръ слѣдилъ за всѣми движеніями Эдуарда, съ той минуты, когда онъ встрѣтилъ миссъ Аринду.

Октавія все видѣла. Можно было подумать, что невидимая рука разбудила ее въ самую неблагоприятную минуту и что чей-то голосъ шепнулъ ей:

— Смотри!

Какая странная улыбка омрачила лицо ея и угасла на блѣднѣхъ, судорожно сжатыхъ устахъ! За улыбкой послѣдовало еще болѣе странное выраженіе. Октавія ощущала грустную радость самолюбія при видѣ исполненія предчувствія. Ожидаемое обстоятельство раздражаетъ душу, но самолюбіе торжествуетъ!

— Да, я не ошиблась! не ошиблась! сказала она съ грознымъ спокойствіемъ тучи, въ которой скрывается ураганъ. Нельзя было лучше угадать постыдныхъ подробностей этой низкой интриги! Какъ я рада, что не повиновалась письму, наполненному обманомъ и ложью! Я видѣла... Какъ онъ счастливъ, что свидѣлся со своей малабарской цыганкой! Какъ онъ гордится своей побѣдой! Какъ рука его трепетала отъ счастья, когда онъ велъ эту баядерку цвѣта заржавленной мѣди!... Поэтннѣ, надо жить, путешествовать, надо рыскать по свѣту, чтобы узнать мужичнѣ!... Фи! Какое отродье!... Была-бы жепцина, этого пмѣ достаточно!... Она пляшетъ для потѣхи солдатъ и факировъ; что за бѣда! она жепцина... Она унижена фальшивыми камешками — не бѣда! она жепцина... Она стара въ шестнадцать лѣтъ — не бѣда! она жепцина... У нея адекій цвѣтъ тѣла, — она жепцина!... И есть люди, которымъ правится эта фальшивая монета нашего пола!...

Октавія сдѣлала энергическое движеніе и поднесла руку къ головѣ, какъ-бы стараясь привести въ порядокъ свои мысли.

Она сѣла, встала, опять сѣла и написала слѣдующую записку:

«Сэръ Эдуардъ.

«Вы предаши мнѣ всюю душою, не правда-ли? Слѣдовательно, я могу полагаться на васъ.»

«Прикажете осѣдлатъ двухъ лошадей и приготовить два паланкина. Я хочу осмотрѣть окрестности, съ моими служанками. Вы проводите насъ.»

«Требую всевозможной послѣдности. Солнце поднимаюся уже высоко. Не теряйте ни минуты.»

«Искренно преданная вамъ,

«Графиня Октавія.»

Она приказала отдать записку, послѣдно одѣлась, позвала слуганокъ, велѣла имъ готовиться къ отъѣзду и сошла внизъ.

— Этотъ домъ опозоренъ, говорила она, спускаясь по лѣстницѣ; даже воздухъ, которымъ здѣсь дышу, нечистъ. Впрочемъ Эдуардъ не долженъ прочесть ни на лицѣ, ни во взорѣ моемъ, ни малѣйшей ревности. Какъ-бы онъ восторжествовалъ! Буду женщиной до конца... Господу извѣстно, что я не ревную— я оскорблена; я ненавижу низости и развратъ.

Сэръ Эдуардъ ждалъ графиню Октавію у первыхъ деревьевъ, насаженныхъ по сторонамъ дороги въ Руджѣ.

Сначала оба находились въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ; но оно было искусно скрыто съ обѣихъ сторонъ.

— Прекрасно! сказала Октавія: вы аккуратны, сэръ Эдуардъ.

— Вы приказали, графиня, я повиновался, отвѣчалъ Эдуардъ почтительно и съ милой улюбкой.

— Сядемте на коней, сэръ, и прикажите подать паланкины моимъ служанкамъ.

— Носильщики готовы, графиня; всѣ приказанія ваши исполнены въ точности.

— Хорошо; отправимтесь.

— Куда прикажете, графиня?

— Мнѣ кажется, сэръ Эдуардъ, что вы уже угадали цѣль моей поѣздки, потому-что ждали меня на дорогѣ въ Руджѣ.

— И думалъ, графиня, что такъ, какъ утро вечера мудренѣе, то вамъ сегодня угодно было принять предложеніе, которое я сдѣлалъ вамъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ.

— Вы не ошиблись, сэръ Эдуардъ, сказала графиня съ едва замѣтной ироней: да, утро вечера мудренѣе. Я ѣду въ Руджа... но не далѣе.

— Слѣдовательно, вы принимаете только половину моего со-
вѣта...

— Ахъ, понимаю... Да, я отказываюсь отъ имѣнія полковника. Я пріѣхала въ Белгалию не для того, чтобы видѣть Францію. Поблагодарите отъ моего имени полковника.

— Графиня, прикажете проводить васъ въ гостиницу, въ Руджѣ?

— Я-бы охотно желала остановиться въ другомъ мѣстѣ, сказала послѣ минутной нерѣшимости графиня: эта гостиница мнѣ не нравится.

— Другой нѣтъ.

Октавія остановила лошадь.

— Какъ, сэръ Эдуардъ, въ этомъ большомъ англійскомъ селе-
ніи только одна гостиница?

— Прикажете, и черезъ нѣсколько дней я для васъ заведу
другую.

Молодая женщина бросила странный взглядъ на сэра Эдуарда.

— О! Я найду какой-нибудь приличный домъ, сказала она, и превращу его для себя въ гостиницу. Съ деньгами можно купить дворецъ.

— Я могу предложить вамъ домъ капитала Мосса. Онъ самъ
теперь въ отлучкѣ.

— Согласна; я сначала остановлюсь у капитала Мосса, а къ
вечеру вѣроятно, найду, себѣ какой-нибудь домъ... Э, Боже мой!
я не объ этомъ беспокоюсь!...

— О чемъ-же, графиня?... Позвольте мнѣ...

Октавія пріударила лошадь и ускочила впередъ.

— Тутъ что-то кроется, проговорилъ Эдуардъ и задумался.

Слышались только ровные шаги лошадей и однообразное гудѣ-
ніе носильщиковъ.

Прибывъ въ Руджу, Эдуардъ проводилъ молодую и прелестную
путешественницу въ указанный домъ и предложилъ ей свои услуги...

Октавія рѣзко прервала его слѣдующимъ вопросомъ:

— Можете-ли вы пробыть недѣлю со мною здѣсь, въ Руджѣ?

— Недѣлю?... Невозможно...

— А! невозможно!... Слѣдовательно, вся ваша преданность не
что иное, какъ пустая, письменная формула. Я удовольствуюсь

четырьмя днями... Тоже невозможно! Двумя?... Опять невозможно... Сколько у васъ должно быть занятій! Сэръ Эдуардъ, я начинаю подозрѣвать, что вы губернаторъ Индіи, ничего.

— Извольте видѣть, графиня... Я обѣщала полковнику идти съ нимъ на маленькую охоту, и сегодня вечеромъ...

— Понимаю, понимаю; оставимте это. Охота прежде всего — противъ этого я не могу ничего сказать... Прощайте, сэръ Эдуардъ. Я не забуду васъ.

Эдуардъ низко и почтительно поклонился графинѣ; когда онъ поднималъ голову, ея уже не было. Щедро заплативъ носильщикамъ, она удалилась въ сосѣднюю комнату, со служанками.

— Какая адская женщина! думалъ Эдуардъ, медленно удаляясь: и какъ я угадалъ мысль ея! Она хотѣла вывѣдать отъ меня, долженъ-ли я воротиться въ Нербудду или остаться въ Руджѣ... только хитрость ея довольно неискусна... Проклятіе!... Какъ она насмѣхается надо мною!... Она нарочно пріѣхала сюда, чтобы видѣться съ своимъ графомъ дель-Пилларомъ!... И я самъ проводилъ ее на это свиданіе!... Она изберетъ какой-нибудь уединенный домикъ, и тамъ, на свободѣ, вдали отъ любопытныхъ... пѣтъ, пѣтъ! не дамъ я имъ этого счастья! клянусь... О! отчаяніе овладѣваетъ мною при одной мысли, что эта женщина, отказавшая мнѣ въ дружескомъ взглядѣ, будетъ расточать улыбки и прѣзныя слова, которыя одному человѣку дадутъ рай, а другаго ввергнуть въ адъ!... Увидимъ!... Любовь пренехорошая страсть, потому-что она внушаетъ мысли, недостойныя благороднаго человѣка... Однакожъ, я не позволю задушить себя этому огненному Тогоу, котораго, кажется, зовутъ ревностью.

Подъ влияніемъ этихъ мыслей, Эдуардъ устроилъ себѣ, такъ сказать, моральную оболочку, которая должна была скрыть отъ всѣхъ взоровъ внутреннее его волненіе. Онъ придалъ спокойное выраженіе лицу и ясность взору; когда ему показалось, что онъ можетъ съ успѣхомъ приступить къ серьезному разговору, не измѣняя себѣ, онъ направилъ шаги къ гостиницѣ, въ которой жилъ графъ дель Пилларъ, и которая находилась на противоположномъ концѣ селенія.

Эдуардъ встрѣтилъ графа дель Пиллара. Они пріятельски поздоровались и вмѣстѣ вышли изъ селенія, чтобы поговорить на свободѣ.

— Вы видите, сказалъ Жиль, что я слѣпо исполняю ваши приказанія. Вы велѣли мнѣ ждать — я жду.

— Да, сказалъ Эдуардъ: самопожертвованіе ваше похвально; я надѣюсь, что полковникъ Дугласъ скоро прїѣдетъ съ визитомъ къ миссъ Амаліи и опеуну.

— А! сказалъ графъ съ притворнымъ спокойствіемъ: слѣдовательно, скоро будетъ свадьба... Тѣмъ лучше!... Пора кончить...

— Не знаю, какъ и чѣмъ все это кончится, любезный графъ... теперь намъ некогда заниматься этими пустяками. Время плохое... не шутя... лучше скучать здѣсь съ мистеромъ Тобуеромъ, нежели проводить адекія почты въ Нербуддѣ.

— Чтѣ вы говорите, сэръ Эдуардъ?

— Я говорю, кажется, довольно-ясно; мы вамъ дали самый безопасный постъ, а себѣ оставили дурной... Какъ проводите вы здѣсь время, графъ?

— Жду.

— Только-то?

— Кажется и этого довольно, сэръ Эдуардъ, чтобы умереть со скуки.

— А очаровательная Амалія? Неужели здѣсь никто не влюбился еще въ божественную Гречанку?

— Она никому не показывается, никому, сэръ Эдуардъ.

— Исключая, однакожь, мистера Тобуэра, и...

— Никому. Миссъ Амалія не выходитъ изъ своей комнаты.

— А!... Все-равно, я охотно-бъ помѣнялся съ вами... Въ Нербуддѣ жить нельзя.

— Мнѣ кажется, сэръ Эдуардъ, что въ словахъ вашихъ скрывается тайный смыслъ, весьма неестный для меня.

— Любезный графъ, я не понимаю васъ...

— Я самъ не понимаю косвеннаго упрека, который вы мнѣ дѣлаете. Я проживаю въ Руджѣ потому, что вы сами послали меня сюда. Я остаюсь здѣсь изъ угожденія вамъ...

— И также немножко для собственнаго удовольствія, любезный графъ: вы, какъ человѣкъ храбрый, любящій встрѣчаться съ опасностями и дорожащій своею честью, не захотѣли-бъ нѣжитья въ Кандѣ, когда въ Цамѣ идетъ рѣзня, если-бъ какойнибудь сильный магнитъ...

— Шутите вы, сэръ Эдуардъ, или нѣтъ?

— Э! Боже мой! развѣ я сталъ-бы смѣяться, если-бы шутилъ?

— Слѣдовательно, жилищу угрожаетъ опасность?

— Будто-бы вы не знаете, любезный графъ...

— Берегитесь, сэръ Эдуардъ, вы можете обидѣть меня...

— Какимъ образомъ?

— Вы сомнѣваетесь въ моей храбрости! Это сомнѣніе—обида...

— Я такъ мало сомнѣваюсь въ пей, что приглашаю васъ на будущую-же ночь, на великолѣпный пиръ.

— На какой пиръ?

— Говорите тише и отойдите еще болѣе въ сторону. Даже деревья наклоняются, подслушиваютъ и пересказываютъ. Пойдемте на открытое мѣсто и раздавимте даже насѣкомаго, ползущаго у ногъ нашихъ... Воздухъ наполнивъ ушами Тоговъ... Графъ Жиль, жилищу угрожаетъ почной набѣгъ. Тогги ждутъ только часа мрака и тишины. Тогда, подобно тиграмъ, они выйдутъ изъ лѣсу. Они перелѣзутъ черезъ стѣны, и нападутъ на слугъ нашихъ, пораженныхъ ужасомъ. Могутъ-ли храбрые, благородные люди бѣжать отъ этихъ чудовищъ, когда молодая бенгальская дѣвушка съ ужасомъ поднимется на постели своей и будетъ звать на помощь всѣхъ тѣхъ, которымъ она оказала гостеприимство?

— Эдуардъ! Эдуардъ! вы пугаете меня!

— Тѣмъ хуже!... Да, любезный графъ, вы сами видите, что можно сомнѣваться въ вашей храбрости, не обижая васъ... Выслушайте! чѣмъ вы докажете, что вы храбры? Вы станете рассказывать мнѣ о славныхъ вашихъ служебныхъ подвигахъ? Они очевидны, я это знаю, но весьма-обыкновенны; храбрыми, подобными вамъ, наполнена вся Испанія, вся Франція!... Вы вызовете меня на дуэль, и это ничего не докажетъ. Самый скромный французскій мѣщанинъ, смѣясь, становится подъ пулю на разстояніи пятнадцати шаговъ. — Вы были на войнѣ — да что въ томъ толку? Выстроится, при солнечномъ свѣтѣ, сто тысячъ противу ста тысячъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкой; начнутъ палить изъ пушекъ — забава эта продолжается двѣнадцать часовъ. Дрожитъ одна земля. Всѣ умираютъ, не поморщась... Топли дѣло пиръ, на который я васъ приглашаю! Тамъ, первическая сила часто измѣняетъ благороднѣйшимъ, храбрѣйшимъ людямъ. Ночью воображеніе трусливо. Аякъ, который былъ похвалѣнъ насъ съ вами, дрожалъ во мракѣ. Мы должны драться съ адомъ; мы должны бороться съ липкими гадами, лицомъ къ лицу, зубъ къ зубу; мы должны слышать вой чудовищныхъ голосовъ, чувствовать прикосновеніе отвратительныхъ зубовъ, открытыхъ ядовитой пѣной!... Придете-ли вы на этотъ пиръ, графъ Жиль?

— Сэръ Эдуардъ, къ чему этотъ нелѣпный вопросъ?

— Къ тому, чтобы получить отвѣтъ, а не вопросъ.

— Отвѣтъ былъ-бы излишень.

— Въ такомъ случаѣ, графъ, я велю сѣдлатъ двухъ лошадей.

— Когда-жъ мы уѣдемъ, сэръ?

— Послѣ солнечнаго заката. Дугласъ приказалъ мнѣ привести съ собою двѣнадцать человѣкъ англійскихъ унтеръ-офицеровъ, для начальства надъ столькими-же небольшими отрядами ципавевъ. Слѣдовательно, мы можемъ выйти изъ селенія не ранѣе какъ ночью. Малѣйшая неосторожность можетъ возбудить подозрѣнія. Всѣ жители полагаютъ, что война съ Тóгами кончилась: необходимо, чтобы они оставались какъ можно долѣе въ этомъ заблужденіи.

— Гдѣ-жъ мы сойдемся?

— У южныхъ воротъ. Унтеръ-офицеры выйдутъ по-одиночкѣ и будутъ ждать насъ въ разстояніи одной мили отъ Руджѣ, у Анантскаго колодца.

— Прекрасно.

— Графъ, мы не должны показываться въ селеніи. Я нѣсколько часовъ отдохну въ вашей гостинницѣ.

Они пріятельски пожали другъ-другу руки и разстались только въ передней гостинницы.

Сэръ Эдуардъ съ притворною, сонливою безпечностью, взошелъ по лѣстницѣ и вдругъ встрѣтилъ лицомъ къ лицу съ мистеромъ Тóуэромъ.

— Сэръ Эдуардъ, Клерббесъ! вскричалъ послѣдній.

— Какой счастливый случай, сказалъ Эдуардъ: васъ-то я и ищу, мистеръ Тóуэръ...

— Зачѣмъ?

— Такъ; чтобы навѣстить васъ...

— Ахъ да! сказалъ Тóуэръ, вѣдь вы Нербуддскій житель, сэръ Эдуардъ. Мы сами собираемся въ Нербудду, и очень скоро... если только не помѣнаетъ...

— Ктó или чтó... мистеръ Тóуэръ?

— Самъ не знаю, сэръ Эдуардъ... Все здѣсь такъ запутывается... право, толку не добьемся; потрудитесь зайти ко мнѣ... тамъ удобнѣе поговорить...

— Охотно, мистеръ Тóуэръ... мы виделись въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, въ Уайтъ-Галльскомъ саду, если я не ошибаюсь...

— О! это моя обыкновенная прогулка, сэръ Эдуардъ; мистеръ часто нуждается во мнѣ, а потому онъ всегда знаетъ,

куда послать. Я обыкновенно обѣдаю у Руперта, если не приглашенъ къ министру, или къ какой-нибудь дамѣ.

— Мистеръ Тóуэръ! мистеръ Тóуэръ! вѣчно съ дамами!

— Ну, вотъ! Ужъ вы, пожалуй, подумаете...

— Ладно, ладно, знаемъ мы васъ!

Тóуэръ громко расхохотался и нѣсколько разъ ударилъ ладонью по колѣну сэра Эдуарда, сѣвшаго на диванъ.

— Какимъ-бы вы были прекраснымъ министромъ, мистеръ Тóуэръ, если-бъ въ послѣдніе Кентскіе выборы, вамъ вздумалось-бы стать въ соперничество съ сэромъ Ходжсомъ.

— Всѣ друзья мои совѣтовали мнѣ это сдѣлать, отвѣчалъ Тóуэръ, переставъ смѣяться и принявъ важный видъ государственнаго человѣка. — Но было препятствіе: я коротко знакомъ съ Ходжсомъ.

— Но, мистеръ, вамъ оставалась еще ваканція въ Миддльсексѣ. Тамъ Паркеръ не опасенъ; и даже въ Вестминстерѣ вы легко могли одержать верхъ надъ Лидеромъ и Ивенсомъ.

— Можетъ-быть... впрочемъ, сэръ Эдуардъ, я не чувствую расположенія къ государственнымъ дѣламъ. Вы знаете, что эти дѣла...

— Знаю, знаю!... Эти дѣла мѣшаютъ удовольствіямъ. Когда мы начинаемъ жить для другихъ, то умираемъ для себя. Эгонизмъ есть здоровье души. Я то-же эгонистъ: мнѣ собственная жизнь дороже всего...

— А какъ проводите вы время въ Нербуддѣ, сэръ Эдуардъ?

— Довольно-пріятнымъ образомъ, мистеръ Тóуэръ. У насъ бывають очаровательные вечера и даже ночи.

— Есть-ли у васъ общество? Есть-ли дамы?

— Однихъ насъ не оставляють, мистеръ Тóуэръ. Мы даже ждемъ къ себѣ множество гостей — не сегодня, такъ завтра. Часто приходятъ иностранные, незваные гости, душатъ насъ въ объятіяхъ своихъ, пристають какъ съ ножомъ горлу и, не рѣдко, мы проводимъ съ ними цѣлыя ночи... А у васъ какія удовольствія, въ Руджѣ?

— Охъ! ужъ не говорите, сэръ Эдуардъ; у насъ нѣтъ и тѣни общества... Солдаты, — англійскія семейства, въ которыхъ дамы отчаянныя пуританки... нѣтъ возможности завести какую-нибудь пикетрижку. Встрѣчаются иногда на улицахъ или за шторами большіе голубые глаза, бѣлокурые локоны — но все это такъ чинно, такъ жеманно!... Не смѣешь слова сказать. Чтó-же касается до туземнаго прекраснаго пола, то онъ менѣе суровъ; онъ даже

имѣть нѣкоторую склонность къ кокетству; по всему видно, что прекрасный, бѣлый Европеецъ легко можетъ понравиться имъ, но — признайтесь сами — цвѣтъ тѣла ихъ таковъ, что больно смотрѣть, просто — нехорошо! Особенно для человѣка, прожившаго пять лѣтъ въ Ланкастерѣ и — не безъ успѣха, смѣю доложить.

— Тѣмъ-болѣе, мистеръ Тобуэръ, что у васъ передъ глазами молодая дѣвица, сравненіе съ которой дѣлаетъ вамъ еще болѣе неприятнымъ мѣдный цвѣтъ тѣла здѣшнихъ красавицъ.

— Вы говорите о миссъ Амаліи, сказалъ Тобуэръ съ забавно-почтительнымъ видомъ. Да, она затмитъ хоть кого. Сэръ Эдуардъ, скажу вамъ по секрету, что миссъ Амалія беспокоитъ меня. Я раскаяваюсь теперь, что согласился принять на себя званіе ея опекуна.

— Вы на-дняхъ освободитесь отъ этого званія...

— Не знаю, сказалъ Тобуэръ таинственнымъ голосомъ.

— Не знаете? вскричалъ Эдуардъ съ изумленіемъ.

— Говорите тише, сэръ Эдуардъ... слушайте, вы человѣкъ скромный, опытный, хотя и молодой...

— Еще-бы! мы съ вами однихъ лѣтъ, мистеръ Тобуэръ.

— Вы думаете?... Можетъ-быть. Но у васъ волосы еще свѣтлы, а у... впрочемъ, надо замѣтить и то, что у меня уже въ двадцать лѣтъ стали сѣдѣть волосы...

— Это очень пристало политическому челу.

— Хе, хе!... Вотъ, рѣшительно это-же самое сказали мнѣ двѣ дамы на Брейтонскихъ водахъ... Итакъ, сэръ Эдуардъ, надо вамъ сказать, что сегодня утромъ я получилъ письмо отъ миссъ Амаліи...

— Ого! вы живете въ одномъ домѣ и ведете переписку...

— Будемте говорить серьезно, сэръ Эдуардъ... дѣло важное... Амаліи не достало смѣлости переговорить со мною — она написала мнѣ письмо...

— Мистеръ Тобуэръ, вы сильно возбуждаете мое любопытство.

— Въ замѣнъ довѣрчивости моей къ вамъ, я хочу, чтобы вы дали мнѣ совѣтъ. Положеніе дѣлъ весьма-затруднительное.

— Я дамъ вамъ совѣтъ.

— Читайте-жъ письмо!... Вы будете поражены... Правда и то, что отъ женщины всего ожидать можно... знаемъ мы ихъ!

— Еще-бы!... Покажите письмо, мистеръ.

— Позвольте, я вамъ прочту, сэръ Эдуардъ... потому-что тутъ есть пять или шесть строчекъ... немножко.. понимаете... немножко смѣлыхъ...

«Любезный опекунъ. .

— Любезный опекунъ! хе, хе, мистеръ!

— Это одна формула вѣжливости, сэръ Эдуардъ...

«Любезный опекунъ, уединеніе располагаетъ къ размышленію. Я много и долго размышляла. Я думала, что родилась свободной. Отецъ мой умеръ въ Греціи за свободу, покровитель мой Лордъ Байронъ умеръ такою-жъ славною смертію. Загнѣвъ-же со мною хотѣтъ поступать, какъ съ невольницей? Это несправедливо и жестоко. Меня хотѣтъ насильно выдать за-мужъ, хотѣтъ отравить всю жизнь мою и умиротить меня несправедливою смертію. Я встану противу этого!

— Каковъ маленькій демонъ нашъ, сэръ Эдуардъ?

— Продолжайте, мистеръ.

«Любезный опекунъ, въ жизни женщинъ важнѣйшее обстоятельство бракъ, и когда онѣ хотѣтъ принять какое-либо участіе въ этомъ дѣлѣ, то онѣ говорятъ, что оно до нихъ не касается. Это чрезвычайно-глупо. Я-же сама хочу заняться своей свадьбой или не выйду за-мужъ...

— Каково, сэръ Эдуардъ?

«Я твердо рѣшилась. Я очень-хорошо знаю, что никто не можетъ сказать, что я сначала соглашалась...» Прислушайтесь, сэръ Эдуардъ... «и даже охотно уязжала изъ Смирны. Это правда — НО — отъ Смирны до Индіи далеко и дорогою можно нѣсколько разъ переѣхать наизприсѣ. Я такъ и поступила. Если захотѣтъ принудить меня, то развѣзка будетъ прекрасная. Отецъ оставилъ мнѣ въ наследство только кинжалъ свой; рукояткою я запечатала это письмо, а остриѣ — прилепѣлъ другое направленіе.

Преданная вамъ и пр.

Аналія.»

Наступила минута молчанія. Мистеръ Тобуръ торжественно спрягалъ письмо въ бумажникъ и придалъ лицу и всей фигурѣ своей величественное и вмѣстѣ скромное выраженіе; тонкая прозорливость Эдуарда открыла забавную идею въ положеніи и во взглядѣ мистера Тобура.

— Вотъ новость! сказалъ сэръ Эдуардъ.

— Новость, повторилъ Тобуръ, какъ безмысленное эхо.

— Постигаете-ли вы все безразсудство молодой дѣвушки, мистеръ Тобуръ?

Тобуръ сжалъ губы, закрылъ глаза, наклонилъ голову, взмахнулъ въ обѣ стороны руками, какъ крыльями, и промолчалъ.

— Она охотно уѣзжаетъ изъ Смирны, продолжалъ Эдуардъ съ намѣреніемъ заставить Тобура высказать забавную мысль его: она соглашается выдти за полковника; благополучно пристаётъ, такъ-сказать, къ гавани Гименей...

— Именно! къ гавани Гименей... вы очень-хорошо выразились, сэръ Эдуардъ.

— И вдругъ отказывается!... Я тутъ ничего не понимаю, мистеръ Тобуръ!

— То-то и есть!

— Не произошло-ли чего-нибудь во-время путешествія? Мистеръ Тобуръ, будьте откровенны со мною.

— Ничего особеннаго не произошло, сэръ Эдуардъ... рѣшительно ничего... Наша молодая и прелестная путешественница была во все время весела. Мы часто разговаривали на палубѣ... шутили... я рассказывалъ ей забавные анекдотцы. Она большая охотница до анекдотцевъ...

— Не было-ли на кораблѣ молодыхъ офицеровъ?

— Ни одного! Все старые, безтолковые моряки!... Безтолковые, какъ морекіе тюлени.

— А здѣсь, въ Руджѣ, не было-ли...

— О! сэръ Эдуардъ, въ Руджѣ она никого не видала... разъ только, мимоходомъ, молодаго графа, медвѣжонка. Я хорошо знаю людей; графъ не опасенъ... между-тѣмъ я ужасно ошибся на его счетъ! Я даже писалъ объ немъ полковнику; но послѣ тщательнаго наблюденія, проникъ его насквозь. Впрочемъ, онъ видѣлъ Амалию только одинъ разъ, и то въ моемъ присутствіи.

— Ну, такъ я рѣшительно ничего не понимаю, мистеръ Тобуръ.

— Будущее все объяснить, сэръ Эдуардъ.

Тоуэръ скрестилъ руки, опустилъ голову, какъ-бы желая скрыть улыбку, и сталъ напѣвать какую-то арию своего сочиненія.

— Мистеръ Тоуэръ, сказала Эдуардъ, послѣ краткаго молчанія: позволите-ли вы мнѣ передать это полковнику Дугласу?

— Я думаю, протяжно отвѣчалъ Тоуэръ, что это даже необходимо.

— Бѣдный Дугласъ!

— О! онъ военный! утѣшьте... забудеть... вы понимаете, сэръ Эдуардъ, что нельзя ожесточить молодую дѣвушку... Я увѣрю, что она подниметъ на себя руку... Я хорошо знаю женщинъ.

— Я приготовлю къ тягостной новости полковника Дугласа, мистеръ Тоуэръ, сказала Эдуардъ, вставая.

— Да, приготовьте, приготовьте его, сэръ Эдуардъ, со всевозможною осторожностью; знаете, есть манера деликатнымъ образомъ высказывать горькую истину... Что вы хотите! Конечно, я опекунъ ея, но нельзя-же переступить за границы обязанностей благороднаго человѣка. Если отъ меня потребуютъ, чтобы я принудилъ Амалію выдти замужъ противъ воли ея, то я откажусь отъ званія опекуна; — рѣшительно откажусь.

— Прекрасно, мистеръ Тоуэръ. Вы говорите, какъ слѣдуетъ благородному человѣку... Впрочемъ, у Амаліи двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ приданаго; съ этими деньгами, всегда можно найти мужа.

— И мужа по-сердцу.

— Вы досказали мысль мою, мистеръ Тоуэръ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, они разстались, какъ давнишніе друзья.

На лѣстницѣ Эдуардъ остановился въ раздумьи.

— Все ясно, думалъ онъ: Жиль и Гречанка какъ-нельзя-лучше понимаютъ другъ-друга. Въ минуту неосторожной ревности я хотѣлъ похитить графа и удалить его отъ Октавіи. Это намѣреніе было не совсѣмъ благородно. Оно теперь не нужно. Я спокоенъ. Дель Пиларъ останется здѣсь. Я уѣду одинъ и мнѣ такъ пріятно будетъ доставить хорошія вѣсти Дугласу, что, на минуту, забуду собственное горе.

Эдуардъ отдохнулъ нѣсколько часовъ и вечеромъ отыскалъ графа дель Пилара, готовившагося уже сѣсть на лошадь.

— Любезный графъ, сказалъ онъ, пожавъ ему руку: забудьте слова мои; я хотѣлъ только испытать вашу дружбу и внонѣ довольно доволенъ. Оставайтесь въ Руджѣ. Насъ въ Нербуддѣ довольно,

чтобы встрѣтить непріятеля. Вы согласны ѣхать, — это служить достаточнымъ доказательствомъ и вашей дружбы, и вашей храбрости.

Слова эти были сказаны голосомъ, исполненнымъ искреннейшей пріязни.

— О! сказалъ графъ рѣшительно: оставайтесь, сэръ Эдуардъ, если хотите, — я поѣду одинъ.

— Но это бесполезно, графъ, рѣшительно бесполезно...

— Никогда не бесполезно исполнять долгъ свой... Сэръ Эдуардъ, ни слова болѣе, прошу васъ, ни слова! Я готовъ.

— Оставаться?

— Ёхать.

Эдуардъ молча поклонился и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Ночью, два всадника, сопровождаемые двѣнадцатью англійскими солдатами, молча приближались къ Нербуддѣ.

XIV.

НОЧНЫЯ ПРИВИДѢНІЯ.

Чѣмъ скорѣе доходятъ до насъ добрыя вѣсти, тѣмъ лучше. Эдуардъ послалъ впередъ полковнику Дугласу записку, которая должна была осчастливить его. Разставшись съ мистеромъ Тбюзромъ, онъ написалъ слѣдующее:

«Любезный полковникъ Дугласъ!

Индійскій почтальионъ стучитъ уже мѣдными листами своими подъ окнами гостиницы. Онъ ѣдетъ черезъ Нербудду; я останавливаю его и пишу къ вамъ эту записку. Радуйтесь, веселитесь. Амалія послала къ Тбюзру свое ultimatum. Вотъ копія, написанная на память съ письма нашей Гречанки - Спартанки. (Слѣдуетъ копія). Вы спасены! Мы пошлемъ это ultimatum къ мнистру, который непременно хочетъ смѣшать англійскую кровь

съ кровью потомковъ Перикла, вопреки рѣшенію судьбы. Мы не страшимся самоубійства Амалии, потому-что лекарство противу желанія кольнуть себя клижаломъ, въ нашихъ рукахъ. Изъ всей колоссальной нелѣпности мистера Тоуэра, типа слѣпыхъ опекуновъ, я угадываю, что графъ дель-Пиларъ ждетъ только удобнаго случая, чтобы жениться на Амалии. Итакъ, любезнѣйшіи Дуглэсъ, отбросьте весь страхъ, все безпокойство — вы спасены! Я такъ счастливъ, что забываю собственные страданія. Несчастье мое исчезаетъ предъ вашимъ счастьемъ.

«Прощайте; ночью я явлюсь къ вамъ съ двѣнадцатью унтер-офицерами. Мы подоспѣемъ къ самой минутѣ опасности, если будетъ опасность. Положитесь на меня.

«Эдуардъ.»

Когда Эдуардъ и графъ Жиль выѣхали изъ Руджѣ, письмо было уже въ рукахъ полковника Дуглэса.

Послѣдуемъ теперь за молодыми всадниками, которые съ двѣнадцатью солдатами направлялись къ Нербуддѣ, по дорогѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ угрожала имъ опасность.

Минута была торжественная. Все молчали; казалось, каждый боялся произнести слово, чтобы не нарушить спокойствія ночи и не пробудить скрытаго врага.

Ничто не можетъ подать идеи о странныхъ бенгальскихъ пустыняхъ, когда на нихъ опустится звѣздная почъ. Онѣ не похожи ни на голую, песчаную степь, ни на дремучій лѣсъ. Это длинная дорога, хорошо вымощенная, гладкая; на-право и на-лѣво обработанные сады, усеянные по мѣстамъ дикимъ кустарникомъ и перерѣзанные невидимыми, но ревущими потоками; рисовыя поля, посреди которыхъ возвышаются пальмовыя деревья, подобныя страшнымъ велканамъ; обширныя равнины, усыпанныя цвѣтами, закрывающимися съ наступленіемъ ночи и раскрывающимися при первыхъ лучахъ солнца, чтобы снова любить и жить. Нигдѣ не видно крыши, съ дымящейся трубой; нигдѣ не видно веселаго огонька въ окнахъ; не слышно ни звука сельскаго колокола, ни пѣни земледѣльца, ни шума колесъ, ни звонкаго ржанія, выходящаго изъ конюшни — ни малѣйшаго признака жизни, придающей столько прелести нашимъ европейскимъ дорогамъ, и заставляющей сладостно мечтать во-время ночи.

На половинѣ дороги графъ дель Пиларъ приблизился къ Эдуарду и сказалъ ему шопотомъ :

— У меня есть предчувствіе, сэръ Эдуардъ, что мы пріѣдемъ слишкомъ-поздно.

— Не беспокойтесь, любезный Жиль, сказала Эдуардъ голосомъ, привычнымъ къ почному разговору, и какъ дыханіе доходившимъ до слуха молодаго графа: не беспокойтесь. Тѣмъ слѣдуютъ обычаямъ привидѣній, — они не являются прежде полуночи.

— Безъ хвастовства, Эдуардъ, мнѣ хочется вблизи посмотрѣть на этихъ индѣйскихъ звѣрей.

— Стоить, стоить. Они не помѣщены въ натуральной исторіи ни у Скаверса, ни у Бюффона.

— Откуда происходятъ эти чудовища?

— Ихъ породили три матери: политика, фанатизмъ и глупость. Одни начальники ихъ знаютъ, чего добиваются. Низкая чернь слѣпо повинуется начальникамъ и отвратительному фанатизму. Она убиваетъ всѣхъ безъ разбора — Англичанъ и Индѣйцевъ. Есть звѣрскіе факиры, воображающіе заслужить рай, если задушатъ Европейца, на жертвенникѣ Дээрз или Дурги — а потому горе плѣннымъ, особенно Англичанамъ.

— Сэръ Эдуардъ, то, что вы мнѣ рассказываете, ужасно....

— Я думаю! Я теперь смотрю на *Гамлета* и *Оселло*, какъ на фарсы. Я засмѣюсь въ глаза *леди Макбетъ*. Я готовъ ужинать съ привидѣніемъ *Банко*. Я буду вальсировать со всѣми вѣдьмами великаго нашего Шекспира. Тому, кто отвѣдалъ ощущеній встрѣчи съ Тѣгами, жизнь дѣлается приторною. Графъ, вы знаете моего храбраго Низама. Этотъ Индѣецъ чуть не умеръ отъ сплина, потому-что для совершеннаго благополучія его не доставало Тѣговъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ мы воротились въ Гидрабатъ, онъ рыскаетъ по лѣсамъ, долинамъ, горамъ; онъ взялъ на себя должность инспектора Тѣговъ. Низамъ подастъ намъ совѣтъ, предостережетъ насъ — и исчезнетъ, какъ птичка поднебесная: что дѣлать! такова ужъ жизнь его. Когда мы уничтожимъ этихъ чудовищъ, Низамъ умретъ со скуки... Графъ, лошадь ваша неспокойна...

— Да... движенія ея выражаютъ беспокойство... ходъ не такъ ровень, какъ прежде... ужъ не ужалила-ли ее змѣя... Впрочемъ змѣя теперь, кажется, спятъ...

— Что́ это значить?... и моя лошадь пугается... ужъ не это-ли густаго кустарника... Ага! вотъ то дерево, которому какой-то факиръ на дняхъ протягиваль руку...

— Къ дереву?

— Да; это была хитрость. Но Низама не обмануть Тóги... Любезный графъ, скажу вамъ пріятную вѣсть. Намъ осталось не болѣе одной мили до Нербудскаго жилища.

— Какъ! неужели Тóги не боятся подходить днемъ такъ близко къ Нербудѣ?

— Не толпами и не шайками. Подойдетъ одинъ факиръ, землѣдѣлецъ, садовникъ — пельзя-же схватить его безъ всякой причины. Мы дѣлаемъ, какъ-будто-бы не видимъ ихъ... Вы не повѣрите, какъ осторожно мы должны обходиться съ Тóгами. Въ Англии есть филантропическое общество, которое наблюдаетъ за нами съ трогательною заботливостью. Когда нашихъ задушатъ, общество молчитъ; оно находитъ это очень-натуральнымъ: мы здѣсь для того, чтобы насъ душили. Если-жъ мы повѣсимъ хоть одного Тóга — о! тутъ совсѣмъ иное дѣло, общество печатаетъ надгробное слово Тóгу и призываетъ на палачей его гнѣвъ небесъ и всего индѣйскаго потомства. Очевидно, что это заставляетъ насъ быть крайне-осторожными... Однако-жъ, если эти факеры или шпіоны не перестанутъ бродить около жилища, то мы должны будемъ схватить ихъ...

При послѣднемъ словѣ, на сторонѣ дороги медленно подыалася худошавая, безобразная человѣческая фигура, размахивавшая необыкновенно-длинными руками.

Солдаты остановились и взглянули на сэра Эдуарда, какъ-бы ожидая приказаній.

— Это нашъ факиръ, сказалъ Эдуардъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: — тотъ самый, который проситъ милостыню у деревьевъ. — Потомъ онъ прибавилъ по индѣйски: *Сахибъ* (*) факиръ, прочь съ дороги, или мы отправимъ тебя къ демону черныхъ почей!

Факиръ замахалъ головой и руками.

(*) *Сахибъ* значитъ по-индѣйски *господинъ*.

— Если ты не послушаешься третьяго приказанія, то я прикажу стрѣлять въ тебя.

— Надо овладѣть имъ, сказалъ графъ.

— Овладѣть имъ?... При первомъ движеніи нашемъ онъ исчезнетъ, какъ молнія; одинъ пули проворнѣе этихъ чудовищъ.

— Но за-чѣмъ-же онъ преграждаетъ намъ дорогу, Эдуардъ?

— Онъ проклинаетъ насъ; я думаю, что это несколько не беспокоитъ васъ... только проклетіе его длинновато... Сахибъ факиръ, отойди, пожалуйста, въ сторонку, и тамъ проклинай насъ, сколько твоей душѣ угодно будетъ. — Не хочешь? — Ты хочешь задушить насъ? — Да? — Вотъ претокровенный Тогъ!

Эдуардъ схватился за пистолетъ и выстрѣлилъ. Факиръ упалъ. Въ то-же время по обѣимъ сторонамъ дороги поднялась сотня черныхъ привидѣній, подобныхъ вампирамъ, выходящимъ изъ могилъ.

— Исполняйте долгъ вашъ, друзья! вскричалъ Эдуардъ.

Въ одно мгновеніе маленькій отрядъ былъ окруженъ шайкой индѣйскихъ бандитовъ. Солдаты, вооруженные одними тесаками и пистолетами, храбро отразили первый натискъ непріятеля. Графъ дель-Пиларъ выстрѣлилъ четыре раза сряду; при послѣднемъ выстрѣлѣ одинъ изъ непріятелей нанесъ ему такой сильный ударъ по рукѣ, что пистолетъ опустился и пуля ударила лошадь въ голову. Раненное животное пало подъ смѣлымъ всадникомъ. Эдуардъ, истощивъ весь сѣдельный арсеналъ свой, долженъ былъ бороться во первыхъ съ Тогоми, а во-вторыхъ съ взбѣсившеюся лошадью, неповиновавшеюся шпорамъ. Наклонившись надъ гривой лошади и держа въ каждой рукѣ по пистолету за дуло, онъ такъ отчаянно размахивалъ ими, что Тогги боялись подступиться къ нему.

Вдругъ крикъ отчаянія огласилъ воздухъ.

— Ко мнѣ, Эдуардъ, на помощь!...

Жилъ былъ въ рукахъ Тоговъ. Эдуардъ разорвалъ шпорами бока лошади, вѣднися пальцами одной руки, какъ когтями, въ шею ея, чтобы лѣтъ на помощь къ дель-Пилару; но непокорное животное бросилось въ сторону, съ ужасомъ отнявшись отъ

трупа своего товарища и, прикусивъ удила, полетѣло со всадникомъ черезъ рвы, заборы, кустарники и ручьи....

Три англійскіе унтеръ-офицера была задушены на мѣстѣ; прочихъ связали и унесли для принесенія въ жертву идоламъ. Впереди четыре отряженные бандита тащили графа дель-Пилара.

Все это произошло въ нѣсколько мгновеній.

По быстротѣ бѣга лошади, Эдуардъ не могъ вѣрно опредѣлить далеко-ли уѣхалъ. Когда, утомленная припадкомъ бѣшенства, лошадь упала, какъ-бы убитая, всаднику представилась новая опасность. Нигдѣ не видно было тропинки. На горизонтѣ пустыни видѣлись скалы и мрачный лѣсъ. Эдуардъ справился по звѣздамъ, въ которую сторону ему надо было идти, но звѣзды не могли опредѣлить разстоянія.

Эдуардъ покинулъ лошадь въ добычу хищнымъ звѣрямъ, въ полной увѣренности, что этотъ вкусный кусокъ не замедлитъ привлечь кровожадныхъ гостей, которые, слѣдовательно, оставятъ его самого безъ вниманія. Бросивъ къ небу еще взглядъ христіанипа и астронома, онъ бѣгомъ направился къ сѣверу.

Мы сейчасъ объяснимъ, какая причина заставила его бѣжать въ ту сторону.

Люди, привыкшіе наблюдать и изучившіе тайны, странности и прихоти природы, замѣтили, что она, простираясь въ безконечность, отъ горизонта до горизонта, принимаетъ, на большихъ разстояніяхъ, одинаковую форму мѣстоположенія и растительности и, что каждый слой, такъ-сказать, приближаясь къ границамъ своимъ, теряетъ мало-по-малу свою физіономію, чтобы слиться съ слѣдующимъ за нимъ слоемъ. Эта постепенность особенно проявляется въ центрѣ дѣятельныхъ материковъ, гдѣ природа не уступила еще человѣку древнихъ правъ своихъ и, гдѣ разрушительность не появлялась еще подъ именемъ обработки и украшенія.

Эдуардъ замѣтилъ, что мѣстоположеніе имѣло нѣкоторое сходство съ околичностями Руджѣ. Люди сильной организаціи умѣютъ сохранять въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ логическій порядокъ въ дѣйствіяхъ и мысляхъ. Эдуардъ забылъ все, даже несчастную участь графа дель-Пилара: онъ забылъ друзей, свою любовь, забылъ самого-себя, чтобы неключительно сосредоточить мысли свои на отысканіи дороги въ Руджѣ. Это была единственная и главнѣйшая цѣль его въ настоящую минуту. Пробравшись въ Руджѣ, онъ сталъ-бы обдумывать и принекивать средства къ спасенію друзей. Слѣдовательно, не удивитель-

но, что онъ обрадовался, замѣтивъ сходство мѣстоположенія съ окрестностями Руджѣ.

Это открытіе придало ему крылья; онъ болѣе походилъ на несчастнаго, спасающагося бѣгствомъ отъ смертельной опасности, нежели на человѣка, отыскивающаго дорогу.

Маленькая, быстрая рѣчка, съ высокими берегами, преградила ему дорогу. Разбѣжавшись, онъ могъ-бы перескочить черезъ нее, но разсмотрѣвъ внимательнѣе слой земли обрывистыхъ береговъ и растительность ихъ, онъ узналъ родъ деревъ, окружавшихъ Руджѣ, слѣдовательно, эта рѣчка протекала не въ дальнемъ разстояніи отъ селенія. Тогда Эдуардъ вспомнилъ объ *swimming-couriers*, которые такъ искусно плаваютъ съ письмами (*).

Эдуардъ не долго думалъ, бросился въ рѣчку, доплылъ до середины и слегка шевеля руками, пустился по теченію. Индѣйскіе плавающіе курьеры изобрѣли себѣ новый родъ дорогъ, по которымъ путешествуютъ съ быстротою, равною быстротѣ желѣзныхъ дорогъ.

Едва замѣтнымъ образомъ берега теряли дикій видъ и наконецъ показались обработанныя поля. Когда въ пустынѣ являются первые признаки слѣдовъ плуга, то можно быть увѣреннымъ, что селеніе близко.

Эдуардъ доплылъ до лѣваго берега и увидѣлъ, что находится въ знакомой странѣ. Дикая природа превратилась въ садъ, съ живыми изгородками, цвѣтниками, огородами, прихотливыми парками, дорожками, обсаженными цвѣтами, со всею роскошью сельской затѣйливости, переносившей путешественника мысленно изъ центра Индіи въ окрестности Лондона — съ тою только разностию, что мрачная тишина господствовала вокругъ Руджѣ, потому-что побѣдитель, не смотря на все могущество свое, не могъ еще придать этимъ очаровательнымъ подражаніямъ, снокойныхъ ночей.

Только три часа прошло послѣ злополучнаго выѣзда изъ Руджѣ; графъ и Эдуардъ оставили селеніе во-время солнечнаго заката, то есть, съ приближеніемъ ночнаго мрака. Въ странахъ, ли-

(*) Джемсъ Эткинсонъ, въ сочиненіи своемъ: *The expedition in to Affghanistan*, подробно говоритъ объ этихъ *плавающихъ курьерахъ*. Гумбольдтъ говоритъ, что они также извѣстны въ старинныхъ португальскихъ владѣніяхъ въ Океаніи, подъ именемъ *Cotoo que nadã*.

шенныхъ сумерекъ, день угасаетъ въ шесть часовъ и немедленно наступаетъ мракъ ночи.

Эдуардъ сказалъ свое имя солдатамъ, сторожившимъ у южныхъ воротъ и вошелъ въ Руджа. Онъ походилъ на моряка, послѣ битвы и кораблекрушенія.

Въ отсутствіи капитана Мосса, постоемъ командовалъ лейтенантъ Стефенсонъ.

Эдуардъ пошелъ къ дому капитана Мосса, у котораго былъ сильный карауль, и въ смертельной озабоченности совершенно забылъ о женщинѣ, остановившейся въ этомъ домѣ.

Съ помощію моральной энергіи своей, Эдуардъ умѣлъ скрыть въ голосѣ, движеніяхъ и на лицѣ ужасное состояніе духа своего; но изобличительная странность костюма его произвела сумотоху между солдатами и уничтожила дѣйствіе, произведенное героическимъ спокойствіемъ Эдуарда. Солдаты пустились въ безпокойныя догадки, приближавшіяся къ истинѣ.

Эдуарду показали домъ лейтенанта Стефенсона. Онъ находился напротивъ террасы дома капитана Мосса.

Тамъ завязался слѣдующій разговоръ :

— Лейтенантъ Стефенсонъ, сказалъ Эдуардъ, узнаете-ли вы меня?

— Узнаю, сэръ Эдуардъ; вы были съ нами, когда мы дрались съ Тóгами, предводительствуемыми факиромъ Суніяки.

— Можете-ли вы располагать двумя-стами солдатъ?

— Могу, сэръ Эдуардъ.

— Довольно-ли останется для защиты селенія?

— О! селеніе въ безопасности.

Сэръ Эдуардъ разсказалъ лейтенанту стычку съ Тóгами.

— Лейтенантъ Стефенсонъ, прибавилъ онъ: полковникъ Дугласъ усомнится въ томъ, что случилось съ нами; онъ ни какъ не повѣритъ, что почти немедленно послѣ солнечнаго заката на насъ напала шайка Тóговъ, въ окрестностяхъ Нербудды. Это рѣшительно несогласно съ обычаями этихъ бандитовъ. Впрочемъ, не зачѣмъ искать объясненія этой загадки. Поговоримъ о главномъ. Графъ дель-Пиларъ и девять англійскихъ солдатъ взяты въ плѣнъ—по-крайней-мѣрѣ, наша обязанность думать, что они только въ плѣну и, что имъ готовится мучительная смерть. Въ иныхъ случаяхъ, извѣстныхъ только имъ однимъ, Тóги не душатъ на мѣстѣ; они обязаны приносить кровавыя жертвы своимъ отвратительнымъ божествамъ. Слѣдовательно, мы немедленно

должны летѣть на помощь къ плѣнникамъ: каждая потерянная минута неисправимое зло.

— Требованія ваши справедливы, сэръ Эдуардъ; если несчастные товарищи наши и убиты, то мы обязаны найдти трупы ихъ и предать землѣ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе: извѣстно-ли вамъ убѣжище этихъ чудовищъ? Куда намъ идти? Тѣги скрываются...

— Я предвидѣлъ ваше замѣчаніе, лейтенантъ Стефенсонъ: если-бы не предвидѣлъ, то не пришелъ-бы сюда. Въ борьбѣ нашей съ Тѣгами, я узналъ нѣкоторые лица: это тѣ-же самыя, съ которыми встрѣчались мы въ прошлый разъ. Это сепды факира Суніяки. Они, можетъ-быть, бродятъ еще около Нербудды, въ надеждѣ освободить плѣннаго начальника своего... Гдѣ вы содержите Суніяки?

— Въ сосѣдней тюрьмѣ, которая смежна съ домомъ капитана Мосса.

— Тутъ, напротивъ?

— Да, сэръ Эдуардъ.

— Позвольте-ли вы мнѣ распорядиться, лейтенантъ? Отвѣчаю вамъ головою и честію, что другъ мой Дугласъ одобритъ все, что мы сдѣлаемъ.

— Вѣрю, и готовъ повиноваться вамъ, сэръ Эдуардъ, какъ будто-бъ самому полковнику Дугласу. Я знаю, какую онъ имѣетъ къ вамъ довѣренность.

— Пойдемте-жъ въ тюрьму къ факиру.

— Сей-часъ, сэръ Эдуардъ.

— Лейтенантъ, вы позволите мнѣ потомъ переодѣться у васъ. Мнѣ надо быть въ Нербуддѣ до полуночи. Моссъ тамъ съ своимъ отрядомъ. Дугласъ меня ждетъ: каждую ночь мы ожидаемъ набѣга. Если я не явлюсь къ полуночи, то Дугласъ подумаетъ, что я убитъ или измѣнилъ... Есть-ли у васъ хорошая лошадь?

— Есть, сэръ Эдуардъ.

— Лошадь, встрѣчавшаяся съ Тѣгами?

— Чующая и не боящаяся ихъ.

— Хорошо!... пойдемте къ факиру.

Они вышли.

Въ этотъ-же день, въ тѣ-же часы, послѣ солнечнаго заката, происходили еще другія сцены, тѣсно связанныя съ нашимъ разсказомъ.

Мистеръ Тóуэръ, предшествуемый факелами, шелъ въ домъ капитана Мосса. Онъ приказалъ отворить калитку въ садъ, и входя въ переднюю, отскочилъ со страхомъ отъ бѣлаго платья, которое, конечно прикрывало не скелетъ привидѣнiя; а потому испугъ Тóуэра былъ непротителенъ.

Услышавъ скрипъ отворявшейся калитки, граціозное платье вышло въ переднюю; свѣтъ отъ факеловъ упалъ на прелестное лицо.

— Э! да это вы, очаровательная графиня! вскричалъ мистеръ Тóуэръ, всплеснувъ руками: вотъ неожиданный сюрпризъ!

— Вы здѣсь, въ такое позднее время, милый опекунъ! сказала графиня, стараясь скрыть досаду; что вамъ надо въ этомъ домѣ?

— Мнѣ! сказалъ опекунъ съ безмысленнымъ смѣхомъ. А! вы спрашиваете, что мнѣ здѣсь надо? Хе, хе, хе!

— Не шутите, мистеръ Тóуэръ; я сегодня не расположена къ веселости... я виѣ-себя... я такъ сердита на своихъ горничныхъ.... онѣ пчезли... я вездѣ ищу ихъ; вѣроятно, онѣ нашли уже сосѣдокъ, чтобы посплетничать — пантомимой, потому-что онѣ не знаютъ здѣшняго языка... Вы, вѣроятно, желаете видѣть капитана Мосса?

— Угадали, графиня.

— Его дома нѣтъ. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ на балъ, къ сосѣдямъ, какимъ-то Голландцамъ.

— Такъ и слѣдуетъ; послѣ войны молодые офицеры должны танцовать, чтобы найдти невѣсть.

— Опустошивъ землю, надобно - же стараться опять населить ее.

— Весьма справедливо, графиня! Мнѣ однакожъ очень-жаль, что капитана нѣтъ дома.

— Не угодно-ли вамъ зайдти на минуту ко мнѣ, мистеръ Тóуэръ?

— Если позволите... я немножко усталъ... Мы, графиня, вѣроятно, очень оскорбили васъ, заговорилъ Тóуэръ, опустившись на стулъ съ тяжестью шестидесяти-лѣтней дородности; — вы такъ успѣшно покинули насъ...

— О! будемте говорить о чемъ - нибудь другомъ, мистеръ Тóуэръ...

Мистеръ Тóуэръ округлилъ руки, прищурилъ глаза и поклонился.

— Причина желанія вашего видѣться съ капитаномъ Моссомъ, вѣроятно, тайна? продолжала Октавія, весьма равнодушнымъ голосомъ.

— Графиня, я ни отъ кого ничего не скрываю, тѣмъ болѣе отъ васъ. Я хотѣлъ спросить у капитана, куда дѣвался графъ дель Пиларъ?

— Дель Пиларъ! повторила Октавія съ неискусно-скрытымъ смущеніемъ.

— Именно; этотъ молодой человѣкъ крайне безпокоитъ меня... Я за нимъ присматриваю, потому - что... извольте видѣть... мало-ли что можетъ случиться?... отчаянныя головы... Впрочемъ, въ сущности-то я самъ не знаю, чего боюсь, но долгъ мой велитъ мнѣ за всѣмъ наблюдать.

— Я открою окно... здѣсь душно, не правда-ли, мистеръ Тóуэръ? — спросила графиня, подходя къ окну. — Продолжайте, мистеръ.

Въ голосѣ молодой женщины выражалось волненіе, котораго Тóуэръ, по обыкновенію своему, не замѣтилъ.

— Мы обыкновенно ужинаемъ вмѣстѣ, продолжалъ Тóуэръ: мы, то есть я и графъ Жиль. Мы по-пріятельски бесѣдуемъ. Онъ все печаленъ; я стараюсь развлечь его, рассказываю анекдотцы, излагаю стратегію любви. Словомъ, мы проводимъ вечера такъ пріятно, какъ только возможно въ этой труппѣ. Сего-дня вечеромъ молодой человѣкъ пропалъ. Я искалъ его во всей гостинницѣ, на улицѣ, у пруда, въ паркѣ прелестныхъ Индіянокъ: нѣтъ графа Жиль!... Наконецъ, мнѣ сказали, что послѣ солнечнаго заката онъ, печальнѣе обыкновеннаго, ушелъ съ сэръ Эдуаромъ. Они вышли изъ селенія и исчезли за первыми деревьями, не говоря ни слова...

— Дуэль! — вскричала графиня, блѣдная и закрывъ лицо руками.

— Я сначала то-же подумалъ, графиня, холодно сказалъ Тóуэръ. Дуэль? вскричалъ я... но послѣ разсудилъ, за что имъ выходить на дуэль? Нѣтъ никакой причины...

— Дуэль, говорятъ вамъ! повторила графиня Октавія, прохаживаясь большими шагами и скрестивъ руки на груди. — Дуэль! за себя, или за полковника Дуглása, — можетъ - быть за обоихъ!... Полковникъ, вѣроятно, все знаетъ: онъ не женится, пока графъ живъ... сверхъ, того... такъ, такъ... сэръ Эдуардъ однимъ выстрѣломъ мститъ за двоихъ!

Тóуэръ слушалъ и не понималъ.

— О! вы тутъ ничего не поймете, мистеръ Тбуэръ, продолжала графиня.—Вы за тѣмъ и опекунъ, чтобы не понимать. Но я все угадываю!... Это низко!... Онъ думалъ усыпить меня своей теоріей догадокъ!... Какой ужасный человѣкъ! Онъ лжетъ, какъ цыганъ, съ которымъ онъ рыскаеть по лѣсамъ! Онъ убиваетъ своихъ соперниковъ, и соперниковъ друзей!... Ненавистный сэръ Эдуардъ!... О! въ Смирнѣ истиниктъ не обманулъ меня!... Я-бы желала имѣть въ сердцѣ всю ненависть ада, чтобы излить ее на этого человѣка!...

— А я его считалъ такимъ добрымъ малымъ, этого сэръ Эдуарда, сказала Тбуэръ, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Молчите, мистеръ Тбуэръ! вы безтолковы, какъ два англійскіе опекуна!... Но вы все еще не сказали мнѣ, зачѣмъ приходили къ капитану Моссу?

— Графиня, сказала Тбуэръ театральнымъ тономъ достоинства обиженнаго глупца: это очень-просто, естественно и понятно; я пришелъ къ капитану Моссу, чтобы разсказать ему все дѣло, и узнать, не извѣстно-ли ему, что стало съ этими господами? Безпокойство не дастъ мнѣ уснуть во всю ночь.

— Да... хорошо безпокойство!... Все мужчины глупы или низки!... Мнѣ кажется, что я слышу шумъ на улицѣ, сказала Октавія, прислушиваясь у окна. — О! намъ, вѣроятно, присекутъ извѣстіе о какомъ-нибудь важномъ происшествіи!... Чтото ужасное причиной этого шума!

Она взглянула на улицу и отступила съ ужасомъ; она узнала Эдуарда, не смотря на беспорядокъ одежды его. Женщины узнаютъ, между тысячами, въ самую мрачную почь, человѣка, котораго онѣ любятъ или ненавидятъ. У нихъ двумя глазами болѣе, нежели у насъ.

XV.

ПЛѢННИКЪ ЖЕНЩИНЫ.

Графиня Октавія, спрятавшесъ за шторой, съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдила за всѣми движеніями Эдуарда.

Лейтенантъ Стефенсонъ и сэръ Эдуардъ вошли въ домъ капитана Мосса и перешли чрезъ дворъ, къ тюремѣ.

Въ минуту забывчивости, Октавія высунулась изъ окна и позвала сэра Эдуарда голосомъ, которому она хотѣла придать повелительное выраженіе, но который былъ смягченъ внутреннимъ волненіемъ ея.

Эдуардъ вздрогнулъ при звукахъ этого голоса и ждалъ втораго призыва.

— Лейтенантъ Стефенсонъ, сказалъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ: подождите меня въ саду, одну минуту. Мнѣ надо исполнить порученіе капитана Мосса.

— Спѣшите, сэръ Эдуардъ, сказала Стефенсонъ: вы знаете, что теперь каждая минута драгоцѣнна.

— Знаю.

Эдуардъ поднялся въ верхній этажъ и не мало удивился, заставъ у Октавіи мистера Тоуэра. Послѣ холоднаго привѣтствія, молодая женщина заперла дверь и спрятавъ ключъ въ неприступномъ мѣстѣ, приставила палецъ къ обнаженной груди Эдуарда.

— Вы выйдете отсюда, сэръ, сказала она, удерживая гнѣвъ, вы выйдете отсюда только послѣ удовлетворительнаго, законнаго оправданія.

— Графиня, возразилъ Эдуардъ спокойнымъ голосомъ позвольте мнѣ прежде всего извиниться, что я осмѣлился явиться къ вамъ въ такомъ безпорядкѣ...

— Я позвала васъ, сэръ, сказала Октавія, прервавъ слова Эдуарда: слѣдовательно, вамъ не за-чѣмъ извиняться... только въ этомъ отношеніи. Сэръ Эдуардъ, вскричала она съ сверкающими глазами: я скажу вамъ то-же, что было сказано Каину: гдѣ братъ твой? Гдѣ графъ дель-Пиларъ?

Этототъ вопросъ заключалъ въ себѣ все, что нужно было, чтобы поразить человѣка, который находился-бы въ положеніи Эдуарда. Но самое ужасное для слуха и сердца несчастнаго было выраженіе разгнѣванной женщины, произносящей имя любимаго человѣка.

Эдуардъ употребилъ нечеловѣческое усиліе, чтобы возвыситься до этого ужаснаго положенія и доказать, что для возвышенныхъ душъ нѣтъ великихъ бѣдствій.

— Графиня, отвѣчалъ онъ: увѣряю васъ, что я не знаю...

— Перестаньте. Не доканчивайте вашей лжи. Вы дрались съ графомъ, я это знаю.

— О! графиня, какая недостойная васъ мысль!

— Вы не дрались? Слѣдовательно, вы поступили еще хуже...

— Боже мой! чѣмъ навлекъ я на себя эту ужасную сцену!

— Вы убили его!... Смотрите, смотрите, отъ головы до пятъ его видны слѣды преступленія! Какъ отчаянно боролся онъ съ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ! Волосы и грудь его запятнаны кровью! Лицо его исцарапано! Предайте этого человѣка суду... пусть судятъ сейчасъ-же, и завтра онъ взойдетъ на эшафотъ!

— Правда, графиня, — сказала Эдуардъ съ дивнымъ спокойствіемъ.

— Слышите-ли, онъ сознается!... Неужели вы даже ничего не можете сказать въ свое оправданіе?

— Ничего. Гнѣвъ глухъ. Я жду спокойствія, чтобы заговорить.

— Мистеръ Тобуэръ, сказала графиня, обратившись къ полумертвому отъ страха опекуну: мистеръ Тобуэръ, окажите мнѣ услугу, оставьте насъ на минуту однихъ... удалитесь въ сосѣдную комнату.

Тобуэръ только этого и желалъ. Онъ повиновался съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Сэръ Эдуардъ, продолжала графиня: вы можете говорить свободно; мы одни и я спокойна; смотрите — я спокойна.

— Ради Бога, графиня, выпустите меня, сказалъ Эдуардъ умоляющимъ голосомъ: выпустите меня... меня ждуть...

— Носильщики... не такъ-ли?... Вы хотите выдти?... Бѣжать, какъ убійца!

— Графиня, сказалъ Эдуардъ, не измѣняя почтительности и вѣжливости, которую, въ присутствіи женщины, никакая обида не могла ослабить; графиня, если-бы я былъ преступникъ, то ваша слабая рука не удержала-бъ меня здѣсь. Въ менѣе времени, нежели нужно для того, чтобы произнести ваше имя, я былъ-бы за дверью или за окномъ.

— Испытайте и я подниму шумъ, который накажетъ васъ за дерзость... испытайте

— Положеніе мое ужасно!... О! если-бы вы знали...

— Говорите, и я буду знать...

— Каждая потерянная минута преступленіе... Повторю вамъ, положеніе мое ужасно. Я не могу ни остаться, ни удалиться, ни говорить. Если я останусь, то буду обезчещенъ въ глазахъ

друга; если удастся, не объяснившись, то обезчешу себя въ вашихъ глазахъ; если-жъ объясню все дѣло, то буду обезчещенъ предъ всѣми. Графиня Октавія, гордый человѣкъ преклоняетъ предъ вами колѣна, скажитесь надъ нимъ!

— Развѣ вы жались надъ графомъ дель Пиларомъ? Говорите! отвѣчайте-же, отвѣчайте!... чьею кровью вы запятаны?... Неужели вы не имѣли даже времени взглянуть на себя!... Взгляните-же теперь... тутъ, у зеркала... Вы не осмѣливаетесь!... Слѣды убійства видны во всей вашей паружности!

При этихъ словахъ Эдуардъ не могъ удержать глухого, болезненнаго крика.

— О! я знаю этотъ крикъ! продолжала молодая женщина: это голосъ угрызенія совѣсти! Этотъ крикъ— эхо ада! Да проститъ вамъ Богъ, но я никогда не прошу!

— Графиня, вскричала Эдуардъ: если-бъ вы знали, что теперь дѣлаете! если-бъ вы знали! — И онъ съ бѣшенствомъ топнулъ ногою.

Сильный ударъ потрясъ дверь залы. Снаружи кричалъ чей-то голосъ:

— Откройте! отворите!

Это былъ знакомый, но почти забытый голосъ; онъ трижды послышался на лѣстницѣ.

Октавія, послѣ краткой нерѣшительности, пошла къ двери. Эдуардъ послѣдовалъ за нею съ умоляющимъ видомъ. Октавія отвѣчала величественнымъ, повелительнымъ жестомъ, который какъ-бы осуждалъ Эдуарда на вѣчное заточеніе въ этой комнатѣ.

Дверь была отворена — Амалія вошла.

Внезапно пробудилась въ сердцахъ молодыхъ женщинъ дружба; онѣ обнялись съ трогательною живостію; онѣ смѣшали ласки, слезы, рыданія, голоса въ крѣпкихъ объятіяхъ, чистыхъ, какъ душа, до облеченія ея въ тѣло.

Амалія высвободилась изъ объятій графини; сложивъ руки, поднявъ ихъ надъ головою и потомъ опустивъ, она вскричала глухимъ голосомъ:

— Онъ погибъ! онъ погибъ!

— Да, сказала Октавія, утирая слезы густыми локонами; да, Амалія, и вотъ убійца его!

Молодая Гречанка бросила на Эдуарда взглядъ тигрицы.

— О! произнесла она медленно, — какъ онъ похожъ на убійцу! Какъ преступленіе измѣняетъ человѣка!... Я все знаю... пѣ-

сколько словъ, написанныхъ мистеромъ Тобуэромъ, увѣдомили меня обо-всемъ... Мистеръ Тобуэръ проводилъ меня сюда.

— Безтолковый Тобуэръ! сказалъ Эдуардъ, какъ-бы про себя.

— Какая дерзость! вскричала Графиня.

— Теперь, по-крайней-мѣрѣ, я могу плакать, сказала Амаля рыдая. Да, если-бы мнѣ, бѣдной спротѣ, покойные родители предложили мужа по ихъ выбору, то — Богъ мнѣ свидѣтель! — я бы безъ ропота повиновалась ихъ святой волѣ... Но никто, кромѣ ихъ, не имѣетъ права располагать мною... Не-смотря на то, я покорялась своей участи... Я соглашалась выдти за того... за Англичанина... теперь-же я могу высказать тайну души моей... Я любила графа Жилия!...

Она опустила на пизенькій диванъ и, закрывъ лицо руками, рыдала.

— Я это знала, Амаля, сказала графиня, наклонившись, чтобы поцѣловать ее. — Да, я это знала... Я сама оставила вчера Нербудду, чтобы провести здѣсь ночь и завтра уѣхать, не простившись съ тобою... Мы уѣдемъ вмѣстѣ, Амаля.

— Ахъ! могу-ли я ѣхать? — сказала молодая дѣвушка, поднявъ голову. — Я должна-бы доконца исполнить долгъ свой!... Бѣдный Жиль, онъ умеръ и ни разу я не сказала ему: люблю васъ! Онъ умеръ безъ этого утѣшенія... Теперь если полковникъ Дугласъ потребуетъ еще жертву свою... я готова... ведите меня подъ вѣнецъ. Пусть приносятъ меня въ жертву... Дугласъ женится на трупѣ, увѣнчанномъ цвѣтами.

Въ это время въ саду послышался голосъ лейтенанта Стефенсона.

Эдуардъ вздрогнулъ, какъ-бы внезапно пробужденный отъ летаргическаго сна. Подобные кризисы убиваютъ самыя сильныя души. Можно долго и съ энергіей бороться, но наконецъ надо таки уступить. Тотъ, у котораго достало-бъ силы вѣчно бороться, вѣчно сопротивляться, былъ-бы не человѣкъ, а — ангелъ или демонъ.

Молодые женщины истощили весь запасъ словъ и слезъ. Отчаяніе придаетъ женщинамъ характеръ дивной и трогательной красоты, потому-что оно выказываетъ божественную пѣжноть сердца.

Эдуардъ, съ спокойнымъ достоинствомъ, приблизился къ прелестной опечаленной группѣ. Рѣшительная мысль сверкнула въ умъ его.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ, голосомъ, выражавшимъ усиліе, съ которымъ онъ удерживалъ слезы: я невиненъ, но для

васъ, я готовъ сдѣлаться преступникомъ.... Графиня Октавія, вы требуете, чтобы я оправдался — я оправдаюсь.

Октавія приподнялась и посмотрѣла на Эдуарда.

— Выслушайте, графиня, продолжалъ онъ: завтра съ развѣтомъ вы съ конвоемъ можете отправиться въ Нербудду и по дорогѣ вы увидите мѣсто, покрытое кровью и двадцатью трупами или слѣдами ихъ, если ихъ успѣютъ убрать. Графъ Жиль не въ числѣ этихъ убитыхъ, клянусь честью и прахомъ моей матери и землю, которая послужитъ мнѣ могилой!... Больше я ничего не могу сказать. Тайна эта принадлежитъ не мнѣ и ни за что въ мірѣ я не измѣню ей... хотя-бы она была причиной вашей, а, слѣдовательно, и моей смерти...

— Сатанинская насмѣшка! сказала молодая женщина съ злобой улыбки: моя смерть будетъ и его смертію!... Эти послѣднія слова ручаются за истину первыхъ... Продолжайте лицемѣрить... Говорите мнѣ о вашей любви... презрѣнный!

— Графиня, лейтенантъ Стефенсонъ зоветъ меня.

— Васъ зоветъ ваша цыганка! ваша площадная плясунья! вскричала графиня съ безуміемъ. Бѣгите, бѣгите къ опозоренной любовницѣ вашей... спѣшите, запятнанные человѣческой кровью, въ объятія ея! О! эта любовь достойна васъ. Послѣ преступленія — позоръ. Отвратительныя лобызанія послѣ пролитія крови.

— О, Боже мой, Боже мой! вскричалъ Эдуардъ, схватившись за волосы: какое ужасное сновидѣніе! Боже мой!

— Сновидѣніе, говорите вы? Сновидѣніе!... Нѣтъ! было свѣтло, глаза мои были открыты... я видѣла не сонъ, а жестокую дѣйствительность!

— Но объяснитесь, графиня...

— Если я объяснюсь, то краска стыда покроетъ лицо ваше точно такъ, какъ теперь грудь ваша покрыта кровью!

— Объяснитесь... объяснитесь!

— Глазъ женщины подобенъ солнечному лучу: онъ проникаетъ сквозь чашу древесную, когда за нею скрывается преступленіе... Я видѣла, какъ вы шли рука объ руку съ вашей цыганкой... Вотъ чего я не хотѣла сказать, и что теперь говорю. Я даже радуюсь, что имѣла случай высказать вамъ это предъ отъѣздомъ своимъ. Никогда не должно заставлять мужчинъ думать, что мы полагаемся на ихъ лживыя увѣренія.

Лучъ свѣта проникъ въ душу сэръ Эдуарда. Онъ все понялъ: и перемену расположенія духа Октавіи, и внезапный отъѣздъ ея

изъ Нербудды, и гнѣвъ, и проклятiя, которыми она его осыпала, какъ-бы схвативъ на лету постороннее обстоятельство, чтобы уничтожить вѣроломнаго.

— Графиня, вы осчастливили меня, произнесъ Эдуардъ, съ выраженiемъ томной меланхолiи: я благословляю эту ужасную сцену, потому-что она заставила васъ высказать истину, она довела васъ до послѣдняго объясненiя. Графиня, простите мнѣ, что въ первый разъ я заговариваю о той грозной и сладостной ночи, которую мы провели вмѣстѣ, при свѣтѣ звѣздъ, во владѣнiяхъ хищныхъ звѣрей. Въ воспоминанiе этой ночи я умоляю васъ отложить отъѣздъ и дождаться солнечнаго восхода, чтобы выслушать мое оправданiе. Клянусь, вы будете довольны мною. Если-бъ я былъ преступникъ, то вышелъ-бы отсюда насильно, не обращая вниманiя на шумъ, которымъ вы мнѣ угрожаете. Нѣтъ, я только не хочу противиться вамъ. На колѣнiяхъ умоляю васъ позволить мнѣ идти выполнить обязанность, къ которой я, быть-можетъ, уже опоздалъ по обстоятельствамъ, независящимъ отъ моей воли.

Истина, точно такъ какъ и невинность, имѣютъ неподражаемую выразительность. Послѣднiя слова внушили Октавiи сожалѣнiе. Она посмотрѣла на умоляющее лицо Эдуарда глазами, въ которыхъ уже угасалъ гнѣвъ. Амалiя все еще сидѣла въ положенiи надгробной статуи.

— Вы просите отерочки, сказала Октавiя. Впрочемъ, я вамъ не судья... Если вы виновны, то не избѣгнете наказанiя... вы просите, чтобы я подождала одинъ день... одинъ день! Это много въ этой пламенной драмѣ, увлекающей насъ въ огненномъ вихрѣ... Хорошо! я дарую вамъ одинъ день.

— Вы даруете мнѣ жизнь... и, можетъ-быть, не мнѣ одному. Благодарю, графиня, благодарю!

— Завтра, послѣ солнечнаго заката, вы, сэръ Эдуардъ будете или оправданы или навѣки опозорены въ моихъ глазахъ.

— Принимаю съ радостiю и безъ боязни. Прощайте, графиня! Эдуардъ радостно сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Не спрашивайте, не упрекайте меня въ медлительности, сказалъ онъ лейтенанту Стефенсону: мы потеряли полчаса... что дѣлать!... Пойдемте въ тюрьму къ факиру... скорѣе!

Тюрьма была отперта. Четыре солдата схватили факира Су-пьяки, и связавъ ему руки на спину, отвели въ небольшой лѣсъ, на югъ отъ Руджѣ. Въ его присутствiи солдаты зарядили ружья

и жалкій Индѣецъ, видя наступающую минуту смерти, не выдержалъ того мужественнаго упрямства, которое такъ часто выказывали товарищи его. Все тѣло его судорожно дрожало; время и мѣсто также много содѣйствовали къ ослабленію его энергій.

Эдуардъ, управлявшій всѣми дѣйствіями, спросилъ у Стефенсона самаго проворнаго изъ цинаевъ, и давъ ему нѣкоторые порученія, поставилъ за деревьями, у которыхъ готовилась казнь Суніяки.

Солдаты стали въ десяти шагахъ отъ факира и прицѣлились...

Въ то самое мгновеніе явился Эдуардъ, въ сопровожденіи Стефенсона и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ. Онъ приказалъ солдатамъ поднять карабины и сказалъ по-индѣйски факиру:

— Другъ мой, твои соотечественники требовали смерти твоей; но добрые Англичане даруютъ тебѣ жизнь. Я прикажу освободить тебя.

Подобный поступокъ можетъ смягчить самое дикое сердце. Освободившись, факиръ Суніяки радостно закричалъ.

— Ступай, сказалъ ему Эдуардъ, — и скажи братьямъ своимъ, что-бы и они были добры съ нами.

Факиръ отряхнулъ опѣмѣвшіе члены, посмотрѣлъ на звѣзды, и пошелъ по направленію къ горамъ.

Проворный цинай издали послѣдовалъ за нимъ, ни на минуту не теряя его изъ виду.

— Вотъ все, что мы пока могли сдѣлать для бѣднаго графа дель-Шилара, сказалъ Эдуардъ, поспѣшно возвращаясь въ селеніе, чтобы переодѣться и сѣсть на приготовленнаго коня. — Лейтенантъ Стефенсонъ, у меня двойная цѣль. Если несчастный графъ нашъ еще живъ, что очень можетъ быть, потому-что Тогги приносятъ жертвы богамъ своимъ только во-время повой луны — если Жиль не убитъ, то, вѣроятно, факиръ Суніяки возвратитъ ему свободу. Сверхъ-того, цинай узнаетъ убѣжище Тоговъ и, въ-случаѣ надобности, можетъ проводить васъ туда. Отправьтесь немедленно послѣ полученія извѣстія, лейтенантъ, и дѣйствуйте такъ, какъ вамъ заблагоразсудится.

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ Стефенсонъ: изумляюсь вашей догадливости. Точно, вы сдѣлали все, что можно было сдѣлать.

— А въ остальномъ положимся на Провидѣніе; Оно никогда не покидаетъ заслуживающихъ помощи... День мой почти конченъ; остается еще одна обязанность... Гдѣ ты?... гдѣ ты, мой добрый Низамъ?

Нѣсколько минутъ спустя, неутомимый Эдуардъ летѣлъ по дороге къ Нербудскому жилищу. Несясь мимо опушки лѣса, гдѣ проходила битва, онъ поклонился трупамъ храбрыхъ товарищей и съ грустію произнесъ имя Жюля. Въ-этотъ разъ ни одно чудовище не поднялось.

Эдуардъ прибылъ къ жилищу гораздо-ранѣе полуночи.

Полковникъ Дугласъ, Набббъ и дочь его слышали стукъ отъ копытъ скакавшей лошади и ждали Эдуарда за полурастворенною, изъ осторожности, дверью. Слуга, высланный впередъ, принявъ лошадь, и всадникъ поспѣшно вбѣжалъ въ сѣни, при громкихъ привѣтствіяхъ, друзей его ожидавшихъ. Цитадель была въ то-же мгновеніе заперта.

— Знаете-ли, сэръ Эдуардъ, что вы порядочно напугали насъ! — сказала миссъ Аринда, всплеснувъ руками. — О! мы прещдали-бы васъ до утра! Полковникъ безпрестанно приказывалъ намъ удалиться, но мы не повиновались... Кто задержалъ васъ такъ поздно? А, негодный! у васъ есть какія-нибудь знакомства!... Хорошо, хорошо! все откроется... Все равно, я прощаю вамъ за записку, которую вы сегодня прислали полковнику. Онъ не показывалъ намъ этой записки, потому-что вы въ ней распространяетесь о вашихъ собственныхъ тайныхъ дѣлахъ; должно-быть, у васъ много тайнъ! Но полковникъ такъ обрадовался вашему письму, что немедленно разослалъ къ сосѣдямъ нарочныхъ съ извѣстіемъ, что свадьба наша будетъ не черезъ недѣлю, но черезъ три дня.

Всѣ сѣли. Полковникъ Дугласъ не прерывалъ Аринды, чтобы прочесть мысли Эдуарда на лицѣ его. Эдуардъ-же со спокойной улыбкой слушалъ молодую Индіанку, старааясь побѣдить волненіе, бушевавшее въ груди его.

— Коли вы такъ милостиво прощаете мнѣ, сказалъ Эдуардъ весело Ариндѣ, и бросивъ мрачный взглядъ на Дугласа: — я не стану извиняться. Чтобы заслужить ваше прощеніе, я готовъ опять провиниться... Итакъ, черезъ три дня мы будемъ танцовать. Какъ я радъ, что записка моя подошла такъ кетати!

— Но васъ, кажется, мучитъ голодъ или жажда, сэръ Эдуардъ, сказала Аринда: не прикажите-ли подать чего-нибудь?

— Покорно васъ благодарю, миссъ, мнѣ нуженъ только покой...

— Точно, теперь поздно... сказалъ Дугласъ.

— Тѣмъ болѣе, что я очень усталъ... прибавилъ Эдуардъ. Мы цѣлый день охотились...

— О, побесѣдуйте еще нѣсколько минутъ, господа, сказала молодая Индіянка, граціозно-умоляющимъ голосомъ: — я такъ люблю разговаривать вечеромъ!... Днемъ слишкомъ жарко... Я вамъ не сказала еще, сэръ Эдуардъ, что ваше письмо доставило мнѣ прелестный подарокъ отъ папеньки... посмотрите на этотъ бриліантъ. Правится-ли онъ вамъ?

— Онъ прекрасенъ, миссъ; но ночью бриліанты теряютъ блескъ свой. Я съ удовольствіемъ взглянулъ-бы на него завтра утромъ.

— Передъ вашимъ пріѣздомъ, папенька и полковникъ много спорили о бриліантахъ...

— Завтра мы будемъ продолжать нашъ споръ, сказалъ полковникъ, вставая съ видомъ челоуѣка, побѣждаемаго усталостию.

— Повѣрьте, полковникъ, что вы неправы, сказалъ старый Набобъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ полковникъ.

— Конечно, онъ неправъ! сказалъ Эдуардъ вставая.

— Сэръ Эдуардъ соглашается съ папенькой, не зная даже, о чемъ идетъ споръ! — вскричала Аринда, громко засмѣявшись. — Садитесь, сэръ Эдуардъ. Мы увидимъ, можете-ли быть судьей въ этомъ спорѣ... Садитесь возлѣ меня... Хорошо!... Знаете-ли вы цѣнность бриліанта Питта (регента)?

— Это бриліантъ въ 137 каратовъ, отвѣчалъ Эдуардъ, скрывъ изъ вѣжливости слабую зѣвоту.

— Полковникъ воображаетъ, что больше этого бриліанта нѣтъ на свѣтѣ.

— Я того-же мнѣнія.

— Ошибаетесь! Бриліантъ, которымъ Императоръ Баберъ овладѣлъ въ Агрѣ, въ 1562 году, имѣлъ вѣсу 224 руттій или 672 карата, а знаменитый бриліантъ Оренгъ Зѣба въ 900 каратовъ.

— По тарифу *Тысячи и одной ноги*, миссъ Аринда?

— Полковникъ то-же говоритъ! Неужели вы, господа, хотите знать бриліанты лучше моего отца, который во всю жизнь свою поставлялъ ихъ Англичанамъ?

— Противъ этого мы уже не будемъ спорить, сказалъ Эдуардъ: благодаря вамъ, у меня будутъ, въ эту ночь, бриліантовые сны,... сны въ 900 каратовъ!

— Полковникъ, сказала Аринда Дугласу, прислушивавшемуся къ вѣшнему шуму ночи и нескрывавшему безпокойства сво-

его: полковникъ, вы отступаете отъ спора... Что вы тамъ дѣлаете у окна?... Не слышите-ли вы какого-нибудь шума?

— Никакого, миссъ Аринда; я прохаживаюсь, чтобы разогнать сонъ... Я смотрѣлъ на партитуру *Фрейшиоца*, открытую на нашемъ фортепiano.

— Знаете-ли вы увертюру Вебера, сэръ Эдуардъ?... Она должна быть удивительно-хороша ночью!... Если-бъ фортепiano было настроено, я сыграла-бы вамъ ее. Мой индѣйскій настройщикъ очень-неаккуратенъ.

— Оиъ, вѣроятно, сегодня очень занятъ, сказалъ Эдуардъ, посмотрѣвъ на полковника... Впрочемъ эта увертюра должна быть ужасна въ такое позднее время.

— Я ничего не боюсь, сказала Аринда, когда окружена военными. Мы, Индiанки, мужественны, — мы рождены для войны. Знаете-ли вы исторiю Нуръ-Еганы, сэръ Эдуардъ?

— Я-бы съ удовольствiемъ выслушалъ ее завтра утромъ.

— Такъ я-же расскажу вамъ ее сегодня, сказала Аринда, сложивъ ручки на столѣ.

Дугласъ бросилъ быстрый, выразительный взглядъ на сэра Эдуарда.

— Покоримся! значилъ этотъ взглядъ.

— Выслушаемъ исторiю Нуръ-Еганы! сказалъ Эдуардъ, облокотившись на столъ.

Набобъ спалъ.

— Нуръ-Егана, начала Аринда съ важностью молодой дѣвушки, рассказывающей о чемъ-нибудь серьезномъ: Нуръ-Егана была любимой женой Егангира, владѣтеля *Пати-ръкъ*, въ 1616 году. Она причиняла много горя своему мужу, желая возвестъ на престолъ сына своего Шарiара, въ обиду старшимъ сыновьямъ другихъ жепъ Егангира. Это было причиной великаго, кровопролитнаго возмущенiя, потому-что храбрѣйшiй и умнѣйшiй изъ старшихъ сыновей, Шахъ-Еганъ, составилъ себѣ сильную партiю, и для защиты правъ своихъ вооружился противу отца. Наконецъ, Императоръ Егангиръ находился въ великой опасности и былъ осажденъ въ Лагоръ, возмущившимся своимъ министромъ Могабѣтомъ. Нуръ-Егана была съ братомъ своимъ Асифъ-Ханомъ, когда узнала о несчастiи монарха, и рѣшилась спасти его. За широкою рѣкою находилась армiя Могабѣта. Нуръ-Егана сѣла на слона, взяла съ собою молодого своего сына, и первая пустилась въ воду. Малочисленное войско, возбужденное геройствомъ этой жепъ

щины, съ отчаянными криками послѣдовало за нею вѣлаве. Нуръ-Егана напала на враговъ, и пять разъ ей приносили новыя колчаны, полныя стрѣль. Три вожатыхъ пали возлѣ нея, и молодой сынъ ея былъ раненъ въ руку. Она одержала блистательную побѣду и спасла мужа.

— Миссъ Аринда, сказалъ Эдуардъ, вставая въ третій разъ: ваша исторія чрезвычайно-занимательна; она даже имѣетъ то достоинство, что недлишна. Удивительная женщина! Я буду видѣть во снѣ Нуръ-Егану, если только мнѣ удастся уснуть.

— Вы думаете, сэръ Эдуардъ, продолжала Аринда, заставивъ его сѣсть: вы думаете, что въ исторіи Азии только эта героиня и есть? Я могу вамъ насчитать тысячу подобныхъ примѣровъ... Хотите-ли я разскажу вамъ исторію жень эмира Лоди?

Дугласъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, который былъ искусно скрытъ Эдуардомъ.

— Но, миссъ Аринда, сказалъ онъ смѣясь: надо оставить что-нибудь и на завтрашній вечеръ. Жены эмира Лоди не дадутъ мнѣ уснуть. Довольно одной Нуръ-Еганы.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ Эдуардъ, сказала Аринда, не зачѣмъ вамъ и желать доброй ночи...

— Я думаю, миссъ Аринда, у меня голова полна брилліантами, индѣйскими героинями и сномъ.

— Полковникъ, сказала Аринда: вы сегодня вечеромъ что-то очень разсѣяны...

— Я думаю о васъ, милая миссъ Аринда, и въ особенности о васъ; слѣдовательно, не удивляйтесь моему равнодушію къ прочимъ женщинамъ и прочимъ брилліантамъ.

— А! сказалъ Эдуардъ: полковникъ любезенъ, какъ настоящій мужъ — передъ свадьбой!

— Какъ вы злы, сэръ Эдуардъ! сказала Аринда. Полковникъ общалъ мнѣ никогда не измѣниться.

— Въ такомъ случаѣ я молчу, миссъ Аринда, и чтобы доказать, что я не сердитъ за ваши эниграммы, я провожу васъ со свѣчой до порога вашей комнаты. Служанки уже ждутъ васъ на лѣстницѣ. Позвольте мнѣ идти впередъ?

— Я никогда не замѣчала въ васъ такую сонливость, какъ въ этотъ вечеръ.

— Въ этотъ вечеръ, миссъ Аринда! Кажется, теперь уже утро.

— Пойдемте и разбудите напеньку, который вѣчно и вездѣ спитъ... Разбудите вашего тестя, полковникъ.

— Сейчасъ, милая жена, отвѣчалъ Дугласъ.

— Вотъ вы и обвѣнчаны, сказалъ Эдуардъ: да благословить васъ Господь... пойдете!

— Миѣ кажется, сказала Арида, остановившись на первыхъ ступеняхъ лѣстницы: что можно-бы обоидтись безъ этихъ сторожей, которые, стоя, спятъ у двери.

— По-петитъ, отвѣчалъ Эдуардъ, продолжая входить: я не узнаю васъ сегодня вечеромъ, миссъ Арида! Вы храбрѣ Нуръ-Еганы.

— Скажите-жъ сторожамъ, чтобы они пошли спать, продолжала Арида: не боитесь-ли вы, что тигры отпрутъ дверь?

— Вы правы, миссъ Арида, сказалъ полковникъ: это излишняя предосторожность; я пошлю ихъ спать.

Миссъ Арида ушла къ себѣ. Дугласъ и Эдуардъ остались на-конецъ одни.

— Какой день! какая ночь! вскричалъ Эдуардъ.

— Я все знаю, сказалъ Дугласъ.

— Вы ничего не знаете, любезный полковникъ.

— Вы попались въ западню, у источника, близъ опушки лѣса. Миссъ издали слышала выстрѣлы, продолжавшіеся нѣсколько минутъ. Сто человекъ немедленно отправились на мѣсто, гдѣ они нашли только двадцать труповъ. Англичане и Тогои были всѣ стѣ преданы землѣ. Завтра никто ничего не узнаетъ.

— Вы ничего не знаете. Въ пять минутъ я вамъ расскажу, сколько въ три часа времени можетъ приключиться бѣдствій.

Дугласъ выслушалъ рассказъ Эдуарда съ волненіемъ, и вскрикнулъ:

— Любезный Эдуардъ, во всемъ этомъ ужаснѣйшее для насъ всѣхъ и въ особенности для меня, судьба бѣднаго графа дель-Пилара. Если Господь не совершилъ чуда, то Жиль погибъ!

Слезы омочили глаза друзей.

— А если онъ умеръ, сказалъ Эдуардъ, послѣ краткаго молчанія: если онъ убитъ, то бракъ вашъ съ миссъ Аридой...

— Займетесь теперь дѣлами службы, Эдуардъ.... Представили-ли вы себѣ необычайность нападенія Тоговъ? Эти чудовища измѣняютъ своимъ привычкамъ. За-тѣмъ они были въ лѣсу и въ такомъ маломъ количествѣ, за четыре часа до входа звѣзды ихъ, въ двухъ шагахъ отъ большой дороги, на риевомъ

поль?... Это непостижимо!... Они даже забыли похоронить убитых!...

— Они понадѣялись на тигровъ.

— Можетъ-быть... не смотря на то, нападеніе это непостижимо!... Я отовсюду получилъ сегодня добрыя вѣсти. Шпіоны развѣдали, что Тóги упадутъ духомъ. Старые приверженцы секты ослабѣваютъ — новыхъ нѣтъ... Тѣмъ болѣе опасны остающіеся враги, потому-что фанатизмъ ихъ дошелъ до крайности. Надо нанести послѣдній, рѣшительный ударъ. Я готовъ.

— Если хитрость, употребленная мною съ факиромъ Суніяки, будетъ имѣть ожидаемый успѣхъ, сказалъ Эдуардъ, то можно надѣяться спасти дель-Шилара.

— Слабая надежда, другъ мой! Все-равно, я одобряю все то, что вы сдѣлали въ Руджѣ.

— Вы понимаете, Дугласъ, что я не пришелъ къ вамъ за солдатами, потому-что Нербуддскому жилищу, которому каждую ночь угрожаетъ набѣгъ, необходима сильная защита...

— Вы поступили прекрасно, любезный Эдуардъ... Теперь все заставляетъ меня думать, что въ нынѣшнюю ночь нападенія страшиться нечего... Не-смотря на то, мы должны быть осторожны... Я сейчасъ отправлюсь обыкновеннымъ нашимъ путемъ, чтобы провести ночь съ солдатами; вы-же, Эдуардъ, отдохните... повинуйтесь приказанію вашего полковника. Спите съ открытыми глазами и не спуская рукъ съ пистолетовъ. Вашъ постъ лучше и почетнѣе моего; вы будете охранять домъ стараго Набоба и сонъ миссъ Аринды.

— Повинуюсь моему полковнику, сказалъ Эдуардъ, пожавъ руку Дугласа.

— Завтра мы поговоримъ объ Октавіи. Прощайте, Эдуардъ.

— Прощайте, Дугласъ... Не странно-ли, что любовь мѣшается во все серьезныя дѣла этого міра! Нашъ всего трое въ этой пустынѣ; трое: одинъ желаетъ счастья своей Испаніи, другой Бенгалии, третій всему роду человѣческому; и эти три великодушныя мысли роятся въ головахъ нашихъ вмѣстѣ съ именами женщинъ и всеми лихорадочными мученіями ревности и любви.

— Увы! сказалъ полковникъ: теперь, можетъ-быть, изъ трехъ людей въ этой пустынѣ остался только двое!

XVI.

ДУМАРЬ-ЛЕЙНАСКИЙ ХРАМЪ.

По тропинкамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, Индѣйцы отвели плѣнниковъ къ цѣпи горъ, находившейся за Руджѣ. Когда молодой графъ дель-Пиларъ и девять несчастныхъ его товарищей увидѣли, что дикіе побѣдители связывали имъ руки и ноги, то поняли, что религиозный фанатизмъ готовилъ имъ другой родъ смерти и что жрецъ ожидалъ ихъ у жертвенника богини Дэры.

Въ пустынномъ ущельи Саріэхской горы, широкое, симметрически-расположенное углубленіе служитъ портикомъ Думарь-Лейнаскому храму, окруженному такимъ множествомъ огромныхъ скалъ, что даже туземцы не могутъ пробраться туда, безъ помощи факировъ-проводниковъ, считающихъ обязанностью посѣщать древніе склепы, въ которыхъ предки ихъ поклонялись божествамъ своимъ. Время основанія этихъ склеповъ неизвѣстно. Кто были могущественные архитекторы и скульпторы, создавшіе эти колоссальные чудеса? Это тайна Индіи. Необходимо было множество вѣковъ и поколѣній для разрушенія этихъ громадныхъ зданій и для прикрытія ихъ роскошною растительностью; шестьдесятъ протекшихъ столѣтій недостаточны для такого необъятнаго труда!... Кажется, будто-бы планета наша вышла изъ рукъ Создателя съ этою непостижимо-смѣлою архитектурою, какъ насмѣшка на мудрецовъ и науку!

Думарь-Лейнаскій храмъ уступаетъ въ величіи и красотѣ храму Боро-Бодоръ, на Явѣ. Несмотря на то, каждый камень на немъ обработанъ съ заботливостью, любовію; подземелья имѣютъ грозный, ужасающій характеръ. Скульпторъ, вырубившій изъ Думарь-Лейнаской скалы страшные арабески, хотѣлъ осуществить прихоти злаго духа, извѣстнаго подъ именемъ Мпгассора. Онъ создалъ цѣлый міръ символическихъ животныхъ и образовалъ изъ нихъ какъ-бы живые пьедесталы подъ колонны и усыпаль карнизы чудовищными формами ихъ. Кажется, будто-бы всѣ злые духи индѣйской оеогоніи выступаютъ изъ стѣнъ вѣковыхъ

скалы, потрясая волосами изъ змѣй или протягивая длинныя, костлявыя руки, вооруженныя сѣкирами или мечами.

Во время празднествъ факировъ, этотъ древнѣйшій храмъ освѣщается бенгальскимъ огнемъ, и поклонники, отвратительнѣйшіе чудовищныхъ божествъ своихъ, кружатся въ безкопечномъ лабиринтѣ колоннъ; тогда кажется, будто-бы изваянія демоновъ, головы воловъ, слоновъ, львовъ, гигантскія группы барельефовъ, шевелятся при зеленоватомъ, неясномъ свѣтѣ; радостнымъ воплямъ толпы чудовищъ вторитъ эхо горъ...

Въ самой отдаленной части этого мрачнаго зданія, Тогои собираются на совѣщанія и торжества вѣры ихъ. Безобразная статуя Дээрри возвышается на пьедесталѣ изъ грубаго обломка скалы. На-право и на-лѣво отъ жертвенника, видны два барельефа, съ гигантскими фигурами; на одномъ изображена битва Дурги съ Мигассоромъ; на другомъ казнь похитителя Ситы, о которомъ мы уже говорили. Двѣ лампы со смраднымъ саломъ горятъ и дымятся въ этомъ святилищѣ; кажется, будто-бы онѣ должны угаснуть подъ тяжестью густаго мрака, спускающагося со сводовъ подземелья, и неясный свѣтъ, распространяемый ими, ужаснѣе мрачнѣйшей ночи. Безпрестанное журчанье подземныхъ источниковъ и высокія травы, населенныя насѣкомыми и птицами, суть единственные предметы, придающіе нѣкоторую жизнь этому храму, жилищу смерти.

Факиры-жрецы явились первые, съ религиозною важностію, свидѣтельствовавшіе о невольномъ почтеніи, которое внушало имъ это святилище страшнѣйшихъ изъ божествъ ихъ. Толпа Тоговъ слѣдовала за факирами, подражая походкѣ ихъ. Пльнники, съ которыхъ были сняты веревки, шли твердымъ шагомъ, съ поднятыми головами и съ выраженіемъ дивной гордости мужества, которое, даже передъ смертію, выказываетъ все презрѣніе свое къ убійцамъ.

Молодой графъ дель-Пиларъ, скрестивъ руки на обнаженной груди, отличался даже отъ товарищей своихъ благородною гордостью и спокойствіемъ взгляда. Онъ походилъ на печальнаго путешественника, входящаго съ проводниками въ Думаръ-Лейндскій храмъ и съ невольнымъ изумленіемъ взирающаго на громадную мечту, осуществленную архитекторами ада.

Казалось, молодой графъ былъ доволенъ, что передъ смертію ему удалось увидѣть это чудо зодчества.

Эдуардъ въ подобномъ случаѣ сталъ-бы срисовывать барельефы.

Честь жизни есть — презрѣніе къ смерти.

Дикіе Индѣйцы запѣли вялый, монотонный гимнъ въ честь богини Дээръ. Послѣ каждаго стиха, факіры падали ницъ предъ безобразной статуей, и вставая, принимали восторженныя позиціи, какъ будто-бъ на нихъ сходила благодать небесныхъ, Мандапскихъ садовъ.

По окончаніи гимна, два палача схватили одного изъ плѣнниковъ и подвели его къ жертвеннику богини. То была избранная жертва — молодой человекъ, лѣтъ двадцати, блѣокурый и съ цвѣтушимъ здоровьемъ лицомъ, составлявшимъ разительный контрастъ съ блѣдыми, зеленоватыми, косялистыми лицами палачей. Онъ смѣло подставилъ голову подъ шелковую петлю. Жрецы опустили одною рукою на плечо жертвы, а другою затянули петлю, и, минутою спустя, бросили на полъ первый трупъ, задушенный съ адекою ловкостью.

Потомъ жрецы подняли взоры къ грознымъ божествамъ барельефовъ, какъ-бы желая увидѣть на каменныхъ лицахъ ихъ ободрительную улыбку.

Прочіе плѣнники, увидѣвъ смерть одного изъ товарищей, рѣшились показать убійцамъ, что не страшатся смерти.

Казнь плѣнниковъ совершалась съ торжественною медленностью. Жрецы какъ-бы желали продлить звѣрское наслажденіе этой церемоніи, чтобы вся армія Тоговъ, разбѣянныхъ въ горахъ, могла придти насладиться зрѣлищемъ убиваемыхъ враговъ. Каждую минуту, новыя шайки входили въ храмъ, какъ адскія тѣни скользили за колоннадой обширнаго подземелья или взбирались на полуразвалившіеся карнизы. Веныхивавшее пламя лампъ освѣщало блестящія глаза хищныхъ Индѣйцевъ, выглядывавшихъ изъ-за колоссальныхъ арабесковъ.

Девять плѣнниковъ были задушены и трупы ихъ казались пьедесталомъ богини. Оставался одинъ молодой Испанецъ. Жрецы поняли, что онъ былъ не простой солдатъ и хотѣли почтить его продолжительнѣйшими мученіями и ужаснѣйшею казнію.

Мужественный молодой человекъ вышелъ изъ мрака и смѣло подошелъ къ жертвеннику. Поклонившись трупамъ товарищей, онъ трижды бросилъ на нихъ земли, творя молитву.

Потомъ онъ скрестилъ руки на груди и ждалъ палачей.

На лицѣ его, освѣщенномъ лампами, выражалось одно сожалѣніе о погибшихъ товарищахъ.

Руки жрецовъ опустились на плечи его и онъ не вздрогнулъ.

Вдругъ ужасный свистъ раздался изъ барельефа похитителя Сивы.... Каменная статуя зашевелилась и протянула руки къ жрецамъ.

Громовый голосъ произнесъ слѣдующія слова:

— Жрецы Сивы, дѣти божескаго льва, служители Мигассора, прекратите жертвоприношеніе! Эта послѣдняя жертва принадлежитъ божеству Супраманисами, второму сыну Сивы, долгое время обитавшему въ этомъ храмѣ, въ образѣ змѣя. Удадитесь и оставьте здѣсь послѣднюю жертву. Змѣй Анапта алчетъ крови и мяса его. Дѣти божескаго льва, завтра вы воротитесь сюда и проведете ночь въ молитвахъ!

Произнося эти слова, статуя опустила руки и приняла прежнюю каменную неподвижность.

Священники, факиры, жрецы, всѣ Индѣйцы, свидѣтели этого чуда, нерѣдко совершавшагося въ исторіи ихъ, пали ницъ. Дель-Пиларъ одинъ не трогался, устремивъ глаза на барельефъ и разсматривая его съ спокойнымъ и тщательнымъ вниманіемъ, чтобы объяснить себѣ естественнымъ образомъ это неслыханное чудо. Колоссальное изваяніе было неподвижно.

Толпа, предшествуемая жрецами и палачами, медленно разошлась, и всѣ проходили между колоннадой, опустивъ головы, поднимая руки и произнося мстическія слова, смѣряющія гнѣвъ Мигассора.

Храмъ опустѣлъ.

Жиль, избѣгнувъ смерти по непостижимому чуду, понявъ, что въ отчаянномъ положеніи его не должно было пренебрегать ни малѣйшимъ средствомъ къ спасенію. Петля Тоговъ висѣла еще на шеѣ его, и лабиринтъ подземелья не подавалъ ему надежды къ бѣгству. Онъ однакожъ рѣшился пуститься на-удачу, но прежде хотѣлъ вблизи посмотрѣть на барельефъ, спасшій его, и въ особенности на статую, которая теперь была мертва и неподвижна, но за нѣсколько минутъ съ энергическими движеніями обращалась къ жрецамъ Дээрѣ.

Онъ ступилъ три шага впередъ и остановился.

— О! сказалъ онъ — это страшное сновидѣніе!... Неужели все то, что рассказываютъ объ индѣйскихъ волшебникахъ, справедливо?

Статуя открыла глаза и сдѣлала Жилью знакъ, чтобы онъ еще приблизился; потомъ произнесла шопотомъ:

— Графъ дель-Пиларъ, погасите обѣ лампы.

Жиль, объятый ужасомъ, колебался.

— Погасите обѣ лампы, графъ, повторила статуя.

Въ умѣ Жили сверкнула весьма-натуральная мысль.

— Даже съ помощію лампъ, подумаль онъ, я врядь-ли выберуь отсюда: что-же будетъ, если я погашу ихъ?

— Если вы не хотите спастись, то я долженъ буду насильно спасти васъ!

Сказавъ эти слова рѣзкимъ голосомъ, статуя отскочила отъ барельефа и погасила лампы.

Въ тоже мгновеніе дюжая рука схватила графа Жили за плечо, и кто-то шеннулъ ему на ухо:

«Слѣдуйте за мною и не сопротивляйтесь».

Жиль послѣдовалъ за страннымъ проводникомъ, не смѣя ни сопротивляться, ни думать, ни говорить; ему казалось, что онъ разстался съ жизнью, и что демонъ увлекаль его въ адъ.

Таинственный проводникъ шель смѣло, не останавливаясь, не взирая на непроницаемый мракъ.

Наконецъ, въ отдаленіи блеснула точка свѣта, постепенно увеличившаяся, по-мѣрѣ того, какъ графъ съ проводникомъ подвигались впередъ.

Проводникъ сказалъ дель-Пилáру:

— Оставайтесь здѣсь, ждите меня — и исчезъ въ темномъ коридорѣ съ быстротою, несвойственною барельефнымъ статуямъ.

Жиль смотрѣлъ ему велѣдъ и векорѣ увидѣлъ слугуъ его у отверстія, отъ котораго видѣлся свѣтъ; проводникъ то наклонялся, то опускался, какъ-бы наблюдая за тѣмъ, что происходило въ окрестностяхъ.

Нѣсколько минутъ спустя оба вышли изъ храма и поднялись на гору, покрытую кустарникомъ.

— Отдохните здѣсь, сказалъ проводникъ. — Узнаете-ли вы меня теперь, графъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Жиль, съ изумленіемъ осматривая непостижимое существо, походившее по цвѣту на живую гранитную статую, одаренную зрѣніемъ и даромъ слова.

— А! вы не узнаете меня! сказала статуя: какъ-же...

— Да, да, теперь я узнаю твой голосъ, сказалъ графъ, съ жаромъ схватя руку проводника: ты нашъ добрый и храбрый Низамъ!... Зачѣмъ-же ты не спасъ насъ всѣхъ?

— А! то-то и есть зачѣмъ!... Конечно, если-бы я зналъ, что хитрость моя такъ хорошо удался, то не сталь-бы медлить. Но я

боялся... Теперь только я убедился, что пылѣннѣе Индѣйцы также безтолковы, какъ и предки ихъ, времянь Оригъ-Зѣба. О! когда я узналъ васъ предъ жертвенникомъ, когда увидѣлъ руки палачей на плечахъ благороднаго друга моего благороднаго сэра Эдуарда, то я забылъ осторожность, я рнековалъ всемъ для спасенія всего!

— Но какимъ чудомъ попалъ ты туда: добрый Низамъ?

— Тутъ нѣтъ никакого чуда; я всегда сижу тамъ, когда наступаетъ опасность, а теперь она близка, графъ. Жилищу угрожаетъ набѣгъ. Тѣмъ воображаютъ, что въ Нербуддѣ находятся всѣ начальники англійской арміи и индѣйскихъ ренегатовъ. Сегодня я занялъ свой постъ на барельефѣ, чтобы услышать совѣщаніе Тоговъ. Они намѣрены напасть на Нербудду — это я знаю; но когда, какимъ-образомъ и въ большемъ-ли числѣ — это я долженъ еще узнать. Вчера старый Сингъ собралъ тысячу человекъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ; но тотчасъ-же отмѣнилъ приказаніе. Знаете-ли почему? По суевѣрію. Заяцъ перебѣжалъ ему дорогу.

— Это дурный признакъ, Низамъ?

— По мнѣнію Тоговъ, графъ. Изъ тысячи собравшихся Тоговъ, старый Сингъ выбралъ сто человекъ для *обыкновенной экспедиціи*. Я знаю, что храбрымъ офицерамъ и солдатамъ, окружающимъ Нербудду, нѣчего страшиться этой обыкновенной экспедиціи, цѣль которой однако-жъ мнѣ еще неизвѣстна, и для которой каждую ночь отражается сто человекъ.

— Это тѣ самые, которые напали на насъ въ недалекомъ разстояніи отъ Нербудды.

— Сэръ Эдуардъ былъ съ вами?

— Былъ.

— О! за него я не боюсь; онъ уйдетъ изъ когтей дьявола!

— Низамъ, неустрашимость сэра Эдуарда изумляетъ меня...

— Меня-жъ она нисколько не изумляетъ, графъ.

— Сэръ Эдуардъ могъ спастись бѣгствомъ; лошадь его такъ и рвалась впередъ; но, увидѣвъ меня въ рукахъ Тоговъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы подоспѣть ко мнѣ на помощь. Я видѣлъ, какъ онъ, въ одно мгновеніе, сдѣлалъ все, что находится во власти человека. — Я помогу вамъ, Жиль! кричалъ онъ громовымъ голосомъ: защищайтесь!... Лошадь моя упала подо мною; лошадь-же Эдуарда, дойдя до пароксизма страха, поцесалась и исчезла со всадникомъ.

— Слѣдовательно, онъ спасенъ. Куда вы желаете отправиться, графъ?

— Въ Руджѣ.

— Я сейчасъ выведу васъ на дорогу. Мы проберемся въ травѣ, до долины; оттуда пойдемъ все прямо.... черезъ два часа будемъ въ селѣш. Ступайте за мною. Не отставайте. Переплывая черезъ рѣку, я смою съ себя барельефный цвѣтъ; въ моемъ домикѣ, близъ Руджѣ, мы можемъ переодѣться; тамъ четыре цинай должны изготовить мнѣ въ пять дней пятьсотъ костюмовъ.

— Въ пять дней пятьсотъ костюмовъ?

— Не смѣйтесь, графъ; вы увидите, что это не шутка. Мои портные работаютъ днемъ и ночью.

— Чѣмъ-же отплату тебѣ, мой добрый Низамъ?

— Это очень-просто: ничѣмъ.

Низамъ пошелъ скорыми шагами къ долинѣ; графъ дель-Пиларъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ то-же самое время, когда эта странная и убійственная драма разыгрывалась въ Думаръ-Лейнаскомъ подземельи, гарнизонъ Руджѣ, подъ предводительствомъ лейтенанта Стефенсона, шелъ къ убѣжищу Тоговъ. Проворный цинай, бѣжавшій по слѣдамъ факира Суліяки, остановился у ложа высохшей рѣки, вившейся вдаль, подобно тропикѣ, проложенной ногами людей, и доходившей до убѣжища бандитовъ.

Когда факиръ исчезъ въ извилинахъ этой дороги, слѣдившій за нимъ цинай не счелъ нужнымъ идти далѣе и возвратился къ отряду, который немедленно направился къ горѣ.

Когда лейтенантъ Стефенсонъ подходилъ къ природной тропикѣ, Низамъ и графъ дель-Пиларъ спускались съ другой стороны, съ горы.

Подъ прикрытіемъ кустарника, солдаты пробрались до горы. Вступивъ на первую площадку, Стефенсонъ увидѣлъ вокругъ себя слѣды страшнаго переворота; звѣзды свѣщали мертвую, мрачную землю; безчисленное множество огромныхъ камней, какъ-бы оторванныхъ отъ скалъ, было разбросаны въ беспорядкѣ, какъ-будто-бъ ими играли гиганты....

Лейтенанту Стефенсону показалось, что онъ слышитъ глухой шумъ водопада; но разсмотрѣвъ внимательнѣе угловатость и бесплодность земли, онъ понялъ, что шумъ происходилъ отъ другой причины. Онъ сталъ прислушиваться и вскорѣ явственно различилъ однообразное пѣніе множества голосовъ. По-временамъ пѣ-

ніе прерывалось. Старые индѣйскіе солдаты, окруживъ Стефенсона, смотрѣли на него, и выразительной пантомимой показывали, что это поютъ Тѳги. Младшіе изъ ципаевъ доползли до возвышеннѣйшаго мѣста съ изумительною ловкостью и стали смотрѣть внизъ, чтобы открыть положеніе и число непріятелей.

У лейтенанта Стефенсона было не болѣе ста пятидесяти человѣкъ, и такъ-какъ приказаніе выступать не было дано самимъ полковникомъ Дугласомъ, то, понимая всю важность отвѣтственности, лежавшей на немъ, онъ хотѣлъ предварительно развѣдать все обстоятельства и, потому уже, ежели была возможность, напасть на Тѳговъ.

Молодой пятнадцатилѣтній ципай, худощавый и живой, какъ ящерица проскользнулъ между ущеліями, карабкался по деревьямъ, проползъ на край пропасти, и, нѣсколько минутъ спустя, воротился съ извѣстіями, которыя шопотомъ сообщилъ на-ухо Стефенсону. Мальчикъ видѣлъ и сосчиталъ непріятелей: ихъ было болѣе тысячи на площадкѣ, окруженной пропастями; они пѣли гимны, испрашивая, вѣроятно, помощи боговъ передъ важною экспедиціею.

Стефенсонъ не рѣшился дѣйствовать; онъ отправилъ трехъ солдатъ въ Нербудду, чтобы извѣстить обо всемъ полковника Дугласа и получить отъ него приказанія или подкрѣпленіе. Во ожиданіи отвѣта, онъ рѣшился остаться на мѣстѣ, казавшемся ему довольно-удобнымъ, и обдумать планъ защиты, въ случаѣ весьма возможной атаки.

Читатели, можетъ-быть, удивятся, что въ этой войнѣ дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ не цѣлыя арміи, но довольно-малочисленные отряды. Для объясненія этого мы должны замѣтить, что Низамская война нисколько не походила на наши европейскія военныя дѣйствія, и что артиллерія, кавалерійскія вылазки и вообще вся ученая тактика была исключена, какъ недействительная съ невидимыми противниками, которые напали только ночью. Мы прибавимъ еще, что упоминаемъ здѣсь только о кровопролитныхъ битвахъ, связанныхъ съ нашимъ разсказомъ. Въ тѣ-же часы, въ разныхъ мѣстахъ Индіи происходили подобныя битвы. Душителі были вездѣ и нигдѣ; и малочисленные отряды, направленные противъ нихъ, достигли общаго, рѣшительнаго результата только по истеченіи многихъ лѣтъ.

Священники, факиры и жрецы, вышедъ изъ Думарь-Лейнаэскаго храма, по приказанію голоса статуи, собрались на неприступ-

пной площадкѣ, гдѣ старый Сингъ, начальникъ ихъ, выбралъ себѣ тронъ въ огромномъ дуплѣ искошаго дерева. Все хранили религиозное молчаніе, въ-слѣдствіе чуда, которое имъ посчастливилось увидѣть. Другое обстоятельство еще увеличило ихъ фанатизмъ и доказало, что безъ помощи Низама, графу не было-бъ спасенія. Факиръ Суниѣки, котораго Тóги уже оплакали и включили въ число мучениковъ и святыхъ, неожиданно появился между ними. Священники распустили слухъ, что факиръ былъ принесенъ врагами въ жертву Богу христіанъ, и что, слѣдовательно надо было принести и Дээрѣ въ жертву нѣсколько непріятелей. Увидѣвъ Суниѣки, священники приписали это чудо воскресенія тѣмъ жертвамъ, которыя за нѣсколько минутъ были принесены божествамъ. — Факиръ, очень хорошо-знавшій, какъ они ошибались, не разубѣрялъ ихъ однако-жъ въ томъ, изъ боязни ослабить хоть на-минуту ненависть Тóговъ къ тѣмъ, которые такъ великодушно даровали ему жизнь и свободу.

Гимномъ Тóги воспѣвали благодарность Дээрѣ, которая, удовольствовавшись жертвоприношеніемъ, возвратила имъ святаго факира Суниѣки.

Трое посланныхъ лейтенанта Стефенсона отправилсь въ Нербудду не вмѣстѣ, но одинъ за другимъ и по разнымъ дорогамъ, по причинѣ опасностей, встрѣчась на каждомъ шагу; пославъ трехъ человекъ, можно было надѣяться, что одинъ изъ нихъ достигнетъ такъ цѣли своей.

Лейтенантъ лишился надежды спасти десятерыхъ плѣнниковъ и молодого графа дель-Пилара. Его однакожъ утѣшила та мысль, что онъ открылъ и занялъ выгодное мѣсто, которымъ полковникъ Дугласъ, вѣроятно, не замедлитъ воспользоваться.

Когда послѣднія звѣзды стали блѣднѣть, лейтенантъ Стефенсонъ размѣстивъ солдатъ по пещерамъ и углубленіямъ скалы, чтобы скрыть ихъ отъ зоркихъ глазъ Тóговъ.

Поднявшееся солнце освѣтило землю, безплодную, мертвую, — безконечное протяженіе остроугольныхъ скалъ, походившихъ на взволнованное море, вдругъ замороженное полярнымъ холодомъ и сохранившее все формы свои во внезапной неподвижности. Мѣстами видѣлись величественныя развалины какого-нибудь древняго храма безъ имени и сооруженнаго въ незапамятныя времена архитекторами, громоздившими скалы на скалы и *излившими на форму горъ*, говоря словами поэта, который все описалъ и все воспѣлъ.

XVII.

СЛѢДУЮЩІЙ ДЕНЬ.

Послѣ ночи, проведенной въ слезахъ, мрачпомъ молчаніи и отчаяніи, Октавія и Амалія встрѣтили день, съ боязненнымъ ожиданіемъ. Онѣ сошли въ садъ, и сѣвъ на скамью, прислушивались ко всемъ звукамъ пробуждавшагося селенія, наполненнаго солдатами, фермерами и колонистами. Каждую минуту они ожидали сэра Эдуарда съ утѣшительною или горестною вѣстію. Справляясь съ сердцемъ, Октавія находила въ немъ волненіе, мракъ и противурѣчія; по временамъ въ умѣ ея мелькала ужасная мысль, за которую она сама негодовала на себя, и которую отвергала, какъ преступленіе!... Въ горести, которую Октавія ощущала, думая о преждевременной смерти молодаго, несчастнаго изгнанника, она находила постыдное и преступное утѣшеніе, которое она тщетно старалась удалить отъ себя. Утѣшеніе это заключалось въ слѣдующей мысли:

— Любовь Жюля и Амаліи, оскорбившая мою гордость и, быть-можетъ, раждавшуюся привязанность — эта любовь, недавившая мнѣ покоя, не существуетъ уже! Смерть положила ей предѣлъ! —

Одно мгновеніе, только одно мгновеніе Октавія думала, что избавилась отъ тягостнаго воспоминанія прошедшаго; она была обольщена великодушіемъ и героизмомъ Эдуарда; ей въ будущемъ представилась новая жизнь, исполненная прелести и любви, — жизнь, неразлучная съ воспоминаніемъ о чудной ночи; но эта мечта исчезла, какъ стеной миражъ: великолѣпному кристалловому дворцу, сооруженному въ одно мгновеніе, не суждено было существовать болѣе одного мгновенія! Таинственная катастрофа возвратила графу дель Пилару то пламенное участіе и великодушіе, которымъ молодая вдова привѣтствовала первые шаги изгнанника на Востокъ; а теперь, послѣ смерти Жюля, она впала въ какое-то необъяснимое состояніе духа; будучи навсегда разлучена съ сэромъ Эдуардомъ, любовь котораго дѣйство-

вала на нее такъ могущественно и благотѣльно, она тщетно старалась побѣдить преступное утѣшеніе, которое представляла ей злополучная судьба молодого графа.

Лучъ надежды, оставленный въ душѣ Октавіи словами Эдуарда, все болѣе и болѣе затмѣвался, по мѣрѣ приближенія полудня. Нетерпѣніе умѣрило ходъ часовой стрѣлки. Сэръ Эдуардъ былъ преступникъ, безъ всякаго сомнѣнія, потому-что не являлся съ обѣщаннымъ оправданіемъ.

— О! говорила Октавія: по слѣпой добротѣ своей, я второй разъ обманута этимъ человѣкомъ. Лицо его способно принимать все выраженія, голосъ глубокъ, какъ музыкальный инструментъ. Онъ побоялся вчера огласки, воспользовался пскрой сожалѣнія, блеснувшей на моемъ лицѣ, чтобы спастись... Я съ нимъ болѣе не увижусь, — по суду Бога и людей наступитъ его.

Прежде всего однакожъ Октавія хотѣла очистить совѣсть отъ преступной идеи, безпрестанно возобновлявшейся, и помѣнявшисъ нѣсколькими отрывистымъ словами съ Амаліей, она сказала, съ выраженіемъ покорной грѣшницы, преклоняющей колѣна предъ священникомъ, чтобы испросить у него прощеніе и успокоить совѣсть:

— Милая Амалія, я была несправедлива къ тебѣ... да! ты не знаешь, какъ я была несправедлива!... Не запрещай мнѣ говорить, мой другъ... позволь все высказать... Амалія, ты видишь... время проходить... онъ не идетъ... и не придетъ!... О, какъ насъ обманываютъ мужчины!... Послушай, Амалія, въ подобныхъ случаяхъ проявляется вся доброта и чистота нашего сердца... Всякое чувство несправедливости или тщеславія изглаживается передъ смертію!... Ты не понимаешь меня, мой другъ, не такъ ли?... Что дѣлать! Голова моя горитъ... слова замираютъ на устахъ моихъ... Амалія, ты очень любила благороднаго молодого графа?... Да, ты любила его.... Ты-бы скорѣе рѣшилась на самоубійство, нежели на бракъ съ другимъ.. Я понимаю твои слезы... О, если-бы онъ былъ живъ, Амалія!... Если-бъ ты видѣла его передъ собою, съ благородною гордостью, ставившею его выше всѣхъ другихъ молодыхъ людей.

— Онъ умеръ! онъ умеръ, Октавія... Теперь уже полдень, и нѣтъ никакого извѣстія... никакого!... Я узнала благородную кровь его на платьѣ сэра Эдуарда... онъ убитъ!

— Позволь мнѣ досказать тебѣ, милая Амалія...

— Вотъ возвращается мистеръ Тоуэръ изъ гостиницы, куда

мы его послали... на лицѣ этого человѣка нельзя рѣшительно ничего прочесть.

— Я три раза былъ въ гостинницѣ, сказалъ мистеръ Тобуэръ, раскланиваясь: графъ дель-Пиларъ не возвращается.

— Хорошо, сказала графиня, сдѣлавъ жестъ, который удержалъ Тобуэра въ почтительномъ разстояніи: хорошо, — мы желаемъ остаться однѣ.

— Онъ не возвращается, сказала Амалія... это-ли не ясно?... Онъ присылалъ мнѣ каждое утро и каждый вечеръ прелестнѣйшіе бенгальскіе цвѣты!

— Господь великъ! милая Амалія, сказала Октавія, обвивъ руки около шеи молодой дѣвушки. Слушай, мой другъ, я должна тебѣ сказать нѣчто сердцемъ: — языкъ иногда лжетъ, сердце-же всегда искренно... Если Господь возвратитъ намъ графа дель-Пилара, то я поступлю съ нимъ, какъ съ братомъ, пойду къ Дугласу и скажу ему: Забудьте все, что я вамъ писала; Амалія никогда не будетъ вашею женою; она обручена съ другимъ. Полковникъ, я возвращаю вамъ и Амаліи свободу. Всѣ требованія чести и приличія будутъ выполнены. Я сама напишу министру и нѣкоторымъ друзьямъ въ Смирнѣ, что Амалія и графъ дель-Пиларъ обвиняны... Этимъ кончатся всѣ твои страданія...

— Октавія, сказала Амалія тихимъ и печальнымъ голосомъ: все это одна прелестная мечта... Это даже не утѣшеніе. Къ чему предполагать невозможное? Мнѣ кажется, что горестъ моя и такъ уже велика: зачѣмъ увеличивать ее несбыточными надеждами.

— Амалія, то, что я тебѣ сказала, нѣсколько успокоило меня...

— Боже мой! никакихъ извѣстій, никакихъ! Октавія... Это невыносимо!... О! я немогу болѣе жить въ этомъ ужасномъ сомнѣніи!... Еще день въ этомъ злополучномъ селеніи, и я умру!

Амалія сдѣлала знакъ Тобуэру, чтобы онъ подошелъ.

— Мистеръ Тобуэръ, спросила она: посмотрѣли-ли вы въ гостинницѣ на списокъ отпывающихъ кораблей?

— Смотрѣлъ, по вашему приказанію.

— Кому вы скорѣе желаете угодить, мистеръ Тобуэръ, мнѣ или министру?

— Этотъ вопросъ, миссъ, отвѣчалъ Тобуэръ, отвѣшивая поклонъ за поклономъ: — доставляетъ мнѣ крайнее удовольствіе.

— Я васъ не о томъ спрашиваю. Отвѣчайте однимъ словомъ.

— Министръ за морями и, вѣроятно, забылъ объ насъ. Мнѣ дана полная воля...

— Я васъ прошу отвѣтить однимъ словомъ, нетерпѣливо сказала Амалія.

— Я желаю угодить — вамъ, миссъ Амалія.

— Прекрасно... Это ясно, хоть и не коротко. Отправляется ли какой нибудь корабль во Францію — сего дня-же?

— Въ Малабарскіе порты ожидаютъ...

— Ожидаютъ? Не надо.

— Отъ Каромандельскаго берега отправляется трехмачтовый корабль въ Бордо.

— Хорошо; но для этого надобно путешествовать въ паланкинѣ до...?

— Трангвебара, миссъ.

— Если нѣтъ другихъ средствъ, то мы отправимся въ Трангвебаръ. Октавія, ты со мною не разстанешься?

— Боже мой! что мнѣ здѣсь дѣлать, мой ангелъ? Мы вмѣстѣ пріѣхали, вмѣстѣ и уѣдемъ.... Но мнѣ кажется, что у насъ есть еще долгъ....

— Конечно, Октавія, я должна испить горькую чашу до дна. Я исполню долгъ свой. Мы сперва узнаемъ намѣренія полковника Дугласа.... если онъ будетъ равнодушенъ къ горести моей, или дастъ мнѣ срокъ, назначаемый приеужденнымъ къ смерти, то я покорюсь, пожертвую собою, останусь. Я не хочу, чтобы клевета воспользовалась на мой счетъ смертію Жилия и выдумала новую исторію, чтобы совершенно запятнать мою честь. Если-жъ полковникъ изъ великодушія или равнодушія откажется, то мнѣ нѣчего дѣлать въ Бенгаліи.... завтра-же мы садимся въ паланкны и уѣзжаемъ во Францію или въ другую страну: я не могу прожить двухъ дней въ этомъ селеніи.... Октавія! продолжала молодая Гречанка, грустно покачавъ головою: ты видишь.... никто не идетъ.... Кажется, будто-бы все вымерло вокругъ насъ!

Она вскочила, какъ-бы по побужденію рѣшительной идеи, которую вознамѣрилась привести въ исполненіе.

— Мистерь Тобуэръ, сказала она: теперь только полдень и вы можете еще воротиться до солнечнаго заката.... Вамъ дана вся власть.... слѣдовательно, вы можете потребовать проводниковъ или даже цѣлый конвой. Вы немедленно отправитесь въ Нербудду, къ полковнику Дугласу.

Если приказываете миссъ.... отвѣчалъ мистерь Тобуэръ, съ покорностью.

— Вотъ забавно! возразила Амалія, пожавъ плечами: конечно приказываю.

— Я отправлюсь къ полковнику Дугласу.... Далѣе?

— Вы объяснитесь съ нимъ наединѣ, и потребуете отъ него рѣшительнаго отвѣта на счетъ дѣла, которое вы называете нашимъ бракомъ. Вы знаете мою волю, мистеръ Тобуэръ; слѣдовательно, какъ мой опекунъ, вы должны также узнать волю полковника Дугласа.

— Это совершенно справедливо, миссъ....

— Не скройте отъ него ничего, мистеръ Тобуэръ. Позволяю вамъ быть нескромнымъ, сколько хотите. Говорите, что хотите. Мнѣ все равно!... Онъ, вѣроятно, знаетъ уже о смерти графа дель-Пилара, и потому изъ вашего поступка узнаетъ то, что ему знать надлежитъ.... Главное то, что мы сами должны знать намѣренія полковника. Только дѣйствуйте отъ себя, мистеръ Тобуэръ, понимаете-ли? Вы, какъ опекунъ, приходите навѣстить....

— Миссъ, отвѣчалъ Тобуэръ: все будетъ исполнено.... только ради Бога не огорчайтесь.... вы будете утѣшены.... и я надѣюсь, что моя ревность, моя заботливость, моя....

— Мистеръ Тобуэръ не забывайте, что я съ крайнимъ терпѣніемъ жду вашего возвращенія.

Тобуэръ почтительно поклонился и пошелъ исполнять приказанія молодой дѣвушки, отданной подъ его опеку.

Мы оставимъ на-время нашихъ героинь въ горѣ и уныніи, и послѣдуемъ за Тобуэромъ въ Пербудду.

Мистеръ Тобуэръ, по обыкновенію своему, приписывавшій все себѣ, съ удовольствіемъ исполнялъ возложенное на него порученіе. Отчаяніе обѣихъ женщинъ при истинномъ или ложномъ извѣстіи о смерти дель-Пилара, было, просто, слѣдствіемъ дружескаго участія и женской чувствительности. Завтра, думалъ Тобуэръ, не будетъ и слѣдовъ этого отчаянія. Что-же касается до полковника Дугласа, то опекунъ не сомнѣвался въ нерасположеніи его къ этому браку. Слѣдовательно, ему оставалось искуснымъ образомъ дать понять полковнику, что онъ отказомъ окажется большое удовольствіе Аналіи.

Потомъ ему представлялось продолжительное морское путешествіе, во-время котораго все дѣло должно было обратиться въ его пользу; развязку было не трудно угадать. Она пристануть къ какому-нибудь французскому приморскому городу, гдѣ заключать бракъ по любви, въ которомъ Тобуэру будетъ чистаго барыша двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ сопровожденіи трехъ конныхъ ципаевъ, мистеръ Тбуэръ скоро приближался къ Пербуддскому жилищу, чтобы кончить поскорѣ дѣло и воротиться въ селеніе до наступленія ночи, а, слѣдовательно, и опасностей. Мѣста, по которымъ онъ ѣхалъ, были страшны, даже при солнечномъ свѣтѣ.

Набобъ Сура-Бердаръ, завидѣвъ издали всадниковъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу, надѣясь, что это были тѣ, которыхъ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ. При видѣ незнакомцевъ, на лицѣ его выразилась досада, свидѣтельствовавшая о томъ, что посѣщеніе это было ему непріятно.

Тбуэръ, всегда наблюдавшій только за собою, не замѣтилъ этой досады и подошедъ къ Набобу величественною походкою посланника, съ важнымъ видомъ сдѣлалъ ему слѣдующій вопросъ:

— Могу-ли я имѣть честь поговорить съ полковникомъ Дугласомъ?

— Полковника дома нѣтъ; онъ на охотѣ съ утра, отвѣчалъ Набобъ, дремавшій уже съ трубкой въ зубахъ.

— Дома нѣтъ! повторилъ Тбуэръ, поглаживая ротъ и подбородокъ. Досадно. Скоро-ли онъ воротится съ охоты?

— Не знаю.

— Сахибъ Набобъ, сказалъ Тбуэръ съ театральнымъ достоинствомъ: я мистеръ Тбуэръ, агентъ Великобританіи; я имѣю официальное порученіе къ полковнику Дугласу.

— Вѣрю, но его дома нѣтъ. Если вамъ угодно подождать, то потрудитесь войти въ домъ и требовать все, что вамъ будетъ угодно.

Не смотря на дурное расположеніе духа, Набобъ не измѣнялъ правилъ гостепрѣмства.

— Мнѣ невозможно ждать, сахибъ Набобъ; я поговорилъ-бы съ полковникомъ не болѣе пяти минутъ. Мнѣ надо пораньше воротиться въ Руджа. Ночью не весело въ вашихъ пустыняхъ.

— Вы можете здѣсь переночевать, мистеръ Тбуэръ....

— О, невозможно: присутствіе мое въ Руджа необходимо.... Надо принскать корабль.... беречь дамъ.... Ого! солнце опускается... а у васъ какъ оно только начнетъ спускаться, такъ сейчасъ и исчезнетъ.... Заѣду завтра.... Я не виноватъ, что полковника дома нѣтъ.... Завтра я приѣду пораньше. Министръ приказалъ мнѣ быть осторожнымъ въ Бенгаліи, послѣ солнечнаго заката. Вашъ покорный слуга, сахибъ Набобъ.

— Отдохните хоть минуточку....

— Сахибъ Набобъ, если-бъ я былъ увѣренъ, что полковникъ скоро воротится, то согласился-бъ подождать; но такъ-какъ это сомнительно, то я лучше приѣду завтра.

Съ послѣдними словами Тобуэръ сѣлъ на лошадь.

— Мистеръ Тобуэръ, сказалъ Набобъ: такъ-какъ вы соотечественникъ полковника, то, вѣроятно, получили приглашеніе?

— Я не получалъ никакого приглашенія.

— Въ такомъ случаѣ получите завтра, мистеръ Тобуэръ, вмѣстѣ съ вашими дамами.

— Полковникъ Дугласъ даетъ балъ?

— Да, по случаю своей свадьбы. Вы видите, что всѣ слуги заняты уже приготовленіями къ балу, который будетъ черезъ три дня.

— А! онъ женится! Слѣдовательно, это рѣшено? — спросилъ Тобуэръ съ невыразимымъ изумленіемъ.

— Давно уже рѣшено, мистеръ Тобуэръ; особенныя обстоятельства заставляли его откладывать свадьбу.

— Прекрасно! — сказалъ Тобуэръ рѣзкимъ тономъ человѣка, желающаго прервать разговоръ, потому-что онъ узналъ все, что ему нужно было знать, и торопящагося удалиться: прекрасно, Сахибъ набобъ. Скажите полковнику, что приѣзжалъ мистеръ Тобуэръ: онъ самъ пойметъ цѣль моего посѣщенія. Вы прибавите, что мы готовы къ этой свадьбѣ и ждемъ только визита жениха, въ Руджѣ....

— Досадно! прибавилъ онъ мысленно: досадно!... Все дѣло разстроилось. Нечего дѣлать... надо покориться. Покоряюсь. Не даромъ-же я дипломатъ во всемъ и вездѣ. Теперь мнѣ впрочемъ осталась еще графиня Октавія. Она молода, хороша собою и богата, какъ Крезъ.

Маленькая кавалькада поскакала по дорогѣ въ Руджѣ.

Дорогой Тобуэръ придумалъ самый вѣрный, надежный планъ. Онъ рѣшился поселиться, послѣ свадьбы, по сосѣдству съ молодыми и сосредоточить все свое плѣнительное искусство на двухъ молодыхъ женщинахъ. Это была очаровательная будущность, смягчавшая нѣсколько настоящую непріятность и возбуждавшая уже въ немъ тщеславное состраданіе къ несчастному Дугласу, который былъ такъ неостороженъ, что рѣшился насильно жениться на молодой дѣвушкѣ и тѣмъ приготовить слишкомъ-легкое торжество опасному сопернику.

Всходя по лѣстницѣ къ комнатѣ, въ которой дождался его

молодыя дамы, Тóуэръ придавъ лицу томное выраженіе и откашлялся, чтобы придать своему голосу побольше мягкости. Амалія, съ нетерпѣніемъ ожидавшая его, выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Миссъ Амалія, сказала Тóуэръ, сложивъ руки на груди, подъ самымъ подбородкомъ: черезъ нѣсколько дней вы будете мистриссъ Дуглэсъ-Стаффордъ. Въ Нербуддѣ все готовится къ свадебному балу. Я видѣлъ собственными своими глазами. Мы приглашены на балъ — графиня Октавія и я.

— Хорошо! сказала Амалія, глубоко вздохнувъ: я этого ждала... Мистеръ Тóуэръ, благодарю...

— Я только исполнилъ ваши приказанія.

— Знаю, знаю, Боже мой! Не вы виноваты въ томъ, что я выхожу за-мужъ...

— Вотъ ужъ именно не я! вскричалъ Тóуэръ, поднявъ руку и бросивъ на Амалію глупый взглядъ. Но что дѣлать! Надо покориться судьбѣ. Я исполнилъ ваши приказанія. Я сказалъ, мы готовы къ свадьбѣ. Завтра сюда явится полковникъ.

— А я завтра уѣду! сказала Октавія, вскочивъ: я не хочу болѣе видѣть полковника Дуглэса... Но куда-же дѣвался низкій Эдуардъ?... Неужели въ этой странѣ нѣтъ ни законовъ, ни суда!... Извините, мистеръ Тóуэръ, — оставьте насъ одиѣхъ... нашъ разговоръ, вѣроятно, неинтересенъ для васъ... Какъ! графъ дель-Пиларъ исчезаетъ: мы обвиняемъ сэра Эдуарда, — онъ не можетъ оправдаться, — не можетъ объяснить, отъ-чего онъ весь въ крови, отъ-чего платье его въ отвратительномъ безпорядкѣ... Каинъ не можетъ сказать, гдѣ Авель!... Неужели-жъ такой человѣкъ, такое преступленіе останутся безнаказанными!

— Октавія, Октавія, говорила Амалія, не отпуская руки молодой вдовы: ты не оставишь меня, — нѣтъ. Ты мнѣ необходима, Октавія. Мнѣ нуженъ другъ, чтобы сожалѣть обо мнѣ, утѣшать меня...

— Какъ, Амалія, ты хочешь, чтобы я воротилась въ Нербудду? О, никогда! Я навсегда уѣхала отсюда. Ты не знаешь, какъ дорого я заплатилась за минуту покоя, который вкусила въ этомъ жилищѣ!

— Ты хочешь лишить меня послѣдней надежды, Октавія? Ты хочешь, чтобы я умерла жертвой своего долга и твоей ложной дружбы!

Амалія тяжело опустилась на диванъ и заплакала.

— Наступаетъ вечеръ, сказала Октавія, мрачнымъ голосомъ: — а злодѣй не приходитъ!... О, я не ошибалась, когда поклялась ненавидѣть его до послѣдней минуты моей жизни! Любовь женщины можетъ угаснуть, — ненависть никогда.

Въ это мгновеніе послышался шумъ на лѣстницѣ и кто-то слегка постучался въ дверь, какъ-будто-бы внезапное почтеніе заставило опомниться того, кто за секунду такъ шумѣлъ.

Молодые подружки помѣнялись взглядами, и не-смотря на всю горестъ свою, поспѣшно исправили легкій беспорядокъ въ туалетѣ, по врожденному въ женщинахъ чувству кокетства.

— Войдите, сказала Октавія слабымъ голосомъ, съ трудомъ вырывавшимся изъ груди ея.

Дверь отворилась и въ залу вошелъ — графъ дель-Пиларъ.

Два восклицанія раздалось въ одно время.

Небесная радость блеснула на лицахъ Амаліи и Октавіи; потомъ обѣ вмѣстѣ поблѣднѣли, сдѣлались мрачны; глаза ихъ въ одно мгновеніе выразили тысячу мыслей.

Графъ прибылъ утромъ, гораздо-прежде солнечнаго восхода къ домику, въ которомъ была таинственная мастерская Низама. Ворота Руджâ были еще заперты. Жиль, утомленный столькими сильными ощущеніями, уснулъ крѣпкимъ сномъ и проснулся, когда солнце зашло уже далеко за полдень. Неутомимый Низамъ остановился только на часъ, чтобы дать послѣднія наставленія работникамъ. Тайна изготовляемыхъ костюмовъ скоро объяснится.

Войдя въ гостиницу, Жиль чрезвычайно удивился, не нашелъ тамъ ни Тобуэра, ни Амаліи, ни даже слугъ ихъ. Никто не могъ сказать ему, куда они ушли. Тщательно исправивъ беспорядокъ своего костюма, чтобы не возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія, онъ пошелъ отыскивать по селенію пріятелей и встрѣтился случайно съ Тобуэромъ, только-что возвратившимся изъ Нербуды. Остальное понятно.

— Я пришелъ поблагодарить васъ, за участіе, которое вамъ угодно было оказать къ судьбѣ бѣднаго изгнанника, сказалъ молодой графъ, съ грустной улыбкой. Я благословляю причину моего отсутствія, потому-что она дала мнѣ случай узнать настоящихъ друзей моихъ.

— Графъ, сказала Октавія, стараясь привести въ порядокъ мысли и приекавъ слова: это участіе очель-естественно.... Мы здѣсь такъ удалены отъ родины.... что должны обходиться другъ съ другомъ, какъ братья.... какъ сестры.... Необъяснимое, таин-

ственное отсутствіе, соединенное со страннѣйшими обстоятельствомъ, не можетъ не безпокоить семьи — потому что мы, въ этой пустынѣ, образуемъ семью...

— Это онъ! произнесла Амаля, какъ-бы ожившая послѣ громоваго удара: но какъ онъ блѣдень!.. не правда-ли Октавія?

— Графъ Жиль, возразила Октавія, тщетно стараясь улыбнуться: Графъ Жиль, вѣроятно, найдетъ, что и мы измѣнились...

— Нисколько, графиня, отвѣчалъ графъ, садясь со спокойнымъ видомъ человѣка, не имѣющаго ни малѣйшей заботы, и готоваго провести вечеръ въ приятной бесѣдѣ.

— Мы, однакожь, провели жестокою ночь, сказала Амаля. А! графъ, вы очень виноваты передъ нами, прибавила она съ кротостью.

— Виновать! сказалъ Жиль, непритворно засмѣявшись: — повѣрьте, есть такого рода приглашенія, отъ которыхъ невозможно отказаться.... Вѣдь вы знаете сэра Эдуарда: онъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ на охоту....

— Графъ, сказала Октавія, въ умѣ которой толпились самыя противоположныя мысли: мы полагаемъ, что сэръ Эдуардъ похитилъ васъ.... Вы слишкомъ довѣряете сэру Эдуарду, молодой человѣкъ....

— Слишкомъ?... Помилуйте, графиня, да я съ закрытыми глазами послѣдую за сэромъ Эдуардомъ на край свѣта....

— На первомъ шагу вы должны будете открыть глаза, графъ.

— Графиня Октавія, сказалъ Жиль, съ выраженіемъ горячей дружбы: я не знаю человѣка благороднѣе сэра Эдуарда!

Малѣйшее обстоятельство можетъ внезапно измѣнить направленіе всѣхъ идей въ головѣ людей сильной организаціи. Октавія, съ самаго прихода графа старавшаяся заставить умолкнуть столько различныхъ ощущеній и воротиться къ обыкновенному хладнокровію, вдругъ совершенно пришла въ себя при послѣднихъ словахъ Жилья.

— Я никогда не ожидала, сказала она съ лукавой улыбкой: — что графъ дель-Пилларъ будетъ съ такимъ жаромъ защищать сэра Эдуарда. Теперь это понятно.... вы вмѣстѣ охотились.... въ прошедшую ночь.... Ночная охота должна быть чрезвычайно любопытна....

— Графиня, сказалъ Жиль, не умѣя скрыть замѣшательства: охотники уѣзжаютъ съ вечера, чтобы рано утромъ быть на мѣстѣ.

— Конечно, это очень-натурально, сказала Амалия, обезпеченная переменой, происшедшей въ голосѣ и на лицѣ графини.

— Очень-натурально, сказала Октавія протяжно и придавая каждому звуку колкое выраженіе: — очень-натурально.... Конечно.

— Но мнѣ кажется... — проговорилъ дель-Пиларъ, самъ не зная, что ему казалось.

— Да, намъ тоже кажется, графъ, сказала Октавія: вы уѣхали вчера тайкомъ, провели ночь въ Нербуддѣ, а утромъ отправились на охоту...

— Графиня, я въ этомъ не вижу ничего удивительнаго, — сказалъ Жиль.

— Скажите намъ, пожалуйста, графъ, откуда явилась у васъ эта страсть къ охотѣ? Въ Смирнѣ вы оказывали величайшее презрѣніе къ охотѣ и охотникамъ; здѣсь, въ Бенгаліи, гдѣ тигры охотятся за людьми, вы отправляетесь вечеромъ настоящимъ Фрейшюцомъ.. Одно слово могущественнаго сэра Эдуарда родило въ васъ непреодолимую страсть къ охотѣ, послѣ солнечнаго заката... Вы смѣетесь, графъ?... Я тоже смѣюсь... видите!... Послѣ ужасной ночи, надо-же чѣмъ нибудь развеселиться... Здѣсь, когда вамъ, господа, нужна какая-нибудь отговорка, вы говорите: «Я былъ на охотѣ». Это отвѣтъ на все... Вчера сэръ Эдуардъ хотѣлъ отдѣлаться этимъ-же отвѣтомъ, но я не повѣрила ему...

— Октавія, сказала Амалия съ крайнимъ изумленіемъ, — Октавія, я не понимаю тебя... Можно подумать, что, поплакавъ со мною въ прошлую ночь о графѣ, ты досадуешь, что онъ живъ и что ты напрасно проливала слезы...

— Амалия, я знаю, что говорю... графъ тоже знаетъ и, вѣроятно, внутренно отдаетъ мнѣ полную справедливость...

— Графиня, сказалъ Жиль, клянусь, что не понимаю смысла вашихъ словъ...

Октавія остонавила его однимъ взглядомъ. Молодой графъ опустилъ голову, подумавъ, что графинѣ, можетъ-быть, извѣстны приключенія прошедшей ночи и рѣшился дать разговоръ другое направленіе.

Наступило продолжительное молчаніе. Октавія прохаживалась большими шагами, покачивая головой и, по-временамъ, топая ногой. Амалия смотрѣла на подругу глазами, полными неяснаго и тягостнаго безпокойства.

Дель-Пиларъ всталъ. Онъ рѣшился удалиться. Угадавъ намѣреніе его, графиня сказала ему съ холодною вѣжливостью:

— Во всякомъ случаѣ, графъ, мы крайне-благодарны вамъ за визитъ. Въ этой странѣ, гдѣ ночью тысячи опасностей угрожаютъ неосторожнымъ путешественникамъ, ваше отсутствіе не могло обезпочить насъ. Вы успокоили насъ — мы вамъ за это благодарны. Теперь-же, вы, можетъ-быть, имѣете въ виду дѣла или новыя удовольствія, а потому мы не станемъ удерживать васъ.

Жиль проговорилъ нѣсколько несвязныхъ словъ, въ замѣшательствѣ поклонился изумленной Амаліи, потомъ графинѣ и удалился.

— Теперь, сказала Октавія, не удерживая болѣе гнѣва своего: я готова прозакладывать голову, что онъ въ сумерки выйдетъ изъ селенія!

— Октавія, сказала Амалія: я тебя рѣшительно не понимаю... Я хотѣла заступаться...

— Амалія, мой другъ, ты еще ребенокъ!... Ты промолчала — тѣмъ лучше!... Амалія, ты еще пансіонерка, а я женщина... понимаешь-ли?... Неужели горячность, съ которою Жиль защищалъ сэра Эдуарда, не поразила тебя?

— Чтѣ-же тутъ удивительнаго, Октавія? Жиль — другъ сэра Эдуарда.

— Не другъ, а сообщникъ: это ясно какъ, день; всякому это понятно, очевидно — только не тебѣ, ребенокъ!... Хочешь-ли, я тебѣ все объясню?

— Я прошу тебя объ этомъ, Октавія.

— Амалія, я поражу тебя въ самое сердце... кровь застынетъ въ твоихъ жилахъ... Ты требуешь объясненій?... Хорошо! Знаешь-ли ты, что сэръ Эдуардъ имѣетъ каждую ночь свиданіе съ отвратительными цыганками и что онъ увлекъ съ собою твоего дель-Пилара въ эту позорную компанію!

— Это не можетъ быть!... не можетъ-быть! — вскричала Амалія; лицо ея горѣло: — графъ Жиль благородный дворянинъ, который пріѣхалъ въ Бенгалію не для того, чтобы опозорить себя!

— Амалія, дитя мое, сэръ Эдуардъ тоже благородный дворянинъ. Эти господа не видятъ никакого безчестья въ подобныхъ грязныхъ связяхъ; они смотрятъ на нихъ, какъ на невинныя шутки, минутныя забавы. Всѣ мужчины таковы. Для нихъ

любовь и женщины — легкія, миленькія игрушки, лѣстяція самолюбію ихъ. Вѣдь не мы выдумали серали!...

— Успокойся, Октавія, успокойся; ты слишкомъ горячишься...

— Нисколько; я спокойна... Все, что я говорю, клонится къ твоей-же пользѣ, Амалія... Миѣ что за дѣло до графа Жюля и до сэра Эдуарда?... Я не ревную ни къ тому, ни къ другому.

— Кто знаетъ!

— Кто знаетъ?... Эта шутка, Амалія, очень-не-кетати. Слушай... знаешь-ли ты, гдѣ графъ проведетъ ночь?

— Въ гостиницѣ, — о! я въ томъ увѣрена!

— Глупенькая! Неужели-жъ ты хочешь, чтобы я насильно сорвала съ глазъ твоихъ повязку?

— Хочу.

— Хорошо-же, Амалія!... Какого ты миѣнія о сэрѣ Эдуардѣ, который говорилъ, что если не явится сегодня, то будетъ обезчещенъ?

— Это до меня не касается; миѣ нѣтъ никакого дѣла до сэра Эдуарда...

— Амалія, мой другъ! дитя мое! сестра моя! говорила графиня съ трогательною чувствительностью: то, что мы теперь дѣлаемъ, ужасно! Я красѣю за себя! Сегодня утромъ, мы плакали вмѣстѣ; мы соединили горести наши, а теперь въ разговоры наши вмѣшивается обидная колкость. Обвини меня, Амалія, мы обѣ несчастны!... Тутъ, въ головѣ, у меня мысль, убивающая меня!... О, я сойду съ ума... Какъ женщины, мы подвержены тому, что взоры избраннаго нами мужчины иногда обращаются на другую женщину, одѣтую одинаково съ нами и нѣжнымъ голосомъ говорящую христіанскимъ парѣчіемъ... Это ужасно, но еще сносно въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь дѣлается... Здѣсь мы можемъ имѣть соперницей какое-нибудь чудовище коестрюльнаго цвѣта, увѣшанное цвѣтными стеклышками, съ зеленовато-желтыми руками и хриплымъ голосомъ!... Амалія, почъ наступила. Мистеръ Тобуръ, вѣроятно, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Мы позовемъ его и пошлемъ въ гостиницу узнать, тамъ-ли графъ дель-Пиларъ.

— О! я спокойна, Октавія. Дѣлай, что хочешь; только я не нуждаюсь въ этомъ испытаніи.

Октавія замолчала, и нѣсколько минутъ спустя, мистеръ Тобуръ сѣвшиль исполнить порученіе графини.

Когда онъ воротился, было уже поздно; небо было усѣяно звѣздами.

Мистеръ Тóуэръ остановился на порогѣ, въ положеніи чловѣка, готовящагося удалиться немедленно по исполненіи возложеннаго на него порученія.

— Графиня, сказалъ онъ: графъ Жиль дель-Пиларъ вышелъ изъ гостиницы тотчасъ послѣ солнечнаго заката. Лендлордъ спросилъ его, воротится-ли онъ къ ночи. — Не думаю, отвѣчалъ графъ, потомъ прибавилъ: вотъ письмо, которое я сейчасъ получилъ изъ Нербудды. Отдайте его мистеру Тóуэру, чтобы онъ доставилъ по принадлежности. Письмо это къ вамъ, графиня!

— Хорошо! сказала Октавія, слегка кивнувъ головою, въ знакъ благодарности и того, что Тóуэръ могъ удалиться. Я узнаю почеркъ... точно, эта записка отъ сэра Эдуарда... Что ты скажешь о молодомъ графѣ, Амалія? прибавила она съ злобной улыбкой. Ошиблась-ли я? Отвѣчай.

— Прочти записку сэра Эдуарда, сказала Амалія дрожащимъ голосомъ: въ ней, можетъ-быть, объяснено...

— Въ запискѣ ничего не объяснено, Амалія; ты сейчасъ услышишь.

«Сэръ Эдуардъ графинѣ Октавіи.

«Графиня, на этомъ свѣтѣ, мы каждую минуту должны быть готовы къ смерти.

«Очень можетъ-быть, что я умру предъ солнечнымъ восходомъ.

«Не хочу умереть обезчещеннымъ. Графъ Жиль вручитъ вамъ это письмо, а вы возвратите мнѣ прежнее уваженіе; я надѣюсь на то, какъ на Бога...

«Вы видите, что никто не убивалъ графа дель-Пилара.

«Счастливы тѣ, которыхъ смерть вы оплакиваете и которые однакожь сами являются, чтобы видѣть улыбку, рождающуюся на лицѣ вашемъ при неожиданномъ свиданіи.

«Я не нахожусь въ числѣ этихъ счастливецевъ — по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи улыбокъ; не знаю, что-то будетъ завтра — быть можетъ, слезинка!

«Вы видите, графиня, что фатализмъ, о которомъ мы съ вами говорили, не перестаетъ преслѣдовать меня.

«До-завтра.

«Душевно преданный вамъ

«Эдуардъ.»

— *До завтра!* проговорила Октавія: *до завтра!*... Какая странная записка.... не правда-ли, Амалія?

— О! я ничего не слыхала! сказала Амалія съ горестію: — ничего.... Боже мой! какая ужасная ночь опять предстоптъ намъ!

— Если хочешь, Амалія, я еще разъ прочту записку.

— Октавія, дружба часто неосторожна.... за-чѣмъ ты сорвала повязку съ моихъ глазъ?

— Ты сама, Амалія, поднесла къ ней мою руку!... Эта записка навела на меня ужасъ — я сама знаю почему....

— Боже мой!... Октавія, какъ ты перемѣнива!... Ты, кажется, примирилась съ сэръ Эдуардомъ за глупую, ничего не говорящую записку, которая, вѣроятно, нечто иное, какъ ложь.... Похвались-же еще своею опытностію, Октавія! Сэръ Эдуардъ притворяется, будто-бы влюбленъ въ тебя и угрожаетъ самоубійствомъ, если ты не полюбишь его! Вотъ, кажется, смыслъ его записки....

— Какъ-же ты говорила, что ничего не слыхала?

— Всѣ эти записки походятъ одна на другую! Въ Смирнѣ подруги часто показывали мнѣ подобныя записочки.... *Полобите меня или я умру!* пишутъ они всѣ; ихъ не любятъ, а они все таки живутъ сто лѣтъ.

— Да, Амалія, это такъ.... но сэръ Эдуардъ!...

— Утѣшится въ объятіяхъ цыганки.

— Боже мой! — вскричала графиня, — скоро-ли пройдетъ ночь!

Молодые подруги задумались и, долго спустя послѣ полуночи, уснули безпокойнымъ сномъ, обыкновеннымъ слѣдствіемъ утомленія души и тѣла сильными ощущеніями.

XVIII.

ДОЛИНА ТОГОВЪ.

Графъ дель Пиларъ вышелъ изъ селенія послѣ солнечнаго заката, и прибывъ къ домику Низама, пашель тамъ двѣсти ципаевъ, слегка вооруженныхъ и ожидавшихъ приказаній, данныхъ молодому Испанцу полковникомъ Дугласомъ.

Въ этомъ самомъ домикѣ графъ отдохнулъ въ прошлую ночь. Низамъ, какъ мы уже сказали, пробылъ у себя не болѣе часу и

опять направился къ горѣ, чтобы продолжать свои наблюденія. Эта ревность чуть не сдѣлалась пагубною для него. Тогда-какъ онъ ползъ на вершину горы, откуда намѣренъ былъ спуститься въ Думарь-Ленскій храмъ, его схватили засѣвшіе въ ущельяхъ солдаты лейтенанта Стефенсона, изъ которыхъ ни одинъ не зналъ вѣрнаго слуги сэра Эдуарда. Онъ хотѣлъ объясниться, но ему поспѣшно зажали ротъ и угрожали смертію, если онъ произнесетъ хоть одно слово.

Солдаты выразительными знаками передавали другъ-другу извѣстіе о плѣненіи Тога и оно дошло наконецъ до лейтенанта. Онъ приказалъ держать плѣнника, но не причинять ему никакого зла. Низамъ хотѣлъ объясниться жестами, но ему дали понять, что при малѣйшемъ движеніи ему свяжутъ руки.

Когда стало свѣтать, Стефенсонъ, скрывшись съ нѣсколькими солдатами за густымъ кустарникомъ, въ темномъ уголку горы, приказалъ привести къ себѣ плѣнника, мнимаго Тога.

Низамъ поспѣшилъ объяснитьсь.

— Лейтенантъ Стефенсонъ, сказалъ онъ, съ выраженіемъ, въ правдивости которою нельзя было сомнѣваться: — я Таули, по прозвищу Низамъ; я преданнѣйшій слуга полковника Дугласа, начальника здѣшняго гарнизона. Отпустите меня. Если я упушу наступающій день, то мы лишимся многого; а онъ будетъ упущенъ, если мнѣ не удастся переговорить съ полковникомъ.... Вы все еще не довѣряете мнѣ, лейтенантъ Стефенсонъ? Дайте-жъ мнѣ бумажку и карандашъ, чтобы я могъ только написать письмо къ полковнику Дугласу; отправьте это письмо и я буду здѣсь ожидать отвѣта. Написавъ письмо, я позволю вамъ прочесть его и вы увидите, что я другъ и вѣрнѣйшій вашъ союзникъ.

Хотя Стефенсонъ былъ еще молодъ, но онъ обладалъ качествомъ, драгоцѣннымъ въ эту войну — необычайною осторожностью. Онъ подумалъ съ минуту и послѣ новыхъ искреннихъ, убѣдительныхъ увѣреній Низама, согласился на просьбу его.

Мы не станемъ повторять длиннаго письма Низама къ полковнику. Оно заключало подробности, которыя намъ уже извѣстны и между прочимъ трагическія сцены въ подземельномъ храмѣ; сверхъ-того, онъ предлагалъ планъ атаки, которымъ полковникъ могъ воспользоваться съ успѣхомъ. Также не зачѣмъ упоминать о томъ, что немедленно по возвращеніи посланнаго, храброму и вѣрному слугѣ сэра Эдуарда была свобода.

Во весь этотъ день, полковникъ Дугласъ и сэръ Эдуардъ, из-

вѣщенные письмомъ Низама, осмотрѣли все посты цинаевъ, расположенные въ мрачной чащѣ двухъ лѣсовъ, находившихся близъ жилища. Вотъ почему мистеръ Тобуэръ не засталъ ихъ дома.

Хотя Низамъ и извѣстилъ, что въ слѣдующую ночь Тогои не нападутъ еще на домъ набобба, однакожъ, изъ предосторожности, полковникъ препоручилъ капитану Моссу, съ двумястами избранныхъ солдатъ, охранять жилище миссъ Аринды. Сэръ Эдуардъ, по совѣту Дуглэса, отправилъ гонца въ Руджъ, съ нѣкоторыми наставленіями графу Жилію на-счетъ загороднаго домика.

Вечеръ друзья, по обыкновенію, провели съ Набоббомъ и его дочерью; предстоявшія опасности нисколько не помѣшали веселому разговору, о чемъ можно судить по послѣднимъ словамъ, сказаннымъ миссъ Ариндой въ то самое время, когда слуги ожидали въ передней со свѣчами, чтобы проводить ее и Набобба въ ихъ покои.

— Да, господа, говорила Аринда: я уже придумала себѣ бабьинъ нарядъ и надѣюсь, что полковникъ останется доволенъ моимъ вкусомъ. Я сегодня примѣрила платье изъ китайскаго крепа, самаго нѣжнаго цвѣта. Это платье очаровательно. Ваши лондонскія дамы заплатили-бъ за него пять-сотъ фунтовъ стерлинговъ. Голова моя будетъ убрана, какъ у богини Лахми, съ двумя повязками по сторонамъ; сзади волосы будутъ сплетены въ мелкія косички, украшенныя маленькими цвѣтами... Знаете ли вы цвѣтокъ *станопса*, сэръ Эдуардъ?

— Еще-бы! отвѣчалъ Эдуардъ, дразня двухъ попугаевъ: *станопса* прелестнѣйшая прихоть индійской патуры. *Stanopea osculata*, не такъ-ли, миссъ Аринда?

— Онъ все знаетъ! вскричала съ изумленіемъ молодая Индіанка: но скажите мнѣ, ради Бога, сэръ Эдуардъ, когда вы успѣваете изучать все эти вещи?

— Ночью, миль Аринда, отвѣчалъ Эдуардъ съ важностію, смѣшанною со скромностію. Теперь, на-примѣръ, я разстанусь съ вами. Пойду къ себѣ, запру дверь, стану рыться въ книгахъ, изучать ландкарты и не усну до двухъ или трехъ часовъ утра. Между третьимъ и четвертымъ часомъ по-полуночи, меня всегда можно застать за книгами. Спросите хоть полковника....

— Правда, правда.... отвѣчалъ Дуглэсъ.

— Я теперь вспомнилъ, миссъ Аринда, продолжалъ Эдуардъ, проведя пальцами по тонкимъ, чернымъ усамъ своимъ; — я вспомнилъ, что въ эту ночь еще мы должны перевезть съ пол-

ковникомъ весьма-трудный *малыйскій пантунъ*. Ученое Бомбайское общество препоручило сдѣлать намъ это.... Вамъ, вѣроятно знакомъ этотъ *пантунъ*, миссъ Аринда? Онъ начинается слѣдующими словами: *тогда славный монархъ сказалъ своей супругѣ...* (*)

— Да, я знаю его, сэръ Эдуардъ. Царь ѣдетъ на охоту, а супруга говорить ему: *приведи мнѣ молодого оленя...* (**)

— Это весьма-трудно перевести на англійскій языкъ, замѣтилъ полковникъ.

— Ужасно трудно! сказалъ Эдуардъ, съ удивительною флегмой и очень-сердито: — трудно, по причинѣ западной бѣдности нашего языка.

— Слѣдовательно, мы не будемъ задерживать васъ, господа, сказала Аринда. — Ахъ, кстати, любезный полковникъ, прибавила она, слегка ударивъ себя по лбу: я забывала самое главное. Пошлите завтра непременно приглашеніе къ одному изъ вашихъ соотечественниковъ... знаете тому, о которомъ вамъ говорилъ папенька.

— Мистеру Тобуэру? сказалъ равнодушно Эдуардъ.

— Точно, отвѣчала Аринда: не забудьте пригласить его съ дамами... мистеръ Уэллсъ видѣлъ этихъ дамъ; говорятъ онѣ, не дурны, только ужъ черезъ-чуръ бѣлы. Двѣ дамы — это обстоятельство весьма-важное для нашего бала!

— Мы пригласимъ этихъ дамъ и мистера Тобуэра, сказалъ полковникъ.

— Какъ вы любезны, мой полковникъ! Дайте-жь мнѣ руку, и спокойной ночи.

— Ночь будетъ спокойна — я въ томъ ручаюсь.

Эдуардъ и Дуглэсъ вышли обыкновеннымъ путемъ изъ жилища и въ этотъ разъ съ посѣбшностію и живостію, свидѣтельствовавшей о рѣшительномъ намѣреніи. Быстро подвигаясь впередъ, они разговаривали шопотомъ.

— Эдуардъ, надо наконецъ нанести рѣшительный ударъ.

— Октавія любитъ графа Жюля, любезный Дуглэсъ....

— Вы повторяете мнѣ это въ двадцатый разъ, любезный Эдуардъ.

— Если-бъ вы были свидѣтелемъ слезъ, отчаянія ея!....

— Эдуардъ, слабость вамъ не пристала.

— Что ожидаетъ меня завтра?

(*) *Лалы Берката раджа банесауанъ...*

(**) *Баукаинъ сайя...*

- Теперь ожидаютъ васъ Тóги.
- Дуглáсь, я явлюсь на свиданіе прежде ихъ.
- Тѣмъ-лучше. Будетъ-ли все исполнено у загороднаго домика Низама.
- Будетъ. Жиль обо всемъ извѣщенъ.
- Онъ придетъ къ Думарь-Лейнаскому храму?
- Да; и я надѣюсь, что мы оба погибнемъ тамъ....
- Сэръ Эдуардъ, куда дѣлось ваше великодушіе? Вы желаете смерти ближнему.
- И себѣ, Дуглáсь; я желаю ему того-же, чего себѣ желаю.
- Между-тѣмъ я увѣренъ, что если онъ будетъ въ опасности, вы подоспѣете къ нему на помощь.
- Правда.
- Эдуардъ, вы безразсудны.
- То-же правда.
- Вы несправедливы....
- Потому-что несчастливъ.
- Подумаемъ лучше о настоящемъ, любезный Эдуардъ! Тóги всего здѣшняго округа въ моихъ рукахъ. Я не буду щадить ни крови, ни жизни своей; нагрюну на нихъ, какъ гроза небесная, и если выйду живъ изъ этого ада, то подамъ въ отставку и женюсь на миссъ Ариндѣ. Такимъ-образомъ я исполню три священные вещи: сердце мое, честь и долгъ мой будутъ спасены!
- Какую мы ведемъ странную жизнь, Дуглáсь!... Миссъ Аринда засыпаетъ спокойно, строя воздушные замки. Бѣдная дѣвушка! Завтра, на-канунѣ своей свадьбы, она можетъ проснуться вдовой!
- Чтó-же мнѣ дѣлать, Боже мой! Я долженъ безпрестанно обманывать ее до-тѣхъ-поръ, пока не откроется истина. Это тяжкая обязанность: я покоряюсь необходимости. Я играю въ азартную игру. При счастливомъ расположеніи картъ, можно выиграть.
- Я проигралъ!
- Эдуардъ, довольно-ли двухъ-сотъ человѣкъ для защищенія Нербудды, въ случаѣ нападенія?
- Низамъ пишетъ, что не будетъ нападенія. Тóги воображали, что факиръ Суниаки содержится въ Нербуддѣ, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ намѣренія ихъ напасть на жилище; факиръ возвратился къ нимъ и они не помышляютъ уже о набѣгѣ—это очевидно!

— И мнѣ тоже кажется, Эдуардъ. Ни слова болѣе. Вотъ наши аванпосты. Знаки должны замѣнить слова. Забудемте до утра о женщинахъ.

— Навсегда, быть-можетъ! сказалъ Эдуардъ мрачнымъ голосомъ, звуки котораго показались совершенно незнакомыми другу его....

Когда солдаты, прибывшіе съ графомъ дель-Пиларомъ изъ домика Низамъ, присоединились къ солдатамъ полковника Дугласа, то образовался отрядъ, человекъ въ триста. Низамъ встрѣтилъ ихъ у подножія Саріэской горы, и по вѣрному счету его, число непріятелей, благоговѣнно собравшихся въ Думаръ-Лейнаскомъ храмѣ, простиралось до тысячи двухъ-сотъ.

Въ регулярномъ сраженіи, Тѳги были-бъ немедленно побѣждены; но ихъ тактика, сила, отчаянная храбрость, ловкость, мѣсто и время, избираемыя ими, придавали имъ большія преимущества; нападая или защищаясь, они бросались на непріятелей, стараясь схватить ихъ за горло и не заботясь о собственной жизни, лишь-бы уничтожить врага; смерть не устрашаетъ дикихъ фанатиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что на другомъ свѣтѣ они будутъ вѣчно внимать мелодическимъ звукамъ *ситара*, возлѣ *Силлео-бога*, въ садахъ *Майдана*.

Низамъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, шелъ впереди маленькаго отряда, возлѣ полковника Дугласа. Они прошли мрачный лѣсъ, оканчивавшійся у самаго подножія горы, и исчезли въ глубокой долинтѣ, пустынной и безплодной, страшный видъ которой былъ увеличенъ ночью темнотой. Низамъ ни разу не поколебался на-счетъ выбора дороги: по временамъ, когда огромныя скалы и бездонныя пропасти преграждали дорогу, Низамъ вползалъ въ трещину, съ ловкостью огромной ящерицы, и всѣ солдаты, одинъ за другимъ, отправлялись по той-же дорогѣ.

Послѣ трехъ часовъ скорой ходьбы, Низамъ остановился на небольшомъ возвышеніи, въ родѣ насыпи, подъ которымъ проходило ложе изысканной рѣчки. Природа петошила всѣ ужасы свои въ этихъ мѣстахъ, освѣщенныхъ звѣздами. На-право, огромная куча обвалившихся скалъ служила какъ-бы пьедесталомъ высокой стѣнѣ отвѣсной горы.

Низамъ сталъ передъ полковникомъ и пантомимой, выразительнѣе, яснѣе словъ, сказалъ ему слѣдующее:

— Тамъ, на-верху, на-право, между обвалившимися скалами и подножіемъ отвѣсной горы, находится входъ въ Думаръ-Лейнаскій храмъ, наполненный теперь Тѳгами. На зарѣ, Тѳги сой-

дуть съ неприступныхъ высотъ и разбѣгаться въ разныя стороны, чтобы превратиться въ земледѣльцевъ, пастуховъ или нищихъ. Но всѣ они непременно должны пройти по этой долинѣ, которую я назвалъ долиной Тоговъ. Осмотрите эту долину, сколько позволяеть темпота; она состоитъ изъ двухъ холмовъ или кучъ скалъ, обросшихъ мохомъ и засыпанныхъ землею. Вотъ какъ я воспользовался позволеніемъ, которое вы мнѣ дали. Хитрость, приведенная въ исполненіе въ моемъ домикѣ, ручается за усебхъ.

Солдаты раздѣлись и оставили при себѣ одно оружіе. Весь отрядъ раздѣлился на двое: одна часть спустилась внизъ и поднялась на противоположное возвышеніе, не удаляясь однакожъ отъ углубленія, обыкновеннаго пути Тоговъ; другая часть спустилась въ ложе иссохшей рѣки. Потомъ солдатамъ роздали куски грубаго, жесткаго холста, напиканнаго настоемъ изъ душистыхъ травъ и покрашеннаго подъ цвѣтъ скалъ. Это-то и была хитрость, приготовленная Низамомъ. Когда съ обѣихъ сторонъ, солдаты и офицеры нарядились въ этотъ странный костюмъ, полковникъ Дугласъ, сэръ Эдуардъ и графъ Жиль, окинувъ взорами окрестности, помѣнялись взглядами и знаками, выражавшими совершенное удовольствіе. Живыя и мертвыя скалы, всѣ принадлежали къ одному геологическому разряду. На зарѣ самый опытный глазъ не могъ отличить настоящихъ камней отъ поддѣльныхъ.

Отправляясь на назначенное ему мѣсто, Жиль передалъ Эдуарду письмо, написанное крупными буквами, карандашомъ, съ просьбой, прочесть его при первомъ появленіи зари.

Вотъ что содержало это письмо:

«Любезный Эдуардъ, я нахожусь предъ непріателемъ, противъ котораго иду неохотно, потому-что онъ не сдѣлалъ собственно мнѣ никакого зла. Если Тогои хотѣли задушить меня вчера, такъ это потому, что они принимали меня за Англичанина: они были правы.

«Эти дикіе, нападая на Англичанъ и индійскихъ союзниковъ ихъ, защищаютъ свою отчизну: и въ этомъ они правы. Они не сдѣлали мнѣ никакого зла, а потому я не могу-же раздѣлять вашей несправедливости къ нимъ. Мой образъ мыслей на-счетъ вашей войны можетъ показаться вамъ несправедливымъ, нецѣльнымъ; но я не скрываю его. Правила мои неизмѣнны: даже та отговорка, что мы деремся съ дикими, не заставитъ меня пожертвовать ими.

«Но, съ другой стороны, я долженъ доказать вамъ свою преданность и признательность, любезный Эдуардъ; я не забыть услугъ, которыя вы мнѣ оказали; я особенно благодаренъ за необыкновенное мужество, съ которымъ вы хотѣли послѣдить ко мнѣ на помощь, въ прошедшую ночь. Вы теперь въ опасности, — я у васъ въ долгу, и постараюсь по квитаться. Я также долженъ послѣдовать за полковникомъ Дугласомъ на ужасный бой, предстоящій намъ; вотъ тому причина: я знаю, что полковникъ Дугласъ обязанъ, по политическимъ видамъ и изъ соблюденія правилъ чести, жениться на миссъ Амалии. Слѣдовательно, я долженъ беречь полковника, потому-что онъ мой соперникъ; потому-что онъ этимъ бракомъ навѣки убьетъ мое счастье. Я не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать, что я могъ спасти жизнь Дугласа и не исполнилъ этого по гнусному разчету ревности и соперничества.

«Вотъ условія, съ какими я вмѣшался въ это дѣло: я, графъ Жиль дель-Пиларъ, другъ полковника Дугласа и сэра Эдуарда, въ долгу у нихъ. На нихъ нападаютъ душители, — я беру оружіе, чтобы защитить друзей. Если, какъ увѣряютъ, Тогги вооружены, то опасность будетъ больше и, слѣдовательно, обязанность моя труднѣе. Не-смотря на то, я ни въ какомъ случаѣ не выстрѣлю первый. Нападать не буду — защищаться долженъ.

«Я долженъ былъ написать это письмо, чтобы объявить, что въ двухъ шагахъ отъ васъ находится человекъ, принадлежащій вамъ душою и тѣломъ.

«Жиль.»

Армія Тоговъ, поселившаяся въ Нербудскомъ округѣ и повиновавшаяся старому сингу и факиру Суниаки, была отчаяннѣйшая и хитрѣйшая изъ всѣхъ бенгальскихъ шаекъ. Полковникъ Дугласъ и Низамъ хорошо поняли, что надо было сбить съ толку душителей стараго Синга, перехитривъ ихъ и сдѣлавшись Тоггами болѣе ихъ, то-есть, превзойти ихъ въ обманахъ, такъ-какъ названіе ихъ значить *обманщики*. Чтобы достигнуть успѣха, надо было употреблять собственное оружіе ихъ — хитрость и обманъ. До сихъ-поръ, имъ были предоставлены преимущества ночныхъ нападений и засадъ, хитро придуманныхъ; слѣдовательно, надо было доказать имъ, что, не-смотря на таинственныя убѣжища и предосторожности, они также могли сдѣлаться жертвой засадъ неусыхшихъ и опытныхъ неприятелей.

Когда послѣднія звѣзды исчезли на небѣ, однообразное пѣніе

тысячи голосовъ раздались въ горѣ, и эхо долины и пропастей вторило ему...

Тѣмъ, выходя изъ храма, пѣли священныя строфы поэмы *Рамайна*. Нѣсколько камышковъ, катившихся съ горы, служило свидѣтельствомъ того, что шайка Тѣговъ вышла изъ убѣжища и спускалась по обрывамъ и обломкамъ скалъ, какъ по лѣстницѣ.

Пѣніе прекратилось и въ ночной тишинѣ слышались только шаги приближавшейся арміи душителей...

Вершины горъ, опоясывавшихъ горизонтъ, окрасились красноватымъ свѣтомъ, въ долинахъ же была еще неясная, синеватая темнота, когда Тѣги вступили въ ложе иззякшей рѣки, обыкновенной дѣроги ихъ.

Вдругъ, въ самую удобную минуту, въ пустынѣ раздался рѣзкій свистъ и, казалось, всѣ скалы долины ринулись на Тѣговъ съ страшными выстрѣлами. Послѣдніе ряды душителей, испуганные этимъ чудомъ и приписывая его божескому гнѣву, бросились назадъ, со скалы на скалу, какъ коршуны, испуганные орлами, до самаго храма, какъ-бы желая стать подъ покровительство боговъ. Это движеніе было угадано. Индѣйскіе ципан Стефенсона приблизились сзади, атаковали бѣглецовъ и сталкивали ихъ въ пропасти. Въ долинѣ бой пронесъ уже на кучѣ труповъ, между солдатами Дугласа и отчаяннѣйшими душителями. Выстрѣлы прекратились. Начался рукопашный бой: кинжалы, ногти и зубы вонзались въ тѣла противниковъ. Тѣги нарочно падали, будто убитые, и острыми зубами и камнями наносили раны обнаженнымъ ногамъ солдатъ, которые упали въ объятія душителей. Низамъ, раненный въ голову, былъ объятъ припадкомъ бѣшенства, придававшимъ битвѣ еще ужаснѣйшій видъ. Вооружившись двумя малайскими кинжалами, онъ громовымъ голосомъ произнесъ военный возгласъ: *Алокъ!*.... страшный возгласъ, извѣстный даже въ Бенгаліи, куда онъ былъ перенесенъ съ Зондскихъ острововъ. Произнесъ звѣрское *а-локъ*, съ пѣной на губахъ и глазами, налившимися кровью, Низамъ бросился съ бѣшенствомъ демона и проворетвомъ индѣйскаго фигляра по сомкнутымъ рядамъ Тѣговъ, нанося удары и пропзнося проклятія. Солдаты Дугласа повторили этотъ крикъ и съ адекою яростію, которую придавали имъ видъ крови и лучи солнца, ринулись на душителей, пораженныхъ ужасомъ; между тѣмъ ципан Стефенсона, спустившіеся съ другой стороны, наносили послѣд-

ніе удары и овладѣли старымъ Сингомъ и свитой его, состоявшей изъ жрецовъ и факировъ.

По донесеніямъ извѣстно, что только двѣсти Тоговъ спаслись въ Думаръ-Лейнаскую битву. Хищные звѣри и птицы долго радовались этому побоищу, потому-что землѣ были преданы только англо-индѣйскіе солдаты. Плѣнныхъ было много.

Дугласа, Эдуарда и молодого графа дель-Пилара нельзя было узнать даже при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Они все время были тамъ, гдѣ борьба была страшнѣе и яростнѣе, и нельзя было узнать, собственная-ли или непріятельская кровь обагряла ихъ. Жиль не отходилъ отъ полковника; онъ охранялъ его, и его братская, бдительная помощь, часто спасала отъ смертельныхъ ударовъ Дугласа, который, по званію начальника, заботился болѣе о солдатахъ своихъ, нежели о самомъ себѣ.

— Любезный графъ, сказалъ Дугласъ, пожимая руки молодого графа: — благодарю; вы прекрасный тѣлохранитель. Жаль, что я ничѣмъ не могу отплатить вамъ. Я не могу даже возвысить васъ чиномъ, какъ несостоящаго на службѣ. Въ этомъ жаркомъ дѣлѣ, благороднѣйшая роль была ваша.

— Любезный полковникъ, отвѣчалъ Жиль: не-смотря на маловажность того, что я сдѣлалъ, у меня есть до васъ просьба... Тамъ, за этими пропастями, которыя мнѣ знакомы, лежатъ у звѣрскаго жертвенника девять труповъ: нашъ долгъ предать ихъ землѣ.

Полковникъ еще разъ пожалъ руку графу и обратившись къ Низаму, приближавшемуся съ толпой плѣнныхъ, спросилъ:

— Низамъ, цѣлы-ли трупы товарищей нашихъ въ храмѣ?

— Нѣтъ, полковникъ, отвѣчалъ Низамъ, хриплымъ, послѣ громоваго амока, голосомъ: они преданы землѣ, по обычаю этихъ разбойниковъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что мы найдемъ ихъ.

— Но гдѣ сэръ Эдуардъ? продолжалъ Низамъ, осматриваясь по сторонамъ: гдѣ сэръ Эдуардъ? Я не вижу его.

— Не безпокойся, Низамъ, сказалъ Жиль. Я сейчасъ жаль руку сэръ Эдуарду; онъ, по обыкновенію своему, дрался съ видомъ челоуѣка, презирающаго непріятелей и нежелающаго сдѣлать имъ честь позволить убить себя.... Смотри, вотъ онъ идетъ.

Эдуардъ, тотчасъ послѣ битвы, пошелъ отыскивать въ безплодной пустынѣ какой-нибудь источникъ, взявъ въ руководителн растенія, пробивавшіяся между щелями разбросанныхъ камней, и цвѣтъ скалъ. Открывъ ручеекъ, онъ съ заботливостью настоящаго джентльмена смылъ съ себя слѣды боя и возвра-

щался къ пріятелямъ съ граціозностію, можетъ-быть, нѣсколько изысканною, но простительною въ этомъ случаѣ; потому-что кокетство въ мужчинѣ, какъ очень-вѣрно замѣтилъ Мармонтель, позволительно только на полѣ битвы.

— Друзья, сказалъ Эдуардъ: найти смерть не такъ легко, какъ мы думаемъ; Манфредъ Байрона говоритъ: *Легко умереть...* советѣмъ не легко!

— Развѣ вы искали смерти, Эдуардъ? спросилъ графъ дель-Пиларъ, испуганный грустною улыбкой друга.

— Да, и нѣтъ, любезный Жиль. На насъ иногда находятъ минуты смертельной тоски.... Вы это знаете не хуже меня, любезный графъ.... Въ эти минуты мы готовы отдать жизнь за дѣтскую прихоть.... за женщину.... Друзья мои, я открылъ тамъ, за этимъ бастиономъ скалъ, очаровательный ручеекъ, дѣвственную водицу; преминенкій туалетный будуарчикъ....

— Правда! вскричалъ Низамъ: я знаю этотъ ручеекъ... другаго и нѣтъ въ окрестностяхъ.

— Заблудившійся ручеекъ, сказалъ Эдуардъ: можно подумать, что онъ нечаянно попалъ въ эту бесплодную пустыню, которая при первой жаждѣ проглотитъ его. Спѣшите, если хотите воспользоваться водицей его.

— Полковникъ Дугласъ, прикажете хоронить трупы?... спросилъ Низамъ.

— Понимаю, Низамъ, отвѣчала полковникъ съ грустію.

— Позвольте мнѣ идти впередъ, полковникъ.

— Прикажете мнѣ идти съ вами, Дугласъ? спросилъ Эдуардъ.

— Непремѣнно, любезный Эдуардъ.

— Я знаю ручеекъ и найду его безъ помощи сэръ Эдуарда, сказалъ Низамъ.

— Все равно, поидемте съ нами, Эдуардъ.

Низамъ, Дугласъ, Жиль и Эдуардъ пошли къ ручью; подоидя къ нему, полковникъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо Низаму, который тотчасъ-же воротился на поле битвы, гдѣ лейтенантъ Стефенсонъ распоряжался погребеніемъ убитыхъ.

— Полковникъ, сказалъ Жиль: вы забыли о моей просьбѣ.

— Не забылъ, графъ.

— Мнѣ кажется, что какъ Христіане, мы должны поставить себѣ долгомъ позаботиться о товарищахъ, задушенныхъ при моихъ глазахъ....

— Подождите минуту, желаніе ваше будетъ исполнено.

Низамъ векорѣ воротился съ нѣсколькими ципаями.

Прибывъ къ ручью, Низамъ внимательно осмотрѣлъ берега; вырывалъ водяныя растенія, осматривалъ корни ихъ, рылся руками въ землѣ, и замѣтивъ наконецъ ненатуральный поворотъ ручья, между двумя рядами цвѣтовъ, посаженныхъ по берегамъ, остановился и вскричалъ, ударивъ себя въ лобъ:

— Здѣсь!

Тотчасъ-же ципанъ съ изумительнымъ проворствомъ принялся рыть маленькій рукавъ ручья; потомъ провели туда теченіе и осушили настоящее ложе, дно котораго было какъ-бы недавно вскопано и лишено слизи и моха, обыкновенно покрывающихъ дно рѣкъ. По указанію Низама, солдаты стали рыть дно и векоръ показали девять труповъ.

Жиль узналъ ихъ — на глазахъ его выступили слезы.

Чтобы скрыть слѣды религиозныхъ убійствъ, Тоги такимъ образомъ хоронятъ жертвы свои. Они перемѣняютъ ложе ручьевъ и даютъ имъ другое направленіе, скрывающее могилу.

Полковникъ Дугласъ приказалъ собрать всѣхъ солдатъ, чтобы отдать послѣдній долгъ братьямъ; для нихъ были вырыты глубокія ямы, на которыя навалили огромныя обломки скалъ, чтобы защитить покойниковъ отъ гнѣвъ, въ минуту голода, вырывающихъ трупы изъ земли.

Исполнивъ этотъ священный долгъ, полковникъ Дугласъ отдалъ солдатамъ приказаніе собираться въ обратный путь. Солдаты Стефенсона получили приказаніе возвратиться въ Руджъ не раньше вечера, послѣ солнечнаго заката, если неожиданныя обстоятельства не заставятъ принять другихъ мѣръ. Капитанъ Моссъ занялъ прежніе посты въ Нербуддекихъ лѣсахъ.

— Излишняя предосторожность, сказалъ Низамъ: потому что Тоги, послѣ этого урока, не скоро покажутся. Впрочемъ осторожность никогда не мѣшаетъ.

XIX.

ОПЕКУНЪ ТОУЭРЪ.

Въ то самое утро, когда въ долину Тоговъ лилась кровь, миссъ Арипда, вставъ на зарѣ, отдавала приказанія для приго-

товлений къ наступающему балу, а графиня Октавія и Амалія возвращались съ Тѳуэромъ въ гостиницу, послѣ послѣдней, тяжкой ночи, проведенной въ домѣ каштана Мосса.

Обѣ женщины переговорили все объ Эдуардѣ и молодомъ графѣ дель-Пиларѣ. Послѣ живаго разговора наступило мрачное молчаніе, изрѣдка прерываемое отрывистыми восклицаніями; молчаніе, которое какъ-бы говоритъ, что все подозрѣнія оказались справедливыми, и что излишне-бы было стараться обманывать себя, стараясь оправдать виновныхъ.

Слѣдовательно, Октавія и Амалія рѣшили, что Эдуардъ и Жиль, благородные молодые люди, не заслуживали добраго имени, которыми они пользовались: они были хитрѣе другихъ, умѣя въ глазахъ свѣта сохранять доброе имя.

Изрѣдка, мистеръ Тѳуэръ на минуту показывался, надѣясь, что его милое присутствіе дастъ другое направленіе мыслямъ молодыхъ женщинъ. Мистеръ Тѳуэръ, то важною, то граціозною поступью переходилъ черезъ залу; онъ ничего не спрашивалъ, но старался выказать, что угадываетъ малѣйшія желанія дамъ; онъ то поднималъ штору, то задергивалъ занавѣсы, желая защитить дамъ отъ солнечныхъ лучей, то переставлялъ вазы съ цвѣтами, то останавливалъ опасный сквозной вѣтеръ, замѣняя его освѣжительнымъ, то подавалъ онахало, то отворялъ дверь съ притворнымъ усиліемъ и отталкивалъ ногой несуществовавшее препятствіе, то вздыхалъ съ нетерпѣніемъ, какъ-бы услышавъ снаружи шумъ.

Однакожъ, все эти пошлыя хитрости, которыя Тѳуэръ считалъ верхомъ домашней дипломатіи, не имѣли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ никакого результата. Наконецъ, онъ рѣшился, появившись на порогѣ, замѣнить выразительный вздохъ ясно-выраженными словами:

— Графиня, сказалъ онъ, просунувъ носъ въ полурастворенную дверь: мнѣ показалось, что вы звали меня?

— А! это вы, мистеръ Тѳуэръ! спросила Октавія, разсѣянно поднимая голову. Нѣтъ, я не звала васъ.... все равно, ступайте сюда.... Какъ вы счастливы, мистеръ Тѳуэръ.... вашъ умъ свободенъ....

— Ошибаетесь, графиня, ошибаетесь, сказалъ Тѳуэръ, прислонившись къ стѣнѣ, возлѣ Октавіи, и поправляя манишку: конечно, умъ мой свободенъ, только въ томъ смыслѣ, что я умѣю смирять страсти свои и говорю себѣ: стой! дальше идти нельзя! Но, прибавилъ онъ, перекинувъ лѣвую ногу черезъ правую и

ударяя слегка поскомъ по полу: но это еще не значить, чтобы умъ мой былъ совершенно свободенъ... я знаю женщинъ и держусь съ ними одного правила: я возвращаю имъ ровно половину того, что получаю отъ нихъ; такимъ-образомъ, когда мы доходимъ до расчетовъ, то выходитъ, что онѣ зависятъ отъ меня.

— Прекрасное правило, мистеръ Тобуэръ, сказала Октавія съ небрежностью, доказывающею, что разговоръ нисколько не занимателенъ.

— Прекрасное для меня.

— Знаете-ли вы, что такое бурная жизнь? спросила Октавія, смотря на потолокъ.

— Ахъ!... ахъ! графиня!

Тобуэръ вытаращилъ мутные глаза, покачалъ головой и махнулъ рукой.

— Однакожъ этого нельзя подумать, смотря на свѣжее, цвѣтущее ваше лицо...

— Отецъ мой Шотландецъ, графиня. У насъ цвѣтъ лица наследственный; у меня въ Лондонѣ есть портреты моего отца и дѣда. Въ шестьдесятъ лѣтъ они походили на херувимчиковъ. Надо вамъ сказать, что дѣдъ мой былъ очень-любимъ прекраснымъ поломъ. Вальтеръ-Скотъ вывелъ его очень-искусно въ своей *Пертской Красавицѣ*. Въ Лондонѣ только и говорили о Валентинѣ Тобуэрѣ. Георгъ IV пожелалъ его видѣть и онъ былъ представленъ королю въ Гемптонъ-Куртѣ. Будучи шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, дѣдъ мой побился объ закладъ, въ сто фунтовъ, что взберется на вершину Арзерента и напишетъ тамъ свое имя; это было именно въ день св. Валентина, когда въ Эдмбургѣ бываетъ большое празднество. Онъ выигралъ пари, но имѣлъ неосторожность выпить стаканъ холодной воды и почувствовалъ колотья въ боку. Ему пустили кровь, но — по несчастью — поздно!... Два дня спустя, дѣдъ мой скончался. Безъ хвастовства я могу сказать, что весь Эдмбургъ облекая въ трауръ по смерти колосса — Валентина Тобуэръ!

— Какія интересныя вещи рассказываетъ этотъ скучный господинъ, проговорила Амалия, удаляясь къ окну.

— Не прикажете-ли подать чай? спросилъ пѣкнѣйшимъ голосомъ Тобуэръ.

— Прикажете, отвѣчала Октавія. Надо-же какъ-нибудь убивать время... Боже мой! если-бы я могла ѣхать завтра... если-бы также легко было-бъ приказать приготовить корабль, какъ чай.

Тобуэръ глухо засмѣялся.

— Отчего же пѣтъ, графиня? сказали онъ, съ притворнымъ усиленіемъ удерживая смѣхъ: это возможно.

— Мистеръ Тóуэръ, если я рѣшусь воротиться въ Европу, то могу ли понадѣяться на вашу услужливость?

Тóуэръ гордо выпрямился, приосанился, быстро осмотрѣлся съ погъ до головы и отвѣчалъ:

— Вы знаете, графиня, что я долженъ исполнить долгъ; по исполненіи этого священнаго долга, я весь къ вашему услугамъ.

— На языкѣ опекуновъ, сказала Амалія, стоя у окна: это называется *свлицениль долготъ*... принудить бѣдную сироту выдти за-мужъ по-неволѣ!

— Миссъ, началъ Тóуэръ: вы знаете, что я дѣйствую по приказанію...

— Довольно! сказала Амалія, съ живостію топнувъ ногой.

— Мистеръ Тóуэръ, сказала Октавія: положимъ, что вы исполните этотъ священный долгъ; послѣ того ничто уже не задержитъ васъ въ Бенгадіи!

— Я думаю... кажется... ничего... Развѣ миссъ Амалія требуетъ...

— Я! сказала Амалія, не оглядываясь: — когда меня принесутъ въ жертву, то вы можете отправиться, куда вамъ заблагоразсудится.

— Она ревнуетъ! Это очевидно! подумалъ Тóуэръ.

— Слѣдовательно, вы согласитесь быть моимъ кавалеромъ, до Франціи? спросила Октавія.

— Съ удовольствіемъ, графиня; тѣмъ болѣе, что я имѣю личныя причины ѣхать во Францію... Мало-ли что можетъ случиться!... Во Франціи я могу поразвѣдать у друзей, не сердится-ли на меня министръ.

— Ага!... разсѣянно проговорила графиня, не понявъ Тóуэра.

Опъ важно прошелся по залѣ.

— Любите ли вы Францію, мистеръ Тóуэръ? спросила Октавія.

— Францію, графиня?... Люблю... только, признаться сказать, я имѣю нѣкоторое нерасположеніе къ Французамъ... Совсѣмъ не изъ національной антипатіи... о! несколько... Только Французы, по моему мнѣнію, вѣтренны, легкомысленны... самолюбивы, какъ демоны... они воображаютъ, что всѣ женщины должны влюбляться въ нихъ. Французъ не побойтся нескромностію лишиться возлюбленной... каламбуромъ убить друга... У меня были двѣ дуэли въ Парижѣ, за двухъ дамъ... съ которыми я былъ очень-

коротко знакомъ. Объ нихъ говорили безъ должнаго почтенія.. даже оскорбительно. Я вызвалъ обидчиковъ и мы дрались. Надо однакожь отдать справедливость Французамъ: они храбры. О! этого отъ нихъ никто не отниметь...

— Какъ это лестно Французамъ, сказала Амалія.

— Да... продолжалъ Тобуэръ: мои двѣ дуэли надѣляли шуму въ Парижѣ. Это было въ тысяча-восемь-сотъ-двадцать... прежде тридцатаго года... Я высказалъ свое мнѣніе на-счетъ Французовъ. — Что-же касается до Франуженокъ, прибавилъ опекунъ приторно сладкимъ голосомъ:—то это совсѣмъ иное дѣло... Франуженки живы, остроумны, чувствительны, прелестны... Предъ ними невольно должно преклонять колѣна... Впрочемъ, къ чему распространяться на счетъ прелестей Франуженокъ, когда въ эту минуту у меня предъ глазами совершеннѣйшій...

— Довольно, мистеръ Тобуэръ, прервала его графиня: я хотѣла только узнать, могу-ли понадѣяться на васъ.

— Можете, можете, графиня, сказалъ опекунъ съ комическимъ жаромъ. Да, надѣйтесь на меня... когда священный долгъ...

— Опять священный долгъ! сказала Амалія. Октавія, пооди сюда... посмотри, тамъ, на улицѣ, происходитъ что-то странное, необыкновенное...

Октавія подошла къ окну.

Тобуэръ прохаживался по комнатѣ съ торжествующимъ видомъ.

— Вотъ женщины! думалъ онъ:—Амалія не умѣетъ даже скрыть своей ревности!... Нарочно отозвала Октавію къ окну!... Какая нескучная хитрость... Впрочемъ, я чрезвычайно-доволенъ собою; графиня поняла все дѣло; правда, она сама сдѣлала первый шагъ, а я ей отвѣтилъ изъясненіемъ, которое ей очень понравилось. Хе, хе! я умѣю обходиться съ женщинами. Октавія была смущена и взволнована. Амалія не знаетъ, какую она оказала ей услугу, отозвавъ ее къ окну. Впрочемъ день дологъ — мы еще увидимся. Я удивительно какъ хорошо распорядился!

— Мистеръ... сказала Октавія, отходя отъ окна:—улицы покрыты народомъ; индѣйскіе солдаты кричатъ: *Ура полковнику Дугласу!*... Слышите, мистеръ Тобуэръ?... Что-же вы стоите?... Что вы вытаращили на меня глаза?... Идите и узнайте скорѣе, что тамъ происходитъ. Если-бъ мы съ Амаліей не были въ утреннемъ платьѣ, то давно-бы сошли внизъ.

— Повинуюсь, графиня, — сказалъ опекунъ, бросивъ на Октавію взглядъ, подобный угасавшему огню.

Онъ удалился.

— Вот прекрасный опекунъ, сказала Октавія, котораго мы, мало-по-малу, возвели въ достоинство лакея. Если-бъ англійскій министръ согласился дать мнѣ троихъ опекуновъ, то я немедленно отпустила-бъ своихъ лакеевъ и сдѣлалась-бы наконецъ настоящею повелительницею слугъ своихъ.

Съ каждой минутой группы на улицѣ оживлялись. По шумной радости можно было догадаться, что до Руджѣ дошло пріятное извѣстіе.

Подруги ожидали возвращенія Тоуэра съ нетерпѣніемъ. Онъ вмѣшался въ толпы народа и старался встрѣтить какого-нибудь Европейца, не желая удостоить вопросомъ Индѣйца.

Когда Октавія и Амалія увидѣли, что опекунъ раскланялся съ однимъ изъ поселенцевъ, благодаря его за сообщенное извѣстіе, то поспѣшно сбѣжали на лѣстницу, чтобы поскорѣе узнать причину общей радости. Онѣ слышали, какъ Лендлордъ, хозяинъ гостиницы, говорилъ мистэру Тоуэру:

— Да, новость эта вѣрна; сейчасъ прибылъ сюда гонецъ изъ Нербудды. Мнѣ заказанъ къ завтрашнему дню обѣдъ на триста человекъ ципаевъ. Я поставлю столъ въ большой аллеѣ сада *Прелестныхъ-Индіанокъ*. Полковникъ Дугласъ мастеръ угощать.

— Гдѣ вы опять замѣшались, мистэръ Тоуэръ; идите-жъ скорѣе! — вскричали два женскихъ голоса съ-верху.

— Иди, иду, отвѣчалъ Тоуэръ: надо-же собрать свѣдѣнія.

Октавія и Амалія увлекли его за собою въ залу и, не говоря ни слова, съ любопытствомъ ждали объясненій.

— Сейчасъ все разкажу, говорилъ Тоуэръ: — это официальное извѣстіе. Гонецъ изъ Нербудды. Онъ привезъ приглашенія. Свадьба полковника Дугласа будетъ завтра. Итакъ, миссъ Амалія, мы можемъ теперь назвать васъ мистриссъ Дугласъ-Стаффордъ.

Амалія упала на стулъ, закрыла лицо руками и глубоко вздохнула.

— Э! Боже мой! продолжалъ Тоуэръ. Я ожидалъ этой развязки. Я очень-хорошо знаю мужчинъ. Это, иначе и не могло кончиться. Я это сто разъ говорилъ. Я очень-хорошо знаю военныхъ, потому-что самъ чуть не попалъ въ военную службу. Они молчатъ, молчатъ, да вдругъ... пафъ!... завтра свадьба. Знаю я военныхъ! Впрочемъ, миссъ, я даже не понимаю причины вашей скорби; Дугласъ красивый мужчина, любимъ при дворѣ... смотрите, лѣтъ черезъ пять, онъ будетъ генераломъ. Конечно, я самъ знаю многихъ женщинъ...

— Довольно, довольно, мистеръ Тóуэръ: сказала Амалія печально, и сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы опекунъ замолчалъ: довольно. Теперь вы уже не опекунъ мой.... благодарю васъ за совѣты и попеченія обо мнѣ, и не нуждаюсь болѣе въ наставленіяхъ.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Тóуэръ.

— Что скажешь, Октавія, продолжала Амалія съ грустной улыбкой. Завтра будетъ балъ!... балъ!... Это уже слишкомъ! Они могутъ насильно повлечь меня въ церковь: они сильнѣе меня!... Притомъ-же я лишилась любви графа Жюлья и лишила его своего уваженія. Я ненавижу его, точно также, какъ ты, Октавія, ненавидишь сэра Эдуарда.... Но никто не заставитъ меня идти на балъ. На свадебномъ прѣшествіи не будетъ только одной дамы.... новобрачной! Онъ покинулъ меня въ Смирнѣ, я покину его въ Нербуддѣ. Мы будемъ квиты.

— Амалія, сказала Октавія: я тебѣ сдѣлала много зла и должна исправить свой проступокъ.... Мистеръ Тóуэръ, потрудитесь сойти внизъ и узнать повѣриѣе и поподробнѣе, когда мы можемъ отправиться.... Я хочу ѣхать завтра-же....

— Графиня, сказалъ Тóуэръ: еѣдь вы со вчерашняго дня знаете, что будетъ балъ, и что мы приглашены. Слѣдовательно, не-за-чѣмъ гнѣваться....

— Мистеръ Тóуэръ, прервала его Октавія: потрудитесь исполнить мое порученіе. Я буду ждать васъ здѣсь.

Тóуэръ поклонился и вышелъ.

— Милая Амалія, продолжала Октавія: мы уѣдемъ вмѣстѣ. Твоей свадьбѣ не бывать. Я беру на себя уговорить твоего опекуна.... Мы оставимъ этихъ коварныхъ людей въ Бенгаліи, странѣ, созданной для чудовищъ!

— Да, да, вскричала Амалія, мы уѣдемъ вмѣстѣ. Тѣ, которыхъ мы любили, недостойны насъ, и я никогда не выйду за человека, котораго не люблю.

Дверь открылась и показалась одна половина мистера Тóуэра.

— Вотъ письмо къ вамъ, сказалъ онъ: пока вы будете читать, я пойду собирать свѣдѣнія.

Амалія взяла письмо, адресованное къ ней, посмотрѣла на почеркъ и печать. Оно было запечатано англійскимъ гербомъ, какъ будто официальная депеша.

— Читать? — спросила она робко Октавію.

— Въ нашемъ положеніи ничѣмъ не должно пренебрегать, мой ангель.

— Посмотримъ.... письмо отъ полковника Дугласа.

— Онъ, вѣроятно, приглашаетъ тебя на твою свадьбу.... Прочтемъ.

«Миссъ.»

«Богъ мнѣ свидѣтель, что часъ, въ который я пишу это письмо, счастливѣйшій часъ моей жизни....»

— Лицемѣръ! сказала Амаля, смявъ письмо: мнѣ хочется разорвать это письмо и отослать ему ключи....

— Не смѣши,—продолжай, Амаля: по этому письму мы еще болѣе узнаемъ мужчинъ....

«Я рѣшился открыться вамъ во всемъ. Два года уже я люблю молодую Англо-индiянку, миссъ Аринду, дочь Наббоба Сура-Бердара....»

— Какая дерзость! вскричала Амаля. Октавія, какъ низки женщины!

— Да.... каковъ женихъ, повѣряющій невѣстѣ любовныя птритги?

— Ты увидишь, Октавія, что онъ скажетъ, что для меня жертвуетъ этой любовницей....

— На-время.... на медовой мѣсяцъ.... послѣ опять сблизится... Продолжай....

— Октавія, я ничего не вижу.... Глаза мои помутились.... Читай, Октавія, это оскорбительное письмо.

Графиня взяла письмо и продолжала:

«Если-бъ я увидалъ васъ прежде ее, то ничто не отвлекло-бъ меня отъ васъ....»

— Лжець!

«Но когда я увидѣлся съ вами въ Смирнѣ, когда я нашелся вынужденнымъ согласиться на бракъ, устроенный безъ нашего согласія, то сердце и слово мое принадлежали уже другой. Это объяснить вамъ странность моихъ поступковъ. Явное отвращеніе ваше отъ этого брака позволяло мнѣ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе. Я чувствовалъ, что мы окажемъ себѣ взаимную услугу, расторгнувъ цѣнь, которую сковали для насъ другіе, не посовѣтовавшись даже съ нами.

«Сегодня, миссъ, я возвращаю вамъ свободу....»

— Ахъ! Боже мой! вскричала Амаля: что это онъ пишетъ?

— Пстой, стой, отвѣчала Октавія, съ нѣкоторымъ волненіемъ.

«Я возвращаю вамъ свободу. Свадьба моя, замедленная тапштвенными обстоятельствами, которыя вы узнаете сегодня вече-

ромъ, будетъ завтра. Я женюсь на миссъ Ариндѣ, благороднѣйшей дѣвицѣ Бенгаліи, и, слѣдовательно, сестрѣ вашей, потому что вы благороднѣйшая дѣвица прекрасной вашей родины.

— Онъ женится на ней! вскричала Амадія, радостно вскочивъ и обнявъ Октавію.

— Какая ты безрасудная! — сказала Октавія, въ которой пробуждались прежнія ощущенія: — выслушай сперва до конца... Вѣдь мы не все прочитали.

— Что мнѣ въ концѣ! Онъ женится на своей Ириндѣ, Эриндѣ, Арундѣ... Какъ ее тамъ зовутъ!... Это главное. До конца мнѣ дѣла нѣтъ.

— Но развѣ отъ этого графъ Жиль будетъ прежнимъ благороднымъ, постояннымъ молодымъ человѣкомъ!

— Нѣтъ, Октавія; но я свободна.

— Дай мнѣ дочитать, сказала Октавія съ странною холодною.

— Какъ хочешь.

«Надѣюсь, миссъ, что пока вы будете въ Бенгаліи, жена моя будетъ вашимъ другомъ. У меня есть какое-то предчувствіе, что вы долго проживете въ Бенгаліи. Сегодня вечеромъ я, официальнымъ образомъ, явлюсь къ вашему опекуну, которому дана полная воля распоряжаться по своему благоумотрѣнію; я явлюсь къ нему, чтобы просить вашей руки...»

— Октавія! вскричала Амадія: что ты тамъ читаешь? Онъ женится на своей Индіанкѣ, и хочетъ просить моей руки?... Ты, вѣроятно, что нибудь пропустила, иначе....»

— Читай сама; читай, вотъ письмо... ты не пропустишь ни одной фразы, сухо отвѣчала Октавія.

Амадія взяла письмо и стала читать:

«Вы, вѣроятно, уже угадали имя благороднаго молодого человѣка, желающаго посвятить вамъ жизнь свою. Онъ ввѣрился мнѣ сегодня утромъ, послѣ ужасной ночи, въ которую онъ болѣе двадцати разъ спасалъ мнѣ жизнь. Теперь намъ позволено быть нескромными. Шайка убійцъ уничтожена въ Думаръ-Лейнѣской долинѣ. Такимъ-образомъ вы принимаете радостное участіе въ рѣшительной нашей побѣдѣ, не раздѣливъ ни безпокойствъ, ни опасностей нашихъ. Сэръ Эдуардъ и графъ Пиларъ поступали, какъ герои. Первый достоинъ быть вашимъ другомъ, а второй — супругомъ.»

Амадія опустила руки и пристально посмотрѣла на Октавію,

походившую на статую съ живыми глазами, въ которыхъ горѣлъ свѣръхъ-естественный огонь.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Октавія небрежно протянула руку къ Амаліи и сдѣлала знакъ, чтобы она продолжала. Амалія стала опять читать слабымъ, взволнованнымъ голосомъ:

«Это вамъ объяснять вещи, которыя вчера показались необъяснимыми. Такъ, на-примѣръ: когда мы должны были выслать отсюда съ грубою вѣжливостію графиню Октавію, прося ее искать пристанище въ другомъ мѣстѣ, то это было по тому, что, къ сѣру Эдуарду съ дерева слетѣло извѣстіе, что враги, которыхъ мы въ прошедшую ночь истребили, готовятся напасть на Нербудду. Впрочемъ, сегодня вечеромъ мы подробнѣе расскажем всю исторію нѣсколькихъ протекшихъ дней. Какою признательностію вы обязаны великодушному сѣру Эдуарду, не побоявшемуся навлечь на себя вашъ гнѣвъ, вашу ненависть, ужасныя обвиненія, и все для того, чтобы не измѣнить тайнѣ нашихъ почей. Вы видите, что я все знаю. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, когда вы проклинали сѣра Эдуарда, онъ употреблялъ героическія усилія, чтобы спасти графа Жилия, попавшагося въ плѣнъ къ убійцамъ.

Октавія вскрикнула, поспѣшно встала, всплеснула руками и черезъ плечо Амаліи взглянула на письмо.

Амалія, съ усиліемъ удерживающая слезы, передала письмо Октавіи.

Молодая женщина внимательно прочла послѣднія строки и сказала глухимъ голосомъ:

— За этими словами слѣдуютъ обыкновенныя формулы вѣжливости.... Амалія, будь хладнокровнѣе.... спокойнѣе.... Бери съ меня примѣръ.... Что ты скажешь?... Не правда-ли, это ужасно?...

Амалія задумчиво покачивала головой, но по глазамъ ея было видно, что внутренняя радость, радость восторженная, побѣдила всѣ прочія ощущенія.

Октавія тайкомъ утерла глаза и стала перечитывать письмо.

Подъ окнами раздались звуки индѣйскихъ трубъ, и ципан кричали:

— Ура полковнику Дугласу!

Амалія и Октавія подбѣжали къ окну и увидѣли зрѣлище, вполне подтверждавшее письмо полковника.

Плѣнные Тѣги проходили по главной улицѣ селенія, сопровождаемые англо-индѣйскими солдатами. Страшно было взглянуть на побѣдителей и побѣжденных; исторія прошедшей ночи бы-

ла написана на обнаженномъ тѣлѣ желѣзными ногтями. Лицъ нельзя было разсмотрѣть подъ маской пыли и запекшейся крови.... ноги ихъ оставляли на землѣ красные, кровавые слѣды....

Когда побѣдители и плѣнники прошли, восклицанія народа усеялись.... На концѣ улицы показались три всадника, проскакавшіе съ быстротою; не-смотря на то, толпа узнала и привѣтствовала ихъ.... Изъ всѣхъ сосѣднихъ кіосковъ посыпались на нихъ цвѣты.

Передъ гостиницей, другая толпа слѣдовала за человѣкомъ, продававшимъ прокламаціи, на двухъ языкахъ, слѣдующаго содержанія.

«Дворянство и народъ извѣщаютъ, что завтра, въ Руджѣ, будетъ большое празднество, въ честь побѣды, одержанной въ прошлую ночь, полковникомъ Дугласомъ Стаффордъ въ Думаръ-Лейпсской долигѣ.

«Полковникъ Дугласъ Стаффордъ узналъ, что набиралось новое войско Тоговъ, для возобновленія несчастной, давно угасшей войны, которая не будетъ уже болѣе беспокоить мирныхъ торговцевъ и земледѣльцевъ Бенгальскихъ.

«Отрядъ былъ отправленъ на мѣсто сборища варваровъ. Последніе Тогои истреблены; между плѣнными находится начальникъ ихъ, старый Сингъ.»

Полковникъ Дугласъ зналъ, что невозможно будетъ скрыть военныхъ дѣйствій, а потому, не желая таинственностію обезпечить народъ, онъ поспѣшилъ сдѣлать ихъ гласными. Сверхъ того онъ надѣялся, что въ его округѣ Думаръ-Лейпсская битва навсегда истребила Тоговъ и, слѣдовательно, могла имѣть благодѣтельные послѣдствія и на другія отдаленнѣйшія шайки.

Волнуемая безпокойствомъ и различными ощущеніями, Октавія предалась одной мысли, овладѣвшей всѣмъ умомъ ея.

— Боже мой! думала она, увидѣвъ со всѣхъ сторонъ доказательство невинности Эдуарда: съ какою ужасною и несправедливою жестокостію я поступила съ человѣкомъ, рисквавшимъ жизнию, чтобы защитить меня ночью, въ лѣсу!

Октавія, подобно безумной, безпрестанно повторяющей одну и ту-же фразу, не находила болѣе другихъ словъ, для выраженія другихъ идей; она повторяла восклицаніе свое съ улыбкой и со слезами, и обращалась съ нимъ въ видѣ вопроса къ Амаліи, которая въ весьма-естественномъ эгонстическомъ восторгѣ, не отвѣчала ей.

Появленіе мистера Тбуэра успокоило нѣкоторымъ образомъ Октавію:

— Mesdames, сказалъ опекунъ подь оконномъ, ставъ въ позицію: — mesdames, Лендмордъ далъ мнѣ адрессъ къ мистеру Фрэнсису Грину, агѣнту пароходства. Онъ имѣеть списокъ всѣхъ кораблей и пароходовъ, готовящихся къ отплытію. При каждомъ наименованіи корабля находите прелестно-награвированный планъ его, со всевозможными подробностями.... Удивительно какъ хорошо придумано....

— Какъ это кстати! сказала Октавія, нетерпѣливо.

— Чтѣ вы изволили сказать? спросилъ Тбуэръ, остолбѣвъ.

— Продолжайте, продолжайте, мистеръ Тбуэръ, отвѣчала Октавія, опустивъ руки.

— Вотъ, чтѣ я открылъ, по счастливому случаю, потому что это было въ концѣ реэстра, послѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ листовъ.... не трудно было пропустить; я открылъ, что чрезъ шесть дней корабль *Индусъ*, подъ начальствомъ капитана Годфруа, отправляется изъ Бомбай въ Марсель, приморскій городъ Франціи, какъ вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно. Завтра изъ Руджъ въ Бомбай отходитъ конвой — неправда-ли, какъ все это писать?... Вы не повѣрите, графиня, прибавилъ Тбуэръ, платкомъ утирая съ лица потъ: — сколько мнѣ это стоило хлопотъ. Жаръ нестерпимый; всѣ спятъ; надо было постучаться у двадцати дверей прежде, нежели я нашель самага мистера Фрэнсиса Грина. Онъ былъ очень-любезенъ. Онъ, съ перваго взгляда, видный мужчина, но немножко тривиаленъ. Я разговаривалъ съ его женой, мистрисъ Гринъ; она живая и бойкая Креолочка. Она пустилась было кокетничать со мною, но я хорошо знаю женщинъ, и былъ съ нею такъ холодно вѣжливъ, что она немножко опомнилась. Словомъ, графиня, мы можемъ ѣхать. Конвой готовъ, корабль ѣдетъ. *Индусъ*, говорятъ, прекрасно устроенъ и на немъ общество самое порядочное. Мистеръ Фрэнсисъ Гринъ сказалъ мнѣ: возьмите мѣсто на *Индусъ*, останетесь довольны. Слѣдовательно, рѣшено, мы садимся на *Индусъ*.

— Кончили вы вашу рѣчь? спросила Амалія, небрежно играя опахаломъ.

— Кончили, миссъ,

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ позвольте вамъ сказать, что мы не поѣдемъ на *Индусъ*!

— Ба!

— Мы не ѣдемъ.

— Совѣмъ не ѣдете?

— Мы остаемся, мистеръ Тоуэръ.

— Графиня и вы, миссъ?

— Я остаюсь, это рѣшено. Спросите Октавію, какъ она хочетъ.

— Я сегодня вечеромъ дамъ отвѣтъ, сказала Октавія, погрузившись въ размышленія.

— А что же скажетъ мистеръ Фрэнсисъ Гринъ? спросилъ Тоуэръ съ безмысленнымъ видомъ.

— Что ему будетъ угодно, отвѣчала Амалія: мнѣ до него дѣла нѣтъ!

— Извините, миссъ, сказалъ Тоуэръ умоляющимъ голосомъ: я, можетъ-быть, оскорбилъ васъ тѣмъ, что рассказывалъ про мистриссъ Гринъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей мистриссъ Гринъ и другихъ надѣйскихъ креолокъ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, миссъ, не шути, я никогда не утѣшусь, если....

— Утѣштесь-же, сказала Амалія голосомъ, исполненнымъ очаровательнаго выраженія, заставившимъ мистера Тоуэра задрожать отъ удовольствія: да, точно, мнѣ было немножко досадно, когда вы заговорили о мистриссъ Гринъ; но я вижу ваше раскаяніе и прощаю вамъ.

Тоуэръ вѣжко подѣловалъ руку молодой дѣвушки; потомъ, выпрямившись съ гордостью побѣдителя, онъ сказалъ:

— Миссъ, по истинѣ, я все еще не знаю, въ чемъ провинился, не-смотря на то, что такъ хорошо знаю женщинъ.

— Да, это правда, мистеръ Тоуэръ: вы знаете женщинъ такъ, какъ никто ихъ не знаетъ, сказала Октавія повеселѣвъ.

— Надѣюсь....

— Не надѣйтесь, мистеръ Тоуэръ; позвольте другимъ надѣяться за васъ.

Тоуэръ съ скромностію опустилъ глаза и кончиками пальцевъ сталъ сгонять съ лѣваго рукава своего чорнаго фрака небывалыя пылинки.

— Что мнѣ особенно нравится въ васъ, мистеръ Тоуэръ, сказала Амалія, кокетничая предъ нимъ: — такъ это ваша доброта и услужливость.

— Миссъ, истинный джентльмэнъ долженъ быть невольникомъ женщинъ...

— Правда-ли, мистеръ, что министръ позволилъ вамъ распо-

ряжаться моею судьбою по вашему благоусмотрѣнію? спросила Амалія.

— А! позвольте, позвольте, сказалъ Тóуэръ, употребляя всевозможныя усилія, чтобы лукаво улыбнуться: — распорядиться по благоусмотрѣнію... Это слишкомъ много!... Я могу распорядиться, но только по дѣламъ опеки...

— А скажите, спросила Амалія, слегка тронувъ его по подбородку опахаломъ: если-бы мнѣ, на-примѣръ, выдти за васъ, можете-ли вы дать мнѣ на это ваше согласіе?

— Очаровательно! плѣнительно! вскричалъ Тóуэръ, все еще стараясь лукаво улыбнуться. Какой милый характеръ! Когда я ушелъ, вы находились въ глубокомъ отчаяніи; я возвращаюсь, вы веселы, какъ нельзя-болѣе...

— Въ ваше отсутствіе, я много думала... Но вы не дали мнѣ еще отвѣта, мистеръ Тóуэръ.

— О чемъ-же вы думали въ мое отсутствіе?.. Я быюсь объ закладъ, что вы говорили обо мнѣ.

— Только объ васъ.

— О! я знаю женщинъ!

— Это мы знаемъ, сказала Октавія:—отвѣчайте лучше на вопросъ Амаліи.

— Вопросъ миссъ Амаліи, отвѣчалъ Тóуэръ, прищуривъ глаза:—довольно затруднителенъ. . Да, я могу распорядиться, какъ опекунъ... но, вотъ бѣда! я не знаю, далеко-ли простирается власть опекуна .. потому-что, извольте видѣть, опекунъ можетъ подвергнуться упреку, что онъ воспользовался неопытностью молодой дѣвицы и своимъ положеніемъ, чтобы овладѣть сердцемъ ея... Большое затрудненіе и большая отвѣтственность. Конечно, если разсудить хорошенько, такъ мы теперь въ Бенгаліи и однимъ прыжкомъ можемъ переселиться въ голландскія владѣнія или на одинъ изъ Зондскихъ острововъ, а тамъ опекуны отдають отчетъ въ поступкахъ своихъ одному Богу. — Тóуэръ опять засмѣялся. — О! съ деньгами и на кораблѣ можно далеко уѣхать... Впрочемъ, гдѣ-же тутъ преступленіе?... Кто отъ этого пострадаетъ?... Молодая дѣвица влюблена въ своего опекуна... Это одно предположеніе... Развѣ опекуны не люди? Браки должны заключаться по обоюдному согласію. Это неопровержимо.

— Неоспоримо! сказала Октавія.

— Несомнѣнно! прибавила Амалія.

Тóуэръ, по случаю важнаго обстоятельства, принялъ дипломатическій видъ свой.

— Слѣдовательно, продолжала Амалія, если-бъ было обоюдное согласіе, то я могла-бъ выдти за васъ, мистеръ Тбуэръ?

Мистеръ Тбуэръ растопырилъ руки, поднялъ плечи и опустилъ голову.

— Тѣмъ скорѣе вы можете дать ваше согласіе другому человеку, который сталь-бы просить руки моей и за котораго я согласилась-бы выдти.

— Точно! отвѣчалъ Тбуэръ, слишкомъ увѣренный въ побѣдѣ своей и не обративъ особеннаго вниманія на послѣднія слова Амаліи.

— Потрудитесь-же прочесть внимательно это письмо полковника Дугласа.

Тбуэръ прочиталъ письмо, и дойдя до главнаго пункта, выпрямился и бросилъ строгій взглядъ на молодую дѣвушку.

— Поняли, мистеръ Тбуэръ? небрежно спросила Амалія.

— Какъ! вскричалъ опекунъ: этотъ бездомный графчикъ просить вашей руки! Какая дерзость!

— Не правда-ли?... Я сначала тоже разсердилась, но подумавъ хорошенько, рѣшилась выдти за него.

— Но вѣдь онъ еще мальчикъ, ребенокъ!

— Да, ему, по-несчастью, только двадцать-пять лѣтъ. Это большой недостатокъ; но вѣдь вы знаете, разборчивыя невѣсты остаются въ дѣвницахъ.

— Я виѣ-себя, отъ...

— Войдите опять въ-себя, мистеръ Тбуэръ, сказала Октавія: — и скажете вмѣстѣ Амаліи: выходите за графа дель-Пилара, — видно это воли Божія!

— Вотъ они! радостно вскричала Амалія.

Восклипанія народа раздались подъ самыми окнами гостиницы.

Дверь отворилась и въ комнату вошли полковникъ, сэръ Эдуардъ и графъ Жиль.

Октавія уступила великодушной идеѣ, не совѣмъ согласовавшейся съ приличіями, пошла на встрѣчу къ Эдуарду и протянула къ нему руку, со взглядомъ, которымъ какъ-бы умоляла забыть прошедшее. Эдуардъ притворился, будто не понимаетъ; онъ принялъ этотъ поступокъ, какъ пріятельскую вѣжливость знатной дамы къ короткому гостю.

— Мы, графъ Жиль и я, сказали онъ: — повиновались нашему полковнику. Мы думали посѣтить васъ завтра, но начальникъ

приказалъ — надо было слѣдовать за нимъ. Мы пришли ангажировать дамъ на слѣдующій балъ.

— Дамы согласятся, сказала Октавія съ прелестной улыбкой: — только съ тѣмъ условіемъ, чтобы кавалеры рассказали намъ въ подробности событія прошедшихъ дней.

— Вы хотите сказать ночей, сказалъ Эдуардъ, садясь.

Дугласъ между тѣмъ соединилъ руки Амаліи и графа.

— Простите безцеремонности солдатъ, въ день побѣды, сказалъ онъ: — намъ сегодня некогда. Надобно кончить нѣкоторыя дѣла, отдать приказанія прежде наступленія ночи, написать нѣсколько депешъ, наградить многихъ солдатъ. Не смотря на то, я вамъ пока вкратцѣ расскажу всю исторію. Друзья наши не сумѣли-бъ рассказать вамъ подробностей; они, по разбѣянности, забыли-бъ о себѣ. Я-жъ никого не забуду, ни даже друзей своихъ.

Дугласъ рассказалъ все то, что намъ очень-хорошо извѣстно.

— Мистеръ Тобуэръ, сказалъ полковникъ окончивъ рассказъ; я очень-радъ, что встрѣтилъ васъ здѣсь. Миссъ Амалія, вѣроятно, уже сообщила вамъ мое письмо и вы, конечно, согласилась уже на то, о чемъ просятъ васъ изъ вѣжливости — не правда-ли?

— О! мистеръ Тобуэръ знаетъ также хорошо обязанности свои, какъ и личныя выгоды, сказала Октавія, подошла съ движеніемъ плѣнительнаго кокетства къ опекуну, и пожавъ ему руку: — я ручаюсь за него, онъ первый распишется на контрактѣ.

Тобуэръ, побѣжденный прелестію молодой графини и взглядами, зажигавшими всю внутренность его, сказалъ съ комическимъ волненіемъ:

— Я не хочу и не могу противиться браку миссъ Амаліи, и обѣими руками распишусь на контрактѣ.

— Достаточно одной; другая пригодится мнѣ.

Тобуэръ приосанился.

— Итакъ, до завтрашняго бала! сказалъ Дугласъ, вставая: — еще разъ прошу, простите намъ безцеремонный визитъ. Завтра все будетъ кончено, неправда-ли, графиня Октавія?

— Вес, сказала Октавія, и даже больше.

Съ послѣдними словами она подала руку сэръ Эдуарду.

— Кстати, прибавила она: что дѣлаетъ мой проводникъ, Низамъ?

— Графиня, Низамъ будетъ осчастливленъ, когда узнаетъ, что вы о немъ вспомнили. Это совершенно вылечить его.

— Развѣ онъ боленъ, сэръ Эдуардъ?

— Сегодня утромъ, въ долинь Тоговъ, онъ получилъ въ голову легкую контузію отъ пули; но, по-счастію, у Низамъ мѣд-ная голова; повреждена не она, а пуля, и Низамъ преспокойно трудится въ своей мастерской надъ работою, которую назначаетъ вамъ въ подарокъ.

— Мнѣ, сэръ Эдуардъ? Низамъ назначаетъ мнѣ подарокъ?

— Вамъ, графиня, отвѣчалъ Эдуардъ, улыбаясь съ любовію: Низамъ хочетъ подарить вамъ прелестный будуарный коверъ съ девизомъ, замѣтованнымъ у смирской Сивиллы: *Воспоминаніе великаго или обыкновеннаго подвига, выдуманнаго для того, чтобы поправиться или исполненаго для себя.*

— А! этотъ девизъ мнѣ знакомъ, сэръ Эдуардъ, сказала Октавія со смѣхомъ, нескучно скрывавшимъ внутреннее волненіе: но я не постигаю подарка....

— Онъ очень-просто: это тигровая кожа, съ золочеными когтями и изумрудомъ, величиною въ пуно, посреди лба. Приметели вы подарокъ? спросилъ Эдуардъ голосомъ, исполненнымъ нѣжности: — приметели?

— Приму, сэръ Эдуардъ.

— А фатализмъ?

— Фатализмъ потеряетъ силу.

Послѣ нѣсколькихъ еще словъ, друзья простились съ дамами, повторивъ на всѣ голоса:

— До завтра!

Мнестеръ Тоуэръ округлилъ руку, и полный сладостнѣйшихъ надеждъ, проводилъ молодую вдову до ея покоя.

XX.

БАЛЪ ВЪ БЕНГАЛІИ.

Два слова, — *до завтра!* произнесенныя героями этого разсказа, въ Руджѣ, имѣли весьма-общирное, понятное имъ всѣмъ, значеніе. Они значили, что остатокъ настоящаго дня былъ слишкомъ-

недостаточенъ для приведенія въ исполненіе столькихъ важныхъ дѣлъ.

Готовились три непремѣнныхъ брака, для которыхъ не существовало уже препятствій. Еслибъ дѣйствіе происходило въ Европѣ, то на этихъ двухъ словахъ — *до завтра* — мы могли-бы кончить рассказъ нашъ. Но мы въ Бенгаліи, и что въ Европѣ кажется исполненнымъ, то въ дикой Низамской провинціи можетъ еще встрѣтить многія препятствія.

На обширномъ дворѣ Нербуддскаго жилища, за два часа до солнечнаго заката, азіатскій оркестръ игралъ тяжолыя танцевальныя арии, сочиненныя Англичанами для ихъ баловъ. На пиръ собрались все ближніе и дальніе сосѣди. Свадьба Аринды и побѣда, одержанная полковникомъ Дугласомъ, были обстоятельства слишкомъ рѣдкія и важныя — слѣдовательно, нельзя было не отпраздновать ихъ со всевозможнымъ великолѣпиемъ.

Аринда распорядилась такимъ образомъ, чтобы послѣ открытія бала танцовали до самаго ужина, а послѣ ужина до утра, и все съ восторгомъ приняли это распоряженіе.

Сэръ Эдуардъ, стоя у воротъ жилища, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на дорогу и лѣсъ. По-временамъ полковникъ Дугласъ подходилъ къ нему, и лицо его, радостное при Ариндѣ, возлѣ друга принимало грустное выраженіе.

— Никого! говорилъ Эдуардъ: никого не видать!... Я не понимаю, что дѣлаетъ мой храбрый Низамъ!... Онъ-бы долженъ быть здѣсь.... Теперь Тѳги не занимаютъ его.... Не правда-ли, Дугласъ?

— О! я думаю, Тѳги надолго оставятъ насъ въ покоѣ, отвѣчалъ Дугласъ: они получили порядочный урокъ и лишились стараго Синга. Гарнизонъ свободенъ....

— Что вы намѣрены сдѣлать со старымъ Сингомъ?

— Онъ жалокъ; я велѣлъ его запереть на заднемъ дворикѣ жилища, возлѣ звѣрища. Аринда сказала: *Привезите лишь къ свадьбѣ стараго Синга съ пшеницъ*. Мнѣ удалось исполнить желаніе ея.

— Случай всегда, или почти всегда, помогаетъ намъ, любезный Дугласъ, когда у насъ недостаетъ смѣлости ввѣриться ему; я вамъ недавно говорилъ, что въ важныхъ обстоятельствахъ надобно прежде всего исполнить неизбѣжное, не заботясь объ остальномъ. Взгляните на балъ. Мы не мѣшали миссъ Ариндѣ

распоряжаться въ такое время, когда ничто не предвѣщало намъ возможности счастливой развязки — и что-же? Провидѣніе ежалоилось надъ нами. Миссъ Аринда и гости не подозреваютъ, сколько пренятствій предстояло этому балу!... Мы избавили ее отъ многихъ заботъ!... Но меня онъ все еще преслѣдуютъ.... Низамъ не идетъ.... если-бъ это былъ другой человѣкъ, то я не сталъ-бы беспокоиться.... по Низамъ!... онъ, можетъ-быть, теперь въ Мадрасъ или Бомбаѣ!... Или у капитана Тѣлора, которому предлагаетъ услуги свои противу Тѣговъ, въ другомъ округѣ.... онъ, быть-можетъ, уже соскучился здѣсь, такъ-какъ война кончена!..

— Но развѣ онъ вамъ такъ нуженъ, любезный Эдуардъ?

— Нуженъ-ли онъ мнѣ? Вотъ вопросъ!... Болѣе, нежели когда-либо!... Любезный Дуглэсъ, слышите-ли вы эту индо-китайскую разладицу, которую оркестръ разыгрываетъ на *биклахъ*, *лосахъ*, *ситарахъ*, *джеретахъ*? Это было-бы очень-интересно на какомъ-нибудь европейскомъ театрѣ или публичномъ гуляньи, для рѣдкости, а то здѣсь я подвергаюсь опасности вторично лишиться графини Октавіи, если мы ее примемъ съ этимъ адекимъ шумомъ. Я жду съ-минуты-на-минуты графиню...

— Это прекрасно, любезный Эдуардъ, но я все еще не понимаю, что тутъ можетъ сдѣлать Низамъ?

— Низамъ сыгралъ-бы на фортепьяно все контрдансы, полученные миссъ Ариндой изъ Парижа. Можете-ли вы представить себѣ радость Октавіи, если-бъ мы встрѣтили ее кадрилию изъ *Фра-Дьяволо!*

— Вы правы, Эдуардъ.... но можно обойтись и безъ Низама.... я попрошу миссъ Аринду....

— Не просите, Дуглэсъ, не надо. Миссъ Аринда танцуетъ. Притомъ-же мы условились, что она приметъ графиню.

— Но, быть-можетъ, Низамъ отъ скуки пошелъ осматривать посты, оставленные мною изъ предосторожности въ дѣбу.

— Нѣтъ, Дуглэсъ. Этотъ родъ прогулокъ не въ характерѣ Низама. Онъ слишкомъ гордъ. Онъ не позволитъ индѣйскому солдату никакой фамильярности съ собою.... Отсутствіе его беспокоитъ и раздражаетъ меня.... Дуглэсъ, когда наступитъ ночь, мы, какъ по обыкновенію, запремъ двери и окна. Дворъ, на которомъ танцуютъ, обширенъ, и тамъ нечего бояться ночнаго нападенія....

— Что съ вами, Эдуардъ? спросилъ Дуглэсъ, громко засмѣявшись: вы дѣлаетесь осторожны, когда опасность миновалась. Тѣмъ побиты, старый Сингъ ихъ въ плѣну; триста солдатъ въ лѣсу....

— Да, да, Дуглэсъ, это успокоительно, я согласенъ съ этимъ... но надо заботиться о безопасности женщинъ... я не беспокоюсь ни за себя, ни за васъ....

— Любовь дѣлаетъ васъ трусомъ.

— Именно, Дуглэсъ. При одной мысли, что Октавія проведетъ ночь въ Нербуддѣ, я становлюсь трусомъ или осторожнымъ, что часто одно и тоже.

Миссъ Аринда, жаловавшаяся на продолжительное отсутствіе Дуглэса и Эдуарда, послала за ними слугу. Друзья воротились къ танцовавшимъ. Безконечная англійская кадрили, въ которой по одну сторону стоятъ дамы, а по другую кавалеры, выдѣлывающіе экспромптомъ странныя фигуры, можно было принять за огромную, живую игру въ шахматы.

Въ то самое время, когда Эдуардъ пересталъ ждать и беспокоиться, явилась графиня Октавія и съ граціозной, очаровательной улыбкой окинула всю залу....

Танцоры внезапно остановились и устремили глаза на прелестную иностранку.... Оркестръ умолкъ, чтобы внимать мелодическимъ звукомъ пѣвучаго голоса....

Дуглэсъ и Эдуардъ поспѣшили къ ней на-встрѣчу; Октавія опустила руку Жили, съ которымъ вошла въ залу, и привѣтливо обратившись къ двумъ друзьямъ, сказала съ милою живостію:

— Полковникъ, за-чѣмъ прекратились танцы? Ваша бальная зала прелестна; цвѣты, зелень, фонтаны... неслыханный оркестръ! Все это чрезвычайно-оригинально!... Сэръ Эдуардъ, что-же вы не танцуете?

— Я васъ ждагъ, графиня.

— О! вы слишкомъ много требуете! Мы только что изъ паланкиновъ; Амалія осталась на террасѣ съ Тѣуэромъ. Она въ восторгѣ отъ дѣшняго мѣстоположенія. Мнѣ оно уже знакомо, и я не люблю два раза восхищаться однимъ и тѣмъ-же. Полковникъ Дуглэсъ, представьте-же меня молодой хозяйкѣ дома.... Я бьюсь объ закладъ, что узнаю ее.... Эта та дѣвица, у которой бѣлые цвѣты въ прекрасныхъ черныхъ волосахъ, и которая смотритъ на насъ такими большими выразительными глазами.

— Это миссъ Аринда, вы не ошиблись, сказалъ полковникъ, удаляясь съ графомъ Жилемъ.

- О! я былъ увѣренъ, сказалъ Эдуардъ съ тонкой улыбкой, что графиня Октавія не ошибется.
- Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія, слегка ударивъ Эдуарда опухаюмъ по рукѣ: — вы съ намѣреніемъ сдѣлали это замѣчаніе?
- Если-бъ вы въ томъ сомнѣвались, то не спросили-бъ меня.
- Вотъ забавно! Я спрашиваю, потому-что сомнѣваюсь.
- Въ такомъ случаѣ замѣчаніе мое сдѣлано съ намѣреніемъ. Вы узнали миссъ Ариаду, потому что видѣли ее со мною, въ одно утро.
- Правда, но довольно, сэръ Эдуардъ: не будемте больше говорить объ этомъ. Выкиньте изъ ума прошедшее.
- Весь мой умъ принадлежитъ будущему.
- Оставьте хоть не много настоящему.
- Настоящее не существуетъ.
- Что-же мы теперь дѣлаемъ?
- Проходимъ.
- Я, въ-самомъ-дѣлѣ, примѣчаю, что весь умъ вашъ принадлежитъ будущему.
- А я примѣчаю, графиня, что вы дарите мнѣ одно прошедшее.
- Боюсь фатализма.
- Напрасно, днемъ онъ не страшень; погодите солнечнаго заката.
- Сэръ Эдуардъ, вы не заслуживаете быть счастливымъ. Не фатализмъ, а вы сами себя преслѣдуете....
- Въ Смирнѣ, вы мнѣ почти тоже сказали и также на балу, при звукахъ оркестра....
- Въ Смирнѣ я не была некренна....
- Докажите теперь вашу искренность.
- Развѣ вы забыли, сэръ Эдуардъ, что вчера я приняла подарокъ Низама?
- Вы сегодня явились сюда съ такимъ беззаботно-веселымъ видомъ, что я невольно подумалъ, что вы все забыли.
- Какъ странны мужчины! Не правда-ли, сэръ Эдуардъ, чтобы поправиться вамъ, надо было смотрѣть только на васъ, говорить только съ вами? Вы несправедливы, сэръ Эдуардъ!
- Графиня, я люблю васъ.
- Отложимте этотъ разговоръ до завтра, сэръ Эдуардъ.
- Опять до завтра!
- Настоящее не существуетъ.

Всѣмъ за этими словами кончилась кадрили. Полковникъ Дугласъ подводилъ Аринду къ Октавіи и въ тоже время съ другой стороны вошли Амалия съ Тобуэромъ и Набобомъ.

Между-тѣмъ-какъ они знакомились, мѣняясь европейскою вѣжливостію и индѣйскимъ радушіемъ, Эдуардъ удалился опять къ воротамъ и сталъ ждать Низама.

— Какая женщина! думалъ онъ: какая женщина! Если-бы голова моя была немножко послабѣе, то я давно сошелъ-бы съ-ума съ этимъ демономъ! Сколько мученій претерпѣлъ я изъ любви къ этой графинѣ.... Какая женщина!...

Мистеръ Тобуэръ явился на балъ индѣйскихъ поселенцевъ въ въ полномъ костюмѣ лондонскихъ баловъ и важно расхаживалъ между группами креолокъ, какъ-бы выбирая цвѣтокъ въ богатомъ разсадникѣ. Такимъ-образомъ онъ былъ увѣренъ, что вся грація и стройность его бросятся въ глаза индѣйскимъ красавицамъ. Когда онъ разсудилъ, что все женщины и дѣвушки успѣли насмотрѣться на него, то сорвалъ вѣточку *yucca gloriosa*, съ колокольчиками, и поднесъ ее графинѣ, съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ фамиллярностію, желая тѣмъ дать нѣкоторую идею о сношеніяхъ своихъ съ графиней, прочимъ дамамъ бала.

Ночь наступала; миссъ Аринда, легкая и живая, какъ бенгальская птичка, взяла подъ-руки Октавію и Амалию, чтобы проводить ихъ въ столовую.

За ужиномъ главнымъ предметомъ разговоръ была недавняя побѣда, одержанная надъ Тогоми. Поселенцы, для которыхъ весьма-важно было спокойствіе, осыпали Дугласа вопросами, на которые онъ отвѣчалъ весьма-удовлетворительно.

Дугласъ и Эдуардъ часто мѣнялись взглядами и знаками, понятными имъ однимъ.

Послѣ ужина миссъ Аринда встала, чтобы сдѣлать сюрпризъ гостямъ. Она вышла въ сосѣднюю комнату, сѣла за фортепьяно, и, при первыхъ звукахъ, все гости встали съ радостными кликами и окружили молодую артистку, царицу Нербудды.

Эдуардъ, не на-шутку озабоченный непостижимымъ отсутствіемъ Низама, распорядился такимъ образомъ, какъ-будто-бы Думаръ-Лейнская война не потребила Тоговъ этого округа. Воспользовавшись развлеченіемъ, произведеннымъ звуками инструмента, онъ заперъ ворота и ставни нижнихъ этажей; увѣрившись, что все было въ порядкѣ и безопасности, онъ пересталъ страшиться за свою графиню Октавію; потому-что, если сотня

спасшихся Тóговъ и вздумала-бъ напасть на жилище, то при первой тревогѣ, при первомъ сигналѣ, вышли-бъ изъ лѣсу сто-рожившіе тамъ солдаты.

Полковникъ Дуглэсъ, вполне полагавшійся на Эдуарда, препоручилъ ему принять все мѣры предосторожности, а самъ, чтобы не возбудить подозрѣній, сталъ за стуломъ Аринды и перевертывалъ ноты.

Одинъ взглядъ, котораго ничто не могло обмануть, одинъ слухъ, отъ котораго ничто не могло ускользнуть, не былъ обращенъ къ молодой артисткѣ, не внималъ мелодіи инструмента. Графиня Октавія не терала сэра Эдуарда изъ виду и слѣдила за всеми движеніями его; она различала тихій шумъ таинственно-осторожныхъ шаговъ его, и неясное безнокойство овладѣло ею при видѣ этихъ странныхъ и необъяснимыхъ поступковъ.

Мистеръ Тóуэръ, стоя возлѣ фортепьяно, фальшиво билъ тактъ пальцами и принималъ восторженный видъ, слегка покачивая головою и бросая взгляды, исполненные любви, на Октавію.

Вдругъ голова его стала неподвижна, шея вытянулась и мутные глаза выразили изумленіе.

Графиня Октавія, таинственно поднявъ головку, смотрѣла на мистера Тóуэра, и указательный палецъ ея, скрытый въ локонахъ и незамѣченный никѣмъ, исключая опекуна, то сгибался въ занятую, то выпрямлялся восклицательнымъ знакомъ, и подзывалъ Тóуэра.

Опекунъ искусно скрылъ весьма-естественную радость подъ серьезно-дипломатической маской, и едва-замѣтнымъ образомъ кивнулъ головою. Онъ медленно отдѣлился отъ группы, въ которой находился, и отошелъ, съ видомъ любителя, желающаго найти уединенный уголокъ, болѣе приличный музыкальному восторгу и вниманію.

Миссъ Аринда, возбужденная похвалами, съ индѣйскою живою разыгрывала свои партитуры; полковникъ Дуглэсъ, сначала разсѣяннъ и съ безнокойствомъ перевертывавшій ноты, былъ увлеченъ граціей своей очаровательной невѣсты, забылъ Низама, Эдуарда, Тóговъ, весь міръ, и вполне предался прелестямъ упоительной ночи, свѣтомъ звѣздъ и благоуханіями цвѣтовъ своихъ украшавшей садъ, по которому разносились гармоническіе звуки.

— Дайте мнѣ вашу руку, мистеръ Тóуэръ; я хочу пройтись съ вами по галереѣ, сказала Октавія опекуну, когда тотъ, по-

слѣ многихъ оборотовъ и круговъ, весьма-искусно, по мнѣнію его, расположенныхъ, подошелъ къ ней....

— Я весь къ вашимъ услугамъ, графиня.... Я былъ принужденъ, какъ вы сами позволили видѣть, поступить съ крайнею осторожностью, потому-что.... отъ-того-что.... о! я въ этихъ дѣлахъ весьма-опытенъ.... Знаете, молодые люди такъ легкомысленны, что по первому знаку женщины....

— Хорошо, хорошо, мистеръ Тбуэръ. О! вы не легкомысленны!... Я должна признаться вамъ, мистеръ, что не слишкомъ большая охотница до фортепяно, когда звуки его не спиваются съ пѣніемъ.

— Я самъ именно то-же думалъ, когда вы сдѣлали мнѣ знакъ....

— Притомъ-же, мнѣ кажется, что здѣсь ужасно-жарко....

— Удушливо-жарко, графиня, особенно мнѣ, явившемуся въ европейскомъ костюмѣ, приличномъ для бала, на которомъ столько дамъ; всѣ эти молодые люди рѣшительно не имѣютъ никакого понятія о приличіи, являясь на балъ въ небрежномъ костюмѣ здѣшнихъ поселенцевъ. Это, просто, неблагопристойно.

Октавія вышла съ Тбуэромъ въ сѣни, гдѣ Эдуардъ принималъ мѣры предосторожности, о которыхъ мы уже упоминали.

— Что это, сэръ Эдуардъ! сказала она съ притворнымъ равнодушіемъ: вы бѣжите отъ музыки и музыкантовъ? Это меня удивляетъ; я считала васъ бѣлымъ любителемъ искусствъ.

— Въ отсутствіе Дугласа, графиня, сказалъ Эдуардъ, нѣсколько смущенный:— я отдаю нѣкоторыя приказанія слугамъ; впрочемъ, я сейчасъ хотѣлъ воротиться въ залу, чтобы послушать игру миссъ Арипды.

Мистеръ Тбуэръ торжествующимъ видомъ смотрѣлъ на Эдуарда.

— Сэръ Эдуардъ, продолжала графиня:— эта дверь заперта, будто дверь въ крѣпость; ночь должна быть прелестна; я-бы охотно вышла прогуляться на террасу съ мистеромъ Тбуэромъ.

— Какъ можно, графиня! вскричалъ Эдуардъ, притворно засмѣявшись:— мы здѣсь не во Франціи, а въ центрѣ Бенгаліи. Вы забываете, что тамъ, близъ фермъ, есть сосѣди, которые не ходятъ на ягнятъ.

— Мистеръ Тбуэръ не боится этихъ сосѣдей; не правда-ли, мистеръ?

— Я ничего не боюсь, графиня, отвѣчалъ Тóуэръ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: — когда бываю съ дамами.... однакожь....

— Однакожь.... вы всего боитесь, сказала Эдуардъ.

Тóуэръ съ гордостію поднялъ голову.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось посмотрѣть, встала-ли звѣзда ваша, о которой мы говорили, нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Въ эту ночь, графиня, сказала Эдуардъ съ устрашительно-серьезнымъ видомъ: — дѣла этого міра не позволяютъ мнѣ взглянуть на небо.

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія, нѣсколько смущенная: — я, кажется, угадываю ваши слова, исключая послѣдней фразы....

— Отъ чего, графиня? замѣтилъ Тóуэръ. Смысль словъ сэра Эдуарда, по моему мнѣнію, очень ясенъ. У сэра Эдуарда въ этомъ мірѣ ужасно много дѣлъ, слѣдовательно....

— Мистеръ Тóуэръ, прервала его Октавія: вы ничего не поняли. Въ-самомъ-дѣлѣ, сэръ Эдуардъ, продолжала молодая вдова, голосомъ, исполненнымъ нѣжности: — съ вами происходитъ что-то необыкновенное. Лицо ваше не повинуется болѣе вашей мужественной волѣ; оно выражаетъ таинственныя чувства, которыя вы тщетно стараетесь скрыть въ глубинѣ вашего сердца; въ душѣ вашей происходитъ жестокая борьба, проявляющаяся и въ чертахъ вашихъ. Ваша веселость слишкомъ-неестественна; кровь ваша взволнована... словомъ, вы уже не тотъ сэръ Эдуардъ, котораго я знаю. Что съ вами? Отвѣчайте.

— Графиня, отнимите у міра женщину и наступающую ночь, и я буду прежній сэръ Эдуардъ.

— Какимъ тономъ вы это говорите! Пойдемте, пойдемте, прибавила Октавія съ волненіемъ: — пойдемте въ залы. Музыка возвратитъ вамъ вашу твердость. Я буду пѣть. Да, я спою одну изъ вашихъ любимыхъ арій — какую-нибудь прекрасную каватину изъ *Танкреда* или изъ новой оперы *Робертъ*.... Повинуйтесь же, сэръ. Пойдемте.

Эдуардъ послѣдовалъ за графиней, которая заняла мѣсто у фортепьяно.

— Графиня хочетъ заставить меня ревновать, думалъ Тóуэръ: это очевидно. Я знаю женщинъ!... Но она не на того пала; я вѣдь самъ хитеръ; притворюсь, будто ничего не примѣчаю. Она въ моихъ рукахъ и не скоро вырвется!

Наступило глубокое молчаніе. Октавія поцѣловала миссъ Аринду, граціознымъ движеніемъ откинула назадъ локоны, окинула

улыбающимся взоромъ все собраніе, и опустивъ пальцы на клавиши, заиграла большую арію четвертаго дѣйствія *Робертъ-Дьявола*, исполненію мелодіи, прелести и страсти.

Чудный голосъ молодой вдовы разносился по залѣ, и распространяясь вдаль, посреди глубокаго молчанія, заставлялъ трепетать отъ удовольствія индѣйскихъ солдатъ, засѣвшихъ въ лѣсной чашѣ.

Эти дѣти Бенгаліи, сыны природы, принимая звуки инструмента и дивное пѣніе молодой женщины за голосъ неба, никогда еще не ощущали такого удовольствія; они мало-по-малу приблизились къ жилищу, какъ-бы привлеченные волшебнымъ магнитомъ, и не повинаясь голосу начальниковъ, которые сами какъ-бы неохотно удерживали ихъ. Впрочемъ послѣдняя побѣда, одержанная надъ Тѳаами, извиняла это отступленіе отъ дисциплины, и голосъ графини Октавіи, болѣе могущественный, нежели голосъ долга, привлекъ ихъ почти подъ самыя окна жилища.

Въ промежуткахъ даже слышались радостныя восклицанія стараго Синга, который въ темницѣ своей восхищался мелодіей, какъ-бы сходящей съ неба!

Графиня умолкла; раздались рукоплесканія; лицо сэръ Эдуарда сіяло счастьемъ, глаза его встрѣтились съ однимъ изъ взоровъ Октавіи, въ которыхъ онъ могъ прочесть блаженство цѣлой жизни.

Вдругъ послышался другой голосъ, который, казалось, отвѣчалъ на пѣніе Октавіи съ вершины деревъ сада, и всѣ присутствовавшіе обратили взоры въ ту сторону, откуда слышалась пѣжная индѣйская мелодія... сердца креоловъ радостно забились... на мужественныхъ лицахъ сэра Эдуарда и Дугласа выразился ужасъ...

Эмиръ Бенгадорскій.

«О, если-бъ ты знала, что я тебя обожаю, какъ звѣзда любить небо, какъ пчолка Мизорская любитъ цвѣтокъ, на которомъ рождается медъ, ты пришла-бы, когда засыпаетъ снѣгъ Гаугесъ, ты пришла-бы, мой другъ, подъ розовый кустъ твоего Эмира.

«Тамъ, моя царица, въ ясную ночь, послѣ прекраснаго дня, освѣженные цвѣты, любимые брега, благоухающія деревья, все говоритъ о любви!»

— Ахъ! какъ мило! вскричала Октавія: — кто это соперничаетъ со мною на деревьяхъ? Мелодія прелестна. Я запомни-

ла ее и если будетъ второй куплетъ, то я стану аккомпанировать... Знаете-ли вы этого ночнаго пѣвца, миссъ Арида?

— Миѣ кажется, что это голосъ моего настройщика, отвѣчала Арида.

— Подойдите-жь, сэръ Эдуардъ: вы отошли въ сторону, точно будто-бъ ревнуете таинственному пѣвцу. Вы знаете индѣйскій языкъ, переведите миѣ слова этой пѣсни.

Эдуардъ приблизился, но проходя мимо графа Жилия крѣпко пожалъ ему руку и шепнулъ:

— Станьте въ двухъ шагахъ отъ двери и при первомъ восклицаніи Низама, отойдите ее.

— Графиня, продолжалъ Эдуардъ, подойдя къ фортепиано:— слова индѣйскихъ пѣсень почти все одинаковы. Въ нихъ обыкновенно мужчина говоритъ женщинѣ три слова въ двадцати-четырехъ стихахъ.

— Если эти три слова имѣютъ смыслъ, то достойны перевода, сэръ Эдуардъ.

— Я васъ люблю.

— Это говорится въ пѣсняхъ?

— Которыя я перевожу въ свою пользу.

— Тсъ!... вотъ начинается другой куплетъ. Я буду аккомпанировать.

«Если-бъ ты пришла, о несравненная, и развила-бъ предо мною перлы твоего голоса, я-бъ подарилъ тебѣ, мой ангелъ, прекрасный мой Бенгадорской дворецъ, съ садами на берегу Гангеса и золотыми балконами.

«Тамъ, моя царица, въ ясную ночь, послѣ прекраснаго дня, освѣженные цвѣты, любимые берега, благоухающія деревья, все говоритъ о любви!

«Если-бъ ты увидѣла, какъ чудесно измѣняется, по одному знаку моей руки, простая дѣвушка въ султаншу, тогда, о мой другъ, ты подумала-бъ, что Голубой-богъ Гангеса сошелъ съ небесъ, во образѣ твоего возлюбленнаго.

«Тамъ, моя царица, въ ясную ночь, послѣ прекраснаго дня, освѣженные цвѣты, любимые берега, благоухающія деревья, все говоритъ о любви!»

Радостныя рукоплесканія привѣтствовали неизвѣстнаго пѣвца, такимъ чуднымъ образомъ принявшаго участіе въ концертѣ.

— Надо пригласить сюда индѣйскаго пѣвца, кричали гости.

— Сэръ Эдуардъ, сказала графиня, скрестивъ руки на груди и наклонивъ нѣсколько голову: — я рѣшительно, не узнаю васъ сегодня... Прикажите-жъ впустить бѣднаго Индѣйца, который поеть, быть-можетъ, для того, чтобы заработать кусокъ хлѣба.

— Мы знаемъ этого пѣвца, графиня, отвѣчалъ Эдуардъ: онъ ни въ чемъ не нуждается...

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ въ нижнемъ этажѣ раздался ужасные крики...

Миссъ Аринда бросилась къ отцу, какъ-бы желая защитить его. Амаля, молодая сирота Грека, павшаго при Мисеолонги, выхватила кинжалъ, лезвіе котораго блеснуло также ярко, какъ взоръ ея. Графиня на минуточку вздрогнула, но потомъ спокойно продолжала играть аккомпанементъ индѣйской пѣсни.

Страшный вопль женщинъ огласилъ воздухъ... слуги и служанки вбѣжали въ залу съ лицами, на которыхъ было написано безпредѣльный ужасъ.

— Графиня Октавія, вскричалъ Эдуардъ: вотъ звѣзда моя!... Она угаснетъ на трушѣ моемъ!

Съ этими словами онъ съ силой схватилъ Октавію, снесъ ее въ отдаленнѣйшій уголъ залы, заставилъ мебелью и самъ, съ оружіемъ, какъ-бы по волшебству явившися въ рукахъ его, стоялъ предъ оградой, устроенной менѣе нежели въ минуту.

— Отприте! отприте! закричалъ Низамъ громовымъ голосомъ.

Жиль, Дугласъ и нѣсколько слугъ, вступили на лѣстницѣ, ведшей въ нижній этажъ, въ бой съ толпою Тоговъ, вышедшихъ какъ-бы изъ ада. Выстрѣлы потрясали зданіе. Набобъ и пріятель его вырвались изъ объятій женщинъ и приняли участіе въ битвѣ. Тогги входили все выше и выше, покрывая ступени трупами и небольшое число защитниковъ сдѣлалось-бы жертвой двухъ сотъ демоновъ, если-бы Жиль, услышавъ крикъ Низама, не отперъ дверей.

Отрядъ капитана Мосса ворвался въ сѣни, и, какъ огненный потокъ, нахлынулъ на разбойниковъ... Завязался отчаянный бой... Тогги и солдаты перемѣшались и падали съ лѣстницы... Вездѣ слышались стоны... вездѣ лилась кровь!

Непріятель былъ вытѣсненъ на маленькій дворикъ, и тамъ открылась хитрость, неполненная въ десять лѣтъ и, цѣлю которой, въ эту ночь, было освобожденіе стараго Спига. Тогги, спасшіеся отъ пораженія въ долину, рѣшились на это послѣднее, отчаян-

ное средство. Горизонтальная бреша, величиною съ отверстіе колодца, была видна въ одномъ углу двора, и душители, съ обритыми головами и отвратительными лицами, безпрестанно выходили изъ этой пронасти, какъ пресмыкающіяся, привлеченныя запахомъ трупа.... Но яма, вырытая Тогоми, послужила имъ могилы: она вскорѣ наполнилась ихъ трупами....

Это было послѣднее предсмертное усміе шайки индѣйскихъ душителей въ Нербудскомъ округѣ.

Низамъ, ворвавшійся первыи въ сѣни, не вмѣшался въ кровопролитную битву; онъ бросился въ залу, заперъ дверь, заставилъ ее мебелью и сталъ возлѣ Эдуарда, намѣренія котораго онъ попялъ съ перваго взгляда. При крикѣ, раздавшемся на дворикѣ, Эдуардъ угадалъ новую хитрость Тоговъ. Всѣ тайны протекшихъ дней объяснились. Десять лѣтъ Тогои рыли подземный ходъ къ Нербуддѣ, начало котораго было, вѣроятно, скрыто густымъ кустарникомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Жиль попался въ плѣнь къ душителямъ. Эдуардъ страшился, чтобы новый проломъ не открылся въ самой залѣ, а потому въ самомъ безопасномъ мѣстѣ на-скоро устроилъ цитадель, за которою скрылъ сокровище любви своей, рѣшившись защищать его до послѣдней капли крови.

Дугласъ, Жиль, Набобъ и другіе защитники жилища, возвратившись въ залу, были встрѣчены радостными восклицаніями и слезами. Трогательныхъ сценъ, слѣдовавшихъ за любовью, нельзя описывать — ихъ надо угадывать.

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія: вчера мнѣ казалось, что вы исполнили уже все, что только можно сдѣлать героическаго и прекраснаго, изъ любви къ женщинѣ... Я ошибалась. У васъ достало героизма отдѣлаться отъ друзей, во-время битвы. Женщины понимаютъ и не забываютъ подобные поступки.

Мистеръ Тоуэръ явился послѣдній; платье его было въ искусственомъ беспорядкѣ, но нескромные слуги рассказали, что опекунъ, вышедъ со всѣми вмѣстѣ въ сѣни, одинъ отправился на крышу, гдѣ и пробылъ во все время битвы.

Не желая видѣть при дневномъ свѣтѣ кровавыхъ слѣдовъ ужаснаго боя, всѣ изъ Нербудды отправились въ Руджа. Одна половина отряда капитана Мосса послужила коновоемъ, другая осталась въ жилищѣ.

Здѣсь вводныя подробности, о которыхъ мы говорили выше, въ нашей теоріи отступленій, были бы болѣе излишни, нежели

гдѣ-либо. Мы ограничимся тѣмъ, что, вмѣсто развязки, передадимъ послѣднія слова, которыми помѣнялись сэръ Эдуардъ и Октавія, при вѣздѣ въ Руджу.

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія: намъ нуженъ покой; разставалась на нѣсколько часовъ, я должна однакожь сказать вамъ, что мнѣ поручено пригласить васъ на двѣ свадьбы: графа Жилия и Дугласа, которыя будутъ отпразднованы здѣсь, послѣ завтра. Вы видите, сэръ Эдуардъ, что ваша звѣзда или вашъ фатализмъ не мѣшаютъ друзьямъ вашимъ жениться.

— Неужели вы только это и хотѣли сказать мнѣ? спросилъ Эдуардъ съ грустію.

— Нѣтъ, сэръ Эдуардъ, отвѣчала молодая вдова, пожавъ ему руку: я хотѣла еще прибавить, что мы должны отплатить этимъ господамъ другимъ приглашеніемъ... не правда-ли?... Чему вы удивляетесь?... Я, дорогій, собрала всѣ свѣдѣнія у нѣкоторыхъ креоловъ... Что вы смотрите на меня такъ странно!... Я узнала, что въ Руджѣ есть римско-католическій миссіонеръ и лютеранскій пасторъ.

— Голова моя горитъ, графиня, сказалъ Эдуардъ, бросивъ на Октавію пламенный взглядъ: я теряю разсудокъ.... объяснитесь, ради Бога!... Я схожу съума....

— Тѣмъ лучше! сэръ Эдуардъ: это значитъ, что вы меня любите. Прощайте; общайтесь мнѣ спокойно встрѣтите счастье. Ваша звѣзда гаснетъ на небѣ. Посмотрите сами. Завтра вы можете приглашать вашихъ друзей на бракосочетаніе графини Октавіи съ сэромъ Эдуардомъ.

Безпредѣльная радость заглушила слова Эдуарда и сдавила грудь его. Онъ сжалъ и сталъ цѣловать руки Октавіи съ жаромъ и страстію, изумившими молодую вдову. Когда онъ поднялъ голову и отпустилъ руку графини, она нѣжнымъ голосомъ произнесла еще разъ:

— Прощайте, любезный Эдуардъ, — до завтра.

Въ это время вошелъ въ гостиницу, съ торжествующимъ видомъ, мистеръ Тоуэръ; онъ только-что раскланялся съ нѣкоторыми креолками, которымъ разсказалъ о своихъ подвигахъ въ эту ночь.

— А! это вы, мистеръ Тоуэръ, сказала Октавія: — я васъ ждала. Проводите меня до моей комнаты.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, графиня, съ величайшимъ удовольствіемъ.... Ну, ужъ ночь! Что вы скажете объ этой по-

чи, графиня? И вотъ чему должно подвергаться, поселяясь въ этихъ колоніяхъ!...

— А что вы скажете на то, что я сама хочу поселиться здѣсь?...

— Одиѣ?

— Одна? О, нѣтъ, мистеръ Тѳуэръ! Я выхожу за-мужъ.... Угадайте, за кого?

— Хе, хе! сказалъ Тѳуэръ съ лукавой улыбкой: угадать не трудно....

— Завтра все узнаете, сказала Октавія, захлопнувъ дверь передъ носомъ Тѳуэра.

— Знаю! вскричалъ бывшій опекунъ: — за меня!

Пер. П. ФУРМАНЪ.

КЪ * * *

Обручена существомъ свѣту,
Прекрасна ты, но гибельна поэту!
Равны передъ тобой безуміе и умъ!
Весь міръ высокихъ чувствъ и думъ
Въ душѣ блѣднѣетъ, замираетъ,
И наконецъ, какъ призракъ, исчезаетъ,
Предъ дивной прелестью земли.
Замолкли лра вдохновеній!
Нельзя мечтать!... Что значить міръ видѣній,
Гдѣ неземное чудится вдали,
И отражается въ поэтѣ,
Въ какомъ-то яркомъ, но холодномъ свѣтѣ,
Чьи образы столь грустны для души, —
Что значить предъ твоей торжественной красою,
Предъ страстнымъ пламенемъ въ крови,
И отблескомъ очей и роскошью земною?
Ты создана любовью для любви....
Обручена существомъ свѣту,
Прекрасна ты, но гибельна поэту!

Д. СТРУЙСКІЙ.

ЮМОРИСТИКА.

НОВЫЙ-ГОДЪ.

Юмористико-фантастическая небылица о томъ, какъ Семень Ивановичъ поздравляетъ свое пачальство и своихъ знакомыхъ съ новымъ тысяча-восемь-сотъ-сорокъ-пятымъ годомъ, и какое было при этомъ весьма-странное обстоятельство.

.....— Ну, подумаешь Семень Ивановичъ, возвратившись изъ гостей часу въ четвертомъ и потягиваясь на своемъ кожаномъ диванѣ: — нечего сказать! кутнул-таки мы на-порядкахъ!

И поправляя подъ головою подушку, на которой по желтому полю очень-удачно была вышита гарусомъ малиновая собачка съ кошачьимъ рыльцемъ, Семень Ивановичъ прибавилъ:

— Одного шампанскаго выпили три бутылки! Хватили и умерато, прошлись и по хересамъ. Знать! Спасибо Иванъ Петровичу, угостилъ на славу! Конечно, и есть изъ чего: самый выгодный столъ въ дѣлюмъ отдѣленіи. — Въ особенности хорошъ былъ хересъ, удивительно-хорошъ!

При этомъ воспоминаіи, Семень Иванычъ съ чувствомъ прищолкнулъ языкомъ, потомъ надулся, издалъ какое-то странное урчаніе и опять сталъ думать:

— Не проспять-бы мнѣ однако завтра положеннаго часу. Встать надо непременно въ семь, ровно въ семь. Покамѣсть выбѣрюсь, покамѣсть наньюсь чаю, тамъ то, другое, а въ 8-мь часовъ надо ужъ быть у директора. Онъ самъ ѣздитъ съ поздравленіемъ не вольнодумничаетъ, а потому и встаетъ рано. Шуточное дѣло! Надо въ 9-ти мѣстахъ побывать съ визитами, кромѣ знакомыхъ, а тамъ махнуть и въ Упраздненный переулочекъ. Бррръ! Экой хересъ! До-сихъ-поръ сказывается.

И Семень Иванычъ закричалъ довольно-пронзительно:

— Доримедонъ!

На призывъ этотъ явился нечосанный и заспанный Доримедонъ. Семень Иванычъ, выбравивъ его неизвѣстно за что, безъ всякаго видимаго повода, съ прибавкою нѣсколькихъ: «ну что ты! ну что!» на которыя Доримедонъ очень-спокойно отвѣчалъ: «ничего-съ!» велѣлъ ему наконецъ раздѣвать себя и потомъ легъ спать на томъ-же самомъ кожаномъ диванѣ.

Не спалось однако Семёну Иванычу. Въ головѣ его бродили мысли о департаментѣ, хересѣ, награжденіи, преферансѣ, о Новомъ-годѣ; передъ глазами носились и столы съ длинными столбиками перечеркнутыхъ ремизовъ, и крестиками, стройно уставленными въ рядъ по угламъ, и веселія раскрасившіяся лица его товарищей-сослуживцевъ, и стаканы съ пріятнымъ напиткомъ свѣтлаго жолто-малиноваго цвѣта. Изрѣдка въ эту радостную картину вмѣшивались не совсѣмъ пріятные образы начальника отдѣленія, директора департамента, стараго экзекутора Матвѣя Ивановича, косаго, сѣдаго и гаденькаго. — Нѣтъ, подумалъ Семень Иванычъ: — этотъ проклятый хересъ пожалуй еще долго не дастъ мнѣ заснуть; дирушка наша не выходитъ у меня изъ головы; забылъ даже о томъ, что мнѣ дано полтора ста цѣковыхъ награжденія!... Буду лучше ни о чемъ не думать. Скорѣе усну! А вѣдь какой скверный человекъ этотъ Матвѣй Иванычъ. До самаго конца не хотѣлъ сказать, какое мнѣ дано награжденіе. «Нельзя, говорить, не имѣю права!» а самъ въ представленіи такъ и подмахиваетъ въ примѣчаніяхъ: «И этого нельзя произвести, и тому нельзя дать, въ силу такого-то и такого-то пункта.» Родятся-же такіе люди на свѣтѣ! Если есть гдѣ случай кому-нибудь нагадить, ни за что не упустятъ. Отца роднаго подведетъ подъ выговоръ начальства. — «Нельзя-съ!

обязанность службы!»... Фу ты скверный этакой хересь!... А тут у Анны Ивановны четыре дня не былъ. Она ужъ, вѣрно, прочла третью часть Марининскаго, которую я ей принесъ... Не дура была также и мадера!.. Какая славная булавка была у Николая Иваныча, рублей въ пятьдесятъ, вѣрно, коли не въ семьдесятъ — франтить удивительно, а всего еще помощникъ столоначальника. Хороши *Герои преферанса*, очень хороши, въ особенности куплетъ:

Ужъ я-жъ-те, друга, милочку
Дожду, проучу,
И въ жинку, друга, въ жиночку
Чувствительно хвачу!

Фу! какая досада! рѣшительно не спится — а все этотъ хересь проклятый. Почитать развѣ что-нибудь, авось сонъ придетъ!» —

Семень Иванычъ протянулъ руку и досталъ съ письменнаго стола какую-то книгу въ оберткѣ довольно-грязнаго цвѣта, значительно уже потертую и обшарпанную. Не справляясь ни съ титуломъ, ни съ началомъ, Семень Иванычъ развернулъ книгу, гдѣ попало, и началъ читать.

Очень-любопытное происшествіе изображалось въ этой книгѣ. Изъ нея Семень Иванычъ узналъ что какому-то Альманзору геній далъ способность узнавать тайныя мысли всѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣчался. Въ глазахъ его была такая тайная сила, что всякій, на кого онъ взглядывалъ, тотчасъ-же начиналъ, противъ воли и самъ не замѣчая этого, высказывать все, что онъ думалъ объ немъ и вообще обо всемъ на свѣтѣ. Одаренный этою удивительною способностью, Альманзоръ оказалъ большія услуги своему монарху, открывши ему козни его враговъ, разрушилъ много враждебныхъ замысловъ противъ него самого и наконецъ, убѣдившись въ неискренности чувствъ и страстной любви къ нему одной принцессы, женился на ней и умеръ, благословляемый народомъ, ошачтливленнымъ его благодѣяніями.

Когда Семень Иванычъ дочиталъ эту исторію, то глаза его уже начали слезаться; лекарство противъ бессонницы было очень-сильно и скоро подѣйствовало. — Что за вздоръ пишутъ эти господа сочинители! подумалъ Семень Иванычъ: — слышать отъ людей правду — это, чортъ возьми, очень-шкетливо! И онъ хотѣлъ отвернуть заглавный листокъ, чтобы посмотреть названіе книги и фамилію сочинителя, какъ вдругъ книга высколь-

зила изъ рукъ его, и, дребезжа листами, улеглась подъ диваномъ.

Уронивши книгу, Семень Иванычъ впалъ въ то странное, каталептическое состояніе, въ которомъ человѣкъ за все сокровища міра не рѣшится сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Долго старался онъ побѣдить себя, но никакъ не могъ, и заснулъ, думая объ Алмазорѣ и о проклятомъ хересѣ.....

Семень Иванычъ въ просонкахъ услышалъ, какъ било 7-мъ часовъ. Въ ту же минуту онъ вскоцилъ, самъ удивляясь своей аккуратности. Покамѣстъ онъ брился, одѣвался и пилъ чай, прошелъ еще часъ. Такимъ-образомъ все случилось, какъ онъ рассчитывалъ, и ровно въ восемь часовъ онъ выходилъ изъ своей квартиры, закутанный въ сѣрую шинель съ снотовымъ воротникомъ и такими-же лацканами, на темно-зеленой байкѣ. — Ну, подумалъ онъ, отправлюсь сперва къ начальнику отдѣленія. Онъ, вѣрно, собирается къ директору и я еще застаю его.

Войдя въ переднюю къ начальнику отдѣленія, онъ скромно освѣдомился у слуги его, Степана, принимаетъ-ли Потапъ Петровичъ.

— Онъ теперь брѣются, отвѣчалъ Степанъ. Съ Новымъ-годомъ, сударь, съ новымъ счастьемъ. Неугодно-ли расшеатся?

Семень Иванычъ далъ Степану двугривенный и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ я лучше немножко подожду, покамѣстъ Потапъ Петровичъ выдутъ. А что никого еще нѣтъ у нихъ?

— Никого-съ! Васъ еще перваго принесло спозаранку. — Семень Иванычъ сдѣлалъ видъ, будто-бы не разлышалъ не совѣсьмъ учтиваго выраженія слуги, и сядя на довольно-замасленный стулъ, продолжалъ разговаривать:

— Что, Потапъ Петровичъ, вѣрно, также гдѣ-нибудь встречалъ Новый-годъ.

— Какъ-же-съ. Вернулся часу въ пятомъ — пьянымъ пьянехоньки! отвѣчалъ Степанъ также хладнокровно, какъ будто сказалъ, что баринъ его занимался дѣлами.

Семень Иванычъ закашлялся довольно-громко, чтобы заглушить странное выраженіе слуги, и подумалъ: «Степанъ, вѣрно, самъ не опохмѣлился, что съ такимъ неуваженіемъ отзывается о своемъ баринѣ. Въ то-же время раздался тихій звонокъ у дверей, слуга отворилъ ихъ, и въ переднюю втерся, съ низкими поклонами, длинный кучикъ, державшій въ правой рукѣ что-то завернутое въ бѣлой салфеткѣ. Степанъ тотчасъ-же снялъ съ него шубу и приговаривая: «Кононъ Семенычъ! Съ Новымъ-го-

домъ. Милости просимъ-съ! Пожалуйте! Дома-съ! Какъ-же-съ!» провель его во внутреннія комнаты. Визитъ купчика былъ однако-же непродолжителенъ; минутъ черезъ пять онъ снова выскользнулъ въ дверь, въ этотъ разъ однако безъ салфетки, и Степанъ съ тѣми-же поклонами заперъ за нимъ дверь, очень-искусно опустивъ въ карманъ что-то, полученное имъ отъ купчика. По уходѣ его, Семень Иванычъ спросилъ безъ всякаго намѣренія, единственно для того, чтобы что-нибудь сказать:

— Вѣрно, Кононъ Семенычъ приходилъ толковать о подрядѣ?

— Какой тутъ подрядъ! Просто магарычъ принесъ! преважно отвѣчалъ Степанъ, утвердительно кивая головою.

— Какъ?... Неужто Потапъ Петровичъ... того? машинально спросилъ Семень Иванычъ.

— Да ужъ и какъ того-то — не приведи Господи! Со ветрѣнаго и поперечнаго!

Семень Иванычъ поблѣднѣлъ со страха и уже собирался сдѣлать Степану строгое замѣчаніе о неприличности его отвѣтовъ, какъ вдругъ снова раздался звонокъ и въ переднюю вбѣжалъ Владиславъ Станиславовичъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ при этомъ-же департаментѣ, высокой, блѣдный, худой, съ страшными ухватками, рѣзкимъ тономъ, имѣвшій привычку безъ всякой побудительной причины вертѣть головою и поминутно загибать ее на правую сторону. Онъ быстро сбросилъ съ себя шинель, вставилъ лорнетку въ правый глазъ, кивнулъ довольно-нагло Семену Иванычу, и спросилъ: «дома?» безъ доклада отправился во внутреннія комнаты.

— Вѣрно, Потапъ Петровичъ ужъ начали принимать, сказалъ Семень Иванычъ.

— Бубликовича-то? Еще-бы! Этотъ разбойникъ хоть куда такъ вотрется. Всѣ, кто съ нимъ служатъ, жалуются, что отъ него житья нѣтъ. Только и наровить, чтобъ себя выставить, а вину евашь на товарища. Да вотъ, знаете, самъ генералъ прошлую субботу, у себя на обѣдѣ, говорилъ объ немъ другому, незнакому генералу: — Вотъ, говорить, рекомендую вашему превосходительству Владислава Станиславича Бубликовича. Чиновникъ-то, говорить, онъ хорошій, а ужъ товарищъ самой дурной, говорить, никому ходу не даетъ. — Ей-Богу! И все это не въ-шутку сказалъ, а Бубликовичъ-то хоть-бы покраснѣлъ, разбойникъ. Кланяется только, да говорить: Много чести! ваше превосходительство!... Мошенникъ этакой!

Но тутъ Семенъ Ивановичъ, боясь, чтобы кто не подслушалъ страшныхъ выходокъ Степана, прервалъ его негодование словами:

— Вѣрно, Владиславъ Станиславичъ сейчасъ выйдетъ, — такъ я подожду въ гостиной и поздравлю Потапа Петровича.

Съ этими словами онъ вошелъ въ гостиную. Черезъ нѣсколько минутъ начальникъ отдѣленія вышелъ, совѣмъ уже одѣтый, — за нимъ шелъ ранній посѣтитель. Увидя Семена Ивановича, Потапъ Петровичъ взглянулъ очень-выразительно на Владислава Станиславича.

— Честь имѣю поздравить съ Новымъ годомъ и пожелать вамъ всего лучшаго въ семейной и гражданской жизни, скороговоркою произнесъ Семенъ Ивановичъ.

— Покорно васъ благодарю! отвѣчалъ начальникъ съ достоинствомъ: — напрасно трудился. Я знаю, что вы больше другихъ желали-бы видѣть меня, если не въ гробу, то, по-крайней мѣрѣ, далеко отсюда.

Семенъ Ивановичъ поблѣднѣлъ отъ такой неожиданности.

— Помилуйте!... какъ это можно! Смѣю-ли я! бормоталъ онъ, совершенно-растерявшись, и думая въ то-же время: «Мошенникъ Бубликовичъ, успѣлъ-таки, успѣлъ очернить передъ начальствомъ. Постои-же ты!... Удружу и я. Будешь доволенъ.»

Начальникъ отдѣленія, какъ-будто не замѣчая испуга Семена Ивановича, съ улыбкою взялъ его за руку, потрясъ ее очень-снисходительно и вышелъ въ дверь, говоря Бубликовичу:

— Ну, Владиславъ Станиславичъ, пойдете и мы кланяться, да поаушичать. Вѣдь мы съ вами на это мастера.»

И онъ уѣхалъ съ Бубликовичемъ къ директору. Посадивъ начальника въ сани и застегнувъ ему собственноручно полость, Семенъ Ивановичъ остановился на минуту въ раздумьи, не понимая, что означалъ приемъ Потапа Петровича. Обдумывая всѣ слова его, онъ незамѣтно дошелъ до дома директора, вошелъ въ приемную и сталъ въ-рядъ вмѣстѣ съ другими чиновниками того-же департамента, поздравивъ ихъ самымъ тихимъ голосомъ. Послѣ этого онъ опять задумался и пришелъ въ себя только тогда, когда вокругъ него зашумѣлъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ: «Съ Новымъ-годомъ, съ новымъ счастьемъ, ваше превосходительство!» Семенъ Ивановичъ поднялъ голову. Директоръ уже былъ въ комнатѣ и милостиво раскланивался съ подчиненными. Семена Ивановича поразило только то, что директоръ, обращаясь къ чиновникамъ, вмѣсто привѣтствій, почти каждому изъ нихъ

говорилъ очень-странныя вещи: одному, что доволенъ его службой, но что онъ въ семейной жизни очень-скверный человѣкъ; другому, что онъ не умѣетъ порядочно написать ни одной бумаги; третьему, что онъ ужъ слишкомъ низкопоклонничаетъ, и т. п. Семенъ Иванычъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и задрожалъ, когда директоръ подошелъ къ нему и сказалъ, почти также, какъ другимъ:

— Вы хорошиі чинovníкы, Семенъ Иванычъ, но чрезвычайно какъ завистливы и рады отца роднаго спихнуть съ хорошаго мѣста. Напрасно также вы часто куликаете. Это очень-вредно. Мнѣ сказалъ Владиславъ Станиславичъ, что вы и вчера всю ночь пьянствовали. Это можетъ повредить вашей службѣ. Не слѣдовало-бы вамъ также безсовѣстно такъ драть съ купца А***, который ставитъ подрядъ по вашему столу. Надо соблюдать во всемъ мѣру и приличіе. Вы ужъ сколько лѣтъ служите: неужели-же я долженъ напоминать вамъ, какъ говорить горюдничій частному приставу въ «Ревизорѣ», что вы не по чину берете? Стыдно, Семенъ Иванычъ, очень-стыдно!

Семенъ Иванычъ стоялъ, что называется ни живъ, ни мертвъ. Душа у него ушла въ пятки, волосы на головѣ подымались дыбомъ, колѣна тряслись, зубы били мелкую дробь. Каково-же было его удивленіе, когда онъ услышалъ, что экзекуторъ Матвѣй Иванычъ, которому директоръ сказалъ тоже что-то не очень лестное, отвѣчалъ нижеслѣдующее: «Мошенникъ я, ваше превосходительство, слова нѣтъ, большой, пребольшой мошенникъ, но за упущеніе по службѣ бранить меня вы рѣшительно не можете, никакъ не можете. Отлучился я на-минуту изъ присутствія въ трактиръ поѣсть селянки и выпить травничку, — бѣда не велика, право не велика. Вспомните, что мы съ девятаго часу сидимъ въ департаментѣ, большею частію часовъ до пяти.

Семенъ Иванычъ не могъ слушать далѣе. Онъ ждалъ ужасной сцены и боялся за свои нервы. По этому, пробравшись позади чиновниковъ въ дверь, онъ полупомѣшаннымъ выбѣжалъ на улицу. Холодный воздухъ, обхватившій его голову, освѣжилъ немножко перепутанныя идеи. Онъ началъ обдумывать, что значить все съ нимъ случившееся, и вдругъ ужасная мысль поразила его: онъ ударилъ себя по лбу, нанялъ извозчика и поѣхалъ на Петербургскую сторону, въ Безыменную улицу, къ Одностороннему переулку. Тамъ жило одно почтенное семейство, гдѣ Семенъ Иванычъ проводилъ почти всѣ свои вечера. Хозяинъ дома, старикъ довольно-почтенной наружности, нигдѣ не служилъ и

потому не ѣздилъ съ визитами. Семенъ Иванычъ нашелъ его въ гостинной.

— Здравствуйте, Никита Степановичъ, здоровы-ли вы? говорилъ Семенъ Иванычъ, усаживаясь въ креслахъ.

— Да такъ, ни то ни се, Семенъ Иванычъ. Знаете, кто такъ много ѣсть, какъ я, мудроно тому быть здоровымъ!

— За чѣмъ-же вы дѣлаете то, что нездорово?

— За тѣмъ, что это пріятно! Эхе, хе! Вѣдь для меня теперь одно только и осталось удовольствіе — хорошенько поѣсть. Другого я и не знаю. Ну, что, вы съѣздили ко вѣзмъ на поклонъ, къ кому было нужно?

— Не въ томъ дѣло! рѣшительно отвѣчалъ Семенъ Иванычъ. Скажите пожалуйста откровенно, что вы обо-мнѣ думаете?

— Чтò я объ васъ думаю? Да, правду сказать, немного хорошаго. Служите вы хорошо, но человекъ совершенно ненадежный. Не умѣи сдѣлаться необходимымъ начальству. Васъ, того и гляди, еживуть съ мѣста. Да въ васъ рѣшительно нѣтъ ничего особеннаго. Воспитаны вы на мѣдныя деньги. Врете иногда такъ, что страшно становится. Впрочемъ, намъ вы человекъ полезный, сдѣлали много одолженій, и за немѣиёмъ чего-нибудь получше, мы и вамъ рады отъ души?

— Такъ на кой-же чортъ вы за мною такъ ухаживаете, когда въ тоже время такъ дурно аттестуете? вскричалъ въ сердцахъ Семенъ Иванычъ.

— А, вы забыли, что у насъ дочь невѣста? Это самый непрочный товаръ. Радъ-радешенекъ, когда его сбудешь кому-нибудь съ-рукъ. Будь хоть плохонькой женишкой, лишь-бы отъ обузы избавиться!

— Вотъ что! я самъ давно замѣчалъ, что вы мнѣ навязываете вашу дочь. Впрочемъ, она дѣвушка добрая, хорошая....

— И не приведи Богъ, вскричалъ отецъ. Зна такъ, что человѣческой возможности нѣтъ съ ней справиться. Раскапризнается такъ, что ни-зачто не уймешь. И, при всемъ при этомъ, глупа ужасно. Того и гляди, что по простотѣ сдѣлаетъ такое дѣло, котораго послѣ ничѣмъ не поправишь. Въ прошломъ году, не догляди я хорошенько, такъ канцеляристъ Чувкинъ, что къ намъ ходилъ прежде и разные водевили въ театръ писалъ, сыгралъ-бы съ ней славную комедію. Хорошо, что я хватился вовремя — да прогналъ его въ зашеи. Чтò-жъ-бы вы думали? Съ полгода съ Настей ломался, плакалъ, уговаривали, на колѣни становился. Наслу сладили. Лѣзетъ, бываю, на стѣны и кри-

читать: «Вы меня лишили счастья сердца! Вы не понимаете женской души. Все это предрассудки, лодекія условія. Нашъ главный законъ — любовь. Влеченіе чувства невольпо. Прочь цѣпи общества! Я пойду въ пустыню отъ людей съ моимъ возлюбленнымъ, въ самихъ себѣ найдемъ цѣльнй мнръ» — и тому подобныя неторін. Просто, страшно слушать было. Посудите, кто-жъ будетъ не радъ развязаться съ такой сумасшедшей дѣвкой!

Семень Иванычъ векочилъ, какъ пораженный громомъ; по въ ту-же минуту снова упалъ въ кресла, произнося какія-то певныя слова, изъ которыхъ Никита Степанычъ могъ разслышать только: Альмазгоръ.... могущество взгляда.... чудный даръ!... правда!... петина!...

Когда онъ привелъ въ порядокъ свои разстроенныя мысли, вокругъ него хлопотало все семейство Никиты Степаныча, поя его водой и восклицая на всевозможные тоны. « О ужасъ! думалъ Семень Иванычъ. Теперь я все понимаю! Я получилъ чудный даръ однимъ взглядомъ заставляя другихъ говорить правду. Со мной сдѣлаюсь тоже, что съ Альмазгоромъ.... Что я буду дѣлать? Узнать все секреты начальства!... При одной этой мысли меня бросаетъ въ дрожь! Я, просто, погибшій человекъ! И за-что это послано мнѣ такое наказаніе! И вѣдь эти мошенники, ухаживая около меня, сами не замѣчаютъ того, что они говорятъ мнѣ теперь неприятности, ругаютъ меня на-поваль; имъ кажется, что они сожалеютъ обо мнѣ. Господи! Я рѣшительно сойду съ-ума! Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать!

И Семень Иванычъ, вырвавшійся изъ рукъ семейства Никиты Степановича, началъ бѣгать по комнатамъ, въ отчаяніи, ударяя себя рукою по-лбу. Веѣ ходили за нимъ и ругали его съ такимъ участіемъ, съ такимъ соболѣзнованіемъ въ лицѣ, что Семень Иванычъ не могъ удержаться и расхохотался. Это нѣсколько развлекло его черныя мысли и онъ поуспокоился.

— Какъ вы насъ перепугали Семень Иванычъ, говорила мать. Мы думали — ну, какъ васъ прихлопнетъ ударъ, такъ тутъ еще съ полиціей не раздѣлаешься.

— Ужъ не отъ того-ли это, что вы пьете не-путемъ? говорилъ отецъ, дружески ежмяя ему руку.

— Какой вы уродъ въ этомъ мундирѣ, говорила дочь, нѣжно улыбаясь и потупляя глазки.

— Чортъ васъ принесъ сюда, падать у насъ въ обморокъ, ба-спла старуха тѣтка, съ участіемъ качая головою. Убирайтесь,

едьбайте одолженіе отсюда, растягивайтесь на улицѣ сколько вашей душѣ угодно.

Семенъ Иванычъ постоялъ пѣсколько времени въ раздумьи, оглушонный этими странными комплиментами, потомъ надѣлъ шляпу, сказалъ: «Скоты вы все, настоящіе скоты!» и вышелъ на улицу.

Думая о пропсшествіи, съ нимъ случившемся, онъ пошелъ по улицѣ, все еще не вѣря своему чудному дару. Но на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ такія рѣзкія *правды*, что принужденъ былъ нерѣдко затыкать отъ нихъ уши. То извозчикъ кричалъ ему: «Давать, что-ли, баринъ, у меня лошадь на заднія ноги разбита;» то мальчишка предлагалъ ему кушить ножикъ, за полтинникъ, увѣряя честью, что онъ ему самому даромъ достался, что онъ *самъ* укралъ его у носячаго; то наконецъ салопница останавливала его за шинель, прося не оставить несчастную мать, у которой никогда не было дѣтей, и которая два дни не плала — ни рюмки водки, не ѣла ничего, кромѣ фунтовъ трехъ говядины въ день, съ такимъ-же количествомъ ситника. Тутъ встрѣчался ему пріятель, который останавливалъ его, и пожималъ руку, говорилъ: «Такъ и есть! Съ утра ужъ успѣлъ клюкнуть, разбойникъ. Видно опять дали къ Новому-году награжденіе, пролазу этакому! То-есть, вотъ-такъ-бы съ удовольствіемъ и съѣздили тебя по физикѣ.» Тамъ, проходящій мимо его, совершенно незнакомый чело-вѣкъ, ни съ того, ни съ другаго, начиналъ думать въ-слухъ, ругая его и говоря: «Вишь идетъ, толстякъ этакой! Думаетъ, что очень-важное лицо. Просто, дрянъ какая-нибудь! Чиновникъ! По лицу видно, что мошенникъ.» Семенъ Иванычъ начиналъ уже терять терпѣніе, когда ему попался на встрѣчу трое изъ его сослуживцевъ. Чиновники эти встрѣтили его съ отверстыми объ-ятіями.

— А! Семенъ Иванычъ, кричалъ одинъ:— куда идешь? Мы сейчасъ отъ нашего архиваріуса. Ужъ ругали тебя тамъ, ругали, даже устали.

— Да, и онъ самъ признался, что за-частую разеказываетъ про тебя начальнику отдѣленія не совсѣмъ лестныя исторіи!» говорилъ второй.

— Ахъ, любезный другъ, не повѣришь ты, какъ мы все тебя терпѣть не можемъ! съ чувствомъ произносилъ третій, обнимая его самымъ искреннимъ образомъ.

У Семена Иваныча съ отчаянія показались на глазахъ слезы.

Онъ сталъ въ живописномъ положеніи, посреди тротуара, раздвинувъ ноги и распахнувъ шинель, и сказалъ:

— Господа! господа! Скажите пожалуйста, за что вы меня ненавидите?

— Мы тебя ненавидимъ?... вскричали изумленные чиновники. Примилуй, напротивъ, мы тебя.... готовы живаго съѣсть.

— За-что-же? почти плача, спрашивалъ Семень Иванычъ, видя, что они въ полномъ убѣжденіи говорятъ правду, считая ее за комплименты.

— Какъ за что? Да вѣдь ты очень-скверный человѣкъ, Семень Иванычъ, говорилъ одинъ.

— За то, что ты по службѣ выше меня стоишь и дѣла лучше знаешь, говорилъ другой.

— А я ненавижу тебя за то, что у меня носъ длиннѣе твоего, говорилъ третій.

Семень Иванычъ трагически покачалъ головою и пошелъ прочь отъ этихъ добрыхъ друзей.

— И вѣдь есть-же люди, которые хотятъ все знать, думалъ онъ: — хотятъ, чтобы все говорили правду! Ну, натуральная-ли это вещь, естественное-ли это дѣло? Да! не приведи никогда и никому Господи слушать правду! Такая неприятная исторія выйдетъ изъ этой правды, что и сказать нельзя. И къ чему она на свѣтѣ, эта глупая правда? Только неудовольствія дѣластъ порядочнымъ людямъ, да ссоритъ хорошихъ друзей. Просто, нѣтъ съ нею возможности жить на свѣтѣ. Бѣдовое дѣло! Преконфузно, ей-богу, слушать, какъ тебя въ глаза ругаютъ. А, ну ее эту правду, хоть-бы ее и совсѣмъ не было!

И Семень Иванычъ, не шутя разсердившись на правду, не хотѣлъ больше дѣлать визитовъ и пришелъ домой.

Дома встрѣтилъ его слуга Доримедонъ съ опухшими глазами и не совсѣмъ естественными движеніями рукъ и ногъ.

— Что ты, дуракъ? спросилъ Семень Иванычъ.

— Ничего-съ. Сей-часъ только опорожнилъ графинчикъ съ вашей настойкой, который вы утромъ забыли припереть въ шкафъ. А графинчикъ разбилъ я, чтобъ сказать, что это вѣрно вашъ котъ съѣлъ.

— И здѣсь, и въ нѣдрахъ моего семейства, та-же проклятая правда, сказалъ Семень Иванычъ самымъ трагическимъ голосомъ, опускаясь на свой кожаный диванъ.

— Но что же мнѣ дѣлать наконецъ? Что же мнѣ дѣлать? — вскричалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Эта правда рѣши-

тельно убьютъ меня. Куда я теперь дѣнусь? Надо будетъ подавать въ отставку, бѣжать въ пустыню, скрываться отъ самого себя. Теперь ругаютъ меня, по-крайней-мѣрѣ, одни пріятелі: что-жъ будетъ, когда я увижусь съ моимъ отцомъ, сестрами, родными! До-сихъ-поръ я считалъ себя очень-порядочнымъ человекомъ, а теперь... Вреть эта правда, ей Богу вреть: я совѣмъ не такой человекъ, какимъ она меня описываетъ. Господи! я рѣшительно сойду съ ума, а если и не сойду, то все-таки посадятъ на седьмую версту, потому-что слыша ото-всѣхъ правду, я наконецъ и самъ начну говорить ее. Вотъ тебѣ и надежды на будущее. Вотъ тебѣ и Новый-годъ! Это невыносимо! Голова моя такъ тяжела... спать мало!.. попробую хоть уснуть съ горя!»

И Семень Иванычъ, убитый несчастьемъ, постигнувшимъ его, уснулъ богатырскимъ сномъ...

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ было очень-свѣтло. — Что за чортъ, подумалъ онъ, долго-ли-же я спалъ? Неужто до утра? и необѣдавши... Быть не можетъ!... Да и полчаса-же, потому-что я вернулся домой почти въ два, а теперь въ четвертомъ часу ужъ смеркается. Что-жъ это значить!.. Доримедонъ! ей! гдѣ ты, Доримедонъ!

На призывъ барина явился Доримедонъ съ заспанными глазами.

— Какой часъ? спросилъ Семень Иванычъ.

— Да подитко-ты, думаю ужъ часъ двѣнадцатый будетъ, отвѣчать съ разстановкою Доримедонъ.

— Какъ двѣнадцатый? не можетъ быть, пошелъ, боиванъ, посмотри хорошенько.

Доримедонъ отправился въ переднюю, гдѣ висѣли стѣнные часы, и возвратившись вторично, доложилъ, что ужъ двѣнадцатый въ пеходѣ.

— Кокъ! неужто я вчера не обѣдалъ? въ раздумьи произнесъ Семень Иванычъ.

— Нѣтъ, обѣдали-съ!

— Да когда-же?

— Да обнаковенно когда-съ, какъ со службы пришлі.

— Съ какой службы? Я вчера не былъ въ департаментъ...

На это Доримедонъ выразительно промычалъ, и видя, что Семень Иванычъ задумался и не продолжаетъ вопросовъ, сказалъ.

— Прикажете приготовить платье?

Какое платье? Зачѣмъ, спросилъ машинально Семенъ Иванычъ.

— Да съ Новымъ-то годомъ развѣ не поѣдете поздравлять?

— Услышавъ слова *Новый-годъ*, Семенъ Иванычъ, какъ помѣшанный вскочилъ съ дивана, крича: «Новый-годъ! опять ѣздить съ визитами, опять слышать правду!.. Развѣ мало одного дня мученій? Развѣ и на второй день ѣздить поздравлять?.. Что ты тутъ врешь, бездѣльникъ? Что ты, пьянъ, что-ли?»

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Доримедонъ, пятась къ дверямъ отъ слишкомъ-выразительныхъ жестовъ Семена Иваныча.

— Какъ нѣтъ? развѣ ты смѣешь мнѣ говорить неправду? развѣ ты не знаешь, что даръ Альманзора перешелъ и въ меня? развѣ ты не видалъ моего взгляда? Говори, разбойникъ, что ты обо мнѣ думаешь?

Доримедонъ смотрѣлъ на барина оловянными глазами, и не понимая, что съ нимъ сдѣлалось, отвѣчалъ значительно:

— Что я думаю?.. Я думаю сударь, что вамъ лучше-бы всего было опять уснуть. Вишь вы, кажись, еще не доспали послѣ вчерашняго.

— Послѣ вчерашняго?.. Но вчера вѣдь было первое января?

— Что вы сударь? первое-то января сегодня, а вчера вы изволили гдѣ-то Новый-годъ встрѣчать, вернулись въ четвертомъ часу домой, и не приказавши разбудить себя, проспали ижно до двѣнадцатаго часу.

Семенъ Иванычъ постоялъ нѣсколько минутъ въ положеніи человѣка, котораго пришибъ столбнякъ, потомъ схватилъ Доримедона за руку.

— Ты точно увѣренъ, что сегодня первое января?

— Да какъ-же не увѣренъ-съ? Вотъ дворникъ нашъ Федотъ и до-сихъ-поръ стоитъ въ кухнѣ, ждетъ, покамѣтъ вы проснетесь, чтобы васъ съ праздникомъ поздравить.

Послѣ этого убѣдительнаго доказательства, подтвержденнаго словами дворника, потребовапшаго Семеномъ Иванычемъ на очную ставку съ Доримедономъ, обрадованный чиновникъ ударилъ себя по лбу такъ, что въ другомъ углу комнаты отозвалось громкое эхо.

— Такъ это былъ сонъ! сказалъ онъ.

И позабывъ то, что онъ проспалъ узаконенный часъ для визитовъ, что, вѣроятно, на него будутъ за это дуться, забывъ и свой санъ, и свой чинъ, и свои лѣта, Семенъ Иванычъ началъ прыгать по комнатѣ, напѣвая:

Ужъ л-жь-те, друга, милочку
Добѣду, прочучу,
И въ жилку друга, въ жилочку
Чувствительно хвачу.

Потомъ онъ одѣлся, взялъ съ собою четвертую часть сочиненій Марлинскаго и поѣхалъ прямо въ Упраздненный переулокъ.

Садясь на дрожки, онъ вздохнулъ свободно и радостно, какъ человѣкъ, избавившійся отъ страшной опасности, и сказавъ: «Слава Богу! на-яву я не услышу этой проклятой правды,» завернулся гордо въ свою шинель съ енотовымъ воротникомъ и такими-же лацканами, на темнозеленой байкѣ...

—

С М Ъ С Ъ .

МОДАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ БОЛЕЗНЬ ПОЛЬКОМАНІЯ.

Что сдѣлалось съ нашимъ степеннымъ, холоднымъ, разсудительнымъ Петербургомъ? Онъ, который постоянно смотритъ съ такой официальной важностію и подобающимъ величіемъ, ходитъ такъ чинно и осторожно, увлекается восторгомъ такъ умѣренно и благоприлично, вдругъ вышелъ изъ себя, закружился, завертѣлся, заплясалъ... и пляшетъ польку, и говоритъ только о полькѣ, и бредитъ только полькой, забывая для нея все — уладительныя бесѣды о наградахъ и повышеніяхъ по службѣ, новыя трагедіи и драмы на сцѣвѣ Александринскаго-Театра и даже — представьте себѣ! — даже преферансъ, который въ короткое время успѣлъ завладѣть вниманіемъ всей православной Руси, и Петербурга въ особенности. Да, Петербургъ, весь въ настоящую минуту погруженъ въ польку: безъ польки нѣтъ удовольствія ни на какомъ танцевальномъ вечерѣ, безъ польки нѣтъ спасенія никакому бенефису. Давайте намъ польку, непременно польку, польку военную, польку етатскую, польку французскую, польку русскую, польку съ г-мъ Гольцомъ, польку съ г-жою Самойловой — и Боже мой! — какія восклицанія, какіе восторги, какіе пенетовыя *браво! фора!* — даже *bis (bis)* кричатъ тѣ, которыя хотятъ доказать, что они бывають или бывали въ итальянской оперѣ) и танцующіе артистисты, одушевленные восторгомъ публики, принимаются снова, танцуютъ съ чувствомъ, танцуютъ чуть не до-упаду!...

— Видѣли-ли вы польку? спрашивать меня на дняхъ докторъ, челоуѣкъ чрезвычайно-солидный.

— Помилуйте, почтенный докторъ! До польки-ли мнѣ теперь, когда я наслу двигаю ноги?...

— Выздоровливайте скорѣй и побѣжайте смотреть, какъ г-жа Самойлова танцуетъ польку. Это, просто, очарованіе. Сперва все засматриваютъ въ глаза другъ другу, а потомъ сложать на груди руки, à la Napoléon, кавалеръ уходитъ, дама его преслѣдуетъ.... вотъ такъ....

И почтенный докторъ, скрестивъ руки, началъ скользить по паркету самымъ граціознымъ образомъ, сколько мой почтенный докторъ можетъ быть граціозенъ....

— Воля ваша, говорятъ девицы: надобно непременно ѣхать въ Александринскій-Театръ смотреть польку.

— Но помилуйте, это вздорная піеса, незаслуживающая вниманія.

— Да что намъ за дѣло до піесы? Главное — тамъ танцуютъ польку, и мы можемъ научиться фигурамъ и пріемамъ лучше, нежели у нашего танцовальнаго учителя.

И вотъ почему даютъ на Александринскомъ-Театрѣ польку нѣсколько недѣль сряду, почти каждый день, и что всего удивительнѣе — или, лучше сказать, что нисколько не удивительно, — театръ всякій разъ набить биткомъ.

За чѣмъ бесполезно спорить съ вѣкомъ?

Обычай — деспотъ межъ людей.

И мы сами, увлекаемые общей *полькоманіей*, даемъ читателямъ нашимъ картинку, изображающую нѣкоторыя фигуры польки. Но что-жъ это за танецъ полька? Откуда онъ ведетъ свое начало? Чему приписать такой «громадный» успѣхъ его?

Отъ малыхъ причинъ бываютъ великія слѣдствія. Не поспалось разъ одному танцмейстеру въ Парижѣ — не поспалось Богъ знаетъ отъ-чего, можетъ-быть, отъ-того, что онъ поѣлъ лишнее, а еще вѣришь, что онъ не добль, — и въ слѣдствіе этой безсонницы родилась у него мысль — пустить въ ходъ такой танецъ, который вскружилъ-бы вѣзмъ Парижанамъ головы, и заставилъ-бы ихъ непременно учиться танцевать Имя этого танцмейстера — Целаріусъ, родомъ онъ Богемень. Чтобы осуществить свою мысль, онъ придумалъ очень-простую штуку — подвести подъ правила танцовальнаго искусства простонародный танецъ его родины, танецъ довольно-граціозный и характерный, какъ все простопородные славянскіе танцы — *мазурка*, *краковякъ* *голубецъ*, даже нашъ *трепакъ*. Вздумано — сдѣлано. Въ Парижѣ первая страсть всехъ *львовъ* и *львицъ* — отличиться какой-нибудь оригинальноію, даже хоть въ ущербъ доброй репутаціи. Тамъ всякій хочетъ заставить говорить о себѣ, и потому всякой пускается въ самыя *эксцентрическія* продѣлки.... Целаріусъ, малый смышленный, рѣ-

шилъ воспользоваться этою слабостію Парижанъ. Ему, какъ танцмейстеру, имѣющему доступъ во многіе дома, не трудно было уговорить нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ изъ *львиного* круга пустить въ ходъ придуманный имъ танецъ. И вотъ, на одномъ блестящемъ балѣ, послѣ нѣсколькихъ монотонныхъ кадрилией, въ первый разъ раздается слово *полька*, — оркестру данъ знакъ, — загремѣла музыка, повая, живая, оригинальная, — являются нѣсколько дамъ и кавалеровъ и — пошли плясать! Сюрпризъ пришелся всѣмъ по сердцу; его повторили нѣсколько разъ, — и на другой день всѣ парижскіе салоны огласились новымъ словомъ: *Полька*.

— Полька!... что такое полька? — Какъ ее танцуютъ? — Гдѣ научиться?

Разумѣется, изобрѣтатель польки вовсе не намѣренъ былъ держать въ секретѣ своего адреса — и имя его, вмѣстѣ съ названіемъ улицы, въ которой онъ жилъ, въ короткое время разлетѣлось по всему *фешенебельному* парижскому міру. Всѣ кинулись къ великому человѣку, на вѣсъ золота покупая у него каждый часъ, каждую минуту. Смѣшленный танцмейстеръ не дремалъ — въ полномъ смыслѣ слова: онъ училъ полькъ съ утра до ночи, даже послѣ полуночи, прежде утра, и въ короткое время сдѣлался богачомъ. Цѣль его была достигнута; а притомъ, съ счастливымъ изобрѣтеніемъ своимъ, онъ не только обезнечилъ свою будущность, но и далъ хлѣбъ многимъ изъ несчастныхъ собратій своихъ, которые, довольствуясь не слишкомъ-блестящею долею, скромно учили модному танцу магазинныхъ прикащиковъ и гризетокъ.

Такимъ-образомъ полька, какъ всякая мода, всякой минутный капризъ, родившійся въ высшихъ словахъ общества, въ короткое время, изъ *фешенебельнаго* круга львовъ и львицъ, дошла до круга швей и гризетокъ. Разумѣется, когда *всѣ* стали танцовать польку, ея не захотѣлъ танцовать *никто*, и съ-той-поры она сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ *известнаго* рода *публичныхъ* баловъ, на которые собирается *известнаго* рода *публика*. Высшій классъ парижскаго общества сталъ танцовать *мазурку*, нашу старую, чудную мазурку, которою, во-время оной, такъ восхищали петербургскую публику — Сосницкій, а московскую — Сабуровъ. Но мазурка — танецъ трудный, требующій необыкновенной ловкости, стройности въ тѣлѣ, граціи въ движеніяхъ, а потому ее способенъ танцовать не всякой, и, слѣдовательно, можно съ увѣренностію полагать, что мазурка общимъ достояніемъ не будетъ и по этой самой причинѣ никогда не потеряетъ уваженія, которымъ она пользуется въ высшемъ парижскомъ обществѣ....

Кто живалъ или живетъ въ Петербургѣ и Москвѣ, тому должно быть извѣстно, что всякой годъ изъ обѣихъ столицъ нашихъ отправляются въ Парижъ *туристы*, обыкновенно, люди

безъ занятій и должностей, иной для своего образованія, т. е. чтобы узнать статистику и географію парижскихъ рестораций, загородныхъ баловъ (*chaumières*) и подобныхъ важныхъ предметовъ; другой понаучиться сколько-нибудь французскому языку, (который никакъ не дается ему въ отечествѣ), чтобы потомъ съ важнымъ видомъ задавать тонъ передъ тѣми, которые знаютъ меньше его, т. е. ничего не знаютъ; иной... боюсь сказать... Къ осени эти люди прѣзжаютъ обратно въ отечество съ запасами самыхъ разнородныхъ свѣдѣній по всемъ отраслямъ человѣческаго бытія— физическаго, нравственнаго и умственнаго; въ одно съ ними время возвращаются модныя торговки, ѣздившія тоже для своего усовершенствованія, возвращаются съ запасомъ выкроекъ, матерій, гувернантокъ, швей, гризетокъ *et de toutes ces dames...* Между туристами и модными торговками на пароходѣ сводится знакомство, на сухомъ пути — поддерживается. Настаетъ зима — начнутся публичныя балы въ клубахъ, танцклассахъ и разныхъ мѣстахъ... Все это сводить, сближаетъ, сдружаетъ.

Въ благословенное лѣто отъ Р. X. тысяща-восемь-сотъ-сорокъ-четвертое, наши туристы и наши модныя торговки точно также ѣздили въ Парижъ и точно также воротились съ запасомъ разныхъ устарѣвшихъ въ Парижѣ новостей. Съ ними прѣехали и парижскія швей. Не всякой швей посчастливилось съ перваго раза въ Петербургъ: иная долго бываетъ безъ мѣста, того или другаго рода, а Французы, стало-быть, и Француженки — народъ на выдумки хитрый. Что мудренаго, что одной изъ такихъ швей, которой, по русской, очень-выразительной поговоркѣ, приходилось *клясть зубы на полку*, пришло на мысль пуетить въ ходъ у насъ полку? На пароходѣ пріобрѣтено знакомство, а, слѣдовательно, и покровительство — мы любимъ покровительство, особенно Француженкамъ: — черезъ это покровительство, по немощку, можно поидти и дальше. Туристы успѣли уже всемъ прожужжать уши разсказами о полкѣ. Во многихъ родилось желаніе увидать, *какъ* танцуютъ полку, — а намъ этого только и нужно было!... Знакъ поданъ... Въ газетахъ печатается объявленія *объ урокахъ полки*: такое оригинальное объявленіе не могло не обратить на себя вниманія жителей Петербурга, и прежде всего — петербургскихъ танцмейстеровъ. Они первые являются съ покорною головою и съ сознаниемъ своего невѣжества ко вновь-прібывшей знаменитой учительницѣ полки. Пхъ не шадятъ на первый разъ, требуютъ съ нихъ богатую дань въ наказаніе за *непростительное невѣжество*, и они охотно покоряются, надѣясь вознаградить свое пожертвованію сторипцею. И они правы.... Первые уроки полки цѣнились въ десять рублей серебромъ — и многіе охотно платили эту цѣну; теперь курь на нихъ упалъ до *двухъ съ половиной асс.* за часъ. Въ Александринскомъ Театрѣ можно выучиться полкѣ даромъ, — заплативъ только за билетъ для входа.

Вотъ краткая исторія польки, отъ начала ея и до нашихъ временъ. Не станемъ входить ни въ какія философическія изслѣдованія, хотя не можемъ не замѣтить, что у насъ Русскихъ, вѣроятно, по особому устройству нашей природы, начало, развитіе и успѣхъ польки идутъ совершенно обратнымъ образомъ съ Парижемъ: тѣмъ Парижане кончили — тѣмъ мы начинаемъ...

ПЕРВЫЕ ДЕВЮТЫ ТАЛЬМЫ.

Это происходило въ 1787 году: почти два года прошло уже съ-тѣхъ-поръ, какъ молодой Франсуа-Жозефъ Тальма возвратился съ отцомъ своимъ изъ Лондона, на родину, въ Парижъ. Въ Кембриджскомъ университетѣ окончилъ онъ превосходно свое образованіе, начатое еще въ Парижѣ; но надежда сдѣлаться актеромъ не выходила у него изъ головы; успѣхи его на домашнемъ театрѣ г-на Вердье, содержателя пансіона, въ которомъ онъ получилъ первоначальное образованіе, потомъ въ Лондонѣ, на нѣкоторыхъ домашнихъ театрахъ средняго общества, — поселили въ немъ эту мысль. Но какъ ни велики были и желаніе, и надежда его, онъ долженъ былъ, по приказанію отца, возвратиться въ Парижъ совсѣмъ для другаго занятія: отецъ его былъ дантистъ, и хотѣлъ непременно, чтобы сынъ шелъ по стопамъ его.

Волею или неволею, онъ долженъ былъ покориться; тщетно вдохновеніе киблю въ душѣ его; тщетно страсть его къ сценѣ, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, охлаждала его ко всѣмъ другимъ занятіямъ; онъ долженъ былъ повиноваться и — занялся искусствомъ отца своего.

Г-нъ Тальма, дантистъ, жившій прежде своего отъѣзда въ Англію въ улицѣ *Montorgueil*, гдѣ родился и сынъ его, теперь поселился на углу улицъ *Platrière* и *Coquillière*, въ отелѣ *Bullion*, противъ дома, въ которомъ жилъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Въ числѣ множества аффишъ, наклеенныхъ, по обычаю парижскому, на воротахъ отелѣ, красовалась подъ огромной выѣской: «Концертъ общества поощренія», скромная дощечка — «Тальма, дантистъ». Тамъ-то, въ маленькой комнаткѣ втораго этажа, нашъ великій трагикъ убивалъ жизнь за занятіями, которыя были ему совершенно не по-душѣ. Подъ тщательнымъ надзоромъ отца, онъ цѣлый день то вырывалъ, обтачивалъ и очищалъ зубы, то вставлялъ фальшивые, но всё это такъ искусно и такъ разсѣянно, что Тальма-отецъ безпрестанно ворчалъ и жаловался на него.

— Изъ него рѣшительно ничего не будетъ порядочнаго; онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о нашемъ искусствѣ.... И въ этотъ разъ Тальма не лгалъ, хотя былъ и дантистъ. Сынъ его былъ человекъ въ высшей степени; онъ портилъ все, за что ни

брался. Горе тому страдальцу, который вверилъ-бы ему свою челюсть! Пока инструментъ его дѣйствовалъ и вкривъ, и вкось, мысли его были далеко.... Онъ бесѣдовалъ съ великими трагическими поэтами — съ Корнелемъ, Расиномъ, а чаще всего съ Вольтеромъ. Если-бъ кто могъ слѣдить за полетомъ мысли молодого дантиста, тотъ нашелъ-бы его всегда въ этой сладкой, поэтической бесѣдѣ.

Когда, по-счастью, отецъ его уходилъ куда-нибудь, у него сейчасъ являлся изъ кармана маленькій томикъ ихъ твореній... Когда отецъ возвращался, книга быстро исчезала.... Тальма, видя, что въ его отсутствіе работа нисколько не подвинулась, бранилъ сына, но тотъ выслушивалъ все хладнокровно, и подъ шумъ его угрозъ протверживалъ заученные стихи.

По воскресеньямъ онъ ходилъ къ тѣмъ актерамъ, съ которыми успѣлъ познакомиться, особенно къ Молѣ, къ которому привезъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ изъ Лондона; его покровительству онъ обязанъ былъ вступленіемъ своимъ въ школу декламациі, основанную г-ми Флѣри и Лагіромъ. Чтобы съ точностью слѣдовать за ихъ уроками, Тальма нашелъ средство обмануть отца.... Такъ-какъ у него былъ довольно-приятный голосъ, то ему позволили, черезъ два дня, въ 11-ть часовъ, ходить для упражненія въ концертахъ Соревнованія, бывшихъ въ одномъ домѣ. Но, не являясь никогда туда, онъ скоро перебѣгалъ нѣсколько улицъ и отправлялся въ школу декламациі. Въ полдень онъ возвращался домой и садился за работу, паявъ одну изъ арій, которую онъ, какъ говорилъ отцу, только-что выучилъ. Все шло прекрасно; однажды только отецъ попросилъ его пропѣть что-нибудь, и замѣчая, что голосъ его сталъ грубѣе и хриплѣе, съ грустію сказалъ, что сынъ его имѣетъ столько-же способностей къ пѣнію, сколько и къ занятіямъ дантиста.

Тальма смѣялся надъ замѣчаніемъ отца; онъ одинъ зналъ тайну этой грубости и охриплости голоса, которые были слѣдствіемъ частыхъ упражненій въ декламациі; успѣхи его были немовѣрны; Дюгазонъ, полюбившій его, восхищался ими и хотѣлъ уже хлопотать о назначеніи перваго дебюта Тальмѣ, но безъ болѣе-сильной протекціи, надо было долго еще дожидаться этого позволенія. Но Тальма совершенно полагался на него и, не заботясь ни о чемъ, усердно твердилъ роль Сеида, выбранную имъ для перваго дебюта. Онъ повторялъ ее безпрестанно, а въ отсутствіе отца совершенно предавался своему восторгу и декламировалъ вслухъ, не замѣчая, что часто тутъ бывали незнакомыя ему лица и смотрѣли съ удивленіемъ на его блуждающіе взоры и трагическіе жесты.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда отца не было дома, вошелъ въ пріемную господинъ лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста и съ ужасно-распухшей щекой.

— Господинъ Тальмá, дантистъ? спросилъ онъ, снимая шляпу одной рукой, а другою держаея за щеку.

— Его нѣтъ дома, отвѣчалъ довольно-сердито будущій трагикъ и подвинулъ ему стулъ.

— Досадно, сказалъ незнакомецъ: — но я подожду.

Онъ сѣлъ, а Тальмá принялся опять за свою роль, которую прервали на третьемъ актѣ, въ той сценѣ, гдѣ Магометъ возбуждаетъ мужество Сеида и даетъ ему кинжалъ. Тальмá предался совершенно впечатлѣнію этой сцены; онъ волнуется на своемъ стулѣ, дрожитъ, рука его судорожно сжата, голова опустилась на грудь.

Незнакомецъ, удивленный этой пантомимой, подумалъ: «Что за странный молодой человѣкъ,» а потомъ почти забывъ о немъ.

Но Тальмá продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ, глухимъ голосомъ:

Je crois entendre Dieu; tu parles, j'obéis.

Незнакомецъ, не понимая еще въ чемъ дѣло, повторялъ: «Право, онъ меня удивляетъ.»

Тутъ Тальмá вскочилъ, подошелъ къ нему съ сверкающими взорами, съ поднятой рукой, ужасный, какъ и долженъ быть Сеидъ, и продолжалъ дикимъ голосомъ:

*Immoler un vieillard de qui je suis l'otage,
Sans armes, sans défense, appésanti par l'âge!*

— Что такое, сказалъ испуганный незнакомецъ: — ужъ, кажется, онъ до меня добирается.... Молодой человѣкъ....

Но Тальмá не слушалъ его и продолжалъ:

N'importe!

— Хорошо! но....

*Une victime amenée à l'autel
Y tombe sans défense et son sang plait au ciel.*

— Да онъ точно мой Брамны!

*Enfin Dieu m'a choisi pour ce grand sacrifice:
J'en ai fait le serment, il faut qu'il s'accomplisse.*

— А! теперь я понимаю.... онъ декламируетъ и очень-хорошо.... я даже испугался.... онъ заставилъ меня забыть мою боль.... Ну, ну, это странный дантистъ.

Тальмá продолжалъ, воспламеняясь болѣе и болѣе.

*Venez à mon secours, ô vous de qui le bras
Aux tyrans de la terre a donné le trépas!
Ajoutez vos fureurs à mon zèle intrépide;
Affermissez ma main saintement homicide,
Ange de Mahomet, ange exterminateur,
Mets ta ferocité dans le fond de mon cœur.*

И опъ упалъ на стулъ въ изнеможеніи.

— Bravo, сказалъ незнакомецъ, трепля его по плечу: превосходно!

— Какъ! вы были здѣсь? простите меня, Бога-ради... извините, если я...

— Напротивъ, вы меня восхитили... Но вы, стало-быть, не дантистъ?

— По-несчастію дантистъ, государь мой, но очень-бы желалъ не быть имъ.

— И вы учите трагедію? это хорошо... у васъ есть талантъ... я-было испугался васъ.

— Ахъ, государь мой!

— Я очень-радъ... это служить доказательствомъ вашего таланта... Но для чего вы не учитесь? что не попробуете дебютировать?

— О какъ-бы я желалъ! это лучшая мечта моя.

— Ну! такъ за-чѣмъ-же вы здѣсь еще?

— Но у меня нѣтъ довольно-значительной протекціи при Французскомъ-Театрѣ.

— Только-то? такъ я могу это устроить!

— Какъ, вы?

— Да, я могу вамъ быть въ этомъ случаѣ полезенъ... Но такъ-какъ вы рѣшаетесь вступить на Французскій-Театръ, то должны и меня узнать: я *Лемьерръ*, авторъ *Малабарской вдовы*.

— Не зная васъ лично, я уже былъ вашимъ поклонникомъ.

— Да, въ моей трагедіи есть нѣкоторое достоинство и она имѣла успѣхъ; но я хочу, чтобъ ее опять возобновили и теперь хлопочу объ этомъ: моя трагедія имѣетъ на это право...

— Всякая вдова имѣетъ право на покровительство.

— Это справедливо и хорошо сказано; но мнѣ бываетъ нужда по этому случаю таскаться по переднимъ, а это не достойно трагическаго поэта.

— Почему-же нѣтъ?

Même quand l'oiseau marche on sent qu'il a des ailes!

Вы сами это сказали.

Лемьерръ улыбнулся съ самодовольствіемъ.

— Ну, молодой человѣкъ, вы умны, я это вижу, и далеко пойдете. Но почему вамъ, для вашихъ дебютовъ, послѣ Сеида, не выбрать роль въ моей трагедіи?... Я не говорю о роли Монталбана... ее исполняетъ Ларивъ и превосходно! Помните-ли вы его въ послѣдней сценѣ, когда онъ бросается къ костру, говоря: *Lanassa dans les flammes?* Какое мужество, какое благородство!

— Онъ тутъ похожъ на орла, похищающаго голубку.

— Да, это правда, и надо имѣть много смѣлости, чтобы взяться послѣ него за эту роль! Но возьмите *молодаго брамина*... выучите ее ко второму дебюту вашему.

— Я уже знаю ее.

И Тальма хотѣлъ доказать это на дѣлѣ, но восхищенный Лемьерръ остановилъ его.

— Прегосходно, положитесь совершенно на меня; теперь я не могу просить за свою трагедію, не прося вмѣстѣ и за васъ... Черезъ нѣсколько дней вы получите позволеніе дебютировать.

И Лемьерръ ушелъ, не дожидаясь больше отца Тальмы; онъ совсѣмъ забылъ про свою зубную боль.

И точно, спустя нѣсколько дней, позволеніе было получено, къ величайшему изумленію старика Тальмы.

Я не буду говорить вамъ ни о его гнѣвѣ и упрекахъ, ни объ отвѣтѣ сына; знаю только, что скоро послѣ этой сцены, 21-го ноября, 1787 года, на афишѣ Французскаго-Театра было напечатано:

МАГОМЕТЪ.

Въ роли Сеида будетъ дебютировать молодой человекъ, который не выходилъ еще на сцену ни на одномъ театрѣ.

Это былъ Тальма!

На другой день въ «Journal de Paris,» который очень не любилъ и охваливать, было напечатано:

«Молодой человекъ, дебютировавшій вчера въ роли Сеида, въ трагедіи *Магометъ*, подаетъ большія надежды; онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для избираемаго имъ ампла, — ростомъ, фигурой, голосомъ, и публика вызвала его по всей справедливости, особенно въ трехъ первыхъ актахъ. Послѣдній актъ въ этой пьесѣ вообще труденъ для дебютанта, требуя большой привычки къ сценѣ. Мы вполнѣ увѣрены, что при небольшихъ успѣхахъ и ученіи, артистъ этотъ будетъ имѣть блестящій успѣхъ».

Въ скоромъ времени Тальма игралъ роль молодаго человека въ *Малабарской вдовѣ*, и успѣхомъ своимъ достойно отблагодарилъ Лемьерра.

Вотъ начало театральнаго поприща великаго актера: каждый знаетъ остальную жизнь его, которую, вѣроятно, захочетъ узнать и потомство.

ЗНАМЕНИТЫЙ МУЖЪ ВЪ ЗАКУЛИСНОМЪ МІРѢ ПАРИЖА.

Парижъ недавно лишился человека, по-справедливости, пользовавшагося знаменитостію въ закулисныхъ театральномъ мірѣ, хотя имя его почти неизвѣстно толпѣ, — человека, который занималъ важную должность и имѣлъ могущественное влияние на искусство.

Это былъ первый въ Парижѣ *Римляниш* и гордо посплъ знаменитое имя одного изъ цезарей: его звали *Августомъ*.

Въ его управленіи была цѣлая армія; цѣлыя батальйоны повиновались его голосу, движенію руки, взгляду. Величайшіе таланты преклонялись передъ нимъ и искали его покровительства. Онъ былъ въ одно и то-же время *Августомъ* и *Меценатомъ*.

Богатый лордъ, только-что пріѣхавшій въ Парижъ, хотѣлъ найти пріютъ своему сердцу и отправился въ Оперу, зная, что для достиженія его цѣли, это была самая короткая и легкая дорога. Вооружась превосходнымъ телескопомъ, онъ сдѣлалъ выборъ, какъ знатокъ своего дѣла. На другой день отправляется онъ къ пѣившей его сердце особѣ, съ тѣмъ, чтобъ изъяснить ей свою преданность и передать предложеніе. Геронія еще почивала, и субретка, стоявшая у дверей храма, или, простѣе сказать, въ передней комнатѣ, объявила лорду, что надо подождать или зайти въ другой разъ. Пока онъ колебался, не зная, на что рѣшиться, вдругъ является какой-то господинъ, и, не говоря ни слова, однимъ повелительнымъ жестомъ велитъ служанкѣ отворить дверь въ кабинетъ артистки и идти туда безъ церемоній. Лордъ обомлѣлъ отъ удивленія.

— Кто это? спросилъ онъ у служанки, когда та вышла изъ спальни: не отецъ-ли это госпожи твоей?

— Нѣтъ-съ?

— Такъ братъ?

— Нѣтъ, и не братъ.

— Кто-же это наконецъ?

— Это *Августъ*.

— А, понимаю! сказалъ лордъ.

Горничная, полагая, что онъ точно понимаетъ, не стала болѣе объясняться. Англичанинъ надвинулъ шляпу на свою пѣюгда блокуруую голову и съ шумомъ захлопнулъ за собой дверь; но свѣжій воздухъ скоро утишилъ его гнѣвъ.

— Изъ чего я стану тревожиться? подумалъ онъ очень-благоразумно:—самолюбіе мое не страдаетъ, меня никто не видалъ тамъ, а Опера богата на утѣшенія; я не имѣлъ успѣха въ балетѣ; завтра дають лирическую драму: посмотримъ, не будетъ-ли пѣніе болѣе мнѣ благопріятствовать.

И точно, на другой-же день лордъ сдѣлалъ новый выборъ, и вѣрный своей системѣ — не откладывая въ-даль того, что можно сдѣлать немедленно, отправился прямо изъ спектакля къ новому предмету своего обожанія.

— Помилуйте, какъ это можно, отвѣчали ему: въ это время г-жа *** никого не принимаетъ.

— Но мнѣ нужно переговорить съ нею объ одномъ очень-важномъ дѣлѣ.... А притомъ я — англійскій лордъ.

— Кто-бы вы ни были, она не приметъ васъ.

— Въ такомъ случаѣ я приду завтра, рано утромъ.

Лордъ хотѣлъ уже уйти, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ какой-то господинъ.

— Опять опъ! вскричалъ пораженный Британецъ.

И точно, это былъ опять тотъ господинъ, котораго опъ встрѣтилъ у танцовщицы, опять этотъ Августъ, и двери отворились передъ нимъ безъ распросовъ и безъ доклада.

Нѣсколько дней спустя, благородный иностранецъ рѣшился на новый опытъ, но только-что опъ пустился въ объясненіе, молодая нимфа, слушавшая его, по-видимому, съ большимъ участіемъ, вдругъ оставила его, и бросившись на-встрѣчу неизбежному Августу, взяла его за руку, пустилась разсыпаться въ благодарности, смотря на него съ невыразимою нѣжностію.

— Вчера вы были ко мнѣ такъ милы, говорила она: вы вполне сдѣлали меня счастливою; но будьте увѣрены, что я не изъ числа неблагодарныхъ и надѣйтесь на мою признательность.

Англичанинъ, по-несчастію, очень-хорошо понимавшій по-французски, ушелъ, смущенный и сильно-огорченный.

Возвратясь домой, опъ написалъ къ одному изъ своихъ друзей слѣдующую записку:

«Ты увѣрялъ меня, мой другъ, что Опера такъ благосклонно смотритъ на Англичанъ? Быть-можетъ, въ твоё время это было такъ; но теперь намъ нечего больше дѣлать въ царствѣ пѣнія и танцевъ. Опера покорена одному странному и таинственному существу, владѣющему всѣми сердцами. Этотъ паша, этотъ султанъ называется Августомъ. Передъ нимъ всѣ двери отворены, всѣ преграды исчезли, приличія не существуютъ, и англійскіе лорды уничтожены. Не знаю еще, какъ на это смотрятъ дипломаты; но, вѣроятно, они недовольны, и я предвижу, что скоро г. Августъ будетъ причиною нарушенія общаго спокойствія.»

Опасенія лорда были несправедливы; но заблужденіе его очень естественно: люди похитрѣе его, не поняли-бы, въ чемъ тутъ дѣло. Августъ точно былъ похожъ на пашу и на всемірнаго завоевателя. Онъ былъ высокъ, даже колоссаленъ; голова его украшалась густой бородой и черными волосами. Но всѣ эти преимущества служили ему только для внушенія большаго уваженія толпѣ и своимъ подчиненнымъ; что-же касалось до танцовщицъ и до пѣвицъ оперныхъ, то опъ имѣлъ дѣло не съ сердцами ихъ, а съ самолюбіемъ.

Въ рукахъ Августа былъ успѣхъ ихъ. Слава, богатство зависѣли отъ него и слѣпо согласовались съ тѣмъ волшебнымъ словомъ, которое онъ произносилъ каждый вечеръ. Самая блестящая каватина, самый легкій шпрюзъ принимался по его волѣ, равнодушно или съ восторгомъ. Подобно Юпитеру Олимпійскому, движенія бровей его достаточно было, чтобъ произвести громъ рукоплесканій. Однимъ словомъ, Августъ былъ — начальникъ оперныхъ клакёровъ.

Названіе клакёръ пошло, ничтожно, жестоко отзывается прозой; за то должность Августа или, пожалуй, Огюста (Auguste) была очень-значительна по своимъ результатамъ. Во-время представленія пьесы, сидя въ среднѣмъ партера, онъ управлялъ всей арміей клакёровъ, почему-то, не знаю, называемыхъ *Римлянами*. Въ театрѣ онъ игралъ роль, неменѣе значительную. Драматическіе писатели являлись испрашивать его помощи. Пѣвцы и пѣвицы, танцоры и танцовщицы осыпали его угожденіями и лестью. Банкиры, дипломаты и прочіе *покровители* богинь Терпсихоры и Таліи, интересующіеся успѣхомъ рулады и *jeté-battu*, удостоивали Огюста поклономъ, улыбкой, пожатіемъ руки, могущественной руки своей! Огюсть обращался дружески съ гордыми богачами, нюхалъ табакъ изъ табакерки посланниковъ и даже имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣду одного знаменитаго пэра Франціи.

Однакожь выгоды его не ограничивались одними вѣжливостями и словами. Артисты, какъ добрые и вѣрные подданные, платили ему значительную подать, и никто не являлся къ нему съ пустыми руками.

Пѣвецъ-ли приходилъ къ нему съ просьбою — прибавить назначенное число рукоплесканій, танцовщица-ли шептала ему: «Будьте похолодѣе въ дебютѣ г-жи ***» или пѣвица не съ большимъ талантомъ просила его заглушить шканье, которымъ обыкновенно встрѣчали появленіе ея на сценѣ, всё эти просьбы были сопровождаемы приличными подарками. Успѣхъ не дается даромъ, и зависть есть такой грѣхъ, который обходится очень-недешево.

Доходы Огюста увеличивались съ каждымъ годомъ, благодаря возрастающему самолюбію артистовъ. Нурри платилъ ему сто лундоровъ въ годъ; Тальони триста франковъ въ мѣсяць; Фанни-Эльслеръ, великодушнѣйшая и щедрѣйшая изъ танцовщицъ, давала ему по пяти-сотъ франковъ за первое представленіе новаго балета, триста за второе, двѣсти за третье и по ету за слѣдующія.

При такихъ доходахъ, Огюсть скоро нажилъ себѣ очень-хорошее состояніе, окружилъ себя роскошью: зимой давалъ балы, а лѣтомъ принималъ друзей въ прелестномъ загородномъ домѣ, въ окрестностяхъ Парижа.

Кончина его очень огорчила всю Оперу. Его уважали за достоинство, любили за характеръ. Пенюшая такую трудную должность, онъ не нажилъ себѣ враговъ; онъ умѣлъ соединять свои выгоды съ выгодами другихъ, поддерживалъ слабыхъ и удовлетворялъ самолюбію каждаго. Подобнаго человѣка замѣнить трудно.

По смерти его, множество пекателей явилось на его мѣсто: каждый имѣлъ могущественнаго покровителя. Долго медлить бы-

ло невозможно; Римлянамъ необходимъ былъ начальникъ, и они избрали его тотчасъ послѣ похоронъ Огюста.

Новый глава ихъ теперь — Еврей Давидъ. Онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ важный санъ новыми распоряженіями, которыя, вѣроятно, многіе зрители уже замѣтили. Огюсть размѣщаль свою армію въ серединѣ партера; Давидъ размѣщаетъ ее всюду; это лишь перемѣна тактики, но мы увѣрены, что аплодисменты будутъ также сильны и успѣхи также блистательны.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ФРАНЦУЗСКИХЪ И НѢМЕЦКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Въ настоящее время во Франціи находится 350 актеровъ, 2900 актрисъ и 16,000 лицъ, служащихъ при театрѣ, неисчислительнаго количества театральнаго персонала и т. п., что составляетъ 22,000 человекъ, живущихъ на-счетъ бюджета Талин и Мельпомены, который простирается до 30 милліоновъ франк. Если-бы эти 30 милліоновъ дѣлились поровну между означенными 22,000 лицами, то и тогда каждому лицу досталось-бы менѣе 1500 фр.; но такъ какъ нѣкоторые избранные получаютъ по 10, 20 и 40 тысячъ франковъ, то можно себѣ представить какъ ограниченныя доходы другихъ. — Въ Германіи, со включеніемъ Венгріи, которая, какъ извѣстно, тоже составляетъ часть Германскаго Союза, число театровъ, исключая французскіе и итальянскіе, простирается до 115; въ нихъ актеровъ 3175 ч., изъ которыхъ 1879 мужчинъ и 1305 женщинъ, 149 пѣвцовъ солистовъ (89 мужчинъ и 58 женщинъ), 174 танцора соло (91 мужч. и 83 женщ.); 2089 музыкантовъ и 139 суфлеровъ, изъ коихъ то-же 13 женскаго пола. Полное число лицъ, находящихся при этихъ 115 театрахъ—12,769 человекъ. Самое большое число актеровъ находится при Дрезденскомъ театрѣ, а самое меньшее при театрѣ Цнаимъ (въ Моравіи): при первомъ ихъ 55, а при последнемъ 14. Самые многочисленныя оркестры имѣютъ Королевская Большая Опера въ Берлинѣ и Императорскій и королевскій театръ у Каринтійскихъ Воротъ, въ Вѣнѣ. Въ первой 95 артистовъ, а въ последнемъ 77. Самый меньшій оркестръ въ Марбургскомъ театрѣ, въ Курфиршествѣ Гессенскомъ: онъ состоитъ всего изъ 12 человекъ.

КАКЪ ДОСТАЮТСЯ ТЕАТРАЛЬНЫЕ БИЛЕТЫ ВЪ РАЗНЫХЪ СТОЛИЦАХЪ ЕВРОПЫ.

Извѣстно, что въ Парижѣ театральными билетами производится формальная торговля, разумѣется, на тѣ представленія, на

которыя бываетъ великое стеченіе публики. Люди, занимающіеся этого рода промышленностью, закупаютъ въ такомъ случаѣ заранѣе лучшія мѣста, и когда настоящіе посѣтители театра являются за билетами, то уже ни одного билета не бываетъ въ кассѣ. Тогда промышленники предлагаютъ закупленные ими ранѣе билеты и, смотря по требованію, продаютъ ихъ иногда за очень-высокія цѣны. Въ Лондонѣ ложи и нумерныя мѣста продаются у книгопродавцевъ, которые при началѣ сезона закупаютъ ихъ на весь сезонъ, и потому цѣна этихъ мѣстъ ежедневно мѣняется, смотря по прихоти торговца, по интересу спектакля и по другимъ обстоятельствамъ. Въ Италіи ложи также закупаются заранѣе промышленниками, и потому цѣна ихъ тоже непостоянна: Эти торговцы ложами даютъ покупателю не билетъ, а ключъ отъ ложи, который онъ и долженъ передать придверницѣ, находящейся при ложѣ. Ложи тамъ такое-же недвижимое имѣніе, какъ домъ, и промышленники занимаютъ ихъ, какъ квартиры, а потомъ стараются какъ-можно болѣе извлекать пользы отъ отдачи ихъ въ-наемъ для зрителей. Въ Германіи эта отрасль промышленности еще не слишкомъ-развита. У насъ въ Россіи, гдѣ столичныя театры находятся въ казенномъ управленіи, ничего подобнаго не бываетъ и быть не можетъ....

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Лафонтенъ, въ первое представленіе оперы его, *Астрел*, сидѣлъ въ ложѣ, позади незнакомыхъ ему дамъ и безпрестанно кричалъ: «Боже мой, какъ это дурно! это невыносимо!» Сосѣдкамъ его надоѣло наконецъ слышать одно и тоже, и онъ рѣшился сказать ему, что пьеса несколько не дурна, что авторъ ея, г-нъ Лафонтенъ, человѣкъ очень-умный. — Онъ уметь? помилуйте, да онъ ничего не смыслить въ оперѣ... Я смѣло увѣраю васъ!... — На этотъ споръ вошелъ какой-то господинъ, принявъ сторону дамъ и попросилъ Лафонтена выдти изъ ложи. Лафонтенъ отправился дремать въ театральную кофейню, повторяя: «Я удивляюсь терпѣнію Парижанъ! Право, они глупѣе меня!» И онъ не ошибался!

— Молодой человѣкъ, хорошей фамиліи, но страстный игрокъ въ карты, не получая никакой помощи отъ своихъ родныхъ, принужденъ былъ пойти въ актеры. Труппа, въ которую онъ вступилъ, была ангажирована на зиму въ тотъ городъ; близъ котораго было помѣстье его матери. Многіе изъ прежнихъ знакомыхъ узнали его, и посѣщали увѣдомить старушку, которая, хотя никогда въ жизни не была въ театрѣ, но рѣшилась, однакожь, посмотретьъ игру своего сына. Давали «Веврлея» (старинную драму, въ которой изображенъ картежный иг-

рокъ). Положеніе героя піесы имѣло такое сходство съ положеніемъ ея сына, что произвело на нее необыкновенное впечатлѣніе. «Вотъ онъ! вскричала она: все такой-же игрокъ! онъ нѣсколько не измѣнился!» Наконецъ, въ пятомъ актѣ, когда актеръ хочетъ убить своего ребенка, она закричала: »Остановись, несчастный! не убивай своего сына! Я возьму къ себѣ и тебя, и семейство твое!» Сынъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, послѣ спектакля примирился съ матерью и оставилъ навсегда театръ.

— Бризаръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ Французскаго Театра, думалъ прежде посвятить себя живописи; онъ былъ лучшимъ ученикомъ Карла Ванлоо, но предъ нимъ открылось новое поприще, на которомъ онъ прославился скромностью и чистой любовью къ искусству. Вольтеръ былъ увѣнчанъ Бризаромъ. Въ ту минуту, какъ онъ надѣвалъ ему вѣнокъ, поэтъ оборотился къ нему и сказалъ: »Вы заставляете меня жалѣть жизнь; смотря на вашу игру въ Брутъ, я открываю въ немъ красоты, которыхъ не замѣчалъ, сочиняя его.» Датскій король сказалъ однажды Бризару: «Я вижу, что вы не передъ зеркаломъ изучаете роли ваши.» Актеръ этотъ такъ сильно входилъ въ свою роль, что ничто постороннее не дѣлало на него впечатлѣнія. Одинъ разъ у него загорѣлись перья на каскѣ; испуганная публика закричала, но онъ, нѣсколько не смутясь, спокойно снялъ каску, отдалъ ее своему товарищу и, не останавливаясь, продолжалъ игру свою. Въ другой разъ, въ роли Даная, онъ былъ раненъ въ руку неосторожнымъ актеромъ; кровь брызнула, но онъ какъ-будто не замѣчалъ этого, и уже публика сама принудила его сойти со сцены. Онъ былъ такъ строгъ въ отношеніи къ вѣрности костюмовъ, что когда въ Версали, при первомъ представленіи *Едипа у Колоссовъ*, ему принесли отъ двора атласное голубое платье, онъ отказался отъ него и выбралъ шерстяное. Окончивши свое поприще, онъ оставилъ по себѣ память самаго честнаго и благороднаго человѣка.

— Брюскамбилъ, бывшій послѣ на театрѣ Бургонской-Отели (Hôtel de Bourgogne), началъ свое поприще въ сообществѣ Гро-Гильйома, Тюрлюпеня и Гильйо-Горжю, знаменитыхъ актеровъ своего времени. На Брюскамбилѣ лежала обязанность говорить рѣчи зрителямъ, и вотъ одна изъ нихъ, сказанная въ то время, когда публика изъявляла свое нетерпѣніе, что спектакль долго не начинался: »Я же говорю вамъ, что вы дурно, очень-дурно дѣлаете, что приходите сюда выказывать ваше обыкновенное нетерпѣніе. Мы имѣли терпѣніе ждать васъ и получать ваши деньги, которыя вы давали не очень-скоро, готовить для васъ прекрасный театръ, прекрасную піесу, сей-часъ только съ глосочки, а вы не даете намъ и начать! А какъ поднимуть занавѣсъ? тутъ пойдетъ еще хуже: одинъ кашляетъ, другой чихаетъ, третій хохочетъ! Потомъ начинается расхаживанье во-время игры, а это также неприлично, какъ пѣть въ постели и свистать за столомъ. На все есть свое время; каждая вещь имѣетъ свое назначеніе: на кровати должно спать, за столомъ пить, въ нашемъ театрѣ слушать и смо-

трѣть, стоя или сидя. Если вамъ хочется гулять, такъ пойдите вонъ изъ театра.

— Французскій писатель Гюю поставилъ однажды въ Италіанскомъ Театрѣ комедію подъ заглавіемъ *Великодушный изъ гордости*. Въ день представленія, онъ далъ своему перенесичнику, бѣдному молодому человѣку, билетъ и сказалъ: «Ступай смотрѣть мою піесу, да хорошенько наблюдай за вѣмъ. Если кто начнетъ хлонать, то и ты хлонай изо всей мочи. А вотъ здѣсь реестръ ста стиховъ, при которыхъ ты долженъ кричать: браво! браво! По окончаніи представленія ты долженъ вызвать автора до-тѣхъ-поръ, пока я не выйду на сцену, а тогда ты еще сильнѣе закричишь: «браво! Молодой человѣкъ исполнялъ все буквально и надблалъ пронаеть шуму; но такъ-какъ его никто не поддерживалъ, то его, какъ нарушителя спокойствія захватила полиція, и окруженнаго множествомъ любопытныхъ, отвела къ меру. Тамъ онъ объявилъ наввию, что велъ себя такъ дурно по приказанію самого господина Гюю. Надъ нимъ смѣялись, какъ вдругъ одинъ изъ толпы любопытныхъ, довольно-почтенный человѣкъ, услышавъ имя Гюю, воскликнулъ: «Какъ, это онъ рѣшился на такой низкій поступокъ? А я еще хотѣлъ выдать за него дочь свою! Теперь цуетъ его и не думаетъ объ этомъ. «Французская газета, разсказывающая эту анекдотъ прибавляетъ: «Если-бы въ наше время вѣ отцы говорили и поступали такъ, то едва-ли-бы кому-нибудь изъ французскихъ драматическихъ писателей удалось жениться».

— Вѣмъ у насъ извѣстна русская пословица: *на воръ шапка горитъ*. Происхожденіе ея объясняется однимъ анекдотомъ, на которой очень похожъ слѣдующій анекдотъ, найденный нами въ иностранныхъ журналахъ. Намѣстникъ Феца велѣлъ позвать къ себѣ трехъ молодыхъ людей, которыхъ обвиняли въ кражѣ голубей, дорого оцѣненныхъ. Садитесь, сказала онъ вмѣ съ улыбкою, и потомъ прибавилъ: — Кто запряется въ кражѣ голубей, тотъ, по-крайней-мѣрѣ не долженъ-бы имѣть на головѣ у себя ихъ перьевъ. При этихъ словахъ одинъ изъ обвиненныхъ невольно поднялъ къ головѣ руку, какъ-бы желая стряхнуть перья. Преступленіе его такимъ образомъ обнаружилось само собою.

— Въ Нантѣ постановлено правиломъ, чтобы ангажментъ новыхъ актеровъ и актрисъ къ тамошнему городскому театру не основывался впродъ на пріемѣ артиста публикою; но, по окончаніи дебютовъ новаго артиста, составляется комитетъ изъ аббонентовъ и 40 посѣтителей партера, и подъ предѣдательствомъ мера, рѣшаетъ большинствомъ голосовъ — принять или не принять новаго артиста. Умно!

— На экзаменѣ, одного студента заставили перевести фразу: *Est modus in rebus*. Нашъ учоный не долго думалъ и отвѣчалъ: *Ребусы (загадки) теперь въ модѣ*.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** :

Въ *С. Петербургъ*, въ конторѣ *Репертуара и Пантеона*, состоящей при книжныхъ магазинахъ *М. Д. Ольхина*.

Въ *Москвѣ* въ книжныхъ магазинахъ *Свѣшниковъ* и *Базунова*.

Сверхъ-того въ Газетной Экспедиціи *С. Петербургскаго Почтамта*.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», состоящее изъ 12-ти книжекъ, 50-ти листовъ *Театральной Лѣтописи* и 12-ти приложений —

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ предлагается **ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.**